

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
The Institute of Public Administration and Entrepreneurship

Russian society of sociologists

Garold E. Zborovsky

**RUSSIAN SOCIOLOGY:
ON THE WAY
TO CIVIL SOCIETY**

Scientific monograph

Ekaterinburg 2014

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Институт государственного управления
и предпринимательства

Российское общество социологов

Г. Е. Зборовский

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
НА ПУТИ
К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ**

Монография

Екатеринбург 2014

УДК 316:323.21
ББК 60.52
3-41

Garold E. Zborovsky

Russian sociology: on the way to civil society: scientific monograph. – Ekaterinburg : Ural Federal University, 2014. – 344 p.

ISBN 978-5-7741-0227-3

In the monograph the analysis of the main stages of development of national sociology in Russia since its emergence in the second half of the XIX century is given up to now. The history of Russian sociology is considered from point of view of its role in comprehension of prospects of creation in the country of civil society. Sociology potential from the point of view of its transformation into civil institute is characterized. In the book the question of sociology opportunities in modern conditions to promote establishment in Russia of civil society is analyzed.

The book is addressed to a wide range of readers – students, bachelors, masters, postgraduate students, teachers of sociological and, more widely, social disciplines, experts in the field of sociology, management, employees of authorities, participants of structures of civil society, all to whom the difficult situation in sociological science is of interest to its future in the modern world and in the Russian society.

УДК 316:323.21
ББК 60.52

ISBN 978-5-7741-0227-3

© Zborovsky G. E., 2014

УДК 316:323.21
ББК 60.52
3-41

Рецензент

заведующий кафедрой теории и социологии управления
Уральского института-филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
доктор социологических наук **А. С. Ваторопин**

3-41 Зборовский Г. Е.

Отечественная социология: на пути гражданскому
обществу : монография. – Екатеринбург : УрФУ, 2014.
– 344 с.

ISBN 978-5-7741-0227-3

В монографии дается анализ основных этапов развития отечественной социологии со времени ее возникновения во второй половине XIX в. до наших дней. История отечественной социологии рассматривается под углом зрения ее роли в осмыслении перспектив создания в стране гражданского общества. Характеризуется потенциал социологии с точки зрения ее превращения в гражданский институт. В книге анализируется вопрос о возможностях социологии в современных условиях способствовать установлению в России гражданского общества.

Книга рассчитана на широкий круг читателей – студентов, аспирантов, преподавателей социологических и, более широко, обществоведческих дисциплин, специалистов в области социологии, управления, работников органов власти, участников структур гражданского общества, всех тех, для кого представляет интерес непростая ситуация в социологической науке и кому не безразлично ее будущее в современном мире и в российском обществе.

УДК 316:323.21
ББК 60.52

Книга издается в авторской редакции

*В оформлении обложки книги использована репродукция картины
В. В. Кандинского «Причудливое».*

ISBN 978-5-7741-0227-3

© Зборовский Г. Е., 2014

© Оригинал-макет.

Гуманитарный университет, 2014

Содержание

Введение.....	10

Глава 1

Методологические проблемы исследования.....	15

1. Необходимость обращения к историко-социологическому анализу.....	18
2. Критерии периодизации и этапы развития мировой и отечественной социологии.....	25
3. Основные направления социологической деятельности в России.....	39
4. Проблема преемственности и современности отечественной социологии. Понятие современного этапа социологии.....	45
5. Плюрализм отечественной социологии как рефлексия отношений между социологией, политикой, властью.....	59

Литература.....	68

Глава 2

Дореволюционный этап отечественной социологии.....	73

1. Предпосылки возникновения социологии в России. Предсоциологический этап.....	75
2. Особенности дореволюционного этапа отечественной социологии.....	82
3. Характеристика основных периодов классического этапа отечественной социологии.....	89
3.1. Российская социология в условиях господства субъективной социологии и позитивизма (первый период).....	90
3.2. Российская социология в условиях господства неокантианства (второй период).....	103
3.3. Российская социология в условиях господства неопозитивизма (третий период).....	114

Литература.....	126

Глава 3	
Послереволюционный этап отечественной социологии (1917 г. – конец 1980-х гг.)	129
1. Основные особенности второго этапа отечественной социологии	131
2. Отечественная социология в условиях послереволюционного развития: первый период	141
3. Отечественная социология в период второго рождения	161
4. Социология в СССР в период застоя и перехода к перестройке	176
Литература	187
Глава 4	
Современный этап отечественной социологии	193
1. Основные особенности современного этапа отечественной социологии	195
2. Российская социология в 1990-х гг.	202
3. Социология в российских регионах и социологический провинциализм	216
4. Российская социология в 2000–2014 гг.	229
5. Отечественные социологические теории: 1990–2000-е гг.	240
6. Тенденции и пути развития теоретической социологии	256
Литература	267
Глава 5	
Социология, власть, гражданское общество	275
1. Методологические аспекты анализа	277
2. Типологии социологов	284
3. Публичная деятельность социолога и публичная социология	291
4. Социология и управление	298
5. Институционализация социологии как фактор превращения ее в структуру гражданского общества	304
6. Гражданское общество в зеркале социологии	311
7. Социология в гражданском и негражданском обществе	324
Литература	341

Contents

Introduction.....	10
Chapter 1	
Methodological problems of research.....	15
1. Need of the appeal to historical-sociological analysis.....	18
2. Criteria of a periodization and stages of development of world and Russian sociology.....	25
3. The main directions of sociological activity in Russia.....	39
4. Problem of continuity and modernity of Russian sociology. Concept of the modern stage of sociology.....	45
5. Pluralism of Russian sociology as reflection of the relations between sociology, policy, power.....	59
Literature.....	68
Chapter 2	
Pre-revolutionary stage of Russian sociology.....	73
1. Prerequisites of emergence of sociology in Russia. Presociological stage.....	75
2. Features of a pre-revolutionary stage of Russian sociology.....	82
3. Characteristic of the main periods of a classical stage of Russian sociology.....	89
3.1. The Russian sociology in the conditions of domination of subjective sociology and positivism (the first period).....	90
3.2. The Russian sociology in the conditions of domination of neokantianstvo (the second period).....	103
3.3. The Russian sociology in the conditions of neopositivism domination (the third period).....	114
Literature.....	126
Chapter 3	
The postrevolutionary stage of soviet sociology (1917 – the end of the 1980th.).....	129
1. Main features of the second stage of Soviet sociology.....	131
2. Soviet sociology in the conditions of postrevolutionary development: first period.....	141
3. Soviet sociology in the period of a second birth.....	161
4. Sociology in the USSR in the period of stagnation and Perestrojka.....	176
Literature.....	187

Chapter 4

Modern stage of russian sociology	193
1. Main features of the modern stage of Russian sociology.....	195
2. The Russian sociology in the 1990th.....	202
3. Sociology in the Russian regions and sociological provincialism.....	216
4. The Russian sociology in 2000–2014.....	229
5. Russian sociological theories: the 1990–2000th.....	240
6. Tendencies and ways of development of theoretical sociology.....	256
Literature	267

Chapter 5

Sociology, power, civil society	275
1. Methodological aspects of the analysis.....	277
2. Typology of sociologists.....	284
3. Public activity of the sociologists and public sociology.....	291
4. Sociology and management.....	298
5. Institutionalization of sociology as factor of its transformation into structure of civil society.....	304
6. Civil society in a mirror of sociology.....	311
7. Sociology in civil and non-civil society.....	324
Literature	341

Введение

Эта книга – о том, как видит автор развитие социологической науки в России с момента ее зарождения во второй половине XIX века до наших дней. Эта книга – о том, через какие тернии пробивалась отечественная социология, прежде чем достигла своего современного состояния. Эта книга – о своеобразии и об особенностях социологии в России. Эта книга – о том, как представляются ее автору перспективы развития социологической науки и практики. Эта книга – о том, какие противоречия и конфликты тормозят (а может быть, и стимулируют?) достижения отечественной социологии. Эта книга – о том, какое место занимает отечественная социология в современном социологическом мире. Эта книга – о том, что могут сделать отечественные социологи (и не только они, но и все мировое социологическое сообщество) для создания подлинно гражданского общества в тех странах, где его все еще нет. Эта книга – о том, способна ли отечественная социология оказаться в авангарде процесса создания гражданского общества в России. Эта книга – о том, что означает социологическое понимание гражданского общества. Эта книга – о том, какими могут быть пути и средства решения поставленной проблемы.

Можно еще долго перечислять, о чем эта книга, называть вопросы и проблемы, которые ставятся и анализируются в представляемой читателю работе. Оставим их для последующего рассмотрения. Пока же отметим, что социология в России за полтора столетия своего существования прошла и продолжает проходить сложный путь. Его можно определить как постоянную и непрерывную борьбу за свой статус – сначала науки, а затем и формы практической деятельности. По существу речь идет о длительном процессе институционализации социологии, который проходит целый ряд этапов (стадий, периодов). В их рамках имела место борьба сначала за признание социологии в качестве науки, а затем и за ее влияние на общество и действующие в нем структуры, за «приближение» гражданского общества в России. Именно таким путем проходил процесс ее институционализации.

Борьба шла и продолжает идти с разной степенью успеха или, точнее, с переменным успехом. В этом словосочетании – «переменный успех» – есть две составляющие: успех и переменный. Успех институционализации социологии очевиден и несомненен. Есть много его доказательств, и о них в книге будет специально сказано. Вместе с тем, на каждом этапе институционализации социологии, начиная с этапа прединституционального ее развития,

она встречала серьезные противодействия своему становлению и развитию – от разного рода ограничений и давлений до полного запрета на научную и практическую деятельность. Так что в ее адрес в полной мере уместны слова «драматическая социология».

Поэтому не случайно в первой главе книги рассматривается методология исследования проблемы включенности социологии в деятельность за «приближение» гражданского общества к реалиям существующего социума. Инструментом такого исследования для автора явился историко-социологический анализ процесса институционализации отечественной социологии.

Выделим три крупных этапа в развитии социологии в России, каждый из которых по существу был этапом борьбы за самоутверждение этой науки и ее влияние на развитие общества, появление в нем «гражданского» сегмента. Первый этап имел место в дореволюционных условиях развития России (до 1917 г.), поэтому назовем его дореволюционным. Второй этап охватил послереволюционный период развития социологии в России/СССР – от 1917 г. до рубежа 1980–1990-х гг. (времени крушения социализма и распада СССР), поэтому определим его как послереволюционный. Его можно было бы назвать также межреволюционным (между революциями 1917 и 1991 гг.). Третий этап охватывает период развития социологии (теперь уже только в России) от рубежа 1980–1990-х гг. до наших дней. Будем характеризовать его как современный этап. Строго говоря, этот этап тоже является революционным, поскольку обозначенные выше процессы конца 1980-х – начала 1990-х гг. автор (и не только он один) рассматривает как самую настоящую революцию. Таким образом, весь процесс развития отечественной социологической науки так или иначе связан с революционными изменениями общества, что не могло не сказаться на ее характере и особенностях. Об этом также в книге будет сказано.

Каждый из названных этапов имеет свою, внутреннюю, достаточно сложную периодизацию развития социологии. Она будет рассмотрена во второй, третьей и четвертой главах, посвященных этим этапам. При этом соблюдается общая и единая логика анализа поэтапного развития отечественной социологии. В каждой из трех глав речь пойдет сначала об особенностях данного процесса, а затем будут охарактеризованы достижения, противоречия и проблемы самой отечественной социологической науки в рамках основных периодов ее развития. Мы постараемся показать, что переход от одного периода к другому, от одного этапа к другому сопровождался существенными изменениями, касающимися положения, места и роли социологии в жизни российского/советского/

российского общества. Чего стоил в этом отношении только один период – ее полного запрета в эпоху сталинской диктатуры!

Поскольку книга посвящается роли социологии и социологов в жизни современного и, отчасти, грядущего общества, постольку в ней будут подняты проблемы взаимоотношений: 1) между социологией и властью (политикой, управлением) на ее разных уровнях – федеральном, региональном, муниципальном; 2) между социологией и обществом, при этом последнее понимается, с одной стороны, как все население страны, с другой – как гражданское общество, т. е. определенный сегмент общественной жизни; 3) между социологами и их группами, т. е. будет показана ситуация внутри социологического сообщества. Она предстанет как отражение, с одной стороны, первых двух типов взаимоотношений, с другой – того, что происходит внутри социологической науки, ее исследовательских процессов, противоборств между группами социологов, тенденций, перспектив развития.

Автор ставит перед собой задачу показать не только (а иногда даже и не столько) сугубо научные процессы в социологии, но и ее место в жизни общества. Он стремится обратить внимание читателя на то, что нужно сделать, чтобы социология воспринималась как достойная наука, чтобы шлейф необъективных исследований заказного и подчас продажного (или скажем мягче – ангажированного) характера не тянулся за ней, как это, к сожалению, все еще имеет место в наше время.

С этой целью в книге предпринята попытка рассмотрения социологических практик. Одни из них понимаются в узкопрофессиональном аспекте, как реальная деятельность социологов на рабочих местах (в исследовательских учреждениях, агентствах, фондах, в государственных и негосударственных структурах управления, в компаниях, на предприятиях, в аналитике, учебном процессе и т. д.). Другие трактуются в широком социальном плане – как деятельность общественных, публичных акторов, людей, занимающих видные позиции в государственной, региональной, муниципальной, партийной, политической и иных сферах жизни. К этому же смысловому ряду относится и деятельность участников и акторов структур гражданского общества.

Социологи часто используют сравнение социологии и астрономии, принадлежащее известному современному польско-американскому социологу П. Штомпке. Главное отличие их друг от друга, по его мнению, состоит в том, что астрономия не влияет на движение изучаемых ею небесных тел, тогда как социология, так или иначе, используется в современных политических процессах, и в этом заключается не недостаток, а преимущество социологического знания и социологической деятельности.

В книге раскрывается целый ряд важных особенностей отечественной социологии, отличающих ее, с одной стороны, от зарубежных социологий, с другой – показывающих процесс изменения и появления на каждом этапе ее развития новых специфических характеристик. Речь идет о тесной связи отечественной социологии с идеологией и политикой, свидетельствующей о политико-идеологической направленности социологической мысли в России. Эта особенность, в свою очередь, повлекла за собой постановку вопроса о взаимоотношениях между социологией и властью, политикой, управлением, прежде всего в связи с перспективой создания в нашей стране гражданского общества. Названной проблеме посвящена последняя, пятая глава книги.

Авторитарный и, на определенных этапах общественной жизни страны, тоталитарный политический режим, отсутствие правового государства и демократических свобод, независимого суда и прокуратуры, полицейский характер власти и управления резко ограничивали и продолжают ограничивать возможности отечественной социологии и постоянно приводили ее представителей к необходимости осмысления перспектив создания в стране гражданского общества. Поэтому вся история отечественной социологии есть, по существу, история вопроса о роли и возможностях социологии в его приближении, о ее потенциале с точки зрения превращения самой науки в институт гражданского общества. В книге четко поставлен вопрос: может ли социология в современных условиях способствовать установлению в России гражданского общества, и если может, то как и что она должна для этого делать?

Книга рассчитана на широкий круг читателей – студентов, аспирантов, преподавателей социологических и, более широко, обществоведческих дисциплин, специалистов в области социологии, управления, работников органов власти, участников структур гражданского общества, всех тех, для кого представляет интерес непростая ситуация в социологической науке и кому не безразлично ее будущее в современном мире и в российском обществе.

В «конце начала» книги, по устанавливающейся в нашей литературе хорошей традиции, – благодарности. Обычно принято выражать их тем, кто имел непосредственное отношение к написанию или подготовке к печати рукописи, давал ценные советы и, так или иначе, способствовал появлению работы «на свет». Автору же в первую очередь хочется выразить слова благодарности всем тем отечественным социологам, которые, сами того не зная, своими работами и идеями стимулировали его активность в подготовке данного издания. Среди них, к несчастью, «иных уж нет, а те далече». Но, к счастью, есть и живущие и работающие (как в России, так и за ее рубежами) социологи. Их труды были серьезным им-

пульсом для автора при написании этой книги, и пусть авторская благодарность будет воспринята ими как стимул к их жизни и работе. Вот эти ученые, без исследований которых не было бы настоящей книги: Г. С. Батыгин, И. А. Голосенко, А. Б. Гофман, Б. А. Грушин, Л. Д. Гудков, Б. З. Докторов, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, Л. Н. Коган, И. С. Кон, Ю. А. Левада, А. Ф. Филиппов, Б. М. Фирсов, В. А. Ядов.

Автор выражает благодарность своим коллегам по кафедре социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и другим научно-педагогическим коллективам вузов г. Екатеринбурга, которые знакомились с содержанием некоторых разделов книги на отдельных этапах ее подготовки и выражали при этом различные мнения и оценки – от полного согласия и поддержки ее основных идей до неприятия ряда из них. Автор благодарит и будущих читателей книги, при этом он надеется на то, что спектр их мнений также будет отличаться определенным разбросом оценок. Если это в действительности будет так, поставленную задачу – вызвать интерес к проблеме и способам ее решения – можно будет считать выполненной.

Глава 1

Методологические проблемы исследования

1. Необходимость обращения к историко-социологическому анализу
2. Критерии периодизации и этапы развития мировой и отечественной социологии
3. Основные направления социологической деятельности в России.
4. Проблема преемственности и современности отечественной социологии. Понятие современного этапа социологии
5. Плюрализм отечественной социологии как рефлексия отношений между социологией, политикой, властью

При написании данной главы автор опирался в первую очередь на работы Г. С. Батыгина [Батыгин, 1998], И. А. Голосенко и В. В. Козловского [Голосенко, 1995], А. Б. Гофмана [Гофман, 1995], Б. З. Докторов [Докторов, 2013], Т. И. Заславской [Заславская, 1997, 2007], А. Г. Здравомыслова [Здравомыслов, 2008, 2010], Л. Козера [Козер, 2006], И. С. Кона [Кон, 1964], В. П. Култыгина [Култыгин, 2000], Е. И. Кукушкиной [Кукушкина, 1993], Г. Я. Миненкова [Миненков, 2000], С. С. Новиковой [Новикова, 1996, 2000], Б. М. Фирсова [Фирсов, 2012], Ф. Э. Шереги [Шереги, 2003], В. Э. Шляпентоха [Shlapentokh, 1987; Шляпентох, 2003], В. А. Ядова [Ядов, 1995, 2008].

Из этого перечня работ и их авторов особо хотелось бы выделить две тесно связанные друг с другом книги А. Г. Здравомыслова (1928–2009) – «Социология: теория, история, практика» [Здравомыслов, 2008] и «Поле социологии в современном мире» [Здравомыслов, 2010]. А. Г. Здравомыслов последние годы жизни плотно и напряженно работал в области исследования истории мировой и отечественной социологии. Книга «Поле социологии в современном мире» была издана посмертно, за что особая благодарность известным отечественным социологам, сыгравшим большую роль в ее публикации, – Н. И. Лапину, Н. Е. Покровскому, О. Н. Яницкому, В. А. Ядову.

Для нас особое значение имели некоторые методологические установки известнейшего российского социолога. Во-первых, речь идет о том, чтобы рассматривать отечественную социологию и ее историю в системе мирового социологического знания в качестве ее составной части. В этом плане ученый стремился реализовать идею баланса социологического знания в мире и России. Ему удалось это сделать за счет рассмотрения развития социологии во Франции, Англии, Германии, США и России. Во-вторых, он исследовал историю российской/советской/российской социологии не только с точки зрения ее научной (онтологической и гносеологической), содержательной составляющей, но и с позиций трактовки социальных, нравственных, политических проблем, традиционно занимавших ведущие позиции в отечественной науке.

Отсюда, в-третьих, центральной проблемой у А. Г. Здравомыслова зачастую выступала проблема соотношения социологии и власти, социологии и политики, социологии и морали. В-четвертых, социолог рассматривал глубоко дискуссионную проблему харак-

тера социологического знания. Здесь главный вопрос состоял в том, должно ли оно быть беспристрастным и «незаинтересованным», с точки зрения исследователя, или, наоборот, его следует включать в систему общественных изменений, а социолог должен придерживаться «активистской» линии поведения. Заметим сразу, что нам импонирует отстаиваемая А. Г. Здравомысловым вторая позиция. Наконец, в-пятых, очень важной для нас была его трактовка периодизации истории отечественной социологии и тесно связанная с ней интерпретация понятий преемственности и современности.

Процесс изучения отечественной социологии и ее истории с точки зрения движения науки к теории и практике гражданского общества с необходимостью должен опираться на ряд методологических положений, без чего вряд ли возможно рассчитывать на получение адекватного, научно обоснованного и достоверного знания об этом процессе. Такими положениями, с нашей точки зрения, являются:

1. Обращение к историко-социологическому анализу отечественной социологии в рамках ее характеристики как науки эпохи модерна (капиталистического общества).

2. Поиск критериев периодизации мировой и отечественной социологии.

3. Выделение основных этапов и периодов развития отечественной социологии.

4. Характеристика основных направлений социологической деятельности.

5. Выявление преемственности в развитии отечественной социологии.

6. Рассмотрение проблем политики, власти, создания в стране нового типа общества в качестве центральных и «сквозных» для всех этапов отечественной социологической науки.

7. Анализ борьбы социологической науки за свое самоутверждение и институционализацию на протяжении основных этапов ее возникновения и развития.

8. Выявление включенности социологической науки в контекст эпохи.

9. Осмысление особенностей каждого этапа развития отечественной социологии с точки зрения наличия в нем протестных идей и идей гражданского общества.

10. Анализ понятия современности и современного этапа в социологии вообще, в отечественной социологии в особенности.

11. Трактовка плюрализма в мировой и отечественной социологии.

1. Необходимость обращения к историко-социологическому анализу

Говоря об истории отечественной социологии, начнем с того, что ее изучают и рассматривают с разными целями и задачами. Это может быть желание глубже узнать процесс становления и развития социологической науки в нашей стране, выявить ситуацию преемственности в ней, проанализировать, какие понятия, категории и теории и каким образом возникали и «перемещались» в научном пространстве социального познания, как они были связаны с аналогичным пространством зарубежной социологии. Используя тезис А. Б. Гофмана о том, что «в известном смысле история социологии – это сама социология» [Гофман, 1995: 16], отметим: историко-социологический анализ важен потому, что помогает осмыслить историю российской социологии как самую отечественную социологию в ее изменении, совершенствовании, развитии.

К историко-социологическому анализу обращаются, чтобы определить особенности развития социальной мысли в России, выявить связь социологии с философией, психологией, юриспруденцией, историей, иными науками социально-гуманитарного профиля. Благодаря этому анализу становится возможным раскрыть идейные предпосылки и теоретические корни многочисленных протестных выступлений в России, существенно повлиявших на ее историю. Рассмотрение отечественной социологии в разрезе ее исторического развития может стать ключом к пониманию современных процессов в ней, к трактовке взаимоотношений между социологией и политикой, властью, государством, управлением, обществом, личностью. Историко-социологический анализ российской социологии – это, наконец, важный фактор прогнозирования, определения перспектив науки и ее вклада в создание гражданского общества в нашей стране.

Читатель наверняка обратил внимание, что отечественную социологию мы называем исключительно российской (но не русской, как это делают некоторые авторы), причем именно те части ее истории, которые были связаны и с дореволюционным (до октября 1917 г.), и послереволюционным (после 1991 г.) развитием страны. Эта социология возникла и развивалась на территории России, в этом смысле (для определения названия) ее национально-этническая характеристика не имеет никакого значения.

Знакомство с историей российской/советской/российской социологии дает возможность понять логику развития как самой этой науки, так и российского/советского/российского общества в целом. Вполне допустимо изучение истории отечественной социологии с точки зрения анализа роли ее наиболее крупных представителей в жизни общества, в процессе его перехода к более развитым фор-

мам. Поскольку одной из таковых является гражданское общество, нас будет интересовать движение отечественной социологии в направлении к его достижению.

Развивающиеся науки (а социология, безусловно, относится к их числу) не могут не обращаться к собственной истории. В первую очередь они заинтересованы в том, чтобы сохранить в памяти свою биографию, свой «жизненный путь», зафиксировать в ней свои наиболее значительные достижения. Для отечественной социологии это особенно важно, поскольку она очень тесно, возможно, даже наиболее тесно (на фоне других социальных и гуманитарных наук) связана с обществом, и подобная фиксация отражает реальные процессы, в нем происходящие, по мере перехода от одного этапа его развития к другому.

Это означает постановку в качестве цели изучения истории отечественной социологии сквозь призму ее основных этапов не анализ познавательных ресурсов рассматриваемой науки, а ее приближение (либо отклонение) к задачам развития общества, достижения им определенных рубежей. Другими словами, речь идет о том, как наука ставит перед обществом те или иные проблемы и способствует их решению. Рассмотрение под таким углом зрения истории отечественной социологии позволит получить новое видение целого ряда вопросов об отношениях между социологией и обществом, включая такие, как социология и власть, социология и политика, социология и управление.

Один из вопросов нас интересует особо, и не случайно он вынесен в заголовок работы: какое место занимает, какую роль играет отечественная социология на пути становления гражданского общества в нашей стране. При этом мы исходим из того, что его появление в достаточно развитом виде есть цель развития России, всей системы общественных отношений в ней. Далее мы будем развивать положение о том, что гражданское общество выступает в качестве неотъемлемого, органичного, более того, стержневого элемента всех основных сфер жизни – и экономической, и политической, и социальной, и духовной.

А это означает, что социологическая наука и практика может иметь отношение (как прямое, так и опосредованное) к преобразованию всего общества: созданию реальной и поощряемой к развитию рыночной экономики, политической демократии, правового государства, подлинной свободы СМИ, деятельности общественных (некоммерческих) организаций, достижению социальной справедливости и т. д. Именно в таком ключе мы постараемся проанализировать поэтапное развитие российской/советской/российской социологии.

Существенное значение для дальнейшего анализа имеет основная методологическая посылка, из которой мы исходим. Со-

гласно ей социология родилась на Западе в условиях капитализма как наука гражданского общества и в процессе своего развития стремилась и продолжает стремиться сейчас к реализации функций его укрепления и прогресса. С этой точки зрения нам импонирует позиция Д. Г. Подвойского: «Социология есть наука о модерне и продукт модерна одновременно. На Западе это никому не надо доказывать, поскольку данное двухкомпонентное утверждение воспринимается как азбучная истина, переходящая из учебника в учебник. Именно при помощи понятия модерна, привязываясь к определенным времени и месту, социология наносит себя на карту истории идей, объясняет свое возникновение и определяет свои когнитивные функции. Социология как особый стиль мышления порождается обществом модерна (которое Подвойский отождествляет со многими типами общества, в том числе и с гражданским. – *прим. Г. З.*), являясь “способом его самоописания”, его, – если выражаться “мудрено” – метанарративом» [Подвойский, 2013: 4].

Противопоставляя в другом месте этой же статьи обществу модерна традиционное общество, ее автор указывает, что для политической жизни последнего «характерны авторитаризм, отсутствие развитого гражданского общества, вера в святость и непогрешимость власти, а для модерна, – как минимум, на уровне деклараций, – демократические устои и ценности, примат гражданского общества над государством, подконтрольность власти, призванной выражать интересы многочисленных слоев населения» [Подвойский, 2013: 6].

Однако тенденция усиления роли социологии как фактора укрепления общества модерна (гражданского общества) в разных странах и на протяжении разных периодов действует с серьезными отклонениями в силу специфики тех обществ и государств, в которых социология имеет место как наука. Отклонения от данной тенденции в полной мере характерны для России на протяжении практически всей истории развития в ней капитализма/социализма/капитализма и соответственно социологической науки. Именно этим обстоятельством в значительной мере объясняются трудности, а порой драмы и трагедии, которые социология испытала на протяжении более чем 150 лет своей истории. Последующий анализ основных этапов развития социологической мысли, другими словами историко-социологический анализ, призван убедить в этом читателя.

Важным методологическим основанием анализа исторического пути, пройденного отечественной социологией, является его рассмотрение в контексте мирового историко-социологического развития. Перед нами стоят два вопроса, тесно связанные друг с другом: откуда и куда идет социология. Понятно, что, прежде чем

ответить на второй вопрос (куда идет эта наука), нужно вначале кратко ответить на первый – откуда она идет.

Для этого необходимо обратиться к выявлению основных трендов мировой социологии, имеющих точку отсчета с момента ее возникновения. В нашем понимании, такой точкой является рождение социологии как науки (1830-е гг.), причем исключительно теоретической направленности. Синхронное появление социологии и теоретической социологии – не просто совпадение во времени. Это глубоко содержательное единство. Социологическая наука не могла возникнуть иначе, кроме как в виде теоретической социологии. Представляется, что это положение не требует специальной аргументации, по крайней мере в рамках данной работы.

Вначале теоретическая социология развивалась исключительно для себя самой, обеспечивая свое продвижение вперед в анализе сквозных проблем социологии, среди которых на первом месте стояли вопросы: в чем состоит ее предмет? что есть общество? каким оно должно быть, чтобы обеспечить «порядок и прогресс» (О. Конт)? почему оно изменяется? в каких направлениях это происходит? какими должны быть методы его научного изучения? Перечень таких вопросов может быть без труда продолжен. Коротко говоря, шел процесс предметного самоопределения социологической науки на уровне его теоретического осмысления.

Теоретическая социология, совпадая на первом этапе своего развития (вплоть до 1920-х гг.) по объекту, предмету, объему охватываемого материала, целям и задачам с социологией в целом, стремилась обеспечить этой науке связь с другими отраслями знания, прежде всего, социально-гуманитарного. В то же время она активно использовала достижения естествознания и предпринимала попытки следования по его пути, используя с этой целью позитивистскую методологию.

Такой тренд позволил теоретической социологии, начиная с 1920-х гг., поставить вопрос о необходимости эмпирического изучения сформулированных ею проблем, что привело, в конечном счете, к возникновению эмпирической социологии. Обеспечив ей хороший стартовый разгон (его наглядно продемонстрировала Чикагская социологическая школа), теоретическая социология почувствовала вскоре (в конце 1920-х – начале 1930-х гг.) горячее дыхание «преследующей» ее эмпирической социологии, стремление последней к доминированию в системе социально-гуманитарного знания. От ее претензий провозгласить себя единственно существующим, подлинно научным социологическим учением, базирующемся на математическом знании, теоретической социологии приходилось отчаянно отбиваться, отстаивая свое место под со-

циологическим «солнцем». Именно этому уделяли большое внимание П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.

Позитивизм был исторически первой парадигмой теоретической социологии и первым трендом ее развития. Вслед за ним возникли иные парадигмы и иные тренды, обеспечившие развитие теоретической социологии в рамках классического этапа ее существования. В качестве таковых назовем эволюционизм (наиболее ярко представленный творчеством Г. Спенсера), марксизм, веберизм.

Поэтому, ставя вопрос, откуда идет теоретическая социология, мы для ответа на него применяем в единстве и взаимосвязи два подхода – этапный и парадигмальный и таким образом показываем ее истоки и процесс развития. Эти подходы не совпадают. Первый является не только более широким, но имеет преимущественно пространственно-временной характер, тогда как второй содержательно конкретизирует его.

В рамках первого подхода целесообразно рассматривать два этапа теоретической социологии – классический и современный – с последующей конкретизацией и дифференциацией каждого на периоды.

Отметим сразу, не вдаваясь в дискуссию по вопросу о хронологической демаркации границ между ними [См. о ней подробнее: Зборовский, 2004: 16–20], что мы придерживаемся точки зрения, согласно которой возникновение современного этапа приходится на 1920-е гг. и содержательно сопряжено с появлением эмпирической социологии как относительно самостоятельного направления науки. Именно с этого времени происходит «раздвоение» социологической науки на теоретическую и эмпирическую ветви. «Разбегание» этих социологических «галактик» стало со временем настолько заметным, что понадобились значительные усилия в виде разного рода социологических теорий (типа теории среднего ранга Р. Мертон) и практик [См., например, одну из последних удачных попыток органически соединить теоретическую и эмпирическую составляющие в работах о мобильностях Дж. Урри: Урри, 2012а; Урри, 2012б].

Что касается второго подхода – парадигмального и, более широко, метапарадигмального, то он позволяет систематизировать развитие теоретической социологии, во-первых, рассматривая ее в рамках четырех основных структур научного творчества – концепций, теорий, парадигм и метапарадигм, во-вторых, последовательно включая каждую из них в более широкую структуру по принципу «матрешки», так что самой большой оказывалась метапарадигма. Некоторое время назад мы предложили рассматривать, с точки зрения развития теоретической социологии, пять основных метапарадигм – классическую, неоклассическую, постклассичес-

кую, неклассическую, постнеклассическую [Зборовский, 2007, 2008]. Нетрудно заметить, что, начиная со второй метапарадигмы, каждая следующая характеризуется в названии и содержании своим особым отношением к классической. Последняя же не только не потеряла своего значения, но продолжает оставаться важным объектом теоретического анализа. Мы разделяем точку зрения В. А. Ядова, который полагает, что «почти ничего из классики не утратило своей актуальности для понимания социальных процессов в современных обществах (в смысле общества XXI века)» [Ядов, 2006: 61].

Насколько важными и значимыми оказываются эти подходы для понимания путей развития современной теоретической социологии?

Будем исходить из наличия двух принципиально разных позиций в отношении к прошлому теоретической социологии. Одна позиция состоит в том, что современная теоретическая социология не нуждается в выявлении и анализе тесных связей с наследием своих классиков, с творчеством Конта, Спенсера, Маркса, Дюркгейма, Зиммеля, Вебера и других. В связи с этим вспоминается максима известного английского философа первой половины прошлого столетия А. Уайтхеда: «Наука, которая не решается забыть своих основателей, обречена» [Whitehead, 1917: 115]. Применительно к современной теоретической социологии это означает, что постоянное обращение к ее классикам XIX – начала XX в. и стремление использовать их идеи сегодня обрекает ее на гибель.

По существу, за формулой Уайтхеда скрывается тезис о том, что науке не следует все время повторять как заклинание ранее открытые знания. В суждении английского философа нашла свое отражение также мысль о том, что наука не должна воспроизводить старое знание, не должна его повторять, ее задача – создавать новое знание и тем самым двигаться вперед. Это, безусловно, верно в том плане, что наука является, прежде всего, творчеством и означает рождение нового знания. Поэтому в приведенной выше цитате есть зерно истины.

Вторая позиция противоположна по своему отношению к классическому этапу развития теоретической социологии и, коротко говоря, сводится к необходимости постоянного к нему внимания и изучения. В основе этой позиции лежит принцип: читая и почитая старое, обретаешь новое.

На новом, современном этапе развития теоретической социологии перед ее представителями возник вопрос: как относиться к приведенной выше максиме Уайтхеда? Один из ответов на него недвусмысленно продемонстрировал Т. Парсонс, когда построил свою классическую работу «О структуре социального действия» на комбинации идей Дюркгейма, Вебера, Парето [Парсонс, 2000]. Этим самым теоретической социологии публично было показано

отношение к ее классикам – глубоко уважительное и базирующееся на понимании важности использования ее прошлых достижений.

Авторитет Парсонса в последующем оказался настолько велик, что среди крупных социологов-теоретиков ни у кого не появлялось сомнения в необходимости изучать и применять идеи классиков. Такое бережное отношение к истории теоретической социологии и ее основоположникам имело место вплоть до появления социологического постмодернизма, который, как известно, характеризовался негативной реакцией на прошлые достижения теоретической социологии и ее классиков. И даже Бодрийяр, сам профессиональный по образованию социолог, испил из этой чаши отрицания классической теоретической социологии, ее роли и значения.

В целом же отношение к прошлому теоретической социологии вряд ли можно определить сегодня как однозначное. Наряду с позитивным настроем относительно классического наследия, особенно когда речь заходит об идеях Маркса, Дюркгейма, Зиммеля, Вебера, можно встретить и иную точку зрения. Польский историк социологии Е. Шацки писал: «...труды классиков перестали быть непосредственно полезными для среднего социолога. Для проведения исследований в специальных областях социологии не нужно читать объемистые труды, часто заумные и полуфилософские по природе, написанные Марксом и Спенсером, Зиммелем и Вебером, Мидом и Знанецким. Для исследований достаточно уметь пользоваться новым справочником, стандартными техниками и современными теориями среднего радиуса действия» [Szacki, 1982: 360].

Нередко раздаются призывы отказаться от изучения творчества классиков. Они находят поддержку среди ряда социологов, включая и преподавателей, и студентов университетов. Американский социолог Д. Паркер, ссылаясь на мнение своих студентов, заявляет, что тексты классиков социологии сегодня малоактуальны, что они сложно написаны и трудно читаемы вследствие незнания особенностей времени и места их появления и т. д. [Parker, 1997: 122–146]. Представляется, что если бы мы сегодня попытались выявить мнения наших студентов относительно изучения классиков социологии, то получили бы примерно такие же ответы. (Но вообще интересно было бы провести репрезентативное исследование среди студентов-социологов на эту тему.) Значит ли это, что классиков не нужно изучать?

Вспоминается социологический семинар общероссийского характера десятилетней давности в Санкт-Петербургском университете, на котором один из ведущих отечественных социологов совершенно четко сформулировал вопрос с изначально предположившимся явно негативным ответом: «Кому и зачем нужно сегодня детально изучать Дюркгейма?» К счастью, участники семинара – а среди них было немало известных в стране ученых – вступили в полемику с этим тезисом и пришли к выводу о необходимости изу-

чения теоретической социологии и истории социологии на основе работы с первоисточниками.

Но при этом не следует и преувеличивать роль и значение истории социологии, особенно в рамках ее классического этапа, в разработке теоретических проблем науки. Вряд ли преодоление кризиса в теоретической социологии и ее дальнейшее развитие возможно лишь за счет возвращения и обращения к ее истокам, как считают отдельные авторы [Матвеева, 2012].

2. Критерии периодизации и этапы развития мировой и отечественной социологии

Чтобы осуществить историко-социологическое рассмотрение отечественной социологии, обратимся к ее периодизации. Не требует специального доказательства тезис о необходимости выработки соответствующих критериев такой периодизации. В наших прежних работах [см., например: Зборовский, 2003; Зборовский, 2004: 16–21] был предложен вариант как критериев периодизации, так и ее самой. Он касался развития мировой социологии (начиная с О. Конта) и включал в себя (на правах ее составной части) историю отечественной социологии.

Говоря о критериях периодизации, мы называли три их вида: временные, пространственные, содержательные. В соответствии с первыми определялись исторические этапы возникновения, утверждения и развития социологической науки в течение XIX – начала XXI в. С помощью пространственных критериев выделялись страны (регионы, континенты), в которых наиболее активно развивалась социология в те или иные исторические этапы (периоды). Наконец, обращение к содержательным критериям означало выделение различных направлений, школ, течений, парадигм, теорий и наиболее ярких их представителей (персоналистический подход).

Попытки периодизации истории социологии, неоднократно предпринимавшиеся в зарубежной и отечественной науке, редко учитывали все эти (и, возможно, иные) критерии в их сочетании и единстве. В некоторых трудах (даже в учебниках по истории социологии) вообще не давалось никакой периодизации и не ставился вопрос о ее критериях, что, конечно, не способствовало систематизации громадного и разнообразного материала, накопленного социологической наукой за почти двухвековую историю ее развития, и затрудняло его усвоение.

Обычно в работах по истории социологии акцентировалось внимание на каких-то одних, чаще всего временных либо содержательных, критериях. При этом в основу каждой периодизации могли быть положены различные критерии. Так, французские ученые

Ш.-А. Кюзн и Ф. Гресль в своей работе «История социологии» выделяли пять этапов развития социологической науки: 1-й – до 1917 г., 2-й – 1918–1945 гг., 3-й – 1945–1968 гг., 4-й – 1969 – начало 1990-х гг., 5-й – с начала 1990-х гг. [Cuin, 1992].

Нетрудно обнаружить, что в основу подобной периодизации положены не столько содержательные процессы, происходившие в самой социологической науке и касавшиеся ее отношений с обществом и властью, сколько крупные политические события, имевшие мировое значение: революции, войны, общественно-политические движения и выступления, оказавшие серьезное влияние на развитие общества (например, молодежные, в первую очередь студенческие, выступления 1968–1969 гг. в Европе и США, названные рядом авторов студенческой революцией).

Конечно, развитие социологической науки не может не быть связано с радикальными общественно-политическими трансформациями, но рассматриваемая зависимость не настолько жесткая, чтобы использовать ее в качестве главного критерия для выделения основных периодов и этапов развития социологии. Гораздо более точной представляется такая периодизация истории социологии, в основу которой кладется анализ не только общественных процессов, но и внутреннего развития этой науки, ее содержания, существенных изменений, происходящих в ней по мере развития социологического знания, выявляются его стержневые проблемы.

В этом отношении большой интерес представляет периодизация развития мировой социологии, предложенная М. Элброу [Albrow, 1990: 6–12]. Он выделяет пять ее основных этапов, названных следующим образом: 1) универсализм; 2) национальные социологии; 3) интернационализм; 4) индигенизация; 5) глобализация.

Первый этап (универсализм) связан со становлением социологии как определенного типа знания об обществе и законах его развития, знания, которое родилось из определенного подражания естественным наукам – физике и биологии (Конт и Спенсер как наиболее яркие представители этапа универсализма). Второй этап охватывает процесс формирования национальных социологий в Европе и США в XIX – начале XX в., проявлявшийся в возникновении и противоборстве ряда парадигм и теорий во французской, немецкой, американской и других школах. Третий этап (интернационализм в социологии), занявший первую половину прошлого столетия, характеризуется как противоборство двух самых авторитетных направлений – марксистского и парсонсианского. Четвертый этап, получивший название индигенизации (буквально «отуземливания») социологии, связан с активным проникновением этой науки в страны третьего мира (вторая половина прошлого столетия, вплоть до 1990-х гг.) и созданием новых теорий, адаптированных к условиям этих стран и способных заменить широко распространенные евро-

пейско-американские концепции. Наконец, пятый, современный этап – этап глобализации – связан с созданием общемирового социального пространства и осмыслением на научном уровне необходимости объединения усилий всего мирового социологического сообщества для решения проблем человечества. Начало этого этапа падает на 1990-е гг.

Теперь обратимся к нашему варианту периодизации социологии. В основе его, помимо названных выше критериев, одной из наиболее актуальных и «сквозных» является проблема соотношения теоретической и эмпирической социологии. Вместе с тем, в качестве очень важных критериев периодизации должны рассматриваться проблемы взаимоотношений социологии и общества, социологии и власти, социологии и государства, ибо от характера этих отношений в значительной степени зависит состояние самой этой науки на каждом из этапов ее развития.

В соответствии с предложенными нами ранее критериями (временным, пространственным, содержательным) были выделены два основных этапа в развитии мировой социологической науки: классический, охватывающий XIX в. (от творчества Конта) и начало XX столетия (вплоть до 1920-х гг.), и современный – от 1920-х гг. до наших дней. Если первый этап связан с существованием, причем преимущественным, теоретической социологии, то второй характеризуется, наряду с продолжением этого процесса, появлением и развитием эмпирической социологии. Второй, современный этап развития социологии определяется взаимодействием (в том числе и в форме противоборства, противостояния, взаимного неприятия) теоретической и эмпирической социологии. В рамках каждого этапа выявлялись основные социологические направления, течения, парадигмы, теории, регионы и страны, в которых они появлялись и развивались, а также назывались наиболее крупные социологи, связанные с этими направлениями и течениями научной мысли.

Данный подход базируется на комбинации названных критериев и основанной на ней ее (истории) периодизации. Он включает в себя выделение временных этапов и периодов, выявление сути основных направлений, течений, школ, парадигм, характерных для каждого из них и представленных специфически в той или иной стране, и, наконец, рассмотрение взглядов наиболее крупных представителей социологической мысли, выражающих специфику этих направлений и парадигм.

Что дает такое изучение истории социологии? Прежде всего, оно дает возможность определить общественную (экономическую, социальную, политическую, идейную) необходимость и потребность в возникновении того или иного этапа (периода) социологии. Речь идет также о его содержательной «начинке», влиянии ее на

общество (отдельные группы людей), и наоборот. Благодаря указанному подходу, наряду с выявлением социальной зависимости социологии, возникает возможность анализа внутренней логики развития этой науки, не связанной напрямую с общественными (экономическими, политическими, классовыми, групповыми и т. д.) потребностями.

Обе сформулированные позиции способны помочь получить ответы на три принципиальных вопроса:

- во-первых, почему возникли те или иные направления (течения, школы, парадигмы)?

- во-вторых, как это произошло? как случилось, что при всей уникальности и индивидуальности творчества того или иного социолога он представлял взгляды, характерные именно для данного направления в данной стране?

- в-третьих, каким образом появление тех или иных направлений было связано с развитием общества, его потребностями и интересами?

Наконец, соединенные воедино три критерия периодизации истории социологии дали возможность наметить и проследить трактовку основных для этой науки проблем (независимо от направления, течения либо парадигмы): общества, социальной структуры, личности, культуры, социальных институтов, социальной динамики и многих-многих других. Это позволило создать целостное представление о социологической науке в ее изменении и развитии.

Переходя к вопросу о периодизации отечественной социологии и ее критериях, хотелось бы, прежде чем ознакомить читателей с авторской позицией, изложить одну из последних концепций периодизации, принадлежащую А. Г. Здравомыслову. Она представляется крайне важной с точки зрения наличия в ней очень сильного вектора связи социологии с политикой, властью, идеологией.

В своей блестящей и, к глубокому сожалению, последней, изданной посмертно монографии [Здравомыслов, 2010] ее автор предлагает периодизацию отечественной социологии, включающую семь основных этапов: 1) первоначальные варианты светского социологического мышления (середина XIX в.); 2) противостояние народничества и марксизма в социологии (1880-е гг. – 1917 г.); 3) переход от полемики к идеологической монополии марксизма (1917 – конец 1920-х гг.); 4) период сталинской догматики (1929 – 1953); 5) возрождение социологии в 1960-х гг.; 6) институционализация социологии и ее распространение (1970 – 1980-е гг.); 7) плюралистическая социология 1990-х гг. [Здравомыслов, 2010: 238].

Критерием предложенной А. Г. Здравомысловым периодизации, как нам представляется из контекста авторских рассуждений, является соблюдение принципа преемственности в истории рос-

сийской социологии: ни один из этапов не исчезает бесследно, следы каждого из них сохраняются в социальном мышлении.

На первый взгляд кажется, что в описываемом варианте периодизации учитываются только внутрисоциологические процессы (светское социологическое мышление, противостояние и противоборство в социологии народничества и марксизма (до революции 1917 г.), «немарксизма» и марксизма (после революции 1917 г.), возрождение и последующая институционализация социологии, ее распространение, плюрализм и т. д. Однако это не так. Рассмотрение (вслед за Здравомысловым) каждого из названных этапов периодизации (чему посвящен шестой раздел его монографии) убеждает в наличии глубокого анализа тесной связи между социологией и политическими процессами.

Единственное, с чем мы бы не согласились в предложенной периодизации, – это выделение в качестве самостоятельного элемента истории отечественной социологии периода сталинской догматики. По нашему мнению, в связи с тем, что социология в это время (1929–1953) была по существу под запретом, вряд ли оправданно говорить о наличии ее особого этапа. Точнее было бы просто «опустить» или «пропустить» эти годы, что будет сделано в предлагаемой нами дальше периодизации, к рассмотрению которой мы переходим.

Говоря о периодизации отечественной социологии и ее критериях, мы преследуем цели и задачи двоякого рода. С одной стороны, они те же, что и сформулированные выше применительно к мировой социологии. Мы, действительно, стремимся выявить, почему возникли те или иные направления и течения социологии в отечественной науке, почему одни становились ведущими в определенные периоды ее развития, а другие сходили на нет, как это было связано с потребностями и состоянием общества в эти периоды. С другой стороны, мы преследуем главную цель (и это является центральной идеей книги) – ответить на вопрос, как возможна отечественная социология, «работающая» на создание в России гражданского общества. Отсюда – некоторое изменение и самих критериев, и периодизации, основанной на них.

В связи с этим прежде всего отметим, что отдельные критерии теряют свой смысл. Речь идет в первую очередь о пространственном критерии, поэтому он просто снимается с рассмотрения. Зато возрастает роль других. Это касается как временного, так и содержательного критерия.

Хронологические параметры отечественной социологии представляют собой дискуссионную проблему, начиная с вопроса о ее нижней границе. Ответ на него является фактически определением времени зарождения (появления) социологии в России. Скажем здесь лишь о двух основных точках зрения (хотя есть и другие):

1) социология в нашей стране возникла в дореформенный период (1830–1850-е гг.); 2) социология в России возникла в пореформенный период (1860–1870-е гг.). При этом временной люфт между двумя точками зрения, не кажущийся слишком значительным по срокам (20–30 лет), на самом деле принципиален в содержательном плане.

А. Г. Здравомыслов, придерживавшийся первой точки зрения, считал, что основателем отечественной социологии является А. И. Герцен [Здравомыслов, 2010: 238–239]. Называя его первым российским социологом, А. Г. Здравомыслов видит заслугу А. И. Герцена в том, что он создал целостную картину современного ему общества (как российского, так и европейского), при этом не повторив тех схем целостности, которые были предложены О. Контом, Г. Спенсером и К. Марксом. Позицию, близкую к точке зрения Здравомыслова, занимает американский социолог Л. Козер [Козер, 2006: 414–416].

Вместе с тем, отмечал А. Г. Здравомыслов, в работах Герцена «нет притязаний на построение новой теоретической системы общества: он понимает относительность таких притязаний» [Здравомыслов, 2010: 239]. И уже только одно это обстоятельство заставляет задуматься над справедливостью первой точки зрения: можно ли говорить о «зачатии» социологии, если не создается новая теоретическая система общества, без чего, действительно, нельзя «притязать» на создание новой социально-гуманитарной науки.

Наша позиция соответствует второй точке зрения, согласно которой социология в России возникает в период становления капиталистических отношений после реформ 1860–1870-х гг. Ранее мы уже кратко касались вопроса об исторических условиях и предпосылках возникновения социологии в России [Зборовский, 2004: 232–233]. В дальнейшем изложении ему будет вновь уделено необходимое внимание.

Что касается основоположников этой науки, то к их числу мы в первую очередь относим П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Скажем сразу, что с такой позицией А. Г. Здравомыслов не согласен. В письме Б. Докторову (от 19 июня 2005 г.), любезно позволившему нам его процитировать, Здравомыслов писал: «Я отсчитываю начало российской социологии с А. И. Герцена. А Зборовский – с Михайловского и Лаврова. В этом суть того, что я назвал недооценкой (роли Герцена. – *прим. Г. З.*)» [Архив Докторова].

При этом, конечно, не имеет значения, что Герцен не называл себя социологом, тогда как Лавров и Михайловский социологи по самоназванию (кстати, первые в России). Можно не называть себя социологом, но быть им по сути творчества. Типичный пример – К. Маркс, которого весь научный мир давно уже рассматривает как социолога (справедливости ради и как экономиста, причем в первую очередь).

Продолжая дискуссию в отношении времени появления социологии в России, отметим, что мы говорим не только о социологическом, но и о предсоциологическом этапе, в границах которого главное место занимали взгляды П. Я. Чаадаева и К. Д. Кавелина, а также В. Н. Майкова, Г. Н. Вырубова, Я. А. Новикова, славянофилов и западников. Среди последних, безусловно, выделялись А. И. Герцен и В. Г. Белинский. Именно они были теми мыслителями, которые идейно обеспечили появление российской социологии в послереформенный период. Не будем забывать о том, что социология является наукой «западного» происхождения.

Что касается названных выше имен, поставим вопрос «ребром»: почему Герцена нельзя относить к числу социологов, а Лаврова и Михайловского можно и даже нужно? Здесь уместно провести аналогию с идущей длительное время полемикой о зарождении социологии на Западе, в первую очередь во Франции, о том, кого из представителей этой страны следует считать основоположником этой науки. Вопрос тот же самый: кто – социолог, а кто – нет, но объективно готовил своими работами и идеями ее появление?

Если обратиться к работам французского ученого Раймона Арона, одного из крупнейших теоретиков и историков социологии середины прошлого столетия, то нетрудно увидеть, что он начало этой науки связывает с именем не О. Конта, а Ш. Монтескьё. В «Этапах развития социологической мысли» Арон прямо называет его основоположником социологической мысли, посвящая ему первую главу своей фундаментальной монографии (творчество Конта он рассматривает во второй главе) [Арон, 1993]. Такой же точки зрения придерживался на полстолетия раньше и российский социолог Н. И. Кареев, который писал: «Мы не можем не признать, что если кто-либо имеет право на имя социолога, когда не было еще социологии, то это право принадлежит, конечно, Монтескьё» [Кареев, 1903: 7]. (Отметим в скобках, что с логикой автора – «социологии еще не было, а социолог уже был» – можно и не согласиться, но, видимо, ради образности ему пожертвовали.)

Нам, однако, представляется, что с такой же, а может быть, даже большей вероятностью имеет смысл связывать зарождение в мире социологии как науки если не с О. Контом, то скорее с К.-А. де Сен-Симоном, ибо все базовые положения позитивизма были сформулированы именно им в книге 1813 г. «Очерк науки о человеке» [Сен-Симон, 1948]. Тем более что Конт реально был его учеником, проработав 7 лет личным секретарем у своего патрона и постоянно вращаясь все эти годы в мире его идей и суждений.

Но предмет, метод, основные понятия, принципы, задачи науки, наконец проблематику социологии сформулировали не Монтескьё, не Сен-Симон, а Конт. Американский социолог А. Босков в середине прошлого века, оценивая вклад Конта в мировую соци-

ологию, сказал, что он дал ей не только имя, но и программу. С этим нельзя не согласиться. Именно данное обстоятельство дает главное основание значительной части социологов считать О. Конта основоположником социологической науки. При этом в любом случае, кого бы ни рассматривали в качестве ее основателя, французский след в фундаменте социологии оказывается самым сильным и заметным и практически не подлежит сомнению.

В случае с российской социологией имеет место нечто похожее. Речь идет о том, кто формулировал базовые социологические, мы подчеркиваем, именно социологические трактовки (предмета, метода, основные взгляды на общество, его структуру, социальную, экономическую и политическую систему, личность и т. д.), а кто – нет. С нашей точки зрения, это делали именно те, кого мы относим к основоположникам социологической науки и кого называем среди них. Еще раз повторим: при всем величии Герцена как мыслителя вряд ли следует считать его социологом.

И в этом – суть различий между обозначенными выше позициями и подходами. Причем здесь главное – не в том, кого персонально называть основоположником социологии; самое важное – на основании каких критериев это делать. Их же мы попытались выявить, зафиксировав поле социологической проблематики и тех авторов, которые стремились его «засеять» семенами новой науки. При этом подчеркнем особую роль тех исторических, социальных, экономических условий и предпосылок, которые были связаны именно с развитием капитализма в России и, вследствие этого, привели к появлению новой науки об обществе.

Обосновав нашу позицию относительно времени появления в России социологии и ее основоположников (1860–1870-е гг.), мы тем самым приходим к выводу о вторичном характере отечественной социологии. Иногда в литературе ее даже называют «заимствованной наукой» [Кудрина, 2014: 43]. Она вторична в том смысле, что возникла гораздо позднее, чем западная (как минимум, лет на 30; имеются в виду, прежде всего, позитивистские взгляды, которые были исторически первыми и на Западе, и у нас). С учетом этого обстоятельства вряд ли справедливы утверждения об абсолютной оригинальности российской социологии, в лучшем случае они хорошо иллюстрируют известный анекдот о России как о родине слонов. Оригинальными и самобытными являются лишь отдельные теории и направления, например субъективная социология и тесно связанное с ней психологическое направление (Н. И. Кареев, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков, Е. В. де Роберти), но не вся отечественная социология.

Российская социология может быть определена как вторичная не только с учетом фактора времени, но и по происхождению, появлению в значительной степени под влиянием западных работ.

Не случайно отечественная дореволюционная социология не получила (за исключением работ М. М. Ковалевского, Е. В. де Роберти, Г. Н. Вырубова, Я. А. Новикова) такого широкого общественного признания за рубежом, какое имели западноевропейская (в первую очередь французская, английская, немецкая) и американская. Хотя отрицать его совсем было бы неверно, и дальше об этом будет специально сказано. Возможно, дело в том, что русскоязычные работы мало кто читал на Западе (как это происходит и сейчас) – вследствие незнания русского языка или еще каких-либо причин. Но многие дореволюционные отечественные социологи хорошо владели иностранными языками и время от времени публиковались в зарубежных изданиях, тем не менее популярность их работ была невелика. О чем-то это, вероятно, говорит.

И все же, все же, все же... Вряд ли было правильно рассматривать отечественную социологию как «завезенный товар». Важно уже то, что она взошла и проросла на российской земле, для чего существовали необходимые предпосылки [Здравомыслов, 2008: 6]. Но происходило это не без влияния европейской, прежде всего французской, социологии.

Идея вторичности российской социологии то и дело в той или иной форме воспроизводится в нашей литературе, причем применительно не только к этапу ее зарождения и становления в XIX в., но и к современному этапу. Именно о вторичности современной российской социологии говорил Л. Г. Ионин, отмечая использование ее представителями теоретических конструкций западной социологии для анализа и объяснения происходящих российских преобразований, вместо того чтобы создавать для этой цели собственные оригинальные теории. Отсюда следовал его вывод об отставании российской социологии от западной на десятилетия, которое накапливалось в течение всего процесса развития этой науки [См.: Ионин, 2005: 258, 267].

Однако, несмотря на вторичный характер российской социологии, мы рассматриваем ее как часть мировой истории социологии. Уже на первом, классическом этапе своего зарождения и существования она демонстрировала сочетание достижений мировой социологической науки с национально-самобытными теориями и взглядами, отражавшими специфику российской действительности.

В целом российская социологическая «классика» оказалась не столь протяженной во времени, как европейская (последняя охватила период с 1830-х по 1910-е гг., в то время как российская чуть более полувека), и менее насыщенной социологическими открытиями, событиями и исследованиями. В России не произошла хотя бы частичная институционализация социологии: ее не было в вузах, она не была признана правящей верхушкой, не проводилось эмпирических исследований, не было создано сообщество социологов.

логов (если не считать общества Ковалевского, появившегося после его смерти, но это уже было в конце первого этапа). Россия не дала миру ни одного социолога крупного, «классического», мирового масштаба (П. Сорокин не в счет, он стал широко известным уже в американский период своего творчества).

На наш взгляд, вслед за временным критерием, требует своего специального рассмотрения новый (в смысле: ранее не использованный) критерий, характеризующий периодизацию отечественной социологии. В этом плане крайне важным нам представляется определение типов общества, государства и политического режима, поскольку именно от них зависит ситуация с гражданским обществом в стране и соответствующая ориентация социологии на участие в деятельности по его формированию.

Отметим здесь сразу одно существенное обстоятельство: поскольку понятие гражданского общества мы стали использовать только в 1990-х гг. (хотя появилось оно на два столетия раньше), стремление к нему и в обществе, и в социологической науке на первых двух этапах ее развития выразилось с помощью иных характеристик (о которых чуть позже будет сказано).

Далее. В отличие от прежних критериев периодизации развития мировой социологии, где содержательный критерий сводился к названию направлений, течений, парадигм, школ, теорий и т. д. на каждом ее этапе, в периодизации отечественной социологии к содержательному критерию мы относим основные характеристики социологии на том или ином этапе (периоде) ее развития.

Таким образом, мы обозначаем три основных критерия периодизации отечественной социологии, которые позволяют нам выявить основные этапы ее развития. Первый критерий – временной, он включает в себя определение хронологических границ этапов и периодов развития социологии, а также их наименование и перечисление персоналий – авторов наиболее значительных работ. Второй критерий направлен на выявление типа общества, государства и политического режима в рамках того или иного этапа (периода) развития социологии. Третий – содержательный – критерий позволяет раскрывать основные характеристики направлений и течений в структуре социологической науки и практики на том или ином этапе ее развития.

Говоря об основных этапах развития отечественной социологии, выделенных на базе предложенных критериев, назовем следующие: предсоциологический, дореволюционный (классический), послереволюционный (советский), современный. При этом нумерация не касается предсоциологического этапа, а дореволюционный, послереволюционный и современный этапы определяются, соответственно, как первый, второй и третий. Временные и содержательные характеристики каждого из них, наряду с определением типа об-

Периодизация отечественной социологии

Временной критерий. Этапы и периоды. Персоналии	Тип общества, государства и политического режима	Содержательный критерий. Основные характеристики социологии
Предсоциологический этап (1830–1860-е гг.): В. Г. Белинский, А. И. Герцен, К. Д. Кавелин, В. Н. Майков, П. Я. Чаадаев, Н. Г. Чернышевский	Разложение феодализма и зарождение капитализма, монархия, самодержавие, авторитарный режим	Проблема пути развития России как центральная (западническая и славянофильская модели). Критическая направленность социальной мысли в адрес самодержавия. Основной субъект социальных процессов – народные массы и крестьянская община. Признание возможности революционного пути развития России
I. Дореволюционный, классический этап (1860-е гг. – 1917 г.)	Развитие капитализма, монархия и самодержавие, авторитарный и тоталитарный режим	
1-й период (1860–1890-е гг.): Н. Я. Данилевский, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Л. Лавров, П. Ф. Липинфельд, Л. И. Мечников, Н. К. Михайловский, Е. В. де Роберти, А. И. Стронин, С. Н. Южаков		Господство субъективной социологии и позитивизма, развитие натурализма, органицизма, географического и психологического направлений. Формирование понятийного аппарата социологии. Ее тесная связь с событиями и оценками политической жизни и включенность социологов в реальные политические процессы и действия. Попытки институционализации социологии и прелюбовствия ей со стороны правящего режима. Общественный прогресс и взаимодействие личности и общества как центральные проблемы социологии

Продолжение таблицы см. на следующей странице

Продолжение таблицы

2-й период (1890-е гг. – начало XX в.): В. А. Кистляковский, П. В. Ковгородцев, Л. В. Петровский, В. М. Хворостов		Господство неокантианства. Критика позитивизма. Анализ нормативного и культурно-ценностного аспектов человеческого поведения как главная задача социологов. Приращение абсолютной ценности нравственного долга истязания. Усиление психофизиологизма социологии
3-й период (начало 1900-х гг. – 1917 гг.): А. С. Зворыкин, К. М. Тахтарев, Г. В. Плеханов, П. А. Сорокин, В. В. Улынов (Ленин) II. После революционный, советский этап (1917 – рубеж 1980–1990-х гг.)		Господство неопозитивизма, популяризм марксизма. Актуализация изученных социального поведения, социальных связей, социального общения, социального взаимодействия. Критика тоталитарной социальной системы и обоснование необходимости ее революционного преобразования и перехода к социализму
1-й период (1917 г. – начало 1930-х гг.): И. В. Буларин, С. Я. Вольфсон, А. К. Гастев, И. А. Гредескул, С. З. Каценбоген, С. А. Орловский, Д. С. Садынский, П. А. Сорокин, С. Г. Струминин, К. М. Тахтарев, З. Е. Черников, Е. А. Энгель	Социализм советского типа, отсутствие гражданского общества и гражданского государства, тоталитарный режим	Противоборство не марксистской и марксистской социологии, победа последней. Развитие эмпирические исследования, постепенное превращение социологии в службу партийного и государственного аппарата. Дискуссии о характере и особенностях социологии, призывы к ее буржуазной легитимации, запрет на занятия ею

Продолжение таблицы см. на следующей странице

2-й период (рубеж 1950-1960-х гг. – начало 1970-х гг.): Г. М. Андреева, В. А. Грушин, А. Г. Здравомыслов, Л. Н. Копан, В. С. Кон, Ю. А. Левада, Г. В. Осинов, М. Н. Руткевич, А. Г. Харчев, В. Н. Шубин, В. А. Ядов	С социализмом советского типа, отсутствием гражданского общества и правового государства, авторитарный режим	Второе рождение социологии. Проведение эмпирических исследований, возникновение отраслевых социологий, появление в их рамках монографий, самостоятельное разделение эмпирической и теоретической социологии. Развитие заведомой социологии. Партийный диктат и партийная цензура
3-й период (1970-1980-е гг.): Н. А. Аитов, В. В. Бестужев-Лада, Л. А. Гордон, Б. А. Грушин, Т. В. Заславская, А. Г. Здравомыслов, Л. Н. Копан, В. С. Кон, Н. В. Лапин, Ю. А. Левада, Н. Ф. Нарумова, Г. В. Осинов, М. Н. Руткевич, Ж. Т. Тоценко, Э. В. Файнбург, В. Н. Шубин, В. А. Ядов	С социализмом советского типа, отсутствием гражданского общества и правового государства, авторитарный режим	Застой и перестройка в социологии. Идеологический заказ, давление на социологию. В конце периода – появление приватной гласности в социологии. Развитие методологии и методики социологического исследования. Интерес к проблемам социальной структуры, труда, образа жизни, общественного мнения, личности, культуры, молодежи, свободного времени, СМ и, семьи, образования и др. Проблема свободы в социологии

Окончание таблицы см. на следующей странице

III. Современный этап (конец 1980-х гг. – настоящее время)	Общество в эпоху трансформации экономических, политических, социальных, духовных отношений	Институционализация социологии, распространение социологического образования, свобода социологического слова, широкий интеллектуальный диапазон, развитие рынка социологических услуг, новое социологическое мышление, интеграция отечественной социологии в мировую науку, развитие социологии в регионах России. Широкое распространение эмпирических исследований. Активизация процесса создания социологических теорий
1-й период (конец 1980-х гг. – начало 2000-х гг.): Г. С. Батыгин, Л. А. Гордон, Б. А. Грушин, Ю. Н. Давыдов, Т. В. Зaslavskaya, А. Г. Зарвомыслов, В. С. Кон, Н. В. Лапин, Ю. А. Левада, Г. В. Осипов, Ж. Т. Тоценко, О. В. Шаратан, В. Н. Шубин, В. А. Ядов	Второе рождение капитализма, переход от негражданского к гражданскому обществу, формирование правового государства и демократического режима власти	Раскол в социологии и социологическом сообществе, поиск социологической «властвующей элитой» союза с властью, Ажеление после днел на не зависимую социологию. Проведение широкомасштабных эмпирических исследований. Активное развитие теоретической социологии
2-й период (начало 2000-х гг. – настоящее время): Л. А. Гордон, Б. А. Грушин, Ю. Н. Давыдов, Т. В. Зaslavskaya, А. Г. Зарвомыслов, В. С. Кон, Н. В. Лапин, Ю. А. Левада, Г. В. Осипов, Ж. Т. Тоценко, О. В. Шаратан, В. Н. Шубин, В. А. Ядов	Возвращение к негражданскому обществу, негражданскому государству, авторитарный режим с появлением элементов диктатуры и тоталитаризма	

щества, государства и политического режима, даются в таблице «Периодизация отечественной социологии».

3. Основные направления социологической деятельности в России

Наш дальнейший анализ, представленный как в этой главе, так и в последующих трех главах, будет направлен на поэтапное конкретное рассмотрение развития отечественной социологии – как с точки зрения ее внутренних процессов, так и отношений с политикой, государством, властью, обществом.

Как уже говорилось выше, в истории отечественной социологии нас особенно волнуют именно эти отношения. Они гораздо реже привлекают внимание и интерес историков социологии, для которых на первом месте традиционно находится изучение теорий, идей, взглядов отечественных мыслителей. Между тем ответы на многие вопросы, касающиеся внутреннего развития социологической науки, а затем и практики, можно получить, лишь представляя существующее в обществе и у власти отношение к этой науке. С другой стороны, необходимо знать отношение в самой социологии к внешней среде ее функционирования, включая управленческие и властные структуры.

В методологическом плане мы исходим из того, что социологическая наука включена в контекст конкретного времени, конкретной эпохи, конкретного этапа развития общества. Есть два очень важных аспекта поставленной проблемы, имеющих всеобщий характер: 1) зависимость социологических идей, теорий, их содержания от социально-экономического, политического, идеологического, культурного контекста времени (эпохи, типа общества, конкретной страны, в которой они появляются); 2) влияние этих идей и теорий на власть, государство, общество, весь социокультурный контекст времени и конкретной страны.

Многих авторов, в первую очередь всех историков социологии, но не только их, а и тех, кто занимается методологией историко-социологического анализа (из отечественных ученых мы бы отнесли к этой группе исследователей, прежде всего, А. Г. Здравомыслова), интересует первый аспект проблемы. Нас же в неменьшей мере волнует и второй ее аспект – о влиянии социологических теорий и эмпирических исследований на власть, государство, политическую систему в целом и управление. По существу речь идет о диалектике, о взаимовлиянии социологии и власти, социологии и государства, социологии и политики, социологии и общества, соци-

ологии и экономики, социологии и культуры, социологии и образования. С этой точки зрения приобретает значение характер и направленность создаваемого социологического знания, его зависимость/независимость от контекста времени и страны.

Поскольку мы говорим о «включениях» социологического знания в общественные процессы и изменения, то возникает вопрос об основных направлениях использования этого знания. Исходя из основных сфер социологической деятельности, таких направлений всего четыре. Если следовать исторической последовательности возникновения этих направлений, то их можно расположить в таком порядке: 1) развитие теории; 2) развитие социологического образования; 3) развитие эмпирических исследований; 4) развитие прикладных социологических практик.

На каждом этапе (а внутри их – в рамках каждого периода) развития социологии целесообразно говорить о разных направлениях использования социологического знания, равно как и об их разных пропорциях. Со всей очевидностью можно утверждать, что на раннем, «классическом» этапе в США и почти во всех странах Западной Европы имело место лишь первое и отчасти второе направление использования социологического знания – развитие социологической и, более широко, социальной теории и социологического образования.

С такой же очевидностью можно утверждать, что в пространственно-временном континууме современного этапа развития социологии хорошо заметны все четыре направления использования социологического знания. Пропорции же такого использования являются разными в разных странах и даже в одной стране могут меняться от периода к периоду.

Это означает, что на протяжении всего XIX в., начиная с 1830-х гг., с момента появления социологии как науки, развивалась, прежде всего, теоретическая социология (наличие такой ситуации ранее уже отмечалось) – при отсутствии всех остальных направлений использования социологических знаний. Она имела не только преимущественно абстрактный характер, что проявлялось, в первую очередь, в создании знаний об обществе «вообще», но и предлагала представления о конкретном типе общества.

Показательными примерами в этом смысле являются концепции социального организма О. Конта, толпы Г. Лебона, социальной общности Ф. Тённиса и др., которые можно рассматривать не просто как систему взглядов на общество вообще, а как теории конкретных видов общества – конкретных в смысле редуцирующих, конкретизирующих, т. е. сводящих его к тем или иным видам социальной организации. Аналогичные суждения уместны в отношении национальных форм общества, которые можно найти у лю-

бого классика социологии XIX в., поскольку каждый из них писал о проблемах общества в контексте своей страны.

Так что вряд ли можно полностью согласиться с суждением о том, что «социология в своей теоретической ипостаси дает знание не о данном обществе, а об “обществе вообще”, независимо от его национальной или государственной формы. Иными словами, она дает знание не о конкретном реально существующем обществе, а об обществе абстрактном» [Здравомыслов, 2010: 22]. Действительно, социологическое знание об обществе имело достаточно абстрактный характер, о чем уже говорилось выше, но оно создавалось на основе конкретных представлений тех или иных мыслителей о типах и видах социального устройства.

В конце XIX столетия интерес к социологии в ряде европейских стран и США настолько возрос, а накопленные социологические знания достигли таких размеров, что в обществе появляется необходимость обучать этим знаниям в университетах. С 1890-х гг. начинает развиваться социологическое образование как производство и воспроизводство (причем расширяющееся) кадров социологов, что породило потребность в их трудоустройстве и использовании знаний выпускников университетов в самых различных сферах социологической деятельности. Возникла важная – на все последующие времена – область этой деятельности, которой было суждено вовлечь в свою орбиту практически всех крупных социологов планеты. Речь идет о преподавании самых различных социологических дисциплин – сначала общих предметов, а затем, по мере появления отраслевых социологий, методологии и методики эмпирического исследования, и названных курсов.

Особенность социологического образования состояла в том, что оно изначально носило светский характер, т. е. было лишено всякого влияния церкви. Вместе с тем христианский клир, как католический, так и православный, и по сей день не упускает попыток «вторжения» в мир социологии, но исключительно в церковных учебных заведениях. В ведущих католических и православных университетах существуют социологические факультеты и отделения, кафедры социологии.

Процесс использования социологических знаний в рамках создаваемых теорий и расширяющегося социологического образования повлек за собой развитие эмпирических исследований. Сначала это имело место в США, а затем и в европейских странах, что было органическим следствием и данного процесса, и усиливающихся общественных потребностей в получении конкретного знания по локальным проблемам экономической, политической и социальной жизни на основе применения особых методов, получивших название эмпирических. Но это произошло уже на рубеже

1910–1920-х гг. и было связано, в первую очередь, с работами представителей Чикагской социологической школы.

Исторически последним (что вовсе не означает наименее важным) в европейской и североамериканской социологии стало такое направление использования социологических знаний, как прикладные социологические исследования и часто связанные с ними маркетинговые практики. Речь идет о проблемах, эффективность решения которых имеет не только социальный, но и экономический характер. В качестве одного из ярких образцов таких практик можно назвать Хоторнский эксперимент, проведенный в США на рубеже 1920–1930-х гг.

Мы изложили наше общее видение основных направлений использования социологического знания в масштабах североамериканской и европейской науки. Что касается отечественной социологии, то в ней процесс использования накапливаемых знаний приобретал иные очертания. Весь первый (классический, дореволюционный) этап был теоретико-социологическим, социологическое образование на нем так и не появилось. Были отдельные попытки его создания, но не очень успешные.

Так, в 1901 г. в Париже М. М. Ковалевским и Е. В. де Роберти была открыта «Высшая Русская школа общественных наук». Обязательным предметом в ней была социология, занятия же вели ведущие российские и западные ученые. За пять лет работы обучение прошли свыше 2000 человек. В деятельности школы по существу отработывалась первая модель российского социологического факультета. Но школа, к сожалению, просуществовала недолго (до 1906 г.) и по требованию царского правительства России (Николай II назвал ее работу «вредной») была закрыта французскими властями.

Не без влияния деятельности школы в 1908 г. в России был открыт частный Психоневрологический институт (во главе с академиком В. М. Бехтеревым), его особенностью стало изучение человека на основе совместных исследований представителей естественных и социальных наук, включая социологию. В институте была создана первая в России кафедра социологии (ее возглавляли сначала М. М. Ковалевский, затем Е. В. де Роберти, позднее – П. А. Сорокин и К. М. Тахтарев). При открытии института министр народного просвещения Шварц заявил на приеме, что социология – это предмет, который компрометирует учебное заведение. Институт просуществовал чуть дольше, чем Русская высшая школа общественных наук (8 лет), в нем прошли обучение свыше 6 000 человек. Однако в течение своей работы он попал под полицейский контроль и в 1916 г. был закрыт.

Эти факты лишний раз объясняют отношение правящего царского режима в нашей стране к социологическому образованию,

да и в целом к социологической науке, ее развитию и институционализации. Термин «социология» так и не прижился в дореволюционной России. Чтобы преподавать эту дисциплину в рамках учебного плана и включать ее в программы учебных заведений, для социологии подыскивались слова-заменители. Кстати, запреты касались не только термина «социология», вызывали резкое неприятие у русских царей такие слова, как «революция», «прогресс» и даже «общество». Торможение процесса развития социологического образования является одной из причин отставания социологической науки в России в сравнении с Западом.

Не было развито социологическое образование и на втором этапе развития отечественной социологии. Открытие в 1918 г. в Ярославском университете кафедры социологии и в Петроградском университете – факультета общественных наук и социологического отделения в его структуре (основателем и деканом факультета был П. Сорокин), их деятельность имела краткосрочный характер. Она не оказала сколько-нибудь серьезного влияния на развитие в России социологического образования, которое стало складываться в стране только в конце 1980-х – начале 1990-х гг., а превратилось в систему уже на современном этапе развития отечественной социологии.

Зато эмпирические, а вслед за ними и прикладные исследования стали проводиться в России уже в 1920-х гг. и заняли в очередности развития основных направлений развития социологии второе и третье места, оттеснив на последнее место социологическое образование (которому в рамках второго этапа так и не суждено было реализоваться в полной мере). Однако в последующие 25 лет (1930-е – середина 1950-х гг.) по известным причинам политического и идеологического характера (установление режима культа личности Сталина и его диктатуры) произошел отказ от всех направлений использования социологического знания, социологической деятельности. Наступило время забвения социологии.

Что же касается современного этапа развития социологии в России, то, начиная с 1990-х гг., в стране представлены все четыре направления ее использования. В последних двух главах мы подробно остановимся на этой ситуации в современной отечественной социологии. Здесь же можем просто констатировать, что в начале современного этапа развития отечественной социологии наиболее «продвинутым» направлением использования социологических знаний было проведение эмпирических исследований. Затем появилось и стало бурно развиваться и распространяться социологическое образование, наряду с социологическими и маркетинговыми практиками. Чуть позднее активизируется развитие социологических теорий.

Таким образом, отечественная социология с точки зрения очередности и разного уровня развития своих основных направлений,

вплоть до современного этапа, заметно отличалась от западно-европейской и североамериканской социологий. Сказалась ли такая ситуация каким-то образом на характере ее развития? Думается, да. Она привела к общему отставанию отечественной социологии от достижений мировой науки и поставила перед обществом задачу его преодоления в ближайшей исторически обозримой перспективе. Правда, здесь же следует отметить, что отставание было вызвано не только этой причиной. Заметную, если не самую главную, роль в нем сыграли две тесно связанные между собой эпохи – сталинской диктатуры и «железного занавеса» в условиях советского полицейского государства со всеми вытекавшими отсюда последствиями.

Включение социологии и ее конкретных представителей в процесс общественных изменений не следует рассматривать как некую независимую деятельность на основе беспристрастного взгляда «со стороны». С одной стороны, социолог, естественно, должен оставаться объективным и независимым исследователем. Но, с другой стороны, он ведет работу как гражданин своей страны, заинтересованный в ее развитии и процветании, в предотвращении политических и экономических кризисов и, если они возникают, в преодолении их, в усилении взаимодействия с другими странами, с миром в целом.

Кроме того, нужно учитывать специфику деятельности социолога как ученого. Отмечая это обстоятельство, Г. С. Батыгин писал: «Деятельность ученого не ограничена сферой “чистого разума” и включает в себя сотрудничество и конфликты в социологическом сообществе, явные и неявные формы социальной стратификации, “презентации себя”, отношения патрона, брокера и клиента, иными словами, “быт науки”» [Российская социология..., 1999: 4]. Вообще, любая социологическая деятельность характеризуется плюрализмом целей, задач и функций. Представляется значимым на этот счет мнение Б. М. Фирсова: «Множественность целей социологической деятельности связана с вненаучными функциями социологического знания. Его коммуникативные ресурсы были рассчитаны на все общество в целом. Социология создавала картины мира и распространяла их по всей стране, пыталась разрабатывать проект переустройства социума. При этом она не властвовала над умами, но все же рационализировала и развертывала будущее посредством дозволенной критики настоящего» [Фирсов, 2012: 131]. Очень важной, скажем так – нетрадиционной функцией социологии является функция базовой метафоры, с помощью которой устанавливалась идентичность интеллигенции [Российская социология..., 1999: 10].

Специально необходимо сказать о такой функции социологии, как сопротивление, причем и скрытое (чаще всего), и открытое (изредка) – властным решениям, тоталитаризму и авторитаризму, правящей и господствовавшей идеологии. В. Н. Шубкин на этот счет писал: «...социология – одна из форм сопротивления тоталитаризму, господствующей марксистско-ленинской идеологии» [Российская социология, 1999: 70]. Формы сопротивления могли быть самые разные: отказ от сотрудничества с партийной и государственной властью (в виде невозможности, а на самом деле нежелания проводить какие-то исследования) под надуманным предлогом, отказ от публикаций определенного рода с поддержкой тех или иных партийных и идеологических решений, отказ от сотрудничества с КГБ в виде доносов на коллег, публичные выступления с критикой деятельности конкретных партийных и административных руководителей и т. д.

Как пишет Б. М. Фирсов, «сами сотрудники КГБ неоднократно пытались вмешиваться в социологическую деятельность, откровенно рассматривая ее как инструмент решения своих служебных задач... Сотрудники госбезопасности вели сложные игры с социологическим сообществом и даже предлагали отдельным ученым стать агентами-осведомителями. Не надо думать, что профессия социолога – социальная критика – содержала гарантии от соблазна принять эти предложения. Осведомители были часто добровольные...» [Фирсов, 2012: 115–116].

Интегрируясь в многостороннюю деятельность в обществе, социология тем самым создает свой фрагмент его социального пространства и получает возможность влиять на различные сферы жизни, охватывая широкий диапазон общественных, групповых и межличностных отношений. Кроме того, как было показано выше, деятельность социолога гораздо более многообразна, чем проведение исследований, и предполагает такие ее проявления, которые показывают его включенность в разносторонние практики в системе широких горизонтальных и вертикальных связей и зависимостей.

4. Проблема преемственности и современности отечественной социологии. Понятие современного этапа социологии

Важной методологической проблемой поэтапного развития отечественной социологии является ее преемственность и тесно связанная с ней современность. Без прояснения преемственности понимание современности и современного этапа социологии в нашей стране натолкнется на методологические трудности. Их природа –

в выявлении причин и обстоятельств возникновения этого этапа, другими словами – в ответах на вопросы, почему и как стало возможным появление современного этапа отечественной социологии.

Поставленная проблема – преемственности и связанной с ней современности – имеет дискуссионный характер. Начнем с первой составляющей этой проблемы. Не уходя слишком далеко в ее историко-социологические «дебри», отметим наличие двух достаточно выраженных в конце 1990-х гг. точек зрения на преемственность развития отечественной социологии и, как ее антипод, прерывность этого процесса.

Согласно одной из них, имевшая место связь и преемственность между отдельными этапами и периодами отечественной социологии временами прерывалась в силу естественных для нашего общества причин (о них говорилось выше в связи эпохой сталинизма). Поэтому советская социология 1960-х гг. не могла опираться на прежние традиции отечественной науки, а использовала для своего развития достижения западной мысли, в том числе и методический инструментарий зарубежных социологов [Ядов, 1999].

Сторонники второй точки зрения, наоборот, доказывали, что для российской социологической традиции характерна преемственность при движении от одного этапа развития социологической науки к другому. Учеными не исключался последовательный переход к советскому этапу и тому его периоду, который был связан с возрождением отечественной социологии [Батыгин, 1998; Шубкин, 1996].

Большой интерес представляет взгляд А. Г. Здравомыслова на проблему преемственности отечественной социологии. Как и Г. С. Батыгин, он полагает, что она не просто имела место, но позволила понять появление советского периода в становлении социологии в нашей стране. При этом Здравомыслов не отрицает наличие разрывов в преемственности и отмечает их обусловленность политическими причинами. Тем не менее преемственность сохраняется благодаря воспроизводству и передаче культурного капитала от поколения к поколению на основе внеинституциональных форм социализации. «Сама преемственность, – пишет автор, – в этом случае понимается как восприятие прошлых научных идей в их историческом, научном и культурном контексте, как выявление смыслов пережитых теоретических конструкций для современности» [Здравомыслов, 2010: 237].

Значительную роль в этом процессе, отмечает А. Г. Здравомыслов, играет история социологии, через которую осуществляется восприятие прошлых научных идей и которая знакомит последующие поколения с практиками предшествующих поколений. Но тут же он признает, что преемственность осуществляется полнее, если

она связана с постоянным воспроизводством кадров и со стабильностью профессии. Если же этого нет, если воспроизводство профессиональных кадров социологов прекращается (как это и было в нашей стране в 1930–1950-х гг. по указанным выше причинам политического и идеологического характера), то тогда мы имеем дело с прерывностью процесса развития социологии, нарушением преемственности в ней. Здесь-то мы и переходим к необходимости понять принципиально новую ситуацию в отечественной науке, позволяющую несколько по-другому рассматривать проблему преемственности в ней.

Все дело в том, что история социологии, действительно, играет большую роль в осуществлении принципа преемственности. Но важно отметить: не она сама как таковая, а ее знание, не книги, написанные социологами прежних поколений (1910–1920-х гг.), а книги, прочитанные социологами последующих поколений (1950–1960-х гг.), не эмпирические исследования, проводившиеся до 1930-х гг., а исследования, с которыми познакомились социологи 1950-х гг.

В рассматриваемом нами случае, как минимум, одно, если не два поколения не знали своих профессиональных предков и их достижений в социологической науке. Если же учесть, что это были не просто поколения, а поколения, связанные с войной и восстановлением после нее разрушенной страны и жившие в политических и идеологических условиях сталинской диктатуры, становится понятной вся сложность проблемы преемственности в отечественной социологии XX века.

Реально в ней возник разрыв между поколениями. Первопроходцы нашей социологии послевоенного периода, представители ее первого поколения, социологические «шестидесятники» (Б. А. Грушин, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, И. С. Кон, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, В. Э. Шляпентох, В. Н. Шубкин, В. А. Ядов) не формировались как социологи на достижениях отечественной социологии предшествующих периодов и этапов ее развития. Изучение их биографий Б. З. Докторовым на основе взятых им у них интервью показывает иные пути и механизмы профессионального становления этих ученых [Докторов, 2013: 104–135]. (Попутно, в скобках, хотелось бы предложить одно маленькое уточнение к названию монографии Докторова: не история в биографиях и биографии в истории, а история социологии в биографиях и биографии в истории социологии – так, по крайней мере, воспринимается нами центральная идея этой прекрасной работы, к которой мы неоднократно будем обращаться и дальше.)

Именно такая ситуация, реально имевшая место в советской социологии, позволила Б. З. Докторову впервые и, на наш взгляд,

справедливо поставить вопрос не о возрождении отечественной социологии во второй половине 1950-х – начале 1970-х гг., а о ее втором рождении в это время [Докторов, 2013: 104–135]. Возрождение ведь предполагает определенный уровень соединения нового социологического знания с тем, что было раньше (по крайней мере, в 1920-х гг., т. е. в то десятилетие, когда социология существовала в России/Советском Союзе). Но такого соединения не было в нашей социологии конца 1950-х – начала 1970-х гг.

Говоря о позиции Докторова в отношении проблемы преемственности, имеет смысл привести название одного из параграфов третьей главы упомянутой монографии – «Не преемственность и не возрождение. Второе рождение». Однако, пожалуй, еще более точно он сформулировал проблему соотношения возрождения и второго рождения отечественной социологии в тезисе «К возрождению через второе рождение».

Справедливости ради хотелось бы отметить, что в наших прежних работах по истории социологии мы (не без влияния работ Г. С. Батыгина) придерживались тезиса об определении периода конца 1950-х – начала 1970-х гг. как времени ренессанса, возрождения отечественной социологии. Новые работы по истории отечественной социологии (прежде всего, Б. З. Докторова и Б. М. Фирсова) убеждают в большей точности характеристики этого периода отечественной социологии как времени ее второго рождения.

Теперь попробуем сформулировать нашу позицию по вопросу о трактовке проблемы преемственности в развитии отечественной социологии. Она содержит в себе, как минимум, два аспекта: существование преемственности в качестве постоянно действующего принципа в развитии отечественной социологии и различную реализацию этого принципа на отдельных этапах ее развития.

Представляется, что есть достаточные основания говорить о преемственности в хронологических границах всей отечественной социологии в связи с переходами от одного этапа ее развития к другому (в рамках предложенной нами периодизации). Действительно, на первом (классическом, дореволюционном) этапе очень активно и широко наследовались достижения предсоциологического этапа, и многие идеи А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, В. Н. Майкова были позитивно восприняты и отражены в социологическом творчестве представителей российского позитивизма, неокантианства, субъективного направления и т. д. Это же касается и второго этапа – послереволюционного, в рамках которого в первые пять лет его существования (1917–1922) достаточно широко проходили дискуссии социологов немарксистских направлений с марксистами. На третьем, современном этапе развития отечественной социологии уделяется очень большое вни-

мание изучению и использованию творчества представителей ее первого и второго этапов. Оно видно, что называется, «невооруженным взглядом», для этого достаточно посмотреть на издаваемую социологическую литературу. Как видно, принцип преемственности в истории всей отечественной социологии показывает свою полную «работоспособность».

Однако на отдельных этапах, по мере перехода от периода к периоду, преемственность дает сбои, возникают ее разрывы. Наиболее заметно это было, как выше отмечалось, в условиях второго рождения (или, если для кого-то важнее иной термин, – возрождения) отечественной социологии в конце 1950-х – начале 1970-х гг. Но приведенный пример разрыва преемственности, по нашему мнению, не является единственным. Если внимательно рассмотреть первый период послереволюционного, советского этапа, то можно будет обнаружить в рамках второй половины 1920-х гг., после полной и безоговорочной победы марксистской социологии, резкое ослабление (а по существу, исчезновение) интереса к дореволюционной российской социологии, которая была, в соответствии с канонами советского марксизма, определена как буржуазная наука. Тогда-то и началось ее постепенное забвение, которое затем, в период сталинской диктатуры, превратилось в полное и абсолютное замалчивание этого важнейшего времени развития отечественной социологии.

Возвращаясь к позиции А. Г. Здравомыслова (в отношении преемственности отечественной социологии), с которой мы отчасти дискутируем, хотелось бы отметить, что в ряде мест активно используемой нами его работы он по существу полемизирует с собственной точкой зрения. В частности, он пишет: «...два всплеска социологии, имевшие место в российской истории – 1920-е и 1960-е гг., – не имеют между собой непосредственной связи: преемственности исследовательской тематики, сохранения кадров специалистов, устойчивости системы высшего образования и т. д.» [Здравомыслов, 2010: 246].

Коль скоро мы ставим вопрос о преемственности в развитии отечественной социологии на протяжении всех трех ее этапов, необходимо выявить общие проблемы, которые цементировали эту преемственность, скрепляли совпадающими научными интересами социологов в их стремлении исследовать наиболее значимые феномены общественной жизни. Здесь на первое место мы поставили бы такую проблему, как связь социологии с политической ситуацией, более широко, с политикой в целом. Не было не только ни одного этапа, но даже ни одного периода в развитии отечественной социологии, когда ее состояние не зависело бы, как говорил А. Г. Здравомыслов, от меняющегося политического контекста.

По его мнению, «изменения политического климата в стране порождают этапы подъема и упадка социологического мышления. В российской политической истории не наблюдается феномена постоянной аккумуляции социологических идей, которая оказывается результатом длительного автономного существования социологии как профессии» [Здравомыслов, 2010: 246]. Для последующих наших рассуждений о судьбах социологии в негражданском обществе рассмотрение проблемы ее постоянного нахождения в политическом поле является «сквозной» для этой науки.

Преодоление разрывов, «перерыва постепенности» явилось важнейшим условием перехода к современному этапу отечественной социологии. Несмотря на то что историко-социологический анализ охватывает значительную часть книги и по существу выступает в качестве авторской методологии, большую часть центрального поля исследования занимает современная социология. Сразу отметим, что, с нашей точки зрения, современный этап в развитии отечественной социологии и современная социология – не в полной мере совпадающие понятия, первое уже второго и составляет его хронологически, пространственно и содержательно выделенную часть. Понятие современной социологии выходит за пределы одной страны и касается мирового процесса развития этой науки. В связи с этим важным методологическим положением становится выяснение того, что означает в социологии современность и что понимают под ней представители данной науки.

Сама по себе проблема современности не является новой – как для социологии, так и для других наук. Понятно, что в разных науках содержание этого понятия неодинаково. Так, для многих разделов физики их современное состояние определяется ситуацией последних лет, от силы – десятилетия. То же касается ряда отраслей биологической науки. Другое дело – социальные и гуманитарные науки, где понятием современности охватываются периоды, значительно более длительные, чем годы, десятилетие или даже несколько десятков лет.

В социологии спектр подходов к понятию современности характеризуется большим хронологическим разбросом. Так, известный английский социолог Э. Гидденс считает, что социология – это наука о современном этапе развития общества, который охватывает последние 200 лет, то есть период капитализма. Отсюда понятен интерес Э. Гидденса как социолога к изучению не только настоящего, но и прошлого общества. Как отмечает английский ученый, «прошлое – это зеркало, которое социолог должен поставить перед собой, чтобы понять настоящее» [Giddens, 1989: 21].

У многих социологов доминирует иное отношение к понятию современности, которое, по их мнению, охватывает последние де-

сятелетия или даже менее продолжительные периоды времени – при условии, что они тесно связаны с глубокими трансформациями в жизни общества. Так, сегодня многие отечественные исследователи считают современным этапом социологии развитие этой науки с конца 1980-х – начала 1990-х гг. по настоящее время. Речь идет в данном случае об изучении того периода, который связан в России с переходом от советского к постсоветскому обществу. Что касается понятия современного этапа мировой социологии, то его нередко связывают с ликвидацией мировой социалистической системы и крушением режимов с диктатурой коммунистических партий.

Но, помимо изменений в обществе, которые должна исследовать социология, есть процессы, происходящие не только и не столько в самой социальной реальности, сколько в науке, ее изучающей. С такой точки зрения понятие современного этапа социологии будет иным, поскольку оно должно учитывать радикальные преобразования, их глубину в самой науке. Об этом будет сказано чуть дальше, в связи с изложением авторской концепции.

Заслуживает внимания касающаяся поставленной проблемы позиция А. Г. Здравомыслова. Он говорит о нескольких значениях термина «современность». Наиболее распространенное из них – соответствие своему времени или сегодняшнему дню. То есть современность – это наше время, время, в которое живем мы, поэтому мы хотим знать много о современности. Но, спрашивает автор, где границы «нашего» времени? Когда оно началось? В этом он видит главный вопрос [Здравомыслов, 2010: 10]. С учетом сформулированной точки зрения А. Г. Здравомыслов пишет: «Социология современности (даже такая может быть! – Г. З.) сосредоточена на противопоставлении прошлого и настоящего, при этом временные границы между “нашим прошлым” и “нашим настоящим” не установлены жестко и однозначно» [Здравомыслов, 2010: 11]. Само же настоящее утверждается, по его мнению, в результате трех революций: индустриальной, политической и в области образования (всеобщая грамотность, доступ к ценностям культуры и т. д.). Другими словами, настоящее – это эпоха модерна, капитализма. Здесь нужно специально подчеркнуть близость и почти совпадение позиций А. Г. Здравомыслова и Э. Гидденса.

Именно в эту эпоху создается единое мировое пространство, в котором люди благодаря экономическим, торговым, политическим, военным отношениям, связям, конфликтам, войнам обнаруживают определенные способы понимания друг друга. Далеко не последнюю роль в процессе выработки взаимопонимания играет социология, причем речь идет о взаимопонимании не только (а может быть, даже и не столько) между отдельными людьми, но и между странами и народами. Социология становится, таким

образом, способом осознания и описания обществом (выходящим за пределы одной страны, что очень важно понять) самого себя как целостного и системного образования.

Далее мы хотели бы изложить нашу точку зрения относительно современности в социологии и связанного с ней вопроса о современном этапе социологии, поскольку эта позиция имеет методологическое значение для понимания авторской концепции работы. Начнем с трактовки того, какой смысл мы вкладываем в понятие современного этапа социологии, имея в виду, что в ней (трактовке) будет отражено и понимание современности.

В наших прежних работах [Зборовский, 2004; Зборовский, 2007] мы придерживались точки зрения, которая в данной книге подвергается определенной корректировке. Главным фактором, повлиявшим на некоторое изменение авторской позиции, явилась конкретизация объекта исследования. Если раньше в таком качестве выступала мировая, то сейчас – отечественная социология. Учитывая особенности ее развития, мы должны выявить и специфику ее периодизации, в отличие от той, которая характеризует развитие мировой социологии. Тем более что есть целый ряд обстоятельств, которые определяют эту специфику и о которых будет дальше специально сказано.

Итак, обратимся к данной нами ранее интерпретации современного этапа социологии. Его общая характеристика напрямую связана с определением временных границ этапа, особенно нижней. В отношении верхней границы этапа существует достаточная ясность, и здесь споров среди специалистов не возникает. Все сходится на том, что эта граница проходит по «сегодняшнему дню» социологической науки. Более сложным оказывается вопрос о нижней границе этапа.

В настоящее время в отечественной историко-социологической литературе есть две основные позиции, в рамках которых определяется нижняя граница современного этапа социологии. Одна точка зрения сводится к тому, что его история берет начало со времени завершения Второй мировой войны, а сам этап включает в себя два периода: послевоенный (до конца 1960-х гг.) и новейший (с конца 1960-х гг. до наших дней). Эта точка зрения принадлежит В. П. Култыгину [Култыгин, 2000: 18–22].

Автор обосновывал свою позицию тем, что война способствовала коренному изменению взглядов на общество, массовые социальные процессы и возможности управлять ими. Хронологические рамки первого периода (от войны до конца 1960-х гг.) обусловлены также и самим развитием социологической науки, в первую очередь появлением теории среднего уровня (принадлежит американскому ученому Р. Мертону), которая привела к скачку в разви-

тии социологии, проявившемуся (под влиянием этой теории) в возникновении ряда ее отраслей. В институциональном плане социология тоже совершила скачок, выйдя за пределы университетов, на уровень отраслевых исследовательских центров. Что касается перехода к новому периоду (с конца 1960-х гг.), то он, по мнению Култыгина, в социальном плане связан с молодежными и студенческими выступлениями протеста; в плане же внутреннего развития самой социологии речь должна идти о возникновении методологического плюрализма.

Наряду с изложенной точкой зрения есть и иной подход, согласно которому современный этап развития социологии отсчитывает свое время с 1920-х гг. [Капитонов, 1996: 5; Добренков, 2000: 338]. Именно в это время, по мнению названных авторов, общество вступает в эпоху развитого индустриализма (она продолжается и сейчас), а центр мировой социологической мысли перемещается из Западной Европы в США.

Кроме того, выражение «современная социология» означает, что, начиная с 1920-х гг., теоретические, методологические и методические достижения социологии не утрачивают своей актуальности в процессе ее дальнейшего развития вплоть до сегодняшнего дня. В упомянутых работах утверждается, что с 1920-х гг. берет начало «один из периодов интенсивного развития современной социологии. В частности, разработанность методов и техники, измерительных процедур и числовых эквивалентов в эмпирической социологии и сегодня, в принципе, предопределяет исследовательскую практику, уровень профессиональных норм» [Капитонов, 1996: 5].

Мы также придерживаемся этой точки зрения в ее, так сказать, «хронологическом выражении», однако наша аргументация имеет существенно иной, дополнительный к высказанным суждениям, характер. Рубеж 1910–1920-х гг. оказался крайне важным в плане глубоких общественных (социальных, политических, экономических) трансформаций, требовавших своего социологического анализа и изучения. Завершение Первой мировой войны поставило задачу осмысления ее последствий как для общества в целом, так и для отдельных стран. Не менее весомым основанием для переосмысления социальных процессов и в целом хода общественно-исторического развития явились демократические и социалистические революции в Европе – сначала в России (Февральская и Октябрьская), затем – в Германии и Венгрии и возникновение Советского государства.

К глубоким общественно-политическим потрясениям следует добавить важные экономические перемены, связанные с наметившимся переходом экономики развитых стран на новые технологии, направленные на внедрение поточного, конвейерного производства

и значительный рост производительности труда (что проявилось, в первую очередь, в промышленности США). Наконец, существенным фактором, повлиявшим на глубокие, качественные, радикальные перемены в социологии, означавшие новый этап ее развития, оказалось постепенное превращение США в наиболее развитую страну мира.

Названные процессы составили существо социальных, политических, экономических предпосылок, обусловивших переход к современному этапу социологии. Однако для этого перехода нужны были и иные факторы непосредственно социологического характера. Речь идет о появлении и утверждении в своей ведущей роли эмпирической социологии, в корне изменившей ситуацию в самой науке, ее характер, функции, направленность, перспективы и возможности.

Эмпирическая социология означала новое отношение к предмету и методу научного исследования. В качестве первого стала выступать не вообще социальная реальность (общество в целом), а ее конкретные проблемы, конкретные социальные факты, имеющие значение как для общества в целом, так и для его отдельных подсистем и структур (например, поведение отдельных групп людей в тех или иных ситуациях либо отношение этих людей к ним). Что касается второго, то речь шла об использовании для таких исследований специальных методов: опросов (письменных и устных), позволяющих выявлять субъективные мнения и оценки, социологического наблюдения, эксперимента и т. д. Возникают и методы качественного исследования.

После появления, конституирования, институционализации эмпирической социологии, составившей единство противоположностей с теоретической социологией, больше революционных изменений в самой социологической науке XX столетия, на наш взгляд, не происходило. Взаимодействие теоретической и эмпирической социологии, возникшее в 1920-х гг. и приобретающее в разные периоды столетия самые различные формы (соотношения макро- и микросоциологии, фундаментальной и прикладной социологии, академической и производственной социологии, теории и практики социологической работы т. д.), определяет существо всего современного этапа социологии и дает основания относить к нему процессы, происходящие в этой науке за последние 90 лет.

Исходя из сказанного, обратимся к выявлению некоторых особенностей современного этапа социологии. Поскольку его начало мы связываем с появлением, утверждением и общественным признанием эмпирической социологии, то понятно, что ее становление и развитие является одной из важнейших характеристик современной социологии. Возникнув и оформившись в качестве относи-

тельно самостоятельного направления, эмпирическая составляющая науки стала постепенно представлять собой не менее, а в ряде случаев даже более важную, чем теоретическая, линию развития социологии.

В течение всего XX – начала XXI в. обе эти линии – эмпирическая и теоретическая – идут вровень, пересекаясь, сближаясь, расходясь, взаимодействуя, стремясь друг к другу, взаимно отторгаясь и т. д. Возникают и реализуются многочисленные попытки соединения теоретической и эмпирической социологии.

Важная особенность современного этапа состоит в том, что в его ходе осуществляется процесс глубокой структурной и содержательной дифференциации социологической науки. Появляются отдельные направления, течения, движения, отрасли социологии. Они позволяют конкретизировать социологическое знание, приблизить его к «потребителям», находящимся в самых различных сферах общественной жизни. Особенно тесно связанной с «дроблением» социологии оказалась ее прогрессирующая отраслевая дифференциация.

Наряду с этой особенностью проявляет себя и другая, противоположная ей и состоящая в стремлении к интеграции социологического знания. Интеграция оказывается весьма широкой. С одной стороны, она касается отдельных теорий, направлений, парадигм в самой социологии. С другой стороны, интеграция выходит за пределы социологии, приближая ее как к социальным и гуманитарным (философия, история, экономика, право, психология, педагогика и др.), так и к естественно-научным (математика, информатика, биология и др.) дисциплинам. Не случайно ряд отраслей социологии возникает на стыке именно с другими науками (экономическая социология, социология права, историческая социология, социобиология и т. д.).

Становится более понятной и социальная, и личностная полезность и ценность социологии. Ее представители в течение всего XX – начала XXI в. получают позитивные результаты в своих исследованиях, которые используются в различных областях и теории, и практической жизнедеятельности. Это позволяет говорить о такой особенности современного этапа социологии, как постоянное и небезуспешное стремление данной науки занять центральное место в системе социогуманитарного знания.

Такая ориентация обусловлена тем, что социология на современном этапе ее развития выступает не только как наука, стало быть, как определенная система знаний, но и в качестве определенного способа мышления, изучения людей и общества, видения мира в целом и его отдельных систем и подсистем в частности. Она позволяет анализировать общество и конкретные социальные

процессы под самыми различными углами зрения, используя многочисленные срезы связей и отношений между людьми. Как пишет Э. Гидденс, «границы социологии предельно широки, простираясь от анализа столкновений между передвигающимися по улице людьми до исследования глобальных социальных процессов» [Giddens, 1989: 8]. Эта особенность социологического знания и дает ему основание занять одно из ведущих мест среди многочисленных видов знания, в том числе и тех, что продуцируются социальными и гуманитарными науками. Она позволяет обеспечить тенденцию роста профессионального престижа социологической деятельности – как научной, так и практической, которая может в определенных обстоятельствах стать достаточно значимой и привлекательной для всего ее современного этапа.

В рамках современного этапа социология, с одной стороны, развивается как абстрактная наука, делая акцент на развитии категорий, понятий, теорий, гипотез; с другой стороны, она все теснее сближается с практикой, обслуживая и удовлетворяя потребности самых различных общественных структур. В этом смысле особенностью современного этапа является развитие как фундаментальной, так и прикладной социологии. Если социология решает собственно научные задачи, связанные с развитием теории, то речь идет о ее фундаментальном уровне; если же выполняются задачи, связанные с получением конкретных рекомендаций и созданием социальных технологий, тогда мы имеем дело с прикладным и практическим уровнем науки.

В XX – начале XXI в. происходит окончательная институционализация социологии, т. е. она превращается в социальный институт как сформировавшаяся наука. Социология получает полное и окончательное признание в обществе и принимается всеми институтами, организациями и иными структурами как его важный и неотъемлемый компонент. Это значит, что в обществе безоговорочно утверждается профессия социолога; определяются самые различные сферы его деятельности; развивается социологическое образование – как профессиональное, так и непрофессиональное (существующее как элемент всех основных видов общего и профессионального образования); получает распространение академическая социология (как в высших учебных заведениях, так и в специализированных научных учреждениях); крупные ученые-социологи привлекаются для разработки и экспертизы документов, имеющих важнейшее общественно-политическое и народно-хозяйственное значение.

После того как была дана достаточно подробная характеристика современного этапа развития социологии в мире, охватившего почти весь XX и начало XXI в., обратимся к общей трактовке со-

временного этапа развития отечественной социологии. Она будет заметно отличаться от данной выше и хронологическими рамками, и содержательными особенностями.

Напомним, что в предложенной нами периодизации современный этап отечественной социологии начинается с рубежа 1980–1990-х гг. и продолжается по настоящее время. Как видно, это намного меньше по времени в сравнении с протяженностью современного этапа развития мировой социологии. Такие укороченные временные рамки современного этапа отечественной социологии (около четверти века) обусловлены содержательно теми изменениями, которые произошли (и происходят) и в российском обществе, и в его социологической науке.

По существу нам приходится догонять далеко ушедшие вперед в наиболее развитых странах мира социологическую науку и практику, социологическое образование. Наша оценка отставания во времени – это минимум 30 лет (если не больше). За этой цифрой стоят социологическое «безвременье» в период господства культа личности Сталина и серьезные ограничения в развитии социологии (о которых уже говорилось и еще много будет сказано в дальнейшем) в последующие, вплоть до 1990-х гг., десятилетия.

Сокращение отставания в развитии социологии от Запада продолжается и сейчас. Особенно сильным оно оказалось в области теоретической социологии, ситуация в которой вызывает дискуссии, начиная с вопроса, есть ли у нас вообще теоретическая социология, и продолжая оценкой ее состояния в последние годы и попыткой заглянуть в ближайшее будущее [См., например: Доган, 2010; Зборовский, 2013; Здравомыслов, 2010; Кравченко, 2012; Романовский, 2012; Ядов, 2012 и др.].

Далее мы очень коротко остановимся на тех аспектах методологического характера в развитии современной отечественной социологии, которые нам будут полезны для ее дальнейшего и подробного анализа в четвертой главе.

С самого начала своего современного этапа отечественная социология оказалась в сложном и противоречивом положении. С одной стороны, перед ней открылись доселе ей неизвестные возможности и горизонты развития, связанные с отсутствием цензуры, полной гласностью, свободой теоретического творчества и выбора тем и направлений эмпирических исследований, распространением социологического образования, публикационной активностью и т. д.

С другой стороны, Россию охватил изначально социетальный кризис, который не мог не сказаться на положении дел в социологии. Социология сразу же оказалась в водовороте противостояния оценок этого кризиса, провозглашенных властями реформ, путей и методов их осуществления. Это дало мощный импульс ее развитию

и осознанию в новых условиях своей значимости как важной формы идейной рефлексии общественных процессов. Появились новые условия для «подключения» отечественной социологии к мировому социологическому дискурсу. Этому способствовали значительно усилившиеся контакты российских социологов с их американскими, европейскими коллегами и представителями социологических сообществ иных стран.

Все это привело, как верно отмечает А. Г. Здравомыслов, «к известной автономизации социологии от политических пристрастий, к более углубленному подходу в самых разных направлениях исследовательской деятельности» [Здравомыслов, 2010: 272]. Вместе с тем, определенная дистанцированность российской социологии от властных структур в 1990-х гг., ее стремление к самостоятельности и независимости вызвали к жизни многочисленные и подчас весьма противоречивые исследовательские оценки и суждения критической направленности относительно самых различных проблем общественной жизни.

«Критический» фундамент, заложенный в здание современной отечественной социологии, простоял достаточно прочно весь конец XX и самое начало XXI века. Однако большая часть его первого десятилетия и последующие за ним 2010–2014 гг. под влиянием и общественных процессов, связанных со сменяющимися друг друга кризисами, и поведением властных структур, оказывающих определенное давление на социологию, и наметившегося раскола в ней самой поставили под серьезное сомнение прочность этого фундамента. Ближайшие годы (это можно утверждать с самой высокой степенью вероятности) подвергнут демократические устои социологической науки еще более серьезному испытанию и вплотную поставят перед ней вопрос о ее способности и готовности стать элементом гражданского общества, превратиться в публичную социологию, не поддаваться жестким воздействиям власть имущих в угоду их политическим решениям, сохранить лицо субъекта независимого и объективного знания.

Знание и понимание особенностей современного этапа в развитии отечественной социологии ведет к возможности непредвзятой оценки происходящих событий и процессов как в экономической, так и в политической сфере. В первой – это ситуация неоднократных кризисов и ухудшающегося экономического положения страны, являющегося следствием отсутствия диверсифицированной экономики, ее преимущественно сырьевого развития. Во второй – это отказ от демократических завоеваний 1990-х гг., по существу постепенный политический переворот, который привел к узурпации власти в стране в руках одного человека, установлению полицейского государства, полной зависимости суда и прокуратуры от воли

исполнительной власти, резкому ослаблению тех немногочисленных ростков гражданского общества, которые начали появляться в стране 15–20 лет назад. Апофеозом деятельности авторитарного режима (с усиливающимися элементами тоталитаризма) стала его экспансионистская политика в отношении Крыма и Украины в 2014 г.

Для многих людей все это означает и личную, и социальную драму, для кого-то настоящую трагедию. Массовый, реально состоявшийся выезд населения за границу на постоянное место жительства и внутренняя готовность к нему большей части молодежи (как показывают результаты социологических исследований студенчества) – это трагедия уже для общества, поскольку понятно, что уезжают не бомжи, не алкоголики, не наркоманы, а квалифицированные специалисты, ученые, творческие люди (феномен «утечки мозгов»).

Перед отечественной социологией на современном этапе ее развития возник целый ряд задач. Одни из них связаны с ее ролью и местом в жизни российского общества, умением позиционировать себя в качестве социально значимого вида общественной рефлексии, способного оказывать влияние на социум. Другие задачи социологии связаны с интеграцией этой науки в систему мирового социологического знания и стремлением занять в нем достойное место.

На этом пути возникают важные проблемы плюрализма отечественной социологии, о котором еще четверть века назад даже и речи быть не могло. Его появление стало возможным лишь на современном этапе развития социологии в России.

5. Плюрализм отечественной социологии как рефлексия отношений между социологией, политикой, властью

Плюрализм отечественной социологии стал своеобразной «визитной карточкой» современного этапа, одной из основных его особенностей. Но, в отличие теоретического плюрализма зарубежной социологии, его отечественная «версия» на рубеже XX–XXI вв. оказалась более широкой. Она включает в себя, наряду с растущим изобилием парадигм, теорий и концепций, и проблематику отношений отечественной социологии с политикой и властью, которые были традиционными для всей ее истории, начиная с середины и второй половины XIX столетия.

Что вообще означает плюрализм современной социологии? Прежде всего то, что в ней существует много линий, направлений,

движений, школ, теорий, концепций и т. д., находящихся в самых разных отношениях между собой. Более того, методологический плюрализм в социологии проявляется в том, что она развивается как мультипарадигмальная наука. Наличие в ней целого ряда парадигм и метапарадигм свидетельствует о возможности изучения социального мира и мира человека с самых разных позиций, подходов и точек зрения.

В то же время вряд ли целесообразно определять эти парадигмы и их смену как революции в социологии. Между тем именно такую позицию занимают некоторые авторы, когда говорят о «революции парадигмального порядка» [См., например: История социологии, 1993: 163]. Появление нетрадиционных точек зрения на социальные и межличностные процессы, применение новых методов и «инструментов» их научного исследования, скорее всего, следует относить к расширению возможностей социологии, а не к «революциям» в ней.

Однако плюрализм в социологии – это не только «мирное сосуществование» различных теоретических построений. Он означает еще и возможность их использования для проведения научных исследований, повседневных социологических практик и осуществления социологического образования. Социологический плюрализм имеет немалое значение и в сфере публичной социологии. Здесь вопрос в том, с каких публичных (в том числе политических) позиций выступает социолог, имея в виду господствующий в обществе режим власти.

Необходимо рассмотреть понятие социологического плюрализма, поскольку он является важным методологическим принципом, характеризующим отечественную и мировую социологию в целом и под углом зрения которого ее следует рассматривать. Термин «плюрализм» (от латинского *pluralis* – множественный, многообразный) пришел в социологию из философии (его часто использовал Гегель) и политической науки. Он «означал один из принципов общественного устройства, согласно которому общественно-политическая жизнь должна включать множество различных взаимозависимых и вместе с тем автономных социальных и политических групп, партий, организаций, установки, идеи и программы которых находятся в постоянном сопоставлении, соревновании, конкурентной борьбе» [Современная западная социология, 1990: 264].

Есть, однако, основания полагать, что на использование понятия «плюрализм» в социологии прежние и современные философские и политические концепции не оказали сколько-нибудь существенного влияния. Как методологический принцип, плюрализм в социологии означает, в первую очередь, наличие в ней целого ряда идейных направлений, парадигм, теорий, методологий исследования,

сосуществующих, взаимовлияющих, предоставляющих автору право выбора и использования одной или нескольких теорий (концепций) для собственного исследования. Родственным плюрализму понятием выступает полипарадигмальность, означающая наличие не одной (к примеру, марксистской) парадигмы, а нескольких, одновременно, параллельно существующих, принятых и используемых исследователями парадигм.

Обсуждая проблему плюрализма в отечественной социологии, мы, как обычно, стремимся сравнить положение дел в ней с аналогичной ситуацией в западной социологии. И здесь мы обнаруживаем, что в западной социологии такой проблемы просто не существует, поскольку она (социология) изначально развивалась как плюралистическая и полипарадигмальная наука.

Уже в границах классического этапа возникли и активно проявляли себя позитивизм и неопозитивизм, эволюционизм, марксизм, веберизм. В рамках каждой из этих парадигм существовало большое количество теорий и концепций. На современном этапе развития социологии количество теорий, концепций, парадигм многократно увеличилось, что позволяет рассматривать картину современной социологии как пестрое мозаичное панно, в котором отражаются самые различные по величине, цветовой гамме, конфигурации составляющие. Но при всей видимости хаотического нагромождения и причудливого сочетания элементов этой картины более внимательный взгляд обнаружит в ней какие-то относительно упорядоченные структуры, отражающие соотносимые друг с другом фрагменты, которые позволяют, в конце концов, найти между ними сходство, подобие, соответствие и даже родство, благодаря чему и возникает представление о целостности социологического «полотна».

Продолжая аналогию между такой картиной, где о многом можно лишь догадываться и кое-что домысливать благодаря силе художественного воображения, и современной социологией, прежде всего теоретической, необходимо отметить, что последняя также «соткана» из различных лоскутков, которые, на первый взгляд, плохо связаны между собой, но, при более глубоком анализе, соединяются в структуры научного творчества, которые принято называть концепциями, теориями, парадигмами и метапарадигмами.

Несколько лет назад мы попытались с помощью предложенного нами метапарадигмального подхода (метапарадигмальной модели теоретической социологии) сгруппировать, проклассифицировать, систематизировать по определенным критериям эти структуры. Они были объединены для рассмотрения в рамках пяти основных метапарадигм: классической, неоклассической, постклассической, неклассической, постнеклассической (они уже назывались нами в начале главы). Благодаря такому подходу возникла

некая матрица теоретической социологии, в которой нашел отражение ее плюрализм [См. подробнее об этом: Зборовский, 2007: 40–64].

В отличие от зарубежной (западной) социологии, история отечественной социологии пережила несколько смен отношения к принципу плюрализма. На первом этапе ее развития этот принцип был активно воплощен в жизнь социологического сообщества. Наиболее ярко он проявился в противостоянии позитивизма и антипозитивизма (в качестве которого выступало неокантианство). В начале второго этапа таким противостоянием стало противоборство субъективного и психологического направлений, неокантианства, неопозитивизма, других проявлений «немарксистской» социологии и марксизма. Если плюрализм социологии на первом этапе ее развития сохранился и теоретическое противостояние приняло форму «status quo», то ход событий в начале второго этапа нарушил это состояние и привел к ликвидации социологического плюрализма и его замене социологическим монизмом, единственным содержанием которого стал марксизм.

Социологический монизм продержался в отечественной науке вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х гг., пока ему на смену вновь не пришел теоретический плюрализм, активно реализуемый в рамках современного этапа развития отечественной социологии. Следует отметить, что отдельные попытки перехода к нему предпринимались и раньше, но каждая из них заканчивалась для социолога, ее инициировавшего, неудачно, если не сказать драматично. В качестве примеров такого рода мы могли бы привести события в советской социологии, связанные с именами Ю. А. Левады и О. И. Шкаратана и имевшие место в конце 1960–1970-х гг. Первый попытался использовать для объяснения некоторых процессов в жизни общества отдельные зарубежные социологические теории немарксистского толка, второй же, рассматривая изменения социальной структуры, апеллировал к теориям социальной стратификации. Обе эти попытки вызвали гневную реакцию со стороны «блюстителей» марксистского социологического монизма, выразившуюся в обвинениях в антимарксизме, некритическом заимствовании враждебных нам буржуазных теорий и привели к гонениям на названных ученых.

Нечто подобное испытал на себе и автор данной книги после публикации в 1974 г. работы, посвященной исследованию социального пространства и времени [Зборовский, 1974]. Научный анализ, осуществленный в книге, привел его к выводу о том, что социальное пространство и время существуют не только объективно, но и субъективно, т. е. в трех «ипостасях» – как реальные субстанции, перцептуальные – субъективно воспринимаемые и концептуальные

(трактуемые на уровне понятий и концепций). После выхода в свет книги, из Москвы, от директора Института социологических исследований АН СССР М. Н. Руткевича, последовала команда: обсудить и осудить книгу и ее автора. Это и было сделано. Обвинение в антимарксизме и субъективном идеализме (т. е. в самых страшных грехах) долго висело на авторе, еще лет 15 старались ему это припомнить. Досталось и рецензентам, которые проглядели «крамолу». Так что стремление к социологическому плюрализму оказывалось не столь уж безобидным в советские времена.

Отдельные попытки выступить против плюрализма предпринимались и в 1990-х гг., правда, скорее закамуфлированные, чем откровенные. Да и времена были уже, к счастью, не те. В этой связи скажем о дискуссии между М. Н. Руткевичем (снова упомянем его как сторонника монизма и борца против социологического плюрализма) и В. А. Ядовым, которая имела место на страницах «Социологического журнала» в 1996 г. [Руткевич, 1996; Ядов, 1996].

Предметом для дискуссии послужила небольшая, но крайне важная в методологическом отношении статья В. А. Ядова, вышедшая годом раньше [Ядов, 1995]. В ней он доказывал возможность и даже необходимость при исследовании той или иной социологической проблемы, того или иного социального феномена использовать не одну, а несколько парадигм, разных теоретических подходов для того, чтобы осуществить различные интерпретации тех или иных социальных фактов. По мнению Ядова, это будет способствовать более глубокому их объяснению. Наличие ряда теоретических моделей, выступающих как опорные конструкции для исследования, крайне важно для социальных наук.

С точки зрения Руткевича, такой подход есть не что иное, как эклектика, смешивание того, что не подлежит соединению и, тем более, совместному использованию. Ядов же отстаивает, с нашей точки зрения, совершенно обоснованно, необходимость теоретического плюрализма. Рассматривая эту дискуссию, не следует забывать, что она происходила в самые первые годы социологической гласности и складывания, формирования в обществе нового социологического мышления (о чем в четвертой главе предстоит специальный разговор).

При рассмотрении социологического плюрализма как принципа отечественной социологии большой интерес представляет точка зрения на него А. Г. Здравомыслова. Он пишет, что «признание теоретического плюрализма в социологической теории есть прежде всего результат признания “многослойности” социальной реальности» [Здравомыслов, 2010: 282]. Тем самым он призывает нас в процессе анализа тех или иных парадигм, теорий, концепций обра-

щаться к выявлению связи между ними и теми реальными социальными фактами, событиями, процессами, которые они отражают и в концентрированном виде выражают. Это важно для того, чтобы анализ принципа плюрализма не превращался в теоретическую «игру», «плетение» научных, может быть даже наукообразных, «кружев».

Здесь следует отметить одно крайне важное обстоятельство: чем более разнообразной, многослойной и мозаичной становится социальная реальность, тем более заметным оказывается плюрализм ее интерпретаций. Одним из ярких доказательств этой связи стало появление в нашей стране в течение последних 15–20 лет большого количества достаточно разных теорий переходного периода, модернизации, трансформации общества и т. д. (некоторые из них будут показаны в четвертой главе книги). Многослойность, мозаичность, плюрализм социальной реальности вызывает ее различные интерпретации и стимулирует тем самым резкое возрастание смыслообразующих возможностей социологических трактовок.

Здесь мы хотели бы вновь процитировать А. Г. Здравомыслова, который писал, что «этот теоретический плюрализм проистекает из многообразия интересов, стимулирующих социологический поиск, в том числе и из многообразия “партийных” точек зрения. Во всяком случае, российскому социологу приходится учитывать наличие противоположных политических ориентаций, сложившихся в обществе, и преодолевать их в своей исследовательской практике или, по меньшей мере, демонстрировать стремление к преодолению узкопартийных взглядов, в сколь бы прогрессистскую и принципиальную идеологию они ни облекались. В настоящее время это представляется условием самосохранения социологии как области научного знания, исследований, преподавания» [Здравомыслов, 2010: 284].

Выясняется, что проблема социологического плюрализма – это не только внутренняя проблема науки; в определенных обстоятельствах она может вызывать широкий общественный, политический и властный интерес. Чтобы осмыслить эту ситуацию, следует отметить несколько разновидностей плюрализма в социологии. Одна из них – это теоретический плюрализм в его, так сказать, чистом, рафинированном виде. Речь идет о концепциях, теориях, парадигмах, имеющих сугубо научный характер, обращенных в сферу эпистемологии, методологии, логики научного исследования и др. и не выходящих напрямую на социальную и политическую проблематику, на отношения социологии и ее конкретных представителей с властными структурами. Другая разновидность плюрализма в социологии связана с ее политическими, идеологическими, религиозными векторами и соответствующей практической направленностью интересов.

Иногда эти разновидности могут, так или иначе, пересекаться в деятельности социологов. И тогда мы можем обнаружить, что одни виды плюрализма не вызывают реакции властных структур, тогда как другие, наоборот, привлекают слишком пристальное их внимание, доходящее до готовности принять репрессивные меры против тех или иных социологических организаций или отдельных социологов, не согласных с какими-либо политическими решениями этих структур.

Возьмем в качестве примера деятельность социологов Левада-Центра. Когда они разрабатывают методологические и методические проблемы эмпирических исследований, это никого не волнует, кроме специалистов, работающих в данной области социологической науки. Но как только публикуются результаты исследований социологов Центра, которые показывают нелицеприятные для власти социальные факты (например, заметное падение рейтинга Президента страны в определенные периоды времени, негативное отношение к законодательным инициативам депутатов Государства РФ), так сразу же ставится вопрос о применении в отношении социологов Федерального закона № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Как известно, этот закон позволяет рассматривать научную деятельность в социологии как разновидность политической, а некоммерческие (неправительственные) организации, ее осуществляющие, признать в качестве иностранных агентов. Более того, руководству Центра уже предлагалось признать себя в таком качестве, на что был получен резкий отказ.

Вывод, который мы можем сделать, состоит в том, что в конечном итоге социологический плюрализм оказывается не только методологической, но и практической проблемой деятельности исследователей, причем далеко не всегда безобидной. Наличие такого аспекта проблемы лишний раз свидетельствует о том, что социологическое поле и поле политики оказываются не просто рядом, а частично накладываются друг на друга, даже взаимопроникают и заставляют еще раз задуматься над тем, каким образом социологам можно участвовать в создании гражданского общества.

К рассмотренному вопросу примыкает и такая общая проблема, как весьма сложные и напряженные отношения социологии и власти. По нашему мнению, отечественной социологии на протяжении всей истории ее становления и развития на власть, как правило, не везло. За полтора века существования социологии в России можно найти не более 15 лет (10 % от всего этого времени), когда власть не «дергала», не «напрягала» социологию, давала ей

относительно спокойно работать. Это первые послереволюционные годы (1917–1920) и десятилетие 1990-х, то есть незначительные интервалы времени, когда авторитарные и тоталитарные режимы или отсутствовали, или не ощущали серьезной угрозы со стороны социологической науки и практики. Все остальное время представляло собой либо политическое и идеологическое давление на социологию, либо прямые и косвенные запреты на занятия ею и осуществление социологического образования, либо ограничения на издательскую деятельность и публикации книг, статей и методических материалов, либо все это, вместе взятое.

Да и не могло быть по-другому. Возникает вопрос, почему. По нашему мнению, в основе такой позиции власти и той официальной идеологии, которой она (власть) придерживалась (зачастую придерживается и сейчас) относительно социологии, лежит боязнь, страх, испуг (можно называть как угодно, видимо, в разное время по-разному) ее интеллектуального, культурного, научного и символического капитала. Социология с самого начала своего появления и функционирования оказывалась способной вскрывать на каждом этапе своего развития ресурс трансформации общества на пути радикальных изменений его социальных институтов, чего власть опасалась и продолжает опасаться больше всего. В отличие от недемократической власти, неспособной к рациональному осмыслению социальных проблем (ей это до поры до времени просто не нужно), социология может его осуществлять, делая при этом далекоидущие выводы.

В этом отношении социология способна превратиться в своеобразную форму самопознания общества и вооружить людей «опасным» для власти знанием общественной жизни (включая знание механизма властвования и навязывания простым людям определенной идеологии, стереотипов повседневной жизнедеятельности, уводящих от сферы активных действий). Именно этому и готовы препятствовать властные структуры на всех этапах возникновения и развития социологии России. Здесь мы должны сразу отметить, что ситуации с социологией в нашей стране и странах западного мира не тождественны. Во многом это объясняется тем, что уровень автономности и независимости социологии от политического климата в западных странах неизмеримо выше, чем у нас.

Историко-социологический анализ поставленной проблемы за последние полтора столетия показывает, что социология в принципе не нужна российской власти – ни во время появления этой науки на свет, ни сейчас. В чем-то она становится даже опасной для нее, особенно когда публикует результаты исследований, ставящих под глубокое сомнение справедливость и целесообразность социального и политического курса руководства страны.

Примеров такого «отторжения» социологии от власти можно найти более чем достаточно в истории отечественной науки – и на ранних, и на поздних этапах ее развития. Рассмотрим лишь один, но очень красноречивый и показательный. Речь пойдет о концепции выхода советской экономики из застоя. Концепция была предложена Т. И. Заславской в 1983 г. и получила впоследствии название «Новосибирского манифеста» [См. подробнее: Фирсов, 2012: 301–304].

Проанализировав глубокий кризис в отечественной экономике, возникший на основе фундаментального противоречия между производственными отношениями и производительными силами советского социалистического общества, вскрыв тормозящую роль первых, Т. И. Заславская пришла к выводу о необходимости качественного преобразования всей системы управления экономикой, изменения системы стимулирования труда, повышения его мотивации. Она, по существу, бросила власть имущим – руководству КПСС и Советского государства социологический «спасательный круг», предложив им использовать вскрытые ею ресурсы саморазвития социально-экономической системы. Суть этих ресурсов состояла в том, чтобы создать реальный интерес у людей к своему труду. Однако власть не захотела воспользоваться предложенной новой социально-экономической технологией, отвергла предложение социологов. Результат для власти оказался печальным: глубокий экономический, а затем и не менее глубокий политический кризис «смёл» ее. Неслучайно «Новосибирский манифест» Т. И. Заславской считают теоретической основой перестройки.

По ее работам, писал А. Г. Здравомыслов, «можно проследить, как экономическая мотивация (недостаточное развитие ее) приводит к негативной политической мотивации. Недовольство результатами труда, неудовлетворенность неиспользованным потенциалом самого работника и уравнилительной политикой в области заработной платы переносится на недовольство политическим устройством общества. <...> Выводы, сформулированные Заславской... вполне могли бы быть предметом общенациональной дискуссии, если бы власти того времени были более дальновидными. Однако этого не случилось по вполне понятным причинам. Для тех, кто был у власти и при власти, широкое обсуждение реальных проблем экономического развития страны было противопоказано, оно несло в себе угрозу их собственному положению, т. е. “интересам власти”» [Здравомыслов, 2010: 261–262].

С того времени прошло более 30 лет. Конечно, многое изменилось, и сегодня широким обсуждением реальных экономических проблем уже никого не удивит. Однако что бы ни говорили участники этого обсуждения, что бы ни советовали экономисты и соци-

ологи, к каким бы выводам они ни приходили, будут приниматься только те решения, которые устраивают властные структуры. Но одно из прошлого все же сохранилось – их страх и боязнь, которые чаще всего и являются основой политических действий властей.

Стало быть, не зря отдельные отечественные исследователи, представляющие «властвующую» социологическую элиту, призывают своих коллег не пугать политическую власть полученными в процессе изучения тех или иных проблем результатами. Но об этом подробнее будет сказано в последних двух главах.

Завершая первую главу, следует отметить, что в ней были рассмотрены многие, но далеко не все методологические аспекты исследования отношений между наукой, политикой и властью, а также проблемы продвижения отечественной социологии к гражданскому обществу. Однако такую задачу автор и не ставил перед собой, учитывая то обстоятельство, что каждая (или почти каждая) из методологических проблем требует конкретизации применительно к любому из этапов развития социологии в нашей стране.

Кроме того, есть проблемы взаимодействия современной отечественной и зарубежной социологии, которые стоят несколько особняком, хотя, конечно, касаются ситуации в российской науке, влияют на сложные процессы в ней и требуют специального рассмотрения. Безусловно, оно будет осуществлено также в последних двух главах книги.

Сейчас же мы перейдем непосредственно к анализу предпосылок появления отечественной социологии, покажем ее так называемый предсоциологический, а затем и первый этап возникновения и развития.

Литература

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М. : Прогресс – Политика, 1993.

Архив Б. З. Докторова.

Батыгин Г. С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 1998.

Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. – М. : Онега, 1995.

Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. – М. : Мартис, 1995.

Добренков В. И., Кравченко А. И. Социология : в 3 т. – Т. 1. – М. : Инфра-М, 2000.

Доган М. Социология среди социальных наук // Социологические исследования. – 2010. – № 10.

Докторов Б. З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Заславская Т. И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. – М. : ВЦИОМ : МВШСЭН, 1997.

Заславская Т. И. Избранное : в 3 т. – Т. 3 : Моя жизнь: воспоминания и размышления. – М. : Экономика, 2007.

Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск : Изд-во Свердловского юридического института, 1974.

Зборовский Г. Е. О периодизации истории социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – № 4.

Зборовский Г. Е. История социологии. – М. : Гардарики, 2004.

Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2007.

Зборовский Г. Е. Метaparадигмальная модель теоретической социологии // Социологические исследования. – 2008. – № 4.

Зборовский Г. Е. Теоретическая социология: quo vadis? // Социологические исследования. – 2013. – № 9.

Здравомыслов А. Г. Социология: теория, история, практика. – М. : Наука, 2008.

Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. – М. : Логос, 2010.

Ионин Л. Г. Парадоксальный сон : статьи и эссе. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2005.

История социологии. – Минск : Вышэйшая школа, 1993.

Капитонов Э. А. Социология XX века. История и технология. – Ростов н/Д : Феникс, 1996.

Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. – СПб., 1903.

Козер Л. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. – М. : Норма, 2006.

Кон И. С. Позитивизм в социологии. Исторические очерки. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1964.

Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. – 2012. – № 5.

Кудрина С. А. Ценностные основания появления социологии // Социологические исследования. – 2014. – № 3.

Кукушкина Е. И. Русская социология XIX – начала XX в. – М. : МГУ, 1993.

Култыгин В. П. Классическая социология. – М. : Наука, 2000.

Матвеева Н. Ю. Современная социологическая наука. Возвращение к истокам // Социологические исследования. – 2012. – № 5.

Миненков Г. Я. Введение в историю российской социологии. – Минск : Экономпресс, 2000.

Новикова С. С. История развития социологии в России. – М. ; Воронеж : НПО «Модек», 1996.

Новикова С. С. Социология: история, основы, институционализация в России. – М. ; Воронеж : НПО «Модек», 2000.

Парсонс Т. О структуре социального действия. – М. : Академический проект, 2000.

Подвойский Д. Г. Тропами модерна: социологические вариации на тему // Социологические исследования. – 2013. – № 10.

Романовский Н. В. Социология сегодня и завтра // Социологические исследования. – 2012. – № 10.

Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

Руткевич М. Н. О диалектике и эклектике в теоретической социологии // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2.

Сен-Симон К.-А. Избр. соч. – М. : Госполитиздат, 1948. – Т. 1.

Современная западная социология : словарь. – М. : Политиздат, 1990.

Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 1998.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. – М. : ВШЭ, 2012а.

Урри Дж. Мобильности. – М. : ВШЭ, 2012б.

Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы : очерки. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

Шереги Ф. Э. Социология политики. – М. : ЦСП, 2003.

Шляпентох В. Э. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. – СПб. : Изд-во журн. «Звезда», 2003.

Шубкин В. Н. Социологические мечтания // Насилие и свобода: социологические очерки. – М. : Изд-во «На Воробьевых», 1996.

Ядов В. А. Куда идет российская социология? // Социологический журнал. – 1995. – № 1.

Ядов В. А. Два рассуждения о теоретических предпочтениях // Социологический журнал. – 1995. – № 2.

Ядов В. А. Реплика уважаемому оппоненту // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2.

Ядов В. А. Мы все – самоучки в социологии // Российская социология 1960-х гг. в воспоминаниях и документах. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб. : Интерсоцис, 2006.

Ядов В. А. Для чего нужна сегодня национальная русская социология? // Социологические исследования. – 2008. – № 6.

Ядов В. А. Каким мне видится будущее социологии // Социологические исследования. – 2012. – № 4.

Albrow M. Introduction // Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M. Albrow and E. King. – London : Sage Publications, 1990.

Cuin Ch., Gresle F. Histoire de la sociologie. – P., 1992.

Giddens A. Sociology. – Cambridge : Polity Press, 1989.

Parker D. Why bother with Durkheim? Teaching sociology in the 1990s // Sociological Review. – 1997. – Vol. 45. – № 1.

Shlapentokh V. The Politics of Sociology in the Soviet Union. – Boulder ; London : Westviewpress, 1987.

Szacki J. The History of Sociology and Substantive Sociological Theories // T. Bottomore, S. Nowak, M. Sokolowska, Sociology, the State of the Art. – L. : Sage, 1982.

Глава 2

Дореволюционный этап отечественной социологии

1. Предпосылки возникновения социологии в России. Предсоциологический этап
2. Особенности дореволюционного этапа отечественной социологии
3. Характеристика основных периодов классического этапа отечественной социологии
 - 3.1. Российская социология в условиях господства субъективной социологии и позитивизма (первый период)
 - 3.2. Российская социология в условиях господства неокантианства (второй период)
 - 3.3. Российская социология в условиях господства неопозитивизма (третий период)

Whitehead A. N. Organizatiion of Thought, Educational and Scientific. – L., 1917.

Прежде чем характеризовать особенности, содержание и проблематику первого (дореволюционного, классического) этапа отечественной социологии, выявим исторические условия и предпосылки возникновения социологии в России, в качестве главной среди которых рассматриваются ее содержательные процессы в рамках предсоциологического этапа развития.

При написании данной главы автор опирался в первую очередь на работы Г. С. Батыгина [Батыгин, 1998], Л. А. Беляевой [Беляева, 2004], И. А. Голосенко и В. В. Козловского [Голосенко, 1995, 2002], Б. З. Докторов [Докторов, 2013], А. Г. Здравомыслова [Здравомыслов, 2008, 2010], Л. Козера [Козер, 2006], В. П. Култыгина [Култыгин, 2000], Е. И. Кукушкиной [Кукушкина, 1993], Г. Я. Миненкова [Миненков, 2000], С. С. Новиковой [Новикова, 1996, 2000], Б. М. Фирсова [Фирсов, 2012], В. А. Ядова [Ядов, 1995, 2008].

Из этого перечня работ и их авторов особо хотелось бы выделить труды по истории отечественной социологии, ее дореволюционного этапа И. А. Голосенко (1938–2001). Он по праву считается одним из наиболее крупных и глубоких специалистов во всем мире по истории отечественной социологии. При написании данной работы, в первую очередь этой главы, на ее автора оказали определяющее влияние следующие особенности творчества И. А. Голосенко.

Во-первых, это разработка методологии исследования дореволюционного этапа истории социологии в России. Здесь большую роль сыграли его взгляды на российский позитивизм, изучение им влияния идей О. Конта на зарождавшуюся российскую социологическую мысль. Во-вторых, выявление трех основных линий развития дореволюционной российской социологии – позитивизма, антипозитивизма (неокантианства и марксизма), неопозитивизма. В-третьих, глубокое исследование (одно из первых в нашей стране) российского этапа творчества П. А. Сорокина. В-четвертых, анализ особенностей институционализации социологии в России. В-пятых, выявление тенденции к созданию в России «интеграционной» социологии (что конкретно было показано ученым на примере творчества П. А. Сорокина).

Указанные аспекты творчества И. А. Голосенко позволили автору рассмотреть не только предпосылки и начальный этап разви-

тия отечественной социологии. Удалось выявить ее критическую по отношению к власти, царскому самодержавию функцию, показать стремление российских социологов к созданию нового общества, основанного на началах социальной справедливости, учета интересов самых разных слоев населения, политической демократии. Анализ гражданской активности отечественных социологов, осуществленный И. А. Голосенко, показал мощный интеллектуальный и протестный потенциал социологии в России и ее большие возможности, связанные с созданием в стране в будущем гражданского общества.

1. Предпосылки возникновения социологии в России. Предсоциологический этап

Социология в России возникает во второй половине XIX в., после реформы 1861 г., провозгласившей отмену крепостного права и означавшей начало новой эпохи в развитии не только экономических, но и социальных, политических, духовных процессов в жизни страны. В экономической сфере была открыта дорога развитию индустриального производства и капиталистических отношений. Появился новый тип экономики как в городе, так и в деревне, требовавший своего особого теоретического осмысления, поскольку уже имевшиеся на Западе концепции развития капитализма не вполне подходили для объяснения российской действительности. Наличие сильных остаточных феодально-крепостнических явлений, господство сельской общины как основы экономических и социальных отношений и многое другое привели к необходимости специальных научных трактовок. В них нуждалось и объяснение процессов усложнения и изменения социальной структуры русского общества в связи с появлением новых классов и слоев городской и сельской буржуазии, городского и сельского пролетариата, разnochинцев и т. д.

Произошло значительное оживление социальной жизни, связанное с появлением революционных демократов, народников и иных общественных движений, как противостоявших правящему царскому режиму, так и поддерживавших его. В качестве особого социального явления возникает общественное мнение, изучать и учитывать которое становится необходимым для всех господствовавших и оппозиционных структур. Таким образом, оказываются налицо социально-экономические и политические предпосылки появления новой для России науки – социологии.

К ним в полной мере должны быть добавлены естественно-научные и идейно-теоретические предпосылки, без которых ее воз-

никновение было бы невозможным. В качестве первых необходимо назвать крупнейшие научные открытия середины XIX в. Это эволюционная теория Ч. Дарвина, клеточная теория Т. Шванна и М. Шлейдена, некоторые значительные достижения в области физики, астрономии, математики и химии. Открытие целого ряда фундаментальных законов природы, использование при этом строгих и точных методов получения естественно-научного знания не могли не поставить аналогичных вопросов в отношении общества и методов его изучения. Таким образом, были созданы необходимые условия для появления позитивизма.

Социология как наука (а затем и форма практической деятельности) родилась в капиталистическом обществе для удовлетворения его потребностей – точного, строгого, обоснованного, доказательного, объективного знания об этом обществе. Заявив о задаче социологии создавать такое же знание об обществе, какое естественные науки создают о природе, позитивисты сформулировали тем самым почти недостижимую мечту. С тех пор стремление к такому знанию пробивается в качестве тенденции. Но нормой является другое знание. Что же касается точного и строгого, обоснованного и достоверного знания, как в естественных науках, то оно оказалось едва ли не первой формой социологического воображения. Все же постепенно складывался образ науки (точнее, многое делалось для того, чтобы он складывался) с весьма высоким уровнем доверия к ней.

Главную роль в возникновении социологии в России сыграли идейно-теоретические предпосылки, выразившиеся в существовании и влиянии отдельных социальных концепций, имевших как отечественное, так и зарубежное происхождение. Вначале коротко скажем о зарубежном идейно-теоретическом влиянии, а затем подробнее остановимся на предсоциологическом этапе развития российской социальной мысли.

Одна из особенностей возникновения отечественной социологии состоит в том, что в России этот процесс происходил тогда, когда в Западной Европе социология уже активно развивалась благодаря трудам О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса и многих других представителей названной науки, не относимых к числу классиков, но внесших значительный вклад в ее конституирование. Временной лаг, отделяющий появление российской социологии от ее западноевропейской «старшей сестры», может быть определен приблизительно в тридцать лет.

Следовательно, работы поименованных выше социологов не могли не оказать влияния на те или иные концепции в России. Так, известно, что первым познакомил российского читателя с идеями О. Конта В. Н. Майков, опубликовавший в 1845 г. статью «Обще-

ственные науки в России», в которой вслед за французским социологом поставил задачу формирования новой общественной науки о законах социальной жизни людей и народов. Правда, в этой статье он оспаривал необходимость использования термина «социология», используя вместо него другой термин – «социальная философия». Но в данном случае значение имеет не это, а иное обстоятельство: стала внедряться в сознание общества идея плодотворности новой науки об обществе.

Теперь рассмотрим те отечественные идеи и теории, которые подготовили возникновение социологии и составили содержание ее так называемого предсоциологического этапа. Во временном отношении – это XVIII и первая половина XIX в. Именно в XVIII столетии, который принято в литературе называть веком просветительской философии, закладывались основы социальной мысли России. Конечно, в этом сыграли свою значительную роль Петровские преобразования в стране. Их противоречивое влияние на последующее развитие общественной мысли очевидно.

Главная проблема, которая была поставлена в «повестку дня» и которая, кстати сказать, по сию пору не «снята», – по какому пути развиваться России: должен ли это быть национальный, самобытный, отечественный путь, или необходимо использовать в первую очередь европейский социальный опыт? Эта проблема окажется центральной на протяжении всего последующего развития социальной, в том числе социологической, мысли. Причем степень ее остроты будет колебаться в довольно большом диапазоне идей и социальных действий.

Здесь сделаем одно отступление в будущее. Время от времени к проблеме выбора пути развития возвращаются представители разных взглядов. Сейчас доминируют явно выраженные консервативные представления. В наши дни печать на это «возвращение» накладывает ситуация, связанная с резким обострением отношений между Россией и Западом в связи с событиями в Крыму и на Украине, жесткими политическими, экономическими, финансовыми, социокультурными санкциями, предпринятыми против нашей страны, и стремлением авторитарного режима к сближению со странами Азии. По существу властью провозглашается необходимость нового самобытного отечественного пути развития, а система идеологии и пропагандистская машина призваны обеспечить его спокойное восприятие в обществе. Со стороны Кремля ожидается включение в этот процесс и социологической науки, которая тоже, видимо, должна будет каким-то образом обосновывать социальную необходимость поворота в стране к новому пути развития.

Реально новая социально-политическая ситуация в мире (Запад против России) может привести к ослаблению уже традиционных для последних двух десятилетий связей отечественной и западной социологии, что крайне негативно скажется на положении дел в нашей науке. При этом нужно иметь в виду, что усиливающиеся экономические и торговые отношения России с азиатскими странами не могут сопровождаться аналогичными процессами в области социально-гуманитарных наук в силу многих причин: колоссальных различий в менталитете, трудностях овладения новыми языками, существенной разнице в уровнях развития социологической науки и ее ориентациях и т. д.

С точки зрения изначального развития социологии в российском обществе выяснилось, что она явно тяготеет к Западу. Это было заложено в процесс ее предыстории (со времен А. И. Герцена) и истории (со времен П. Л. Лаврова, М. М. Ковалевского и Н. К. Михайловского).

В XVIII в. предлагались различные варианты развития страны, прежде всего в плане ее социально-политического устройства, характера власти и роли государства в жизни общества. Существовали идеи укрепления этой роли, вплоть до признания необходимости авторитарного и деспотического социально-политического управления (Ф. Прокопович, В. Татищев). Этим взглядам противостояли идеи либерального характера, сформулированные Д. Аничковым, С. Десницким, Я. Козельским, А. Радищевым. Они акцентировали внимание на отдельных сторонах развития России, связанных с деятельностью общины (Д. Аничков), хозяйственными, экономическими и трудовыми процессами (С. Десницкий), уничтожением крепостничества и самодержавия (А. Радищев) и др.

В первой половине XIX в. формулируются новые концепции, сыгравшие значительную роль в появлении социологии. Они касаются обоснования идеи историзма (Н. Надеждин), революционного преобразования общества как необходимого условия его прогрессивного развития (П. Пестель), наконец, введения новой позитивной науки об обществе – социологии (В. Майков).

Одной из ключевых фигур в социальной мысли России в первой половине XIX в. был П. Я. Чаадаев, внесший своим знаменитым философическим письмом 1829 г. заметный вклад в направление социологического поиска. Оно было первым среди восьми писем, написанных в 1829–1831 гг. и ходивших в рукописном варианте на французском языке по стране. В 1836 г. письмо было переведено на русский язык и опубликовано в журнале «Телескоп», вызвав при этом гнев и ярость императора Николая I. Журнал был запрещен, все, имевшие отношение к его выпуску, были жестко наказаны, самого же автора письма объявили сумасшедшим и заключили

под домашний арест. Какие же его идеи вызвали столь непримиримую реакцию власть имущих?

В письме П. Я. Чаадаев рассматривал роль и место русского народа в истории цивилизации, давая ему крайне негативную и низкую оценку. Он писал: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось... То, что у других составляет издавна самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение» [Чаадаев, 1989: 18].

Автор письма стремился доказать, что у России нет традиций, что все в этой стране основано на подражании и заимствовании, что она живет без правил и убеждений. В этом смысле она выпадает из единства исторического процесса и находится в стороне от общечеловеческого прогресса, живет вне мировых традиций, без прошлого и будущего. «Мы живем, – писал он в этой связи, – лишь в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. <...> Выделенные по странной воле судьбы из всеобщего движения человечества, не восприняли мы и традиционных идей человеческого рода. А между тем на них основана жизнь народов, из этих идей вытекает их будущее и происходит их нравственное развитие. Если мы хотим, подобно другим народам, иметь свое лицо, мы должны сначала как-то переначать у себя все воспитание человеческого рода. К нашим услугам – история народов и перед нашими глазами – итоги движения веков» [Чаадаев, 1989: 20]. Трагическая и безысходная картина жизни России дополняется фиксацией ее полного одиночества в мире, бесцельности ее бытия в нем: «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили» [Чаадаев, 1989: 25].

Трудно нарисовать более мрачную реальность, из которой в то время П. Я. Чаадаев не видел выхода. Правда, в последующем он перешел на более оптимистические позиции, утверждая, что у России есть возможность более правильного социального выбора, связанного с решением проблем социального порядка и использованием плодотворных идей, накопленных человечеством. Но в любом случае П. Я. Чаадаев считал необходимым переход к новому типу общества, в корне отличающегося от существующего.

Значение критических воззрений П. Я. Чаадаева состоит в том, что они дали толчок для появления двух основных направлений социальной мысли в России – западничества и славянофильства,

направлений не только противостоявших друг другу на арене идейного столкновения и конфликта, но и превратившихся в тот духовно-теоретический стержень, вокруг которого стали впоследствии формироваться многие социологические концепции. Главный пункт противоборства состоял в понимании сущности и путей социального развития России.

Авторы западнических концепций признавали приоритет общечеловеческих социальных образцов и моделей на основе рационалистического западного идеала и доказывали необходимость их насильственного внедрения. Авторы славянофильских теорий, наоборот, отрицая такой путь, убеждали в необходимости естественного и органического развития отечественной культуры за счет доминирования национальных ценностей, образцов, идеалов и традиций. Наиболее яркие представители первого (западнического) направления – В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, второго (славянофильского) – К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков.

Нас эти направления интересуют не столько в плане определения их роли в духовной жизни России, сколько с точки зрения выявления содержащихся в них идей, имевших социологическое значение. Говоря о таких взглядах западников, отметим среди них: рассмотрение в качестве основного субъекта социально-преобразовательных процессов народов и классов; акцент на революционном характере изменений в обществе (особенно со стороны революционного крыла западничества); подчеркивание роли социальных конфликтов в жизни общества; стремление выявить единство мировой истории и определить ее закономерности и др. Что касается славянофилов, то для социологической науки в России имели особое значение такие их идеи, как признание особой роли духовной детерминации социального поведения людей; подчеркивание самобытности культурных типов; характеристика общины как основной экономической, социальной и культурной формы жизни в обществе; рассмотрение социальной эволюции как наиболее органичного типа развития и перехода общества от одного состояния к другому.

Различия в позициях западников и славянофилов попытался преодолеть К. Д. Кавелин, и в этом его главное значение на пути «собирания» социологии в России. Стремясь преодолеть недостатки и ограниченность каждого из двух основных направлений отечественной социальной мысли, он своими идеями, по существу, завершает предсоциологический этап и создает необходимые предпосылки для непосредственного перехода к конституированию социологической науки.

Главная мысль К. Д. Кавелина состоит в необходимости нахождения таких форм и путей развития России, которые позволили бы органически сочетать лучшие достижения человечества (они в работах ученого выступают как европейские) и национальный опыт. То и другое, взятое порознь, ведет к негативным результатам. В статье «Наш умственный строй» К. Д. Кавелин писал: «Принимая из Европы без критической проверки выводы, сделанные ею для себя из своей жизни, наблюдений и опытов, мы воображаем, будто имеем перед собой чистую, беспримесную научную истину, всеобщую, объективную и неизменную, и тем парализуем собственную свою деятельность в самом корне, прежде чем она успела начаться» [Кавелин, 1989: 316]. Чтобы этого не было, необходимо развивать самобытное начало собственной жизни, придающее ему «отличную от всех других физиономию», стремиться к высокой нравственности народа. «Только когда у нас разовьется индивидуальное начало, когда народится и на Руси нравственная личность, может измениться и наша печальная ежедневная действительность» [Кавелин, 1989: 318].

С личностью, прежде всего с ее внутренним саморазвитием, нравственностью и культурой, связывал общественный прогресс К. Д. Кавелин. Исследователи его творчества справедливо отмечают, что именно в трактовке прогресса как внутреннего саморазвития личности (а не изменения внешних социальных форм) оказался заложен переход к субъективной социологии, которая стала одним из доминирующих направлений развития этой науки в России.

Однако проблемы общества как такового, смена его форм на более прогрессивные, переход от самодержавия к демократическому типу властвования и изучение этих вопросов социальными науками К. Д. Кавелиным не ставились. С этой точки зрения его творчество мало в чем способствовало возникновению социологии как науки об обществе.

Зато играли большую роль умонастроения русской демократической интеллигенции в середине XIX в. Как верно пишет Б. М. Фирсов, она «довольно быстро осознала, что новая социальная наука... дает точку опоры для “великого русского спора” о судьбах страны и для выражения несогласия и протеста против власти самодержавия. Отсюда берет свое начало политическая ангажированность как отражение особенностей социального мышления и, более широко, менталитета образованных слоев нашего общества, которая ускорит процесс создания новой социальной дисциплины и будет оставаться родовой чертой отечественной социологии на протяжении практически всего XX в.» [Фирсов, 2012: 57].

В целом предсоциологический этап развития социальной мысли подвел ее к необходимости появления новой науки о социальных процессах. Причем речь идет о такой науке, которая касалась бы в гораздо большей степени, чем раньше, проблем самого общества и его структур, с одной стороны, властвующих, с другой – являющихся реальными субъектами социальной деятельности, в первую очередь народных масс и крестьянской общины как их центрального элемента. Такой новой наукой должна была стать уже имевшая опыт развития на Западе социология.

2. Особенности дореволюционного этапа отечественной социологии

Начнем анализ первого (дореволюционного, классического) этапа отечественной социологии с рассмотрения его основных особенностей [Более подробно см. об этом: Зборовский, 2004: 232–310]. В рамках этого этапа оказались сформулированными основные социологические идеи, синтезировавшие лучшие достижения мировой (европейской) социологии с концептуальными положениями отечественных исследователей, в которых был дан анализ специфических социальных проблем российского общества. Классический этап оказался непродолжительным по времени, однако достаточно богатым по содержанию. В сравнении с классической западноевропейской социологией российская «классика» оказалась не столь протяженной (в Европе этот период продолжался на 30 лет больше), но не менее насыщенной социологическими открытиями, событиями и исследованиями.

Укажем в этой связи, что процессы институционализации в российской социологии так и не осуществились в полной мере, в результате чего не удалось добиться университетской подготовки кадров профессиональных социологов. Российская социология оказалась обделенной проведением эмпирических исследований (даже на элементарном, примитивном уровне). При этом, отметим сразу, мы не имеем в виду работы статистического характера. С этим как раз было все в порядке. В отечественной социологии не сложились предпосылки для появления настоящих научных школ.

Вместе с тем мы не только не отрицаем, но, наоборот, подчеркиваем большую роль М. М. Ковалевского (который был широко известен за пределами России как ученый-социолог), П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Н. И. Кареева и др. Их значение определялось не только чисто научными трактовками социологических проблем, но и значительной гуманистической, просвещенческой деятельностью, общественно-политической направ-

ленностью выступлений против самодержавия, засилья мракобесия и консерватизма. М. М. Ковалевский использовал для таких выступлений не только печать, но и трибуну Государственной Думы, депутатом которой он оставался до самой смерти в 1915 г. Следует отметить его колоссальную популярность в России, о чем свидетельствуют даже похороны ученого. Газеты того времени сообщали, что по массовости, количеству людей, пришедших на них, похороны М. М. Ковалевского уступали только похоронам П. А. Столыпина.

Изначальная общественно-политическая, «антивластная» направленность российской социологии, содержащиеся в ней радикальные идеи преобразования общества на справедливых и демократических началах, морально-этическая заостренность публикаций и устных выступлений, антиклерикальный характер многих из них, акцент на проблематике личности, общественного прогресса, социальной справедливости – все это создавало трудности для ее общественного признания и институционализации.

Новая наука в правящих кругах была встречена настороженно, если не сказать враждебно. Одна из основных причин – ее тесная связь с событиями и оценками политической жизни в стране и за рубежом и попытки включения в непосредственную политическую деятельность ряда социологов, особенно тех, кто требовал революционного ниспровержения существующего строя. Кстати, именно тесной связью с реальными политическими процессами и действиями отличалась российская социология (по крайней мере, ряд ее представителей, что бросало «тень» на всю науку) от западной, поскольку последняя формировалась в постреволюционных условиях и не была ориентирована на радикальное преобразование власти.

Настороженное, а подчас и просто враждебное отношение к социологии со стороны правящего режима проявилось в различных санкциях, непосредственно направленных против ее представителей. Среди этих санкций – увольнения, ссылки, аресты, вынужденная эмиграция и т. п. Многие российские социологи, в том числе и такие крупные и широко известные ученые, как М. М. Ковалевский, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Е. В. де Роберти, сполна испытали на себе и «барский гнев, и барскую любовь».

У российской социологии долгое время не было своих журналов, профессиональных сообществ и учреждений, кафедр и факультетов в университетах. Об отсутствии социологического образования в стране, даже в самом зачаточном виде, уже говорилось в первой главе. Вместе с тем печатались книги социологов – при условии благополучного прохождения ими цензуры. Переводились на русский язык и издавались работы зарубежных социологов –

также при соблюдении этого условия. Однако, если обнаруживалось их «враждебное действие на умы», книги могли быть изъяты и уничтожены.

В качестве примера приведем судьбу русского перевода второго тома «Динамической социологии» американского социолога Л. Уорда: работа была сожжена по специальному решению царского правительства, члены которого сочли эту книгу подрывной и враждебной его устоям. Особое недовольство министров вызвали те разделы работы, где говорилось о важности глубокого реформирования американского общества и его системы образования. Автор книги, в частности, ставил вопрос о необходимости введения в США всеобщего обязательного бесплатного среднего школьного образования. Сам Л. Уорд, по словам М. М. Ковалевского, был уверен в том, что поводом к сожжению послужило смешение «динамизма» с динамитом. Похоже, что в такой совсем не смешной ситуации американскому социологу не изменило чувство юмора.

Многие представители российской социологии были вынуждены работать и публиковаться за рубежом. В исследовании «Социология на Западе и в России» М. М. Ковалевский описывал случай, имевший место с ним на границе в 1905 г. при его возвращении на Родину после длительного отсутствия в стране, которое продолжалось добрую четверть века. Жандармский полковник обратился к нему со словами: «Нет ли у Вас книг по социологии? Вы понимаете... в России – это невозможно» [Ковалевский, 1997а: 102].

Тем не менее результаты работы российских социологов были налицо. Они получили определенное общественное признание за рубежом, где не только издавались их книги, но и проходили под эгидой Международного института социологии первые международные социологические конгрессы с участием российских ученых. Трое из них – М. М. Ковалевский, П. Ф. Лилиенфельд, П. А. Сорокин – избирались в разное время президентами института. Это свидетельствовало о международном признании российской социологии.

Одна из особенностей российской социологии состояла в одностороннем характере ее связей с западной социологической наукой вплоть до начала XX столетия, пока ситуация не стала понемногу меняться в лучшую сторону. Если работы западных исследователей в России активно переводили и публиковали, то деятельность российских социологов была мало известна их коллегам на Западе. Исключение составляли Г. Н. Вырубов, М. М. Ковалевский, Я. А. Новиков, Е. В. де Роберти, жившие достаточно продолжительное время за границей. Дело в том, что они писали и публиковали свои работы (по крайней мере, отдельные) на фран-

пузском, немецком, английском языках. Г. Н. Вырубов, помимо этого, вместе с учеником О. Конта Э. Литтре издавал во Франции с конца 1860-х гг. журнал «Позитивная философия» (его ввоз в Россию до 1881 г. был запрещен). В нем иногда публиковались работы российских социологов. В остальном же их достижения не были известны западным ученым. Плохая информированность за рубежом о состоянии российской социологии не способствовала росту ее авторитета и развитию в своем отечестве.

В результате определенной изоляции, а также вследствие негативного отношения к ней со стороны правящего режима социология в России длительное время развивалась благодаря активной деятельности отдельных ученых, подлинных энтузиастов новой науки. Круг социологических проблем, исследовавшихся ими, оказался тем же самым, что и у западных ученых: предмет, методы, понятийный аппарат социологии, ее соотношение и взаимодействие с другими науками, в первую очередь с психологией, проблематика социальной структуры общества и социального поведения. Так же, как и на Западе, велась активная полемика по поводу позитивизма, его перспектив в социологии.

Здесь сделаем еще одно «отступление в будущее». Сказанное выше о российской социологии XIX в. удивительно напоминает ситуацию «сто лет спустя». С учетом этого обстоятельства можно говорить: о таком же тридцатилетнем отставании отечественной социологии в конце XX в.; о многочисленных препятствиях, которые чинили социологам власти в стране на протяжении нескольких десятилетий; об одностороннем характере связей с зарубежной социологией, работы представителей которой гораздо лучше известны в России, чем достижения отечественной науки – за границей; о тех же общих для мировой и отечественной социологии проблемах; об отсутствии в России социологических «звезд первой величины» и т. д. Воистину повторяется не только история, но и история социологии. Весь вопрос – в каком виде: трагедии, комедии, фарса или еще как-то.

Специфика российской социологии второй половины XIX – начала XX в. проявлялась в возникновении новых направлений и течений, не характерных для западного научного мира. Среди них – народничество, легальный (неортодоксальный) марксизм, христианская (православная) социология. Были в отечественной социологии и темы (проблемы), не привлекавшие внимания на Западе, но получившие широкое поле для дискуссии в России. Это проблемы интеллигенции, социализма, политической истории, политического идеала и некоторые другие.

В качестве примера рассмотрим эволюцию взглядов российской социологии на интеллигенцию. Еще Д. И. Писарев определил

ее как «мыслящий пролетариат». Затем интеллигенцию рассматривали как внеклассовую и даже надклассовую социально однородную группу, призванную выполнить роль лидера в духовном и социальном прогрессе страны. Далее появляется концепция «критически мыслящей личности» П. Л. Лаврова, в которой интеллигенции отводится особое место в жизни общества и его преобразовании. Наконец, российские социологи рассматривают взаимодействие интеллигенции с другими классами и социальными слоями общества. Небезынтересно отметить, что тема интеллигенции оказалась вообще сугубо российской, она так и не привлекла внимания западных социологов, зато «сто лет спустя» в отечественной социологии превратилась в одну из наиболее дискутируемых.

Строго говоря, процессы запаздывания социологического развития в России в сравнении с Западом были как бы «запрограммированными» в силу ее отставания в сфере промышленного производства и развития экономических отношений, присущих капиталистическому обществу, а также вследствие «тоталитарно-авторитарного» политического режима? боровшегося с демократическими и прогрессивными силами и общественными движениями и насаждавшего реакционную идеологию.

Конечно, прямой и жесткой связи между экономическими характеристиками общества и состоянием социологической науки в принципе не существует, зато такая связь имеет место, когда мы рассматриваем последнюю в створе влияния отнюдь не передового самодержавного политического режима в стране. Отсюда вывод – в рамках сложившегося в дореволюционной России исторического контекста экономическое и политическое отставание общества, так или иначе, сказалось на развитии социологии. Тем более что в России в середине – второй половине XIX в. наблюдалось причудливое сочетание, даже переплетение экономических и социальных отношений индустриального и патриархального типа, тормозившее в целом развитие капитализма, что не могло не сказаться на общем состоянии социальной мысли.

Обозначенная выше ситуация в значительной мере обусловила процессы становления российской социологии как чрезвычайно самобытной науки, взращенной на отечественной почве и несшей на себе особенности социально-экономических, политических и культурных отношений в стране. Данное обстоятельство привело ее к стремлению моделировать различные варианты развития общества, два из которых оказались основными – западный и свой, отечественный, национально-специфический.

Как следствие из сказанного выше, возникла еще одна особенность российской социологии, связанная с рассмотрением в качестве центральной проблемы прогресса в обществе. Что считать

прогрессом: развитие общества либо человека и как к нему идти: революционным или эволюционным путем. Эти два вопроса были характерны для российской социологии. В связи с поиском «формулы прогресса» и путей его достижения особое значение российские социологи уделяли вопросам социальной мотивации, социального поведения, социального взаимодействия. Отсюда в качестве постоянно присутствующей – проблема взаимоотношения личности и группы. Здесь российская социология воспроизводила одну из центральных линий развития мировой социологии.

Постановка названных выше проблем сама по себе свидетельствует еще об одной важной особенности российской социологии – ее тесной связи и, по существу, переплетении с социально-философским анализом. Российская социология в своей национально-специфической форме прошла путь, характерный в целом для мировой социологии: от философии к социальной философии и далее через социальную теорию к теоретической социологии.

Особенность российской социологии в границах ее первого этапа заключалась в постоянном противоборстве двух тенденций – реалистической и утопической. Каждая из них получала свое воплощение не только в теоретических аргументах, но и в политических программах целых общественных движений – либерализма и радикального народничества. Реалистические идеи либералов находили свое социологическое выражение в концепции многофакторного развития общества, в рамках которой оно рассматривалось в состоянии сложного динамического равновесия между социальными субъектами и основными социальными формами их жизни. В названной концепции получили отражение идеи социального плюрализма, равнозначности и равноценности общества и личности, необходимости установления между ними отношений солидарности.

Что касается утопических идей, то социологи, утверждавшие их в своих работах и в практике деятельности на стороне революционного народничества, исходили из одномерного представления об обществе как агрегате, который требует своего социального переустройства. Для этого нужно, по их мнению, создание хорошего научного социального проекта революционного преобразования общества, которое можно осуществить исключительно на основе активности субъективного фактора, т. е. воли и желания людей изменить мир. При этом речь шла об активности не столько общества в целом, сколько группы наиболее мыслящих социальных субъектов, к тому же обладающих для достижения этой задачи важными чисто личностными качествами храбрости, неустрашимости, последовательности в реализации поставленных целей, воли и т. д.

Нельзя не сказать о довольно сильном влиянии на российскую социологию христианской философии, без чего особенности ста-

новления первой будут поняты не до конца. В России, как хорошо известно, влияние религиозного мировоззрения было весьма сильным и не могло не сказаться на развитии социологии. В этом плане достаточно назвать лишь несколько «знаковых» имен: Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. А. Франка, определивших возникновение христианской социологии. Несомненно, под влиянием религиозной философии и социологии происходило обращение к жизненному миру конкретного человека, выражавшееся в стремлении описать структуру его сознания на базе применения методов «понимающей» науки.

Отсюда может быть выведена еще одна особенность российской социологии на дореволюционном этапе ее развития – наличие в ней двух парадигм: объективной и субъективной. В западноевропейской классической социологии эти парадигмы, как известно, были связаны с именами наиболее ярких их выразителей – Э. Дюркгейма и М. Вебера. В российской социологии ситуация оказалась более сложной и не столь заметно выраженной – как с точки зрения персоналий, так и в плане социологического анализа.

Правда, на начальном этапе возникновения социологии дихотомия «объективизм – субъективизм» была весьма заметной, что объяснялось исходной ориентацией этой науки в России на общественную практику и обслуживание ее интересов. Отсюда субъективная парадигма была представлена гораздо сильнее. Но по мере развития социологической науки и движения ее к поиску национально-особенного пути развития общества обе парадигмы стали сближаться в рамках тенденции их синтеза.

Так сформировалась еще одна особенность российской социологии, которую в литературе характеризуют в качестве органического подхода к обществу. Речь идет о стремлении представить мир «как некое иерархизированное целое, где общество и человек хотя и своеобразные, но только элементы системы. Этим определялась склонность российских мыслителей к широчайшим социологическим обобщениям на основе принципа единства микрокосма и макрокосма и включения социальной эволюции в общемировую» [Миненков, 2000: 14].

Несмотря на теоретический и практический интерес к миру и обществу как его органичной части, центром притяжения социологического внимания в российской науке всегда оставался человек. Проблема человека традиционно считалась ключевой. Антропологизм как один из основных методологических принципов составлял важную особенность российской социологии. Отсюда в ней проявлялся большой интерес к этическим проблемам жизни общества, которые в работах социологов были тесно связаны с поведением человека.

Завершая рассмотрение особенностей отечественной социологии в рамках ее классического этапа, отметим, что российские ученые внесли свой достойный вклад в развитие социологической науки. Он еще не очень хорошо изучен и недостаточно известен и нам, и особенно Западу. Но можно с уверенностью сказать, что в России было несколько течений и направлений в социологии, которые, взаимодействуя, хотя и весьма своеобразно, с западно-европейской и американской наукой, сумели отличиться «лица необщим выраженьем».

В работах российских социологов отражались взгляды различных классовых и идейно-политических сил – от революционно-демократических до консервативных. При этом нужно отличать мыслителей, в мировоззрении которых социологические взгляды существовали наряду с иными, от стремившихся работать в области социологии профессионально. Мы будем обращаться преимущественно к творчеству последних.

3. Характеристика основных периодов классического этапа отечественной социологии

Переходя к непосредственному рассмотрению первого (классического, дореволюционного) этапа отечественной социологии и отдельных периодов в его структуре, коротко коснемся одного из дискуссионных вопросов – его периодизации и границ. Центральной проблемой здесь являются критерии выделения периодов. Есть разные точки зрения на этот счет. Вначале обратимся к позиции А. Г. Здравомыслова [Здравомыслов, 2010: 238]. Выделяя семь основных периодов развития российской социологии с середины XIX в. до наших дней (мы их уже называли в первой главе), он рассматривает два из них, приходящиеся на классический этап (до 1917 г.). Это: 1) первоначальные варианты светского социологического мышления (середина XIX в.); 2) противостояние народничества и марксизма в социологии (1880-е – 1917 гг.). О временных границах этапа уже не имеет смысла специально говорить, поскольку в предшествующей главе этот вопрос был раскрыт. Что же касается приведенных А. Г. Здравомысловым критериев внутренней периодизации, то они связаны, скорее, с политико-идеологической характеристикой выделенных периодов, чем с сугубо социологической, научной.

Наша точка зрения относительно периодизации первого, классического этапа российской социологии является иной. Она базируется на двух критериях – временном и содержательно-социологическом, т. е. лишена (на первый взгляд) политико-идеологичес-

кого основания. Это вовсе не означает того, что мы отказываемся от соответствующих политико-идеологических характеристик тех или иных периодов. Наоборот, для целей данной книги они имеют особое значение. Но мы их вписываем в более широкие трактовки критериев. Последние позволили условно выделить за чуть более чем полвековое развитие российской социологии (после 1861 г.) три периода: первый – 1860–1890-е гг. (господство субъективной социологии и позитивизма), второй – 1890-е гг. – начало XX в. (господство неокантианства), третий – начало 1890-х гг. – рубеж 1910–1920-х гг. (господство неопозитивизма).

Такая структура этапа в целом соответствует концепции И. А. Голосенко.

Теперь кратко рассмотрим основные периоды, конкретизирующие классический этап отечественной социологии.

3.1. Российская социология в условиях господства субъективной социологии и позитивизма (первый период)

Первый период российской социологии, как и на Западе, был тесно связан с господством позитивистских идей. С ними близко соотносились положения субъективной социологии, составлявшей «российскую специфику». Вначале ощущалось довольно сильное влияние концепции О. Конта (работы П. Л. Лаврова, В. В. Лесевича, Д. И. Писарева), но затем оно оказалось преодоленным. На рубеже 1860–70-х гг. появляются первые «чисто» социологические работы, выполненные в духе субъективной социологии и позитивизма. Они принадлежали П. Л. Лаврову и Н. К. Михайловскому. С этого времени, пишет известный российский социолог Н. И. Кареев, у нас «началось развитие социологической литературы» [Кареев, 1997: 32].

Субъективная социология – это специфически российское социологическое направление. В основе его лежит использование социологом в качестве основного инструмента исследования субъективного метода, а предметом изучения общества и человека является привносимый в социальную жизнь субъективный элемент. Субъективный метод рассматривался как подлинно социологический – в отличие от объективного, естественно-научного.

Поскольку основной единицей общества считалась личность (но не класс и не социальная группа), постольку социолог должен был исследовать ее помыслы и внутренние устремления. Именно они оказывают определяющее влияние на ее деятельность, а не объективные, внешние факторы. Поэтому для изучения деятельности личности нужен был в первую очередь субъективный метод, включавший в себя принцип «сопереживания» социолога исследуемому объекту.

Представители этого направления особое внимание уделяли роли такого субъекта исторического процесса, как личность, причем не просто личность, а критически мыслящая, осуществляющая творческую деятельность. Понятие личности стало центральной категорией субъективного направления. С тематикой личности оказались тесно сопряженными проблемы ее взаимодействия с массами, героев и толпы, социального прогресса, характера и путей изменения общественного строя, места и роли интеллигенции в жизни общества и др.

Во всей названной проблематике представители субъективного направления всегда искали и видели нравственное начало, этическую сторону любой деятельности. Этот поиск шел в русле решения одной из главных задач, которую ставили перед собой российские социологи, – исследовать и выявлять такие возможности личности, такой ее потенциал, который мог бы быть направлен на улучшение, совершенствование как общества в целом, так и конкретных человеческих отношений.

Субъективное направление, как и вся российская социология, было тесно связано с общественно-политическими течениями и движениями, в первую очередь с народничеством. Последнее представляло собой внутренне противоречивую систему самых различных взглядов, идей и ориентаций (политических, экономических, философских, социологических), обращенных к народу (в России это было, прежде всего, крестьянство) с целью изменения, улучшения – нравственного, религиозного, политического, экономического – его жизни.

При этом общей идейной платформой народничества (несмотря на наличие в нем двух течений – революционного и либерального) было признание социально-экономической самобытности России и возможности, минуя капитализм как регрессивный общественный строй, перейти к социализму. Основой этого перехода считалась крестьянская община, которую многие идеологи народничества рассматривали вообще как готовую ячейку социализма. Они не видели значительных трудностей и проблем, связанных с ее функционированием и начинающимся разложением, в том числе и тех процессов социального расслоения, которые в ней активно происходили.

Предметом социологии как науки провозглашалось изучение общества. Весь вопрос состоял в том, что под этим понималось, включая проблему его познания. Здесь нужно иметь в виду, что взгляды на предмет социологии и общество у представителей субъективной социологии эволюционировали в течение их творчества. П. Л. Лавров, характеризуя социологию как науку об обществе, писал: «Общество не есть только собрание реальных единиц;

это формы их взаимодействия, инстинктивно или сознательно ими созданные для удовлетворения своих потребностей; это – продукт практического творчества мысли» [Лавров, 1997: 210]. В других работах П. Л. Лавров писал об обществе «как солидарном сожительстве сознательных особей для коллективной деятельности в виду общих целей». Здесь на первое место в трактовке общества выходят уже не вопросы социального взаимодействия ради удовлетворения потребностей, а проблемы социальной солидарности.

У Н. К. Михайловского понимание общества было связано с характеристиками социального взаимодействия, поскольку речь шла об исследовании «отношений различных форм общежития к судьбам личности» [Михайловский, 1998б: 250]. Вообще же, рассматривая предмет социологических исследований, он выделял два их типа: одни исходят из судеб общества, другие отправляются от судеб личности, но при условии, что эти последние тесно зависят от общества, которое должно строить свою деятельность в расчете на удовлетворение потребностей людей. Второй тип исследований социолог был гораздо ближе первого.

Говоря о взглядах Н. И. Кареева на предмет социологии, необходимо отметить вначале, что он видел ее задачу в интеграции выводов специальных общественных наук для постижения закономерности общего социального консенсуса. В своей последней крупной работе о социологии он, определяя ее предмет, пишет, что «социология есть общая абстрактная наука о природе и генезисе общества, об основных его элементах, факторах и силах, о характере процессов, в нем совершающихся, где бы и когда бы все это ни существовало и ни происходило» [Кареев, 1918: 9].

Характеризуя социологию как науку, обеспечивающую всесторонний взгляд на общественный процесс во всех его проявлениях, С. Н. Южаков понимал под обществом «общежитие активных особей, создавшее свою особую общественную среду, или культуру, и слившееся с ней в одно сложное тело. Короче говоря, общество есть активно-культурное общежитие» [Цит. по: Миненков, 2000: 73]. Как видно, С. Н. Южаков тесно связывал в единой предметной зоне социологии общество, культуру, активность, личность.

Субъективный метод ориентировал социологов прежде всего на изучение личности. Так, у Н. К. Михайловского «фокус» его концепции был сосредоточен на индивиду, индивидуальности, личности, человеке. Мерилом прогресса общества являлось для него развитие личности. Источник этого процесса он связывал с преодолением отчуждения личности от общества, ее отказом от роли его простого придатка. Трактовка личности Н. К. Михайловским в целом была следствием подхода социолога к пониманию самых разных социальных процессов – от разделения труда, процессов его кооперации до идеала будущего общественного устройства.

Социолог одним из первых не только в отечественной, но и в мировой литературе подчеркнул возможность рассматривать личность на трех уровнях – биогенном, психогенном, социогенном. Первый означает анализ процесса выживания человека как живого существа, для чего главным оказалось приспособление среды к удовлетворению его потребностей. Психогенный уровень анализа личности предполагает выявление характера взаимодействия индивида и толпы (о чем далее будет сказано подробнее в связи с его концепцией героев и толпы). Третий уровень – социогенный – представляет собой рассмотрение личности сквозь призму ее включения в общественное (экономическое) разделение труда, кооперацию и сотрудничество.

Особое значение в развитии личности социолог придавал простой кооперации, поскольку она, по его мнению, была наиболее адекватной природе человека, соединяя равных и независимых индивидов, преследующих общие цели и интересы. Социологическая теория личности Н. К. Михайловского предполагала синтез всех трех уровней анализа личности.

Органическим продолжением теории личности ученого была его теория героев и толпы, изложенная им в ряде работ 1880–1990-х гг. «Героем, – пишет автор теории, – мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело». «Толпой, – читаем чуть дальше, – будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным» [Михайловский, 1998б: 5–6].

Н. К. Михайловский сравнивал понятия «герой» и «великая личность». «Герой» становится «великой личностью» только тогда, когда его действия получают положительную оценку с точки зрения общественного идеала. Эти действия должны соответствовать ценностям эпохи, чтобы «герой» был признан «великой личностью». Что касается толпы, то она может быть не только «преступной», но и «благородной».

С помощью теории героев и толпы Н. К. Михайловский стремился объяснить особенности поведения людей в больших социальных группах, равно как и причины поведения самих этих групп и их взаимодействий с лидером. Как видно, социолог не идеализирует «героя». Для него важно не то, хороший он человек или негодяй, а его способность вести за собой толпу. Ее поведение он характеризовал с помощью механизма подражания, причины которого делил на психологические и социологические. К последним он относил экономические, политические и нравственные факторы, которые рассматривал зачастую как «бессознательно» действующие, т. е.

не отражающиеся непосредственно в повседневном сознании и поведении людей. Готовность людей к подражанию возникает вообще, считал Н. К. Михайловский, не вследствие сознательно действующих причин, а, прежде всего, благодаря фактору бессознательного. Здесь следует специально отметить, что в своих рассуждениях о механизме подражания российский социолог опередил Г. Тарда (книга Г. Тарда «Законы подражания» была опубликована в 1890 г., трактат Н. К. Михайловского «Герои и толпа» – в 1882 г.).

П. Л. Лавров, так же как и Н. К. Михайловский, видел связь между различными аспектами деятельности личности и ее нравственным идеалом. «Выход» личности на общество ему представлялся в виде связующего механизма между ними, таковым он считал наличие общественной солидарности. Высший нравственный принцип деятельности личности – справедливость – предполагает в качестве необходимого условия своей реализации установление и укрепление в обществе солидарности. Связь же между личностью и обществом оказывается, таким образом, не просто социальной, а нравственной.

В социологическом творчестве Н. И. Кареева проблематика личности в ее взаимосвязи с обществом занимала ничуть не меньшее место, чем в работах Н. К. Михайловского и П. Л. Лаврова. Так же как и они, Н. И. Кареев подходил к личности как системообразующему началу социальной жизни. Последнюю он часто рассматривал как социальную среду, в которой функционирует личность, и поэтому проблема «личность – общество» зачастую превращалась в проблему «личность – социальная среда». Их отношения характеризовались Н. И. Кареевым в известном смысле как противоборство, в котором личность стремилась к самоопределению, а среда – к ее ассимиляции.

Разрабатывая проблемы взаимодействия личности и группы, показывая его многообразные формы, прежде всего такие, как солидарность и борьба, действие и противодействие, Н. И. Кареев во многом исходил из идей теории героев и толпы Н. К. Михайловского. Эти идеи не прошли бесследно и были поддержаны Н. И. Кареевым в рамках анализа им проблемы выдающейся личности в истории, ее особой роли и отношений с массами. Величие выдающейся личности, указывал социолог, заключается прежде всего в том, что она понимает, как двигать массы в нужном направлении, придавать необходимое ускорение и силу в их действиях.

Одна из наиболее важных особенностей подхода Н. И. Кареева к рассмотрению личности состояла в том, что он его связывал с проблемой культуры и культурной истории человечества. Он стремился выявить роль личности в этом процессе и ответить на вопрос, осуществляются ли культурные перемены в обществе сами собой

или они производятся людьми. Этот вопрос мог быть задан и в ином плане: является ли человек творцом культуры или только ее носителем и потребителем? Н. И. Кареев допускал как равнозначные оба варианта ответа.

В творчестве представителей субъективной социологии одним из основных (как и во всей российской социологии) было учение о прогрессе. Оно развивалось под знаком наличия в нем глубокого нравственного начала. Прогрессивно в обществе то, что нравственно, — могли бы мы, вероятно, сформулировать критерий общественного прогресса в интерпретации многих российских социологов. П. Л. Лавров прямо писал: «Теория прогресса есть приложение естественных законов нравственного развития к задачам социологии... Теория прогресса дает нравственную оценку совершившимся событиям истории и указывает нравственную цель, к которой должна идти критически мыслящая личность, если она хочет быть прогрессивным деятелем» [Лавров, 1965: 239].

В той же работе («Исторические письма») П. Л. Лавров обращается к следующей исходной формуле прогресса: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости» [Лавров, 1965: 54]. В работах, написанных позднее, он связывал трактовку прогресса с ростом и укреплением солидарности между возможно большим количеством людей.

В целом же для субъективной социологии одним из основных факторов и условий общественного прогресса был численный рост критически мыслящих личностей, что означало возможность придавать, по мнению ее представителей, желаемую направленность историческому процессу.

П. Л. Лавров считал, что пока социология не установит смысла прогресса, она как единая и цельная наука не сможет существовать. Вопрос о прогрессе — это главный вопрос и социологии, и истории. Истории потому, что прогресс — это понятие в основе своей историческое, охватывающее процесс развития, эволюции; социологии — потому, что она должна воссоздать этот процесс как некую целостность.

В принципе такую же, по сути своей, позицию занимал Н. К. Михайловский, считавший, что основная задача российской социологии состоит в обосновании теории прогресса с учетом специфики и перспектив эволюции России. У него было несколько формул прогресса. Центральная и самая популярная среди них, данная в работе «Что такое прогресс?», гласит: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, не-

справедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов» [Михайловский, 1998а: 139].

С этой формулой Н. К. Михайловского согласились далеко не все российские социологи, вступил в полемику с ней и П. Л. Лавров. Он считал, что осуществление подобного прогресса нереально в силу недостижимости всеобщей разносторонности. Н. К. Михайловский, усиливая свою точку зрения, отмечал, что дело не в том, чтобы каждый человек был специалистом во всех профессиях и занятиях. Важно создать такие условия, подчеркивал он, чтобы не было значительной социальной разницы между людьми. Другими словами, общественный прогресс он видел в движении к обществу определенной социальной однородности, которая вполне возможна даже при наличии специализации и разделения труда.

Н. К. Михайловский критиковал Г. Спенсера за то, что тот не разграничивал прогресс общества и прогресс личности. Эти два вида прогресса не совпадают, более того, один может осуществляться за счет другого. Так, общественное разделение труда, являясь объективно прогрессивным процессом, может иметь место за счет ущемления и суживания возможностей индивида, превращения его в некую «односторонность». И наоборот, появление широкой, разносторонней, универсальной личности связано с преодолением разделения труда. Итак, одновременный прогресс общества и личности, по Н. К. Михайловскому, практически невозможен.

Идею прогресса стремился обосновать С. Н. Южаков, используя для этого описание процесса развития форм общежитий и культуры. В прогрессе культуры он видел основу общественного развития. Прогресс есть приспособление физической среды к потребностям жизни и культуры. Конечную цель прогресса С. Н. Южаков видел, как и Н. К. Михайловский, в преодолении частности, специализации человека, в приобретении им многосторонности и разносторонности.

Ряд идей социальной эволюции и социального прогресса, сформулированных П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским, развивал Н. И. Кареев. Он был сторонником теории социального эволюционизма, осуществлявшегося на базе природного развития. Социальная эволюция, имеющая объективный характер, по его мнению, зависит от наличия трех групп факторов: географических, антропологических (биологических, этнических), исторических (культурных). Успешное сочетание их всех создает благоприятные условия и предпосылки для эволюции данного общества, связанной с его интеграцией, укреплением связей между группами людей и индивидами. Что касается социальной эволюции не только отдельных

стран, но и человечества в целом, то ее главной тенденцией является интернационализация, стремление к его единству. Мерой общественного прогресса является, по мнению социолога, в первом случае, связанном с эволюцией отдельных стран, степень достигаемой их внутренней интеграции, во втором случае, касающемся развития и эволюции человечества, – степень достигаемой интернационализации.

Главный же вопрос, возникающий в связи с рассмотрением социального прогресса, – во имя чего нужны интеграция и интернационализация? Являются ли они самоценными и самодостаточными, или это только условия для достижения каких-то иных целей? Очевидно, что с позиций субъективной социологии ответ напрашивается сам собой: социальный прогресс лишь тогда чего-либо стоит, когда в обществе создаются предпосылки для развития личности. Так же, как и П. Л. Лавров, и Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев выдвигает свою формулу прогресса, в соответствии с которой целью последнего является создание условий для развития личности и обеспечения ее свободы.

Н. И. Кареев выделяет пять фаз (этапов) общественного прогресса, отличающихся друг от друга уровнем свободы, равенства и солидарности, с одной стороны, ролью насилия в социальной жизни с другой:

1. Первобытные общества, характеризующиеся минимумом свободы, господством грубой силы и антагонизмами.

2. Общества централизованные и дифференцированные, в которых деспотизм соединяется с анархией, сохраняется господство грубой силы и практически отсутствуют равенство и солидарность между людьми.

3. Общества с заметным ослаблением качеств предыдущего этапа.

4. Общества, в которых на передний план выходят правовые способы регулирования, возникает гражданское самосознание, силовые методы заметно ослабевают, появляются свобода и порядок.

5. Идеальные общества, в которых господствуют солидарность, истина и справедливость.

Обращают на себя внимание некоторая абстрактность и «рыхлость» периодизации социального прогресса, отсутствие связи с экономическими, политическими и иными определяющими факторами развития общества.

Зато эти факторы были использованы Н. И. Кареевым при рассмотрении социального прогресса в его горизонтальном «рассечении». Он писал о том, что общее понятие прогресса можно разложить на пять частных понятий: прогресс умственный, прогресс нравственный, прогресс политический, прогресс юридический и

прогресс экономический. Каждый из этих элементов общественного прогресса рассматривается Н. И. Кареевым весьма детально, а основными критериями их выступают укрепление солидарности, нравственности, рост свободы, обеспечение правопорядка, достижение равенства.

Подводя итог рассмотрению субъективной социологии, сделаем следующее резюме. В целом, несмотря на значительные результаты социологического анализа большого комплекса социальных проблем, в субъективной социологии имели место недооценка закономерностей общественного развития и тесно связанное с ней признание некоего социального идеала общества, являющегося результатом его конструирования личностью. Как выяснилось в ходе анализа концепций представителей субъективного направления, социология должна иметь дело не с объективными свойствами социальных явлений и процессов, а с целеполагающими и этическими факторами человеческой деятельности. В этом состояла еще одна важная траектория социологического творчества этих мыслителей. Что касается идейно-политической «ангажированности» представителей субъективного направления, то, будучи в основном теоретиками народничества, они выражали прогрессивные взгляды русской буржуазной демократии.

К появлению субъективной социологии и позитивизма как самостоятельных направлений в российской социологии следует относиться, по-видимому, неоднозначно. С одной стороны, нельзя отрицать влияние западноевропейских его основателей и принятия целого ряда их позиций. Это видно из работ российских авторов, и в первую очередь из рецензии П. Л. Лаврова 1868 г. на книгу «Огюст Конт и положительная философия». С другой стороны, ряд положений «классиков» позитивизма подвергался ими критике.

Что привлекало российских исследователей в позитивизме? В первую очередь, стремление его сторонников создать новую науку об обществе, синтезировать научное знание, активно использовать методы естественных наук для анализа социальных процессов и явлений. Социология, вслед за О. Контом, рассматривалась как высшая наука в системе научного знания о мире, призванная открывать и разрабатывать наиболее общие социальные законы. Поэтому не случайно был проявлен громадный интерес к использованию самых разнообразных эмпирических данных о социальных процессах. Однако при этом объект и предмет социологии российскими исследователями не был выявлен достаточно четко, в результате чего социология и социальная философия оказались «неразмежевавшимися», а зачастую и просто причудливым образом соединенными.

Одним из крупнейших представителей российского позитивизма был М. М. Ковалевский. С самых первых шагов своего научного творчества он проявлял громадный интерес к сравнительному анализу изучаемого материала и, вместе с тем, к историческим явлениям и процессам. В конечном итоге это привело его к использованию в качестве одного из основных методов научного исследования сравнительно-исторического. Суть его – в параллельном изучении общественной эволюции различных народов, как древних, так и современных, на основе которого возможно дать общую формулу поступательного движения общественной жизни.

При этом М. М. Ковалевский говорит о необходимости эмпирической проверки любых выводов, полученных в ходе использования сравнительно-исторического метода. Поскольку оно возможно лишь на основе обнаружения определенного сходства в общественной жизни народов, его волновали источники этого сходства. Он отмечал наличие четырех таких источников: а) чистую случайность, б) единство происхождения, в) заимствование и подражание, г) общность культурных условий и стадий развития. Сходство четвертого типа представляет для социолога, по мнению М. М. Ковалевского, особый интерес.

Помимо сравнительно-исторического метода, российский ученый говорил об использовании и других, тесно связанных с ним, способов и приемов анализа. Он писал о «методе пережитков», который базируется на наличии в поздних социально-культурных формах следов предшествующих форм и порядков. Изучая эти остаточные формы («пережитки»), социолог может делать выводы о предшествующих стадиях развития. Еще один «близкий» к этому метод – этнографический, связанный с изучением жизни и быта народов. Но ни один из названных методов, включая и статистический, полагал М. М. Ковалевский, не может решить проблем социологического анализа сам по себе, без взаимосвязи с другими.

Чтобы сравнительно-исторический метод был эффективно использован, необходимо соответствие его ряду требований. Ими является признание того, что: 1) основа для сравнения и сопоставления социальных фактов должна быть максимально широкая, включая не только европейские страны, но и США, страны Азии и Африки; 2) сравнение должно базироваться на представлении о системном характере общественной жизни, предполагающем взаимосвязь всех ее сторон; 3) необходимо использовать материалы, предоставляемые всеми науками в отношении анализа интересующей проблемы, при этом они должны быть сопоставлены с целью обнаружения в них повторяемости; 4) наконец, на основании применения сравнительно-исторического метода следует стремиться к выявлению общих закономерностей развития и получению

практических рекомендаций, направленных на улучшение управления процессом укрепления человеческой солидарности.

С использованием сравнительно-исторического метода тесно связана так называемая генетическая социология М. М. Ковалевского, по существу его теории эволюционного развития. «Генетической социологией, – писал М. М. Ковалевский, – называют ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право, входящие на первых порах в состав одного и того же понятия дозволенных действий в противоположность действиям недозволенным» [Ковалевский, 1997б: 361].

Генетическая социология призвана выявлять стадии социальной эволюции и законы, лежащие в ее основе. На этом базируется обращение М. М. Ковалевского к теории прогресса. Она всегда составляла «ядро» всей его социологии (равно как и позитивизма в целом). Сущность социального прогресса он усматривал в развитии солидарности как универсального средства сближения классов, социальных групп, народов, государств. Задача социологии, по мнению М. М. Ковалевского, состоит в анализе солидарности, ее сущности, форм и видов. Наряду с объективными процессами укрепления солидарности существуют и субъективные процессы усиления чувства солидарности, которые проходят, по его мнению, три ступени: сознание родового единства, патриотизм, космополитизм. Результирующей роста социальной солидарности выступает у ученого расширение равенства и свободы личности.

Делая акцент на солидарности, российский социолог негативно относился к революции как источнику прогресса. Он считал революцию патологией, для прогресса чем-то случайным, не вытекающим из его природы и потребностей, своеобразным «искусственным перерывом». Если правительство идет по пути продуманных реформ, страна вполне может обойтись без революции, что для нее всегда к лучшему.

Рассматривая в рамках генетической социологии социальную эволюцию, М. М. Ковалевский исследовал ее этапы и фазы, начиная с древнейших. При этом он сам был непосредственным участником полевых исследований обычаев и нравов народов Кавказа. Работая профессором Московского университета, он три года подряд летом ездил туда с этнографическими экспедициями; полученный материал был им прекрасно описан и использован в работе «Генетическая социология как учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности» (1910).

Российский социолог говорит об особом интересе к проблеме происхождения и развития общественных институтов в России, поскольку в стране имеется чрезвычайно богатый этнографический материал для изучения этого вопроса.

М. М. Ковалевский анализировал в рамках историко-сравнительного исследования основные организации и институты эволюции, где первым значился род, затем – семья и, наконец, община. Он выделял три вида общины: родовую, семейную, сельскую. В отличие от многих российских социологов, М. М. Ковалевский рассматривал общину как исторически обреченную социальную форму жизни. Но он не считал нужной ее насильственную ломку, тем более что в ней он видел образец социальной солидарности.

На смену сельской общине приходит следующий этап социальной эволюции – феодальная организация общественной жизни, которая заменяется капитализмом. Рассматривая социальную эволюцию сквозь призму ее основных этапов, социолог обращался к анализу изменений во всех основных подсистемах общественной жизни – экономической, политико-правовой, нравственно-духовной. Он доказывал, что каждой стадии экономической эволюции соответствует определенная политическая форма и связанное с ней нравственное регулирование. Так, родовой стадии экономической эволюции соответствует племенное княжество, феодальной – сословная монархия и характерные для них нормы морали.

Наряду с эволюционизмом, в российской социологии был представлен и антиэволюционизм. Наиболее ярко он был выражен в творчестве Н. Я. Данилевского, о чем свидетельствовало его основное теоретическое детище – концепция культурно-исторических типов. По мнению автора концепции, история человечества не является единой целостностью, а «складывается» из крупных форм (в определенной мере аналогичных организмам). Эти формы и есть культурно-исторические типы. Они имеют обособленный, локальный характер, структурны, внутри каждого происходит собственное движение. Эти типы характеризуются своеобразием социального, религиозного, бытового, политического, научного, промышленного, художественного развития. По существу культурно-исторический тип – это совокупность взаимосвязанных признаков крупного социального организма, характеризующегося в качестве основного интегративного показателя национальной культурой.

Каждый культурно-исторический тип проходит стадии, типичные для любого живого организма: рождение, возмужание, дряхление, смерть. Н. Я. Данилевский рассматривает эти стадии как четыре периода в развитии типа: этнографический, государственный, цивилизационный, период конца культуры. Первый характеризуется созданием запаса сил для будущей активной деятельности

народа, складыванием национального характера. Второй период – государственный – состоит в строительстве сильного государства как условия независимого самобытного развития. Третий, самый короткий, период заключается в культурном творчестве в рамках цивилизации и постепенных растратах накопленного запаса. Наконец, четвертый означает возникновение неразрешимых противоречий и гибель культурно-исторического типа.

Н. Я. Данилевский называет и исследует 10 основных культурно-исторических типов: египетский, ассиро-вавилонский, индийский, китайский, иранский, еврейский, греческий, римский, арабийский, европейский (германо-романский). Особое место занимает славянский тип. Все эти типы выполняют в истории общества очень важную роль, обеспечивая его прогресс. Хотя Н. Я. Данилевский и говорит об относительно автономном развитии культурно-исторических типов, тем не менее он видит и преемственность между некоторыми из них; не случайно он разделяет их на «уединенные» и «преемственные». Историю общества Н. Я. Данилевский рассматривает как историю борьбы культурно-исторических типов между собой и с окружающей средой.

В основе развития каждого исторического типа лежит культурная деятельность (культура), которая включает в себя 4 основных вида деятельности, конкретизирующих ее. Во-первых, это религиозная деятельность, составляющая основу нравственной деятельности; во-вторых, это политическая деятельность, выражающая взаимоотношения людей как членов народного целого; в-третьих, это общественно-экономическая деятельность, в которой проявляются отношения людей к предметам внешнего мира и условиям пользования ими; наконец, в-четвертых, это собственно культурная деятельность в строгом и узком смысле слова, в которой находят свое выражение отношения людей к науке, искусству, промышленности.

На основе такого подхода к культуре Н. Я. Данилевский рассматривал названные выше культурно-исторические типы. По его мнению, они могут быть одноосновными (если в основе типа – какой-либо один вид культурной деятельности), двухосновными (если два вида), трехосновными (если три). Лишь славянский культурно-исторический тип является четырехосновным, поскольку в нем «присутствуют» все четыре вида культурной деятельности и впервые – общественно-экономический, который не был присущ ни одному из названных 10 культурно-исторических типов. Этим самым Н. Я. Данилевский стремится доказать исключительность славянского типа и его самый высокий уровень в сравнении с другими.

Славянский культурно-исторический тип, по мнению Н. Я. Данилевского, наиболее ярко был воплощен в русском народе. Идеи

славянофильства автор концепции доводил до крайне консервативных выводов и призывов к борьбе русского народа и российского государства с другими народами для утверждения славянского типа. Неслучайно либеральная социологическая критика в России (Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев) увидела в этом учении отход от гуманистических традиций российской общественной мысли и культуры.

В концепции Н. Я. Данилевского ставится вопрос об общественном прогрессе. Есть ли он? По всей видимости, да, только понятие прогресса у автора достаточно специфично. В соответствии с его точкой зрения «прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях...» [Данилевский, 1991: 87]. Следовательно, каждый культурно-исторический тип вносит свою лепту в общий прогресс человечества.

Работы Н. Я. Данилевского представляют собой одну из первых и оригинальных попыток предложить новый подход к пониманию истории как нелинейного многовариантного процесса и дать социологическую трактовку некоторым его аспектам. Далеко не всё и во времена создания концепции, и сегодня в этой попытке устраивает. Но она дала толчок для теоретико-социологического исследования исторического процесса в рамках особого подхода, который впоследствии неоднократно применялся мыслителями.

3.2. Российская социология в условиях господства неокантианства (второй период)

Теперь перейдем к рассмотрению второго периода развития социологии в России. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. российский позитивизм (как ранее и западноевропейский) столкнулся с рядом трудностей и противоречий, связанных с натуралистическим и психологическим редукционизмом в социологии. В связи с этим были подвергнуты критике попытки сближения социологии с естествознанием и объяснения социальных процессов с помощью естественно-научных методов. Возникает антипозитивистское течение в социальной мысли России, «ядром» которого стало неокантианство.

В его теоретико-методологических рамках, наряду с критикой вульгарного натурализма, эволюционизма и механицизма, доказывалось, что общественную жизнь в целом, в России в частности нельзя рассматривать как разновидность естественного, природного процесса. В ней необходимо видеть, с точки зрения неокантианства, в первую очередь культурно-ценностные аспекты человеческого поведения, обладавшие уникальными, неповтори-

мыми особенностями. С подчеркиванием именно этой позиции было связано отрицание единства гуманитарного и естественно-научного знания и признание доминирующего значения первого. Наиболее яркими представителями неокантианства в российской социологии были Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, В. М. Хвостов.

Возникновение неокантианства в российской социологии, впрочем, вовсе не означало отказа многих авторов, разделявших позиции позитивизма и субъективной социологии, от своих научных убеждений и взглядов. Но в результате появления философско-социологического антипода позитивизма – неокантианства стала усиливаться научная аргументация этих взглядов, что в конечном итоге способствовало идейно-теоретическому обогащению российской социологии. Продолжают успешно работать Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Ф. Лилиенфельд, Е. В. де Роберти, сторонники экономического материализма и другие.

Широкое распространение в теоретической мысли России неокантианство получило под влиянием Г. Риккерта и В. Виндельбанда, основателей этого направления. Их идеи относительно специфики социального познания и необходимости использования теории ценностей нашли благодатную почву среди российских социальных мыслителей – историков, философов, правоведов, политэкономов, социологов, которые привнесли немало своего в трактовку общества и различных сторон его жизни. Суть проблемы состояла в том, как осуществлять обобщающее социальное познание, когда в общественной жизни все имеет индивидуальный характер.

В российской социологии неокантианство имело ряд особенностей. Прежде всего, его появление было связано не только с общими причинами научного интереса к нему, но и с положением дел в самой социологии, характеризовавшейся господством позитивизма и натурализма. Некоторые социологи выступили против сближения социологии с естествознанием, против исследования общества с помощью естественно-научных методов, утверждая, что у социальной науки должны быть свои, особые подходы к изучению реальности, свои методы познания.

Отсюда – неокантианская критика ситуации в социальной науке, признание ее кризиса в области методологии. Речь шла о том, что позитивистская и натуралистическая социология, опираясь лишь на факты, их наблюдение, фиксацию, описание и объяснение, неспособна понять, что за ними скрывается. Этот кризис усугубляется оттого, считали неокантианцы, что стремление социологов к целостному охвату общества приводило к забвению его отдельных сторон, в первую очередь человеческого поведения, игнорированию его культурно-ценностного аспекта.

Цель исследования, утверждали неокантианцы, состоит не в объяснении явлений, а в их оценке. При этом она осуществляется с учетом, прежде всего, абсолютной ценности нравственного должностования. Таким образом на передний план выдвигалась ценность личности. Что же касается различных проектов социального переустройства общества, то их следует оценивать с точки зрения «личностной» направленности, т. е. возможности использовать результаты общественных преобразований для совершенствования личности.

Отсюда становится понятной еще одна особенность российской неокантианской социологии – присущий ей психологизм, акцент на изучении социально-психологических взаимодействий, к которым зачастую сводилась вся социальная реальность. Неокантианство в социологии было связано с ее психологическим направлением гораздо более тесно, чем с другими течениями социологической мысли России.

Если общество, по словам одного из наиболее известных российских социологов неокантианского направления П. И. Новгородцева, существует только в лицах в качестве единственной социальной реальности, то отношения между ними, неизбежно приобретающие нормативный характер, должны соответствующим образом изучаться. Так возникает еще одна особенность российского социологического неокантианства – повышенное внимание, уделяемое ключевой категории – норме. Неслучайно среди представителей этого направления оказалось много очень известных российских правоведов. Собственно, все названные выше исследователи – Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, В. М. Хвостов – и были известными представителями отечественной юриспруденции. Обратимся к характеристике их социологических взглядов.

В. М. Хвостов рассматривал социологию как наиболее общую науку об обществе по отношению к ряду частных наук: экономике, праву, политике (подобно тому как биология является столь же общей наукой относительно ботаники, зоологии, анатомии, физиологии). Ее предметом является общество. «Обществом в самом широком смысле этого слова, – писал В. М. Хвостов, – можно назвать всякое взаимодействие живых существ, выражающееся в происходящем между ними в той или иной форме обмене духовными содержаниями и в совершении на этой почве совместных актов и поступков» [Хвостов, 1997а: 115].

Не меньшее значение для социологии имеет исследование человека. Однако оно может осуществляться только в связи с изучением общества, поскольку человек по своей природе является общественным существом. Коль скоро это так, «вне общественных

групп люди никогда не существовали и существовать не могли. Самая разумность человека... создалась на почве общественности, и общество, можно сказать, древнее человеческой личности в том смысле, что разумная и сознающая себя личность, развитая индивидуальность выросла только на почве общественных процессов в результате благоприятных для этого условий общественной жизни» [Хвостов, 1997а: 116]. Итак, личность и общество с точки зрения социологии следует рассматривать в единстве и не противопоставлять друг другу. Но при этом главное в личности принадлежит духовному.

Еще одна часть предметного поля социологии – культура, которая появляется рядом с миром природы как мир, переработанный человеческим сознанием. В. М. Хвостов говорит о том, что при изучении общества и человека необходимо проводить различие между натурой (природой) и культурой. Здесь «вмешивается» в анализ психологический аспект проблемы, потому что «правильная постановка вопроса о природе человеческого общества... возможна только на психологической почве».

Отсюда следует дополнительная расшифровка в духе психологизма того, что такое общество. «Под именем общества, – объясняет социолог, – мы разумеем единый процесс общения, который происходит между индивидуальными процессами духовной жизни, именуемыми душами отдельных людей. Ввиду присущей процессу духовного общения и взаимодействия самостоятельной закономерности, он может быть рассматриваем как особая цельность и составляет предмет особого изучения. Вот почему должна существовать особая социологическая наука» [Хвостов, 1997а: 122].

В свете изложенного о социологии как науке, ее предмете становится понятной трактовка В. М. Хвостовым социальных законов как общих схем порядка протекания человеческого общения. По существу они тождественны законам социальной психики, а сама социальная психология рассматривается с учетом этого обстоятельства как составная часть социологии. Социальное познание отражает мир не как таковой, а с точки зрения определенной теории, построенной на сформулированных социологом законах.

Не меньше, чем проблема предмета, волновал В. М. Хвостова вопрос о методе социологии. Он считал социологию обобщающей наукой, ее задача – «вскрыть для нас ту общую закономерность, которая проявляется в общественной жизни, формулировать те законы природы, которым подлежит ход общественных процессов» [Хвостов, 1997б: 276].

Метод социологии по существу одинаков с методом любой обобщающей науки. Наряду с теоретическими абстракциями и положениями, социология должна располагать фундаментом из

фактов для получения обобщений, но в достаточной степени еще его не имеет, в чем исследователь усматривает ее слабость.

Эти факты социология может получать из исторических источников, данных этнографического характера (т. е. результатов наблюдений за жизнью и бытом народов). Наконец, говорит В. М. Хвостов, «социолог должен производить и непосредственные наблюдения над фактами социальной действительности... в форме простого присутствия при общественных процессах... или же они собираются путем опроса лиц, переживавших известные события или близко к ним стоявших» [Хвостов, 1997б: 280]. Что касается использования такого метода, как эксперимент, то в социологии, считает ученый, он малоприменим, поскольку общественные процессы слишком сложны для того, чтобы его можно было правильно ставить в большом масштабе; в более же скромной форме эксперимент в социологии возможен.

Следует отметить, что учение В. М. Хвостова о методах социологии как науки весьма близко к современным трактовкам и значительно отличается от представлений о методике исследований, господствовавших в российской социологии на рубеже веков, не говоря уже о более ранних. Вместе с тем он писал и о другой методике, скорее психологической, нежели социологической, касающейся изучения процесса и возможностей психологического вживания в исследуемую ситуацию – на основании того, что о чужом «я» мы судим сообразно собственному «я».

Одна из «сквозных» проблем российской социологии – ее отношение к прогрессу. В. М. Хвостов воспринимал негативно это понятие на том основании, что критерии его не ясны и оно не вполне научно. Поэтому он предложил использовать вместо прогресса понятие духовного процесса, взятого в его динамике и развертывании и проходящего циклы собственного развития во временном и пространственном аспектах. В развертывании духовного процесса В. М. Хвостов видел три стадии: 1) скрытое состояние новой идеи за порогом общественного сознания; 2) появление у идеи большого числа сторонников (возникновение их «критической массы»); 3) победу духовной инновации в борьбе с традицией. На этой последней фазе идея трансформируется и достигается ее компромисс с традицией. Появляется новый общественный идеал («дух времени»), который определяет дальнейшее развитие духовного процесса.

В целом В. М. Хвостов создал концептуальную схему развития социологии как на ее теоретическом (макросоциологическом), так и на микросоциологическом уровне. Остается сожалеть, что он не сумел реализовать весь свой замысел, и второй том его «Социологии» так и не увидел света.

П. И. Новгородцев известен своей достаточно резкой критикой позитивистской социологии за ее акценты на необходимости изучения общества, за утверждение об объективном характере изучаемых социальных фактов и связей между ними, за засилье в ней (вместо нравственно-правового и культурного) исторического подхода. Применение последнего, полагал российский мыслитель, ведет к исчезновению личности как объекта исследования и превращению в таковой масс, социальной среды.

Между тем основным объектом исследования, по его мнению, должна быть именно личность, рассматриваемая сквозь призму индивидуально-психического и нормативно-этического подходов. Социологии, считал П. И. Новгородцев, следует превратиться из науки об изучении, описании, объяснении объективных социальных фактов (социальный факт не есть дюркгеймовская «вещь») в науку об исследовании ценности данных фактов. А это превращает социологию из «объективной» в «субъективную» область получения нового знания.

В работах П. И. Новгородцева хорошо видно его несогласие с редукцией общества, социального к живой природе, биологическому. По его мнению, человеческое общество отличается от мира живой природы прежде всего тем, что в нем существуют нормы как первоначальные задатки всеобщего долженствования. Эти нормы составляют нравственную основу структуры личности, поскольку человек живет именно по ним. Раз мы с этим согласны, то должны признать, что нормы являются основой также общества и культуры. Справедливости ради, отметим, что П. И. Новгородцев не отождествлял общество и культуру, более того, резко выступал против попыток такого отождествления у некоторых исследователей неокантианского толка.

Нравственность, по Новгородцеву, – не только то, что существует по отношению к личности как нечто внешнее (совокупность действующих в обществе норм), но это и внутренняя для человека абсолютная ценность. Она позволяет личности быть не пассивным продуктом социальной среды, а единственным и основным источником сознательных решений и активных действий. Поэтому общество есть ничто иное, как совокупность сознаний и действий отдельных людей.

Нравственная сфера, в соответствии с позицией П. И. Новгородцева, автономна, самодостаточна, независима и самостоятельна. Он считал, что необходимо признание самостоятельного значения за нравственным началом и нормативным рассмотрением социальных и личностных – в первую очередь – проблем. Позитивизм, в отличие от неокантианства, не в состоянии решить нравственную проблему, потому что этические нормы, лежащие в ее

основе, являются априорной прерогативой нравственного сознания. Главным в социологической проблематике должно стать изучение механизмов морально-правовой регуляции в различных общественных системах. Для этого необходимо изучать и знать структуры индивидуального сознания (внутренних психологических переживаний) и внешних по отношению к человеку социальных и культурных систем, понимаемых как совокупность нравственных и правовых норм.

П. И. Новгородцев, рассматривая период начала XX столетия, считал его временем кризиса и крушения всяческих утопий, особенно социалистического характера. Анализ марксизма и многочисленных социалистических концепций того периода убедил его в том, что в принципе не может быть создано справедливых форм общественного устройства и разумных средств их появления. Все общественные формы, реально существующие и еще не родившиеся, будущие, не могут по своей природе совместить, реализовать в своей деятельности требования справедливости, равенства и свободы. Однако в основе этих форм должен лежать принцип соблюдения интересов личности. Выход из кризиса общества и социальной науки, с точки зрения П. И. Новгородцева, состоит в учете этого принципа и обеспечении свободы бесконечного развития человека. Индивид нуждается не в утопическом проекте светлого будущего, а в вечном идеале добра, в основе которого – самоценность человеческой жизни.

Говоря об общественных формах, в которых реализуется этот абсолютный идеал, П. И. Новгородцев указывает на самые исторически ранние (род и племя) и современные (государство, церковь, семья, нация, культура). На эти формы общества он возлагает основные надежды, связанные с расширением границ действия нравственных норм. Задача социолога, по мнению П. И. Новгородцева, состоит в изучении возможностей решения этой проблемы в названных выше общественных формах. Для человека же главное – следовать нравственному идеалу и нести его в себе как тот мир, в котором он живет. Таким было *credo* П. И. Новгородцева.

Б. А. Кистяковский считал, так же как и другие неокантианцы, что общество и социальное познание в нем находятся в состоянии кризиса. Если причины кризиса общества лежали в процессах социально-экономических и – особенно – в политических, то обоснование кризиса социального познания российский мыслитель видел в явлениях методологического порядка. Он связывал этот кризис с господством субъективизма и релятивизма социальной науки, давлением на нее позитивизма и методов естествознания, игнорированием специфики социального познания в целом, социологического в частности. Кроме того, причиной кризиса социального по-

знания он считал слитность, неразделенность социологии и социальной философии и господство в последней психологизма. Другими словами, кризис социальных наук имел чисто гносеологический характер, и выход из него следовало искать именно в сфере методологии.

Главная задача социологии – исследовать причинную связь между ставшими необходимыми социальными фактами, причем делать это беспристрастно, вне влияния их нравственных оценок. В связи с таким пониманием поставленной задачи Б. А. Кистяковский писал: «Социолог должен в этом случае поступать так же по отношению к социальным явлениям, как врач, который лечит больного, не спрашивая, хороший ли это или дурной человек, нравственен ли он или безнравственен. Может быть перед ним лежит величайший злодей, преступник, убийца, загубивший много жизней, но врач справляется только со своей наукой и спасает больному жизнь, не спрашивая, достоин ли он или не достоин жить по нравственным соображениям. Так же точно социолог не должен расплываться в нравственных осуждениях или предаваться благородному гневу по поводу исследуемых им социальных явлений, а спокойно исследовать причинную связь их» [Кистяковский, 1997: 264].

Однако это вовсе не значит, что Б. А. Кистяковский игнорировал понятие нравственности и нравственных оценок тех или иных социальных явлений. Он связывал это понятие с другой категорией, которой всегда уделял значительное внимание, – справедливости. «О каждом общественном явлении, – писал он, – мы можем судить с нравственной точки зрения. Всякий раз, когда мы имеем факт из общественной жизни, мы можем спрашивать: удовлетворяет ли он идее справедливости или нет?» [Кистяковский, 1997: 263]. Категорию справедливости как оценочную Б. А. Кистяковский противопоставляет категории необходимости как научно-познавательной, поскольку последняя одинаково применяется при анализе и естественных, и социальных явлений, а первая – только лишь в суждениях о социальном мире.

Некоторые исследователи творчества Б. А. Кистяковского рассматривают трактовку им справедливости как сердцевину его социологической концепции [См., напр.: Миненков, 2000: 240]. При этом доказывается, что категория справедливости связана у российского исследователя с понятием долженствования, нормативностью и ценностью. Стремление к осуществлению справедливости присуще людям как естественное, считал Б. А. Кистяковский.

Российский ученый рассматривал общество как психическое взаимодействие людей, процессы в котором существенно отличаются от физических и количественно неизмеримы. Поэтому исследовать его можно лишь на основании специальных социальных за-

конов, которые не могут представлять собой аналогий физическим, биологическим и иным естественно-научным законам. Для того чтобы открыть такой специфический социальный закон, необходимо изолировать однородные социальные явления, которые состоят в причинной связи между собой. Знание нескольких пересекающихся рядов причин даст возможность открыть социальный закон.

В работах Б. А. Кистяковского последовательно проводилась идея о том, что социология должна выделять в социальных явлениях безусловно достоверное, тогда главным для нее станет установление необходимости, а не определение различных возможностей. Нигилистическое отношение ученого к категории возможности бросалось в глаза, и вряд ли с такой позицией в социологической науке можно согласиться. Социология не должна пренебрегать этой категорией, особенно при разработке различных вариантов (сценариев) развития процессов, а также в ходе статистических исследований.

Будучи правоведом и обосновывая нормативно-социологический подход, российский ученый обращал особое внимание на роль права в развитии человека и социальных процессов. Он доказывал, что право дисциплинирует индивида гораздо больше, чем что-либо иное, даже управление собственной волей. Внутренняя свобода человека достигается благодаря праву. Значение работ Б. А. Кистяковского в этом аспекте его творчества заключается в подчеркивании роли прочного правосознания людей, являющегося условием нормального развития и общества, и личности.

Завершая рассмотрение социологических взглядов Б. А. Кистяковского, отметим, что он, как и многие ученые того времени, ставил вопрос об отправном пункте социального процесса, его начале. Что им является – общество или личность? В отличие от многих своих коллег, выбиравших что-либо одно, Б. А. Кистяковский полагал, что вряд ли таким путем можно найти верный ответ на этот вопрос. Оба начала, полагал ученый, одновременны и взаимодействуют настолько тесно, что любой выбор в этом случае всегда будет некорректным. Тем более что в практическом плане самоцелью являются и личность, и общество. Самое же главное в социальном мире – успех должностования, реальных норм и подлинных ценностей. Именно этому должна содействовать вся социальная наука, в том числе и социология.

Переходя к рассмотрению взглядов Л. И. Петражицкого, отметим, что социологию он характеризует как научную теорию социально-психических процессов. Ее предназначение – изучать участие человека в процессах социальной жизни. При этом под таким участием Л. И. Петражицкий понимает психическую деятельность индивидуального характера. Она проявляется в словах, сообщениях, действиях, поступках человека.

Главным методом социологии Л. И. Петражицкий считал психологическую дедукцию, основой которой является наблюдение социальных фактов. Наблюдение может быть внешним (по отношению к физическим явлениям и процессам оно осуществляется благодаря органам чувств) и внутренним. В последнем случае оно превращается в самонаблюдение, выступает, как говорит Л. И. Петражицкий, интроспекцией, психологическим методом внутреннего наблюдения. Такое наблюдение есть, по существу, переживание социального факта, социального явления. Это переживание и становится объектом познания и предметом интерпретации.

Отсюда существенное значение приобретает способность человека воспринимать и трактовать социальные явления и процессы. Таким путем можно определить процесс конструирования узнаваемого нами социального мира, который (это следует из приведенных рассуждений) оказывается зависимым от того, как мы его интерпретируем. Подобный подход к познанию социального мира стали особенно активно применять в 1920-х гг. представители феноменологической социологии.

Центральными понятиями социологии, согласно концепции Л. И. Петражицкого, должны стать социальное поведение и его мотивы. Традиционно основная категория социологии – общество – не привлекала особого внимания ученого. Оно выступало для него как некая надындивидуальная действительность, не имеющая особого статуса и не существующая реально в психике того, кто изучает то или иное конкретное социальное явление. Социология изучает лишь то, что существует в психике и интерпретируется индивидом.

Общество не вызывало интереса у Л. И. Петражицкого и в силу его оторванности от нормативных и мотивационных характеристик поведения. Для получения этих характеристик требуется обращение к психологии, которая должна создать для гуманитарных наук, в том числе и для социологии, прочный фундамент. Так, Л. И. Петражицкий считает, что социологическое понятие «мотив» (хотя на самом деле оно, скорее, психологическое) имеет в качестве психологического аналога (синонима) понятие «эмоция». Не случайно он разрабатывает детальную классификацию эмоций, создавая «эмоциональную теорию эстетических и этических явлений».

Индивидуальные эмоции, в соответствии с этой теорией, выступают причинами социального поведения, они выражаются как в слове, так и в действии, а их понимание становится задачей социологии. Однако такой подход, базировавшийся на индивидуальных эмоциях, оказался недостаточным для построения научной социологии, поскольку не содержал выхода в систему социальных отношений. Поэтому Л. И. Петражицкий обращается к понятию «народная психика», связывая его с конкретным поведением через

социальные нормы, обуславливающие определенные типы поведения.

Разработка теории социальных норм Л. И. Петражицким – одно из его серьезных научных достижений. При этом он рассматривал нормы в тесной связи с обязанностями – как моральными (нравственными), так и правовыми (юридическими). Нравственные нормы у ученого – это переживание долга и его выполнение, юридические – это понимание долга как обязанности по отношению к другому. Любые нормы выполняют две функции – мотивационные (импульсивные) и педагогические. Первые стимулируют одни действия и сдерживают другие, вторые способствуют развитию определенных психических склонностей, предрасположенностей людей.

Общественный прогресс Л. И. Петражицкий связывал с достижением идеала совершенного социального характера. Этот идеал достигается постепенно, по мере перехода от одной социальной системы к другой, более действенной и соответствующей состоянию народной психики, что, в свою очередь, обеспечивает более высокую степень социально разумного поведения граждан.

Подводя итог развитию неокантианского направления в российской социологии, следует отметить, что его сторонники, критикуя позитивизм и натурализм, сделали шаг, с одной стороны, в направлении к неопозитивизму, с другой – приблизили социологию еще больше к психологии. Вместе с тем, неокантианство не сумело решить полностью тех задач, которые ставило перед собой: подорвать научное и интеллектуальное доверие к социологическому позитивизму. Последний сохранился и даже усилился, занявшись поиском новых форм и ликвидацией слабостей в своей методологии за счет большего дистанцирования от естествознания и его методов и усиления гуманитарной составляющей в создаваемом научном знании.

Представители неокантианства в отечественной социологии обращали особое внимание на методологию исследования и социального познания, выработку понятийного аппарата общественной науки, обращение к личности, ее внутреннему психическому миру. Особенно активно ставились проблемы долженствования, нормативности, ценности в связи с характеристикой поведения человека. Взаимодействия между субъектами социальных процессов рассматривались в рамках нравственно-психологических отношений.

Вместе с тем они ставили задачу создания нового типа общества, основанного на подлинно нравственных принципах поведения и его граждан, и власти, поведения, соответствующего принятым нормам и идеалам подлинно демократического устройства. В основе этих идеалов – самоценность человеческой жизни, сво-

бода каждого гражданина. По существу это был тот социальный порядок, который содержал в себе многие стороны и черты гражданского общества. Повышенное внимание российские неокантианцы уделяли ключевой категории – норме и осуществлению на ее основе принципа социальной справедливости. Несмотря на то что главное внимание уделялось не обществу, а личности, подразумевалось изначально, что благоприятные условия для ее функционирования должно создать именно оно. Только общество создает правовые и моральные нормы, принципы долженствования, формирует ценностные образцы поведения.

3.3. Российская социология в условиях господства неопозитивизма (третий период)

В границах третьего периода развития российской социологии ведущим направлением становится неопозитивизм (А. С. Звоницкая, П. А. Сорокин, К. М. Тахтарев). Его представители считали необходимым исследование в первую очередь социального поведения, социальных связей, социального взаимодействия, социального общения. Они ратовали за превращение социологии в описательную науку с предельно объективным и точным изучением как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне самых различных сторон социального поведения и взаимодействия.

Наряду с неопозитивизмом возникает так называемая «христианская социология» (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. А. Франк). В качестве предмета социологии ее представителями, равно как и неопозитивистами, берется рассмотрение социального. Это позволяет социологии отмежеваться от других наук и выйти на уровень предметного самоопределения. Усиливается развитие как легального, так и ортодоксального марксизма и экономического материализма (Г. В. Плеханов, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, В. И. Ульянов). По существу сохраняются все остальные ранее утвердившиеся направления социологической мысли в России. Продолжает издаваться отечественная социологическая литература, публикуются переводы на русский язык социологических трудов зарубежных ученых. Заметным явлением становятся четыре выпуска сборника «Новые идеи в социологии», подготовленные кафедрой социологии Психоневрологического института.

Таким образом, развитие российской социологии во второй половине XIX – начале XX в. шло по пути наращивания научного потенциала и усложнения структуры за счет появления все новых и новых направлений и течений. Тенденция к нарастанию была заметной и относительно процесса институционализации социологической науки. В 1912 г. открылась социологическая секция на ис-

торическом факультете Петербургского университета. В 1916 г. учреждается Русское социологическое общество им. М. М. Ковалевского. В 1917 г. вводится ученая степень по социологии, создаются кафедры социологии в Ярославском и Петроградском университетах.

К появлению неопозитивизма в российской социологии привели, с одной стороны, неокантианская критика позитивизма, стремление представителей последнего модифицировать свои взгляды в сторону большей адаптированности к уровню достижений социального знания, с другой стороны, развитие эволюционизма и функционализма, синтез многих идей и направлений субъективистского и объективистского характера. Этому также способствовало активное внедрение в отечественную социологическую науку различных западных теорий (махизм, американский бихевиоризм и прагматизм и др.). Происходило завершение формирования социологии как науки. Для решения социологических проблем искались и находились строго научные социологические средства.

В содержательном плане неопозитивизм характеризуется переносом акцентов с изучения индивидов на исследование социальных действий, взаимодействий, социальных связей и отношений, социального поведения. Е. В. де Роберти, провозгласивший переход к неопозитивизму, заявил, что последний поднимает знание на высоту точной теории, рационализирует различные технологии, которые управляют практической деятельностью человека и его поведением (в области экономической, нравственной, политической). Неопозитивизм в российской социальной науке связывают с модернизацией социологической теории, отказом от различных форм редукционизма (в том числе и психологического). Вместе с тем получение точных данных в социологии начинают соотносить с проведением эмпирических исследований, использованием математики, статистики для обработки полученных результатов.

Методологическая программа неопозитивизма требовала замены априоризма наблюдением и строгим описанием полученных результатов, ценностного подхода (наследие неокантианства) – индукцией, метафизики – сциентизмом (признанием в качестве главного инструмента исследования методов естественных наук), эволюционного объяснения – функциональным.

В теориях российского неопозитивизма за счет отказа от сравнительно-исторических методов и переноса акцентов на эмпирические усилилась описательная сторона социологических работ, зато слабее оказался представленным теоретический анализ. Внимание к внешним сторонам социального поведения оказалось доминирующим, что выразилось как раз в подчеркивании возросшей роли его описания. Отказ от обращения к изучению внутренних

факторов личностной деятельности (метод интроспекции) привел к использованию в социологии основной схемы бихевиоризма «стимул – реакция». Под стимулом российские социологи понимали условия поведения, под реакцией – его содержание (связи, взаимодействия, отношения).

Одна из основных задач нового направления в социологии России состояла в том, чтобы как можно более эффективно использовать ее возможности в практической жизни и преодолеть негативное отношение власти к этой науке. Решить поставленную задачу в полной мере не удалось, нормальные условия для развития отечественной социологии так и не были созданы в начале XX в.

Переходя к рассмотрению взглядов отдельных представителей отечественной неопозитивистской социологии, характеризующих отношение к рассматриваемым в книге проблемам, начнем с А. С. Звоницкой – первой российской женщины-социолога. Центральное понятие социологии для нее – социальные связи, учение о них составляет предмет теоретической социологии. В процессе общения между индивидами возникают специфические связи и отношения, которые выступают в виде «общности сознания и деятельности». Такое общение А. С. Звоницкая определяет как передачу содержания одного сознания другому сознанию. По существу это подражание по Г. Тарду, на работы которого она активно ссылается. Так что категория общения у А. С. Звоницкой весьма близка по содержанию к категории подражания. Важно, что и то и другое – и общение, и подражание – выступает естественной предпосылкой социальных связей.

Значение общения состоит в том, что в его процессе формируется и развивается личность. Развитие личности включает в себя три главных момента: а) «проективный момент», т. е. приобретение личностью сведений об окружающей психологической среде; б) «субъективный момент», т. е. самосознание, выступающее в форме обобщения и типологизации полученных сведений; в) «эективный момент», т. е. систему социальных ожиданий, означающую предположение о наличии сходных обобщений у других личностей и согласование совместной деятельности. Первый и третий моменты составляют два полюса самосознания, между которыми происходит движение «я». В этом движении и состоит основной закон развития личности. Конкретизируя его, А. С. Звоницкая объясняет: на проективном полюсе индивид воспринимает свойства других личностей и приспосабливается к окружающей психологической среде, приобретая свойства иного «я»; стало быть, критерием для «я» служит «он». На эективном полюсе все наоборот, поскольку свое «я» является для данной личности критерием для других личностей, т. е. всякая другая личность должна иметь свойства моего «я».

Здесь обнаруживается центральное понятие социологии А. С. Звоницкой – эктивация (ожидание). Эктивация как раз и составляет основу общения и природу социальной связи. Наиболее распространенной формой эктивации является подражание, которое позволяет понять внутреннюю структуру общества. Дело в том, что социолог рассматривает формы социального общения как «линии социальности», как устойчивые типы эктиваций, которые выражают разные направления деятельности людей и ведут к образованию различных групп. Эти группы и образуют структуру общества.

Когда ожидания (эктивации) людей подтверждаются, общество развивается в рамках нормативности. Стоит только не подтвердиться ожиданию, создается конфликт между личностью и обществом. Если же источником конфликта оказывается не индивид, а целая группа людей, то в обществе возникает кризис, который обязательно затрагивает культуру, духовный мир и свидетельствует о недоверии к нормам социальной жизни у значительной части членов общества.

Кризис завершается социальной бурей, вслед за ней происходит распад общества, который затем сменяется процессом его медленного выздоровления и восстановления нормативной системы. Значительная роль в этом процессе принадлежит симпатии, которую А. С. Звоницкая характеризует как сходное отношение к себе и другим. Социальная связь не может быть установлена вне симпатии. В ходе кризиса сфера симпатии людей друг к другу резко сужается, создается гнетущая социально-психологическая атмосфера. Но затем симпатия вновь появляется в процессе выхода из кризиса.

В концепции А. С. Звоницкой достаточно много неустоявшихся положений с запутанной логикой и неясными социальными связями. Но это был лишь начальный этап складывания теоретической позиции социолога, чем, собственно говоря, многое объясняется. Остаётся сожалеть, что социология в России не получила продолжения интересного теоретического начинания.

К. М. Тахтарев разделял идеи эволюционного плюрализма, считая себя учеником М. М. Ковалевского. Главная социологическая работа К. М. Тахтарева – «Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии». Научные интересы К. М. Тахтарева были связаны с общей теорией социологии, ее историей, соотношением с другими (прежде всего естественными) науками, исследованием структуры общества и др.

Под социологией К. М. Тахтарев понимал науку, которая изучает общественную жизнь, ее явления и закономерности. Среди

явлений социальной жизни основными и простейшими были, с его точки зрения, сожитие и общение. Изучение этих явлений и составляет первую задачу социологии [Тахтарев, 1997: 84]. Под сожитием российский ученый понимает жизнь людей сообща. Оно есть содержание общественной жизни, а формой ее выступает общение.

«В связи с явлениями сожития и общения, — пишет К. М. Тахтарев, — должен быть выяснен и сам человек как живой и деятельный участник общественной жизни и самых различных видов общения. Человек должен быть выяснен как неизбежный член общества, как общественный человек, как сообщественник. Но окончательное выяснение человека как общественного существа, как сообщественника требует понимания того, что представляет собою то общество, неизбежным членом которого является каждая человеческая личность» [Тахтарев, 1997: 84]. Следовательно, К. М. Тахтарев выделяет три фундаментальные особенности общественной жизни, к которым должна обращаться социология: сожитие, общение и человек.

Такова логика рассуждений социолога, приводящая его к необходимости трактовки общества и пересмотра уже имеющихся учений о нем. Действительной основой общества, считает российский социолог, «служит самая широкая и всеобъемлющая форма самодостаточного сожития и общения людей и, главным образом, общения трудового, т. е. общественное сотрудничество. <...> Но общественное сотрудничество всегда оказывается усложненным разделением и расслоением общественного труда. И выяснение этого явления и его социологического значения есть новая задача социологии» [Тахтарев, 1997: 85]. Общество, следовательно, самодостаточно по своей природе, существует само по себе, в отличие от человека, который становится таковым только в сожитии и общении.

Такое понимание строя общества и общественного уклада позволяет К. М. Тахтареву сформулировать еще одну задачу социологии, связанную с анализом его структуры, расслоением, делением общества на различные группы, известные под названием сословий, каст, общественных классов и т. д. Социально-групповое учение приводит К. М. Тахтарева к формулированию теории общественных сил как необходимому дополнению этого учения.

Еще одна задача социологии состоит в выявлении и формулировании социальных законов, которое предполагает «выяснение и установление необходимых соотношений различных явлений, а равно и изменение этих соотношений в общем ходе общественной жизни. Это и составляет главное дело социологии как особой науки о закономерности общественной жизни. Это и является ее конечной научной целью» [Тахтарев, 1997: 97]. Только в таком случае со-

циология превратится в должным образом организованную и стройную отрасль знания.

В качестве фундамента рассматриваемой науки, по мнению российского ученого, необходимо принять генетическую (эволюционную) социологию и сравнительную статистику. К. М. Тахтарев считал, что общественные явления должны численно измеряться. Для этого требуется тесная связь социологии с естественнонаучным знанием и его методами. Статистико-социологический метод, считал исследователь, позволяет выразить изучаемые соотношения различных явлений общественной жизни точным языком чисел. По его мнению, это должно быть мечтой каждого социолога, стремящегося сделать свою науку действительно точной и строгой. В связи с отмеченным обстоятельством К. М. Тахтарев полагал, что социология должна быть пропитана духом естествознания и научного реализма, а общественная жизнь – изучаться такой, какая она есть на самом деле.

Для дальнейшего развития социологии существенное значение имела категория, которую автор использовал для объяснения многих явлений общественной жизни, – образ жизни. Он характеризовал его как удовлетворение человеческих потребностей с помощью определенных способов и средств существования. Это понятие употреблялось социологом не для анализа повседневного способа поведения людей, а для характеристики с его помощью основных ступеней общественно-исторического развития.

На основании изменений в образе жизни людей К. М. Тахтарев выделил пять ступеней общественного развития: 1) примитивное общество (наиболее ранняя ступень), опирающееся на охотничий образ жизни; 2) родовое общество, появившееся из кочевого образа жизни; 3) общество, связанное с переходом к оседлому образу жизни на основе сельской общины; 4) феодальное общество, опирающееся на натуральное хозяйство и соответствующий ему образ жизни; 5) общество, формирующееся на основе городского образа жизни.

К. М. Тахтарев выступал против марксистского понимания классовой борьбы, считая, что будущее – за политическим сотрудничеством и солидарностью самых различных общественных групп и соглашением между ними, «совластием», как он определял одним словом этот процесс. Окончательным же победителем в социальной борьбе будет творческий и действительно обобществленный труд, который создаст новый общественный строй и взамен насилия осуществит верховное право народа быть господином собственного бытия. Цель нового общества и нового государства состоит в том, чтобы обеспечить всем полную и совершенную человеческую жизнь, равные права и возможности. Нетрудно об-

наружить, что в его прогнозе просматриваются элементы будущего справедливого и гражданского общества.

Перейдем к рассмотрению идей выдающегося отечественного социолога П. А. Сорокина. Отметим, что в этой главе мы коснемся лишь тех из них, которые были сформулированы в рамках классического этапа отечественной социологии, т. е. вплоть до 1917 г. П. А. Сорокин исходил из положения о том, что общество является частью природы, а человеческий разум – наиболее совершенная форма космической энергии. Отсюда следовало понимание того, что в обществе действуют законы, общие для всей Вселенной. Задача социологии состоит в выявлении и анализе отношений и функциональных связей и зависимостей, обеспечивающих существование общества в его многообразных конкретных формах. С такой его позицией связано выделение в структуре этой науки теоретической и практической социологии.

Говоря о практической социологии, П. А. Сорокин имеет в виду изучение ею политической деятельности людей. Поэтому данный раздел социологии должен быть прикладным по своему характеру. Он связан с ролью социологии в осуществлении рациональных социальных реформ, в борьбе с социальными болезнями. Практическая социология должна, опираясь на законы, сформулированные теоретической социологией, дать человечеству возможность управлять социальными силами, утилизировать их сообразно поставленным целям. П. А. Сорокин говорил, что практическая социология должна быть реализацией роли социологии по Конту, нашедшей свое отражение в его известном афоризме: знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы мочь.

Одной из важных социологических проблем, рассматриваемых исследователем, является структура общества, говоря точнее его терминами, «населения». Он сравнивал общество с куском слюды, который расслаивается на отдельные слои. Так же как в слюде слои часто непрочно связаны друг с другом, в обществе может быть много групп и структур, не связанных между собой, в отличие от конкретного слоя, где существует взаимное тяготение индивидов. Отсюда П. А. Сорокин делает вывод, что единого общества быть не может, а есть совокупность конкретных обществ, проживающих на одной территории.

Весьма значимой для социологии П. А. Сорокина проблемой является социальное поведение индивидов. Предпосылки теории социального поведения П. А. Сорокиным были сформулированы еще в его первой книге «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913). Они оказались связанными с проблемами социальной мотивации. Было доказано, что кары и награды (а они рассматриваются как санкции) становятся решающим фактором поведения

людей и его трансформации. Одна и та же кара или награда тем сильнее влияет на человека, чем ближе момент ее осуществления, чем больше человек нуждается в награде и страдает от отнимаемого у него карой. В упомянутой книге П. А. Сорокин рассматривает большое количество явлений, которые регулируются в обществе с помощью кар и наград. Эти явления систематизируются социологом в виде трех типов действий: дозволенных, запрещенных, рекомендуемых.

Дозволенные (дозволенно-должные) действия – это поступки, связанные с осуществлением прав и обязанностей, соответствующие, таким образом, представлениям о должном. Запрещенные (недозволенные) действия – это поступки, противоречащие представлениям о должном поведении. Рекомендуемые действия – это поступки, не только не противоречащие представлениям о должном, но и превышающие необходимый минимум «добротного» поведения. Кроме того, эти действия всегда желательны и по своей природе добровольны.

Трем названным типам действий соответствуют три формы реагирования на них. Дозволенные действия воспринимаются как соответствующие норме, отсюда – должная реакция на них. Запрещенные действия (преступления) воспринимаются с чувством вражды, ненависти, желания наказать, отомстить, отсюда в качестве реакции выступает наказание, кара. Рекомендуемые действия (подвиг) воспринимаются с благодарностью, отсюда реакцией выступает награда. Больше всего внимания в книге уделено двум последним действиям и реакциям на них, поскольку именно они определяют динамику социального поведения с учетом принятых в обществе социальных норм.

Проблемы социального поведения рассматривались П. А. Сорокиным в условиях социальных перегруппировок населения (потом он введет для обозначения этого процесса термин «социальная мобильность»). Социолог говорит о трех типах перегруппировок. Он пишет о перемещениях индивидов из одних групп в другие, о появлении одних – гомогенных (однородных) групп и исчезновении других, об исчезновении целого агрегата и замене его новой группировкой. По существу, это раннее изложение концепции социальной мобильности, окончательно им сформулированной и опубликованной уже в США в 1927 г. в книге «Социальная мобильность» [Сорокин, 2005]. П. А. Сорокин приходит к важному выводу, что никакого социального равенства достичь не удастся в исторически обозримом будущем, поскольку его обеспечение требует уничтожения всех видов социального расслоения, а это невозможно.

Рассуждения социолога о социальных перегруппировках базируются на его различных классификациях строения (структуры)

населения. Один из ее вариантов выглядит так. Существуют: а) элементарное, или простое коллективное единство (элементарная социальная группа); б) кумулятивное коллективное единство (кумулятивная социальная группа); в) сложный социальный агрегат (население в целом). В одном случае группа образуется на основе одного признака (профессионального, религиозного, полового, возрастного, партийного и др.). В другом случае возникают более сложные образования на основе двух и более признаков (класс, сословие, нация и т. д.).

Еще одна классификация, предложенная социологом, включает выделение закрытых, открытых и промежуточных групп. П. А. Сорокин называет «закрытыми» группы, членство в которых от человека не зависит, поскольку он рождается и живет с соответствующими признаками (раса, пол, возраст). Далее он выделяет открытые группы, членство в которых определяется волей и желанием человека (партия, ассоциация и др.). Наконец, могут иметь место промежуточные группы, в которых сочетаются свойства закрытых и открытых групп (класс, сословие, вторая семья).

В связи с анализом проблемы типологии социальных групп приобретает интерес трактовка П. А. Сорокиным национальности и нации. Он считает, что ее неправомерно рассматривать как элементарную группу, поскольку она характеризуется несколькими признаками сразу. Чаще всего имеется в виду кумуляция трех признаков: языка, территории, государственности. Иногда к ним социолог добавляет религию. Исходя из такого подхода, он считает, что национальности как единого социального элемента нет, стало быть, нет и особого национального вопроса. Реальной же проблемой, по его мнению, является социальное неравенство.

Немаловажное значение для социологии представляет предложенная П. А. Сорокиным социально-групповая структура населения «культурно развитых» стран, включающая в себя 13 ее видов: расовую, половую, возрастную, семейную, государственную, языковую, профессиональную, имущественную, правовую, территориальную, религиозную, партийную, идеологическую. Этот подход П. А. Сорокина к социальному структурированию общества лег затем в основу его концепции социальной стратификации и был широко и позитивно воспринят во всем мировом сообществе социологов. Кстати, следует специально отметить, что термины «социальная стратификация» и «социальная мобильность» предложил для их использования в социологии и ввел в широкий научный оборот именно российский ученый.

В российский период творчества П. А. Сорокиным разрабатывались проблемы социальной генетики, причем под сильным влиянием идей М. М. Ковалевского и Л. И. Петражицкого. Одна

из центральных проблем этого раздела системы социологии – проблема прогресса. Общую тенденцию прогрессивной эволюции социолог видит в понижении стимулирующей роли внешних санкций и усилении влияния внутреннего регулирования поведения личности на основе осознания ею своего долга. Прогрессивным ученый считает общество, в котором возрастает роль знания, усиливается личная ответственность, повышается заинтересованность человека в общем деле, смягчаются внешние санкции и растет социальная солидарность. Идеалом является создание общества, в котором не будет преступлений, кар и наград.

Вначале П. А. Сорокин верит в возможность быстрого достижения успеха на этом поле деятельности. Молодой социолог полон оптимизма, навеянного Февральской революцией 1917 г., отменившей все сословные, национальные и вероисповедные ограничения, свергнувшей царизм, провозгласившей свободу слова и печати. Ему казалось, что до решения проблемы социального равенства «рукой подать». Основой его он считал равенство людей в труде, базирующееся на свободном выборе формы деятельности в этой сфере каждым человеком. Большое внимание он уделял проблемам новой педагогики, которая сумеет, по его мнению, правильно поставить дело обучения и воспитания, благодаря чему будет достигнуто интеллектуальное равенство людей. В этой связи он утверждал, что идеальной является та система воспитания, при которой нет кар и наград.

Однако такой оптимизм, связанный с реальной возможностью утверждения подобного общества, постепенно покидает П. А. Сорокина. Довольно скоро он начинает понимать, что в основе ожидаемого общества должно лежать социальное равенство, однако в обозримом будущем о нем не может быть и речи в связи с наличием многих линий социального расслоения и неравенства между группами. Само социальное равенство П. А. Сорокин трактует уже по-другому – как пропорциональность социальных благ в соответствии с заслугами людей. От достижения такого состояния современное ему общество, по его мнению, находится весьма далеко.

Российский социолог рассматривает социальную эволюцию как процесс замирения, в котором главное место занимает нормативное регулирование. Любое общество, любая социальная группа выступает как «замиренная среда», которая характеризуется наличием определенной организации, норм и шаблонов поведения. Конечно, в группе, как и в обществе в целом, всегда имеются отклонения, инакомыслящие и инакодействующие люди, но чаще всего их подчиняют интересам группы (общества) посредством принуждения, в том числе и с помощью методов насилия.

П. А. Сорокина никогда не оставляла равнодушным проблематика этического характера, касавшаяся человеческих страданий (особенно от голода и войны), проявления альтруизма, будущего устройства государства и общества. Его волновали проблемы контраста между бедностью и богатством и пути его преодоления. В основе такого интереса лежал вопрос о возможностях социологии, о том, что она может и должна сделать для совершенствования человеческих отношений и создания нового типа общества.

В предисловии к книге П. А. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» его любимый педагог М. М. Ковалевский предсказал молодому ученому большое научное будущее и выразил уверенность в том, что еще не один том его трудов пополнит российскую социологическую библиотеку. Пророчество одного из крупнейших отечественных социологов второй половины XIX – начала XX в. полностью сбылось.

В заключение подведем некоторые общие формальные и содержательные итоги первого, классического этапа российской социологии. Вначале скажем о формальных итогах, связанных с наличием в ней определенных ориентаций. Выше были охарактеризованы три периода исторического развития отечественной социологии, в ходе краткого обзора которых обращалось внимание на появление направлений, течений и отдельных социологов, сыгравших заметную роль в становлении и конституировании этой науки в России. Этим периодам соответствовали три ориентации, хронологически совпадавшие с периодами ее исторического развития [См. об этом подробнее: Миненков, 2000: 25–28].

Первая из ориентаций в литературе получила название синтетической. Поскольку она совпадает с господством позитивизма в российской социологии, постольку ее содержание определяется стремлением к синтезу естественно-научного и социального знания. Синтетическая ориентация получила отражение в создании позитивистской модели общества как целостного организма. При этом особое внимание в российской социологии обращалось на такие аспекты жизни общества, как его культура, моральная среда, политический и этический идеал. В центре внимания социологов оказываются проблемы соотношения индивида и общества, индивида и группы, индивида и социальной среды, вопросы социального действия и взаимодействия.

В конце XIX в., в связи с актуализацией антипозитивизма и распространением неокантианства в российской социологии, в ней усиливается аналитическая ориентация. Общество рассматривается уже не как организм, а в качестве организации духовно-нормативного характера, для изучения и развития которой необходим социокультурный анализ и знание ценностей. Расширяются круг социологических проблем и фактологическая база науки, поскольку

приобретает интерес изучение социальной структуры, типов социального поведения и социальных институтов. Основными проблемами становятся: соотношение индивида, нормы, культуры; мотивация социального действия; взаимосвязь реального и идеального в обществе.

Наконец, третья ориентация – аналитико-синтетическая – возникла как взаимодополнение первых двух (синтетической и аналитической) на этапе развития российской социологии в начале XX в. Известно, что критика позитивизма (на первом этапе) неокантианством (второй этап) показала ограниченность каждого из них. Это стало ясно в ходе развития неопозитивизма и христианской социологии (третий этап). Внешне не принимая друг друга, оба направления стремились к одной и той же цели – определению статуса социологии и ее границ как науки. В результате синтеза реализма и номинализма, стремления к методологическому объективизму, описания общества как целостного организма, в котором все элементы связаны функционально, российская социология достигла большего уровня зрелости, вышла на новые рубежи теоретического анализа, пришла к осознанию необходимости интеграции социального знания.

Теперь скажем о содержательном итоге рассмотрения классического этапа отечественной социологии с точки зрения основного замысла книги: показать, ставились ли перед социологической наукой задачи осмысления необходимости прихода нового типа общества на смену существовавшему, сути этого нового типа и того, каким образом должна произойти указанная смена. Важно отметить, что подобные вопросы стояли перед отечественной социологической наукой на любом этапе ее развития, включая и современный.

С появлением социологии как науки (а отчасти даже в рамках предсоциологического этапа) в России было создано определенное социальное пространство, в рамках которого стал возможным поиск новых средств и возможностей самоописания, самопознания, самоосмысления собственного общества, а также места и роли России в современном мире и ее отношений с другими странами, другими типами общества. Зачастую это самоосмысление вызывало резко негативную реакцию правящего царского режима, как это имело место, например, в случае с П. Я. Чаадаевым. Да и другие «предсоциологические» и социологические трактовки российского общества не предоставляли режиму возможности проявить большой энтузиазм в отношении к социологии, что и вызывало соответствующее к ней отношение. К этому следует добавить политические пристрастия ее представителей, многих из которых идентифицировали с революционно-демократическим и народническим движениями.

У нас есть все основания утверждать, что идея гражданского общества была доминирующей в отечественной социологии на классическом, дореволюционном, этапе ее развития. Более того, сами социологи участвовали в формировании его структур. Это касалось, в первую очередь, П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, которые были создателями народнических организаций и их активными деятелями.

С самого начала существования российской социологии перед ней встал вопрос о направленности и характере социологического знания. Должно ли оно, по Конту, давать только объективное и независимое знание, в соответствии со строгими принципами позитивизма, или это знание следует включать в практическую деятельность социолога? Но в таком случае его позиция по необходимости должна стать активистской.

На самом деле она и была такой у большинства представителей отечественной социологии второй половины XIX – начала XX в., вопреки «позитивистской» принадлежности ряда из них. В этом состояла важная особенность российской социологии в рамках первого этапа ее существования. Почти все названные социологи, творчество которых выше было рассмотрено, могут быть определены как ученые, характеризовавшиеся активной социальной (часто социально-политической) деятельностью с явно выраженной прогрессивной (нередко антивластной, антирежимной) направленностью.

Несмотря на то что активистская социология как научное направление стала достоянием социологического сообщества лишь в конце прошлого столетия (А. Турэн, П. Штомпка), некоторые ее идеи и принципы были представлены в отечественной дореволюционной социологии второй половины XIX в. Само по себе это обстоятельство является очень значимым и характеризует зарождающуюся российскую социологию весьма позитивно. По существу в ней закладываются предпосылки «борца» за установление в будущем в России гражданского общества.

Литература

Батыгин Г. С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 1998.

Беляева Л. А. Эмпирическая социология в России и в Восточной Европе. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. – М. : Онега, 1995.

Голосенко И. А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России // Избр. произв. : в 2 кн. – СПб. : Социол. общ-во им. М. М. Ковалевского, 2002.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М. : Книга, 1991.

Докторов Б. З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Зборовский Г. Е. О периодизации истории социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – № 4.

Зборовский Г. Е. История социологии. – М. : Гардарики, 2004.

Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2007.

Здравомыслов А. Г. Социология: теория, история, практика. – М. : Наука, 2008.

Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. – М. : Логос, 2010.

Ионин Л. Г. Парадоксальный сон : статьи и эссе. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2005.

История социологии. – Минск : Вышэйшая школа, 1993.

Кавелин К. Д. Наш умственный строй. – М. : Изд-во «Правда», 1989.

Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. – СПб., 1903.

Кареев Н. И. Взгляд на современное состояние социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 1) : тексты. – М. : Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1997.

Кареев Н. И. Общие основы социологии. – Пг., 1918.

Кистяковский Б. А. «Русская социологическая школа» и категория возможности при решении социально-этических проблем // Социология в России XIX – начала XX века (вып. 2) : тексты. – М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 1997.

Ковалевский М. М. Социология на Западе и в России // Социология в России XIX – начала XX века (вып. 1) : тексты. – М. : Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1997а.

Ковалевский М. М. Понятие генетической социологии и ее метод // Социология в России XIX – начала XX века (вып. 2) : тексты. – М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 1997б.

Козер Л. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. – М. : Норма, 2006.

Кон И. С. Позитивизм в социологии : исторические очерки. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1964.

- Кудрина С. А. Ценностные основания появления социологии // Социологические исследования. – 2014. – № 3.
- Кукушкина Е. И. Русская социология XIX – начала XX в. – М. : МГУ, 1993.
- Култыгин В. П. Классическая социология. – М. : Наука, 2000.
- Лавров П. Л. О методе в социологии // Социология в России XIX – начала XX века (вып. 2) : тексты. – М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 1997.
- Лавров П. Л. Исторические письма / Философия и социология. – Т. 2. – М. : Мысль, 1965.
- Миненков Г. Я. Введение в историю российской социологии. – Минск : Экономпресс, 2000.
- Михайловский Н. К. Герои и толпа // Избр. труды по социологии : в 2 т. – Т. 1. – СПб. : Алетейя, 1998а.
- Михайловский Н. К. Герои и толпа // Избр. труды по социологии : в 2 т. – Т. 2. – СПб. : Алетейя, 1998б.
- Новикова С. С. История развития социологии в России. – М. ; Воронеж : НПО «Модек», 1996.
- Новикова С. С. Социология: история, основы, институционализация в России. – М. ; Воронеж : НПО «Модек», 2000.
- Сен-Симон К.-А. Избр. соч. – М. : Политиздат, 1948. – Т. 1.
- Современная западная социология : словарь. – М. : Политиздат, 1990.
- Сорокин П. А. Социальная мобильность. – М. : Academia, 2005.
- Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 1998.
- Тахтарев К. М. Изучение общественной жизни. Основные вопросы и задачи социологии. Ее научное построение и направление // Социология в России XIX – начала XX века (вып. 2) : тексты. – М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 1997.
- Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы : очерки. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.
- Хвостов В. М. Предмет и значение социологии // Социология в России XIX – начала XX века (вып. 2) : тексты. – М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 1997а.
- Хвостов В. М. Метод социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (вып. 2) : тексты. – М. : Международный Университет Бизнеса и Управления, 1997б.
- Чаадаев П. Я. Сочинения. – М. : Изд-во «Правда», 1989.
- Ядов В. А. Куда идет российская социология? // Социологический журнал. – 1995. – № 1.
- Ядов В. А. Для чего нужна сегодня национальная русская социология? // Социологические исследования. – 2008. – № 6.

Глава 3

Послереволюционный этап отечественной социологии (1917 г. – конец 1980-х гг.)

1. Основные особенности
второго этапа отечественной социологии
2. Отечественная социология в условиях
послереволюционного развития: первый период
3. Отечественная социология
в период второго рождения
4. Социология в СССР
в период застоя и перехода к перестройке

При написании данной главы автор опирался в первую очередь на работы Г. С. Батыгина [Батыгин, 1998], Л. А. Беляевой [Беляева, 2004], И. А. Голосенко и В. В. Козловского [Голосенко, 1995], Б. А. Грушина [Грушин, 1987, 2001, 2003, 2006], Б. З. Докторов [Докторов, 2013], Т. И. Заславской [1997, 2007], А. Г. Здравомыслова [Здравомыслов, 2008, 2010], И. С. Кона [1964, 1967, 1984], В. П. Култыгина [Култыгин, 2000], Е. И. Кукушкиной [Кукушкина, 1993], Ю. А. Левады [Левада, 1969], Г. Я. Миненкова [Миненков, 2000], С. С. Новиковой [Новикова, 1996, 2000], А. Ф. Филиппова [Филиппов, 2013], Б. М. Фирсова [Фирсов, 2012], В. Э. Шляпентоха [Shlapentokh, 1887; Шляпентох, 2003], В. А. Ядова [Ядов, 1995, 2008].

Из этого перечня работ и их авторов особо хотелось бы выделить книгу Б. М. Фирсова «История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки» [Фирсов, 2012]. Она, как никакая другая, соответствует позициям и убеждениям автора (род. в 1929 г.). Во-первых, речь идет о хронологических рамках исследования. Несмотря на то что Фирсов определяет их в заглавии как 1950–1980-е г., реально он выходит далеко за пределы обозначенных границ, причем в обе стороны. Де-факто исследователь рассматривает развитие отечественной социологии с момента ее возникновения в XIX в. и до наших дней. Во-вторых, в книге содержится большой документальный материал (выдержки из самых различных документов, устные рассказы, личные свидетельства и наблюдения известных отечественных социологов), который выступает как своего рода свидетельство верификации суждений и аргументов ученого. В-третьих, благодаря использованию гигантского количества самой различной историко-социологической информации и ее глубокой качественной интерпретации, Б. М. Фирсов предлагает читателю один из наиболее достоверных, с нашей точки зрения, вариантов исторической реконструкции развития отечественной социологии. Именно этим книга Фирсова особенно близка автору, поскольку наша работа представляет собой также одну из попыток такой реконструкции. Наконец, в-четвертых, что не менее важно, чем «во-первых», «во-вторых» и «в-третьих», – в центре внимания Б. М. Фирсова находится изучение отношений между социологией и властью, на протяжении всей истории развития этой науки. Нет необходимости еще раз специально подчеркивать значение обозначенного подхода для автора данной книги, поскольку именно такая ее направленность неоднократно декларировалась ранее.

Отмечая особое значение книги Б. М. Фирсова, мы ни в коем случае не хотим умалить роль ряда других, названных выше, работ, в первую очередь Г. С. Батыгина, Б. З. Докторова, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова. В них также содержатся крайне важные для нас оценки и трактовки рассматриваемого этапа отечественной социологии.

1. Основные особенности второго этапа отечественной социологии

Вначале охарактеризуем основные особенности второго этапа отечественной социологии в целом, чтобы затем отразить их в более конкретном виде при рассмотрении всех трех его периодов.

В нашей периодизации истории отечественной социологии послереволюционный этап характеризуется как второй, он же – советский. В литературе этот этап нередко определяют двумя словами – «советская социология». Сразу же отметим, что термин «советский (советская)» представляется не очень удачным, поскольку несет на себе изначально оттенок политизированности и идеологической ориентации науки и означает уход от ее национальной принадлежности. Так, мы говорим: американская, французская, польская и т. д. социология. Здесь нет никакого упоминания о связи социологии с политической характеристикой государства, в котором она существует. Представленные названия в этом плане являются нейтральными. В таком же «нейтральном» ряду должна была бы быть и наша отечественная социология. Собственно, такой она и была по названию до 1917 г. – российской. В этом названии подчеркивалась «страновая» принадлежность социологии.

В предшествующей главе мы давали характеристику первого, дореволюционного этапа российской социологии, имея в виду социологию в Российской империи (термин «русская» социология с точки зрения многонационального характера этой империи, по нашему мнению, неверен). Но после 1917 г. появляется страна, в названии которой слово «русская» отсутствует (вновь оно появляется только после 1991 г.): Советский Союз, Союз Советских Социалистических Республик. Как следствие, возникает термин «советская социология».

Проблема, однако, состоит в том, что под советской социологией понимается, как правило, наука, «имплантированная» в структуру советского государства, коммунистической (ранее большевистской) партии и ее идеологии и проходившая процесс институционализации под соответствующим жестким прессингом. Между тем реально среди отечественных авторов, работавших в рамках

второго этапа развития социологии (после 1917 г.), далеко не все могли быть отнесены к категории именно «советских» социологов. Некоторые социологи (особенно в 1920-х гг.) не воспринимали идеологические установки партии, не превращали их в нормы своей научной социологической деятельности (особенно принцип партийности) и в силу этих причин оставались на нейтральных позициях. Были и «антисоветские» социологи. Но в данном случае мы уходим от традиционных смыслов, связанных с этим словом и означавших враждебно настроенных по отношению к стране людей. Речь идет о социологах, активно не желавших работать на власть, на партию и ее идеологические и пропагандистские принципы.

Другими словами, определение всей социологии в стране как советской (в период с 1917-го по 1991 г.) означает некоторое огрубление ситуации в ней. Тем не менее мы решили не отказываться от принятого термина при характеристике второго этапа развития отечественной социологии, в том числе и с учетом того обстоятельства, что именно такой термин – «советская социология» – содержится в названии ряда фундаментальных работ отечественных ученых.

Отечественная социология в прошлом столетии (1917–1991 гг.) развивалась в очень сложных и противоречивых экономических, политических, социальных, идеологических условиях. Коротко назовем их: революция, гражданская война, полная разруха, реанимация хозяйственной жизни в рамках новой экономической политики, установление авторитарного, а затем и тоталитарного политического режима, индустриализация, коллективизация, Отечественная война, послевоенное восстановление страны, разоблачение культа личности Сталина и его последствий, идеологическая «оттепель», возврат к авторитарным методам воздействия на процессы в сфере духовной жизни общества, общественных наук, социально-гуманитарного знания, строительство развитого социализма, экономический и политический кризис Советского Союза, перестройка.

Все это не могло не сказаться на состоянии и изменениях в социологической науке. Относительно благоприятные предпосылки ее развития имелись лишь в самые первые годы Советской власти (1917–1920) и в конце периода перестройки (1988–1991), когда проявлений свободы в социологии было больше, чем несвободы, или, по крайней мере, последняя не оказывала сильного давления на науку. Вне этого времени отечественная социология находилась либо в ситуации мощного идеологического прессинга, либо под запретом. Как справедливо писали И. А. Голосенко и В. В. Козловский, «в судьбах социологии новая власть оказалась союзником и преемником старой имперской власти. Только еще более свирепым» [Голосенко, 1995: 34].

В силу указанных выше обстоятельств институционализация социологии осуществлялась крайне ограниченно, очень медленно, с большими трудностями. Достижение статуса полноценной науки и формы практической деятельности, появление профессионального социологического образования, введение узаконенной профессии социолога оказались нереализованными задачами. Понятно, что вне общественного признания и соответствующего нормативного оформления социологии ее громадный научный потенциал не мог быть использован в значительной степени.

С нашей точки зрения, состояние отечественной социологии на ее втором этапе определяли четыре основные особенности: полная зависимость от партийной и государственной власти, тотальное господство марксизма (превратившееся с приходом к власти Сталина в 1930-е гг. в господство марксизма-ленинизма), диктат партийной идеологии и пропаганды и отсутствие вследствие этого необходимой свободы творчества. Перечисленные особенности духовной жизни советского общества, положения в нем общественных и социально-гуманитарных наук, вытекающие отсюда всевозможные ограничения определили в значительной степени и специфику функционирования социологии на ее втором этапе.

Но, прежде чем рассматривать названные особенности, хотелось бы привести точку зрения В. Э. Шляпентоха на драматическую историю советской социологии. Его позицию тоже можно рассматривать как характеристику особенностей этой социологии. Он полагает, что советская социология есть результат взаимодействия пяти основных субъектов («акторов») политической жизни страны: властвующей политической элиты, партийного аппарата, КГБ, представителей интеллигенции и интеллектуалов. Все остальные, в том числе и массы населения, никакой роли в судьбе социологии не играли [Shlapentokh, 1987: 73].

Говоря о первой особенности отечественной (советской) социологии – ее зависимости от власти, следует отметить стремление партийного и государственного руководства страны к постепенному превращению социологии в свою служанку, в придаток идеологической машины, направленной на оправдание его внешней и внутренней политики, жесткой и антигуманной по своей сути индустриализации, насильственной коллективизации, голода, массовых репрессий, кровавой расправы с миллионами людей под видом их раскулачивания и др.

Вместе с другими общественными и социально-гуманитарными науками социологии предписывалось поддерживать в обществе процесс происходящей канонизации марксизма-ленинизма. Она должна была участвовать в создании целого ряда идеологических мифов. Один из них касался быстрого построения комму-

нистического общества. Впоследствии его заменили на другой – о построении в стране общества развитого социализма. Социологам предписывалось пропагандировать идею пресловутой «трех-членки», согласно которой классовая структура советского общества включала в себя три элемента – рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию, которую называли то прослойкой, то слоем, то классовоподобной социальной группой, то еще как-нибудь. Немалую роль социологи сыграли в обосновании мифов о преодолении различий между классами, о формировании общества социальной однородности, о появлении новой социальной и исторической общности – советского народа и т. д.

В силу возникших жестких идеологических требований к социологии резко изменилось отношение ее представителей к изучению самой власти и политики. Оно перестало содержать в себе критические элементы и превратилось в их апологетику. Социология политики, которая на дореволюционном этапе имела значительные достижения (работы Г. Гурвича, Н. Тимашева, М. Острогорского, П. Сорокина, Г. Плеханова и др.), превратилась в «вульгарно-марксистское объяснение социальных механизмов политической жизни страны» [Фирсов, 2012: 88]. Социологическая теория политики по существу слилась с официальной политической идеологией, эмпирические исследования советской политики оказались под запретом [См. подробнее об этом: Социология, 1998: 518–544].

Проявлением зависимости советской социологии от власти стало превращение ее в полицейскую науку – такова точка зрения А. Ф. Филиппова, опубликованная в его статье «Советская социология как полицейская наука» в журнале «Новое литературное обозрение» в 2013 г. Под полицейской наукой он понимает управленчески-экспертную систему полицейского государства. Советский Союз однозначно был именно таким государством. Полицейское государство Филиппов определяет как систему бюрократического управления, использующую монопольное право на насилие для осуществления административных решений, нацеленных на достижение блага и основанных на оценке ситуации и объективной необходимости, а не на длительной, опосредованной правилами и правом процедуре с неопределенным результатом. «СССР последних десятилетий своего существования более всего напоминает в этом смысле полицейское государство, а идея научного управления – полицейскую науку. Социология и является одной из таких полицейских наук» [Филиппов, 2013].

Рассматривая советскую социологию в ипостаси полицейской науки, Филиппов старается доказать (это, по нашему мнению, не всегда у него получается), что такая характеристика не является уничижительной, хотя и поневоле огрубляет ситуацию. При этом

он отмечает, что введенное определение (полицейская наука) имеет смысл лишь применительно к институционализированной социологии, но не к борьбе школ внутри нее. Другими словами, в рамках отечественной социологической науки были исследователи, которых вряд ли можно отнести к сторонникам «полицейской социологии».

А далее следуют рассуждения автора, которые можно интерпретировать в рамках противопоставления социологии в качестве аутентичной науки «полицейской социологии» как «советской науке». Он пишет, что социология исторически, так, как была задумана, «представляет собой проект, совершенно отличный от полицейской науки и прямо не связанный ни с ней, ни даже с ее критикой. Социология – это новое теоретическое знание, автономное от политической практики. Она предлагается как новая наука об обществе... Во Франции она формируется (в противоположность социализму, предполагавшему революционное преобразование мира) как способ соединения порядка и прогресса на основании знания, которое позволяет видеть, чтобы предвидеть» [Филиппов, 2013].

А. Ф. Филиппов, конечно же, пишет о концепции основоположника социологии О. Конта. Но здесь он не совсем прав, имея в виду дистанцированность контовской социологии от политической практики. Позитивизм французского социолога, программа переустройства общества на выдвинутых им принципах говорит, скорее, о близости к социальной практике, чем удаленности от нее. А то, что французский социолог не провозглашал никаких целей политического переустройства общества, действительно, свидетельствовало об антиреволюционном характере самой первой теоретической версии социологии. Кстати, сторонники подавляющего большинства других версий социологической науки (как до К. Маркса, так и после него) придерживались именно такой ее антиреволюционной направленности, что для некоторых авторов до сих пор остается аргументом, отрицающим принадлежность Маркса к социологии.

Продолжая рассуждения о советском полицейском государстве и правящей в обществе партии в связи с их отношением к социологии, следует отметить, что теоретический характер данной науки абсолютно не устраивал эти структуры. Ибо наличие такой науки означало бы ее шанс на приобретение свободы от идеологии, что было абсолютно недопустимо. Идеология всегда выступала в советском обществе как «цепь», предназначение которой – прочно держать «на привязи» социологию.

Поэтому для власти было гораздо спокойнее, чтобы социология занималась сбором конкретного материала о жизни общества и такой его интерпретацией, которая не вызывала бы в полицейском государстве сколько-нибудь значительных беспокойств, более того, подтверждала идеологические установки партии. Для этого не нуж-

но было давать возможность социологии заниматься широкими научно-теоретическими обобщениями в виде создаваемых концепций общества.

Требовалось лишь отделить «мух» от «котлет», при этом «мухи» представляли собой конкретные социальные факты (их добывали социологи в ходе эмпирических исследований), а изготовление «котлет» (по-истматовски), т. е. теорий общества, доверялось философии вне зависимости от собранных социологами и даже первично обобщенных эмпирических материалов. Для полицейского государства важно было разделить две науки по принципу «богу – богово, а кесарю – кесарево» и не дать им объединяться, ибо теоретический анализ на уровне социальных обобщений репрезентативного эмпирического материала с соблюдением принципов научности и объективности мог стать некоей разновидностью гремучей смеси в идеологической, точнее, идейной жизни общества, что противоречило нормам тоталитарно-авторитарного режима.

При этом речь шла не о механическом соединении теории и эмпирии, а изначально прорабатываемой теоретико-методологической обоснованности эмпирического исследования. Как писал Ю. А. Левада в 1969 г., «попытки “пристегнуть” эмпирические исследования общества к ряду данных, полученных иначе – в рамках передовой исторической науки или передовой философии, или, в частности, социальной философии, – всегда оказываются чем-то искусственным и неудачным» [Левада, 1969: 13].

«Неинституционализованные» социологи (а Левада, по нашему мнению, таким и был, поскольку не мог быть отнесен к представителям полицейской науки), в отличие от официальной позиции партии, имели свое особое мнение относительно предметного поля социологии, в котором не происходило разъединения сфер для социологии и «не для нее». Цитированный нами Ю. А. Левада думал на этот счет так: «В отличие от других общественных наук социология рассматривает не отдельную сферу деятельности общества, а нечто более целостное: общественную жизнь как систему отношений и отдельные сферы как части этой структуры» [Левада, 1969: 15].

Что касается официальной точки зрения относительно того, чем должна заниматься социология, а чем – нет, то, по нашему мнению, ее четко выразил академик П. Н. Федосеев (он курировал по линии АН СССР и КПСС социологическую науку): «Мне представляется, что исторический материализм составляет теоретическое содержание социологии. Нет и не может быть социологии вне или над историческим материализмом. <...> Исторический материализм представляет общую теорию общественного процесса, определяющую основное направление социальных преобразо-

ваний, а конкретные социологические исследования являются теми прикладными знаниями, через которые общая теория воздействует на практику и рекомендации которых непосредственно используются в повседневной практической деятельности» [Федосеев, 1968: 8–9].

Чуть дальше, при рассмотрении первого периода советского этапа развития социологии, мы увидим похожую (подобную) точку зрения, которую впервые озвучил за 40 лет до Федосеева сначала Н. И. Бухарин в своем популярном учебнике марксистской социологии [Бухарин, 1921], а затем и его некоторые последователи. В этой связи приведем точку зрения Б. М. Фирсова, который пишет: «Влияние марксистских догм я бы рискнул назвать первопричиной относительно медленного развития коллективной ментальности социологов в направлении оппозиционного противостояния истмату как единственному правильному научному мировоззрению» [Фирсов, 2012: 123].

С учетом сказанного становится понятной еще одна особенность советской социологии на протяжении всего второго этапа: признание ее в качестве исключительно эмпирической и прикладной дисциплины, что значительно сужало возможности этой науки, способной по своей сути генерировать теории и анализировать на высоком уровне обобщения собранный конкретный материал. Конечно, эмпирический характер советской социологии был важной ее чертой, поскольку за этим стояла возможность собирать объективно и непредвзято данные о реальной жизни общества и советских людей, отдельных их групп.

Другое дело, кто и как пользовался такой возможностью, и в этом также состояла особенность советской социологии. Известно, и отечественные социологи это хорошо доказывали на протяжении всей истории советского этапа, что интерпретация эмпирического материала может существенно различаться как содержательно, так и по направленности, вектору ориентаций исследователя, в том числе и политических. Одни социологи стремились к получению объективной и правдивой картины изучаемых процессов и проблем, тогда как другие имели возможность в полной мере демонстрировать свою партийную и политическую ангажированность.

Следует прямо отметить, что далеко не все из социологов проявляли научную честность. Как тут не вспомнить слова из популярной в прошлом песни: «Он знал, что вертится земля, но у него была семья». К сожалению, многие социологи в советское время жили по этому принципу. Более того, принцип политической ангажированности работает и сегодня, на современном этапе развития отечественной социологии, о чем подробнее мы будем говорить в следующей главе. По ходу разговора следует специально

подчеркнуть наличие преемственности этого принципа, подчас довольно тесной связи между тем, что было на советском и постсоветском, современном этапах отечественной социологии в отношении ее политической ангажированности. Как утверждает А. Ф. Филиппов, «советская социология, строго говоря, никуда не исчезла и до сих пор» [Филиппов, 2013]. Мы еще не раз будем убеждаться в этом в процессе ее дальнейшего анализа, более того, на данном вопросе придется специально останавливаться.

Характерной чертой советского общества «был контроль духовной сферы жизнедеятельности с помощью постоянно изобретавшихся учреждений-монстров» [Фирсов, 2012: 70]. Одним из таких учреждений, точнее сказать, институтов была цензура, которая просуществовала с первых лет Советской власти вплоть до ее конца в 1991 г. Справедливости ради скажем, что, как таковая, цензура не была изобретением партии большевиков. Имела место она и в царской России. Однако формы цензуры при Советской власти существенно отличались от прежних, существовавших в дореволюционных российских политических режимах.

Цензура в Советском Союзе была всеохватной, ее контролю подлежала вся наука, вся литература, все искусство, все СМИ. Она оказалась одним из основных средств борьбы со свободомыслием в стране. Естественно, что под «каток» цензуры попала и социология. Все, вплоть до самой маленькой анкеты, подлежало цензурированию. Появление в ней вопросов о проблемах пьянства (алкоголизма), девиантного и делинквентного (отклоняющегося и преступного) поведения, сексуальных отношениях и т. д. автоматически вели к запрету на ее тиражирование – на том основании, что при социализме таких социальных проблем вообще не существует, кроме отдельных и незначительных их проявлений.

Между тем возможности тиражирования текстов самими социологами отсутствовали (не было ни принтеров, ни ксероксов, ни сканеров, имелась лишь пишущая машинка, на которой одновременно можно было напечатать не более 5 экземпляров без возможностей исправления ошибок непосредственно в тексте). В таких условиях цензура обладала правом «вето» на любую научную продукцию, в особенности общественно-политического и социально-гуманитарного характера. Стоило цензору в чем-то усомниться, как он тут же запрещал тиражирование, и ни одна типография не осмеливалась нарушить этот запрет.

С учетом этого обстоятельства и для борьбы с произволом цензоров в отношении социологических работ, и в особенности инструментария для исследований, в 1970-х гг. в Свердловской области учредили при обкоме КПСС Совет по социологии, первым и бессменным председателем которого (вплоть до ликвидации Со-

вета) был профессор Л. Н. Коган. В его состав входили ведущие социологи Свердловска. Конечно, задачи Совета выходили далеко за пределы борьбы с цензурой, но и это было тоже очень важным делом: благодаря работе Совета удалось спасти не одно исследование.

Выше мы уже называли такую особенность отечественной социологии на советском этапе ее существования, как диктат партийной идеологии и пропаганды. Остановимся подробнее на этой особенности, поскольку в нашей стране социология по определению не могла существовать как отдельная (или отделенная?) от официальной идеологии и пропаганды наука. Более того, по мере продвижения от периода к периоду в рамках второго этапа зависимость социологии от партийной идеологии и пропаганды усиливалась, достигнув своего апогея в период застоя советского общества и застоя социологии.

Вероятно, было бы справедливо утверждать, что уровень застоя в социологии в значительной степени определялся силой партийно-идеологического диктата и, как следствие, – сужением творческих возможностей ученых, всего их научного потенциала. Когда возникает ситуация «так не пиши, про это не говори, а то не делай», нередко остается лишь писать в стол. Отсюда понятно, почему сократилась публикационная активность ряда ведущих социологов страны в период застоя.

В связи с очевидностью суждения о сильной зависимости социологии от идеологии возникает вопрос: можно ли считать советскую социологию полноправной и полноценной наукой, если она находилась в такой зависимости от идеологии? И не превращалась ли социология в этом случае в разновидность утопии?

Эти вопросы (и отчасти ответы на них) подсказаны названием и идеями основного труда одного из крупнейших социологов прошлого столетия К. Манхейма «Идеология и утопия», в котором он, с одной стороны, противопоставляет идеологию и утопию, показывает глубокие различия между ними, а с другой – соединяет их [Манхейм, 1994]. Подход немецкого социолога вполне уместно применить для рассмотрения ситуации в отечественной социологии. Руководствуясь им, можно утверждать, что она оказывалась постоянно в двойственном положении: реальной зависимости от идеологии и стремлении ослабить или уйти вообще от нее. Последнее оказывалось, вплоть до конца 1980-х гг., просто нереальным. Однако отдельным представителям социологической науки это удавалось.

Здесь возникает важная проблема моделей (или типов) отношений социологов с властью. Подробнее мы ее рассмотрим в последней главе, сейчас же лишь можем отослать нетерпеливых чи-

тателей к упомянутой ранее книге Б. М. Фирсова, в которой он предлагает глубоко и детально разработанную типологию, включающую в себя семь моделей этих отношений [Фирсов, 2012: 137–156].

Вернемся к поставленному вопросу о диктате партийной идеологии и пропаганды. На уровне социологической науки эта проблема нашла свое отражение в появлении особой отрасли социологического знания – социологии массовой пропаганды. Ряд исследований в ней проводился по заказу партийных органов и органов государственной безопасности. Естественно, что многие из них носили закрытый характер. Рядом с этими проблемами стояло изучение общественного мнения, осуществлявшееся в рамках соответствующей отрасли социологической науки – социологии изучения общественного мнения. И здесь было не все «открыто», тем не менее многие исследования, особенно те, в которых участвовала пресса, были доступны для широкого читателя.

Но идеологическое и пропагандистское влияние на социологию только этим, разумеется, не ограничивалось. Если в исследованиях эффективности идеологической и пропагандистской работы принимало участие небольшое количество научных сотрудников, то в самой этой работе, ее практиках были задействованы по существу все (или почти все) социологи, особенно обладатели ученых степеней и званий. Значительная их часть (не менее 60 %, а среди преподавателей общественных наук еще больше – до 90 %) была членами партии, они выполняли считавшиеся очень важными партийные поручения – руководили идеологическими кружками, семинарами, были пропагандистами, лекторами, преподавателями университетов марксизма-ленинизма. Работа эта выполнялась преимущественно на общественных началах, но она поощрялась из «партийной казны», причем не только грамотами и дипломами. Наиболее активные социологи, безотказно и по много лет трудившиеся на этой «ниве», могли получать возможность поездок за границу (иногда даже бесплатных), приобретения подписной художественной литературы (что считалось большим дефицитом), получения иных льгот и благ (типа лечения в специальных поликлиниках и больницах для партийного и советского аппарата, питания в закрытых столовых партийных и советских органов и др.).

Одна из важных сторон советской социологии, которая требует своего освещения, – ее периодизация. Б. М. Фирсов рассматривает периодизированную историю советской социологии как функцию ее отношений с властью [Фирсов, 2012: 19]. В первой главе мы ссылались на периодизацию отечественной социологии (с момента ее появления до наших дней), предложенную А. Г. Здравомысловым и включавшую семь этапов. Помимо двух этапов,

отнесенных им к дореволюционной социологии и одного к современной, четыре этапа касаются непосредственно советской социологии. Это: переход от полемики к идеологической монополии марксизма (1917 – конец 1920-х гг.); период сталинской догматики (1929–1953); возрождение социологии в 1960-х гг.; институционализация социологии и ее распространение (1970–1980-е гг.) [Здравомыслов, 2010: 238].

Иной вариант периодизации предлагает В. Э. Шляпентох. Он включает в нее только те периоды, которые характеризуют советскую социологию с 1950-х гг., т. е. с момента ее возрождения. В результате мы имеем: эмбриональный период (1958–1965 гг.), золотые годы советской социологии (1965–1972), период поворота к серости и период серости (после 1972 г. почти до конца 1980-х гг.) [Shlapentokh, 1987].

Нашу трактовку структуры советского этапа отечественной социологии (1917 – конец 1980-х гг.) мы предложили в первой главе, выделив ее специально в таблице на основании сформулированных критериев. Здесь мы для удобства пользования лишь воспроизведем ее. В структуре этапа рассматриваются три периода: 1) от Октябрьской революции 1917 г. до начала 1930-х гг. – период противоборства немарксистской (антимарксистской) и марксистской социологии и полной победы последней; 2) с конца 1950-х до начала 1970-х гг. – период второго рождения и начала институционализации социологии; 3) 1970–1980-е гг. – период застоя и последующей перестройки социологии. Анализ каждого из этих периодов будут посвящены соответствующие разделы.

Далее мы перейдем к рассмотрению отечественной социологии в условиях первого периода ее второго этапа.

2. Отечественная социология в условиях послереволюционного развития: первый период

В рамках первого периода, к непосредственной характеристике которого мы переходим, целесообразно выделить два подпериода. Первый – с конца 1917-го до конца 1922 г. – можно в самом общем плане определить как время противоборства немарксистской (антимарксистской) и марксистской социологии; второй – с конца 1922-го до начала 1930-х гг. – как время утверждения и победы марксистской социологии, завершившееся, в точном соответствии с логикой развития социальных и идеологических процессов в СССР, реальным запретом и теоретических, и эмпирических социологических исследований. Конец 1922 г. рассматри-

вается нами как определенный рубеж в противостоянии двух принципиально различных направлений в развитии социологической науки (марксистской и немарксистской), поскольку был ознаменован своего рода знаковым событием – высылкой из страны большой группы творческой интеллигенции, в составе которой оказался и П. А. Сорокин, ведущий отечественный социолог, который впоследствии, как об этом уже писалось, составил славу мировой социально-гуманитарной науки.

В рамках первого подпериода отечественная социология развивалась преимущественно как теоретическая наука. Эмпирические исследования, традиции которых не были заложены в дореволюционный период, почти не проводились, хотя потребность в них уже давала о себе знать. Молодое правительство страны Советов – Совнарком – вначале благожелательно отнеслось к проведению социальных исследований и рекомендовало приступить к их осуществлению еще в мае 1918 г. Да и в целом отношение к социологии на первых порах послереволюционного развития было положительным. Более того, начался процесс ее институционализации.

Он был вызван значительным интересом к этой науке, о чем свидетельствовал количественный рост издаваемой социологической литературы и в целом литературы в области социальной проблематики. Так, по социологии в 1918 г. вышло из печати на 40 книг больше, чем в 1917-м. В 1921 г. в России было издано более 4 000 томов литературы по социальным проблемам, что составило половину от годовой книжной продукции.

В октябре 1918 г. был создан Социобиблиологический институт, которому предстояло решить несколько задач. Одной из них стала подготовка и проведение конкретных социологических исследований, другой – популяризация социологических знаний, в том числе путем оказания помощи в ознакомлении с литературой по социальным проблемам. Через год после своего создания, в 1919 г., Социобиблиологический институт был преобразован в Социологический институт, директором которого в начале 1920 г. стал известный российский социолог К. М. Тахтарев. В составе института работали также не менее известные социологи П. А. Сорокин и Н. А. Гредескул.

Оказавшись у руководства института, К. М. Тахтарев поставил вопрос о расширении направлений его работы. Помимо научных исследований, планировалось обеспечение необходимого уровня высшего социологического образования, обучение работников государственного и партийного аппарата и распространение социологических знаний среди народа. Однако эти предложения не получили поддержки, скорее наоборот, вызвали опасение расширения влияния немарксистской социологии.

Еще одним важным показателем институционализации социологической науки в стране явилось возобновление в 1919 г. работы «Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского». Его председателем был избран пользовавшийся большим авторитетом среди социологов Н. И. Кареев. Социологический институт и «Русское социологическое общество» стали основными центрами притяжения интересов исследователей и педагогов, которые регулярно собирались слушать доклады и лекции ведущих ученых. На эти встречи приходили и люди, просто желающие получить знания в области социологической науки. С докладами и лекциями выступали П. А. Сорокин, К. М. Тахтарев, Н. А. Гредескул, Н. И. Кареев, А. А. Гизетти, П. И. Люблинский и др. На собрания социологов приходили, как правило, сторонники самых разных направлений, включая представителей и марксистской, и немарксистской ориентации. Однако последние все же доминировали. Впоследствии это явилось одним из оснований для прекращения работы и Социологического института, и «Русского социологического общества». Институт был закрыт в 1921 г., чуть позже – «Русское социологическое общество». Власть придерживалась хорошо понимали, что нельзя давать возможность готовить кадры, проводить исследования и издавать книги по социологии профессорам либерального направления.

Была введена ученая степень по социологии, созданы первые социологические кафедры в Ярославском и Петроградском университетах. В последнем был образован первый в России факультет общественных наук, деканом которого стал П. А. Сорокин. Именно он написал первые учебные программы по социологии – и для высшей, и для средней школы, поскольку появилась возможность обучения основам этой дисциплины.

Такая возможность возникла вследствие разрешения Наркомпроса (Народного комиссариата по делам просвещения) преподавать социологию в школах. Более того, была поставлена задача обеспечить переход к всеобщему обязательному изучению социологии. Однако в связи с отсутствием в достаточном количестве необходимой учебной литературы, а главное – подготовленных педагогических кадров, способных пропагандировать идеи социализма и коммунизма, на основании проверки работы ряда школ Петрограда Наркомпрос вскоре запретил преподавание социологии. Вместо нее было введено обучение основам политических знаний, к преподаванию которых допускались лишь члены партии большевиков.

Активно издавалась социологическая литература – как марксистского, так и – первоначально – немарксистского характера. Особое значение имела публикация учебников. К числу основных

марксистских произведений этого жанра, написанных в период 1917–1922 гг., следует отнести, прежде всего, работы Е. А. Энгеля и Н. И. Бухарина [Энгель, 1919; Бухарин, 1921]; книга последнего была подвергнута резкой и беспощадной критике в рецензии П. А. Сорокина. Среди учебников и научных трудов немарксистской ориентации выделялись работы В. М. Хвостова, П. А. Сорокина, К. М. Тахтарева и др. [Хвостов, 1917; Хвостов, 1920; Сорокин, 1920а; Сорокин, 1920б; Тахтарев, 1919; Тахтарев, 1921].

Поскольку далее речь пойдет о предмете и методе социологии как об одной из центральных теоретических проблем (в связи с марксистским направлением этой науки), то здесь хотелось бы специально обратить внимание на позицию П. А. Сорокина в этом вопросе, изложенную им в упомянутой выше «Системе социологии».

Уже в первой главе «Системы социологии» П. А. Сорокин определяет предмет этой дисциплины и ее отношение к другим наукам: «Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия – с другой» [Сорокин, 1991: 4]. Он доказывает, что имеются все необходимые основания для существования социологии как автономной, независимой науки, обладающей значительной практической и теоретической важностью. Вместе с тем он показывает и обосновывает тесную связь социологии с биологией, экологией, коллективной и индивидуальной психологией и другими науками.

Рассматривая архитектонику социологии, ее структуру, П. А. Сорокин выделяет, прежде всего, теоретическую и практическую социологию. В теоретической социологии он рассматривает социальную аналитику, социальную механику и социальную генетику. Предметом социальной аналитики является изучение строения (структуры) социального явления и его основных форм. При этом речь идет о явлениях, взятых в их статическом состоянии и рассматриваемых только в пространстве, а не во времени, и только с точки зрения их строения, а не функционирования.

П. А. Сорокиным рассматриваются два «подотдела» социальной аналитики. В первом изучается строение простейшего социального явления (при этом он специально выделяет этапы этого изучения: определение такого явления, разложение его на элементы, систематику основных форм). Во втором «подотделе» анализируется строение сложных социальных единств, образованных путем той или иной комбинации простейших социальных явлений (и здесь выделяются этапы исследования: определение таких единств, разложение их на простейшие социальные явления, классификация основных видов сложных социальных изменений).

Предметом социальной механики является изучение процессов взаимодействия людей, их поведения и тех сил, которыми оно вызывается и определяется. Пользуясь данными социальной анатомии, социальная механика занимается исследованием социальных функций или эффектов, которые вызываются факторами человеческого поведения. Первая ее задача состоит в том, чтобы дать классификацию «раздражителей» поведения людей. Вторая задача заключается в изучении влияния каждого раздражителя («фактора») на поведение людей и через последнее – на общественные явления.

Что касается социальной генетики или генетической социологии, то она главной своей задачей ставит формулировку исторических тенденций, изучая основные постоянные линии развития социальной жизни, данные во времени, а не в пространстве. Социальная генетика должна также дать объяснение различных отклонений и отступлений от этих тенденций, поскольку они имеют место в ту или иную эпоху, в той или иной сфере общественного взаимодействия. Социальную генетику, считал социолог, по-другому можно назвать теорией социальной эволюции [Сорокин, 1991: 36–40].

Поставив в центр социологии взаимодействие людей, ученый рассматривает его как на уровне их психического переживания, так и внешних актов поведения. Согласно Сорокину, «...когда изменение психических переживаний или внешних актов одного индивида вызывается переживаниями и внешними актами другого (других), когда между теми и другими существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют» [Сорокин, 1991: 43–44].

Рассматривая социологию как науку, П. А. Сорокин предлагает исходить из следующих принципов. Во-первых, она должна строиться и развиваться по типу естественных наук. Во-вторых, социология должна изучать только те явления, которые поддаются наблюдению, проверке и измерению. В-третьих, она должна опираться только на факты и в этом смысле отказаться от всякого философствования. В-четвертых, идею монизма следует заменить и признать необходимость плюрализма в социологии. В-пятых, социология должна отказаться от какого-либо нормативизма в социальном познании. Нетрудно обнаружить, что все эти принципы были направлены против неокантианства в социологии и знаменовали собой утверждение основных идей неопозитивизма.

Столь же значимой в теоретическом плане, что вопрос о принципах, была проблема метода социологии. Ее толкование также оказалось направленным против неокантианства. П. А. Сорокин выступал против сведения социологии к науке о должном, нормативном, поскольку, если принять такую позицию, основными аргу-

ментами в этой сфере знаний окажутся те, что связаны с верой, а не с фактическими доказательствами.

Субъективный метод в социологии, по мнению П. А. Сорокина, является лишь вспомогательным. Основным же должен быть объективный метод, связанный с выявлением объективно данных фактов и функциональных связей между ними. Характеризуя соотношение объективизма и субъективизма в социологии, он делает следующий вывод: «...исходным и основным методом изучения явлений взаимодействия людей может и должен быть метод объективный, изучающий внешне-данные факты функциональной зависимости поведения одних людей от существования и поведения других» [Сорокин, 1991: 67].

Рассматривая в разделе «Социальная аналитика» взаимодействие, социолог подчеркивал наличие трех его элементов: индивидов, актов (действий), проводников. Говоря о первых, он выявлял наличие у них физиологических и морфологических предпосылок для приспособления к среде. Источником социального поведения индивидов он считал потребности, которые довольно детально рассматривал, выделяя среди них: удовлетворение голода и жажды, половые, физиологические, потребности индивидуальной и групповой самозащиты, движения, дыхания, сна, потребности волевой деятельности, интеллектуальной деятельности, общения с себе подобными, чувственно-эмоциональных переживаний (всего 10 групп потребностей).

Второй из названных выше элементов – акты (действия). Они, с одной стороны, выступают в качестве внутренней реализации собственной психической жизни, с другой – это стимул, раздражитель, вызывающий ту или иную реакцию у других лиц. Следовательно, акты являются выражением внутренних переживаний одних индивидов и одновременно стимулом для переживаний и актов других. П. А. Сорокин рассматривает жизнь людей как сплошной поток акций и реакций на них.

Проводники (третий элемент) – это средства, обеспечивающие передачу раздражений от одного индивида к другому. П. А. Сорокин выделял звуковые, световые, механические, химические, электрические, вещественно-предметные и другие проводники. Существуют цепи проводников, контактными звеньями которых выступают люди. Проводники – это, по существу, материальная культура взаимодействий.

Благодаря проводникам люди могут взаимодействовать и через пространство, и через время. П. А. Сорокин приводит пример использования такого проводника. Он пишет, что получил письмо от друга, живущего в Америке. Само письмо, выступившее в виде раздражителя, привело к необходимости выполнить ряд актов: на-

писать ответ, пойти в магазин и купить для друга нужную книгу, отправиться на почту, чтобы ее отправить. Кроме того, полученное письмо очень обрадовало П. А. Сорокина. Таким образом, друг из Америки своим письмом обусловил определенные переживания и поступки, что составило явление взаимодействия.

Мы специально столь подробно остановились на рассмотрении социологических идей П. А. Сорокина по двум причинам. Во-первых, потому, что они представляли собой наиболее яркие достижения отечественной социологической мысли первых послереволюционных лет. Во-вторых, некоторые из них были «продолжены» им в рамках американского этапа творчества и стали достоянием значительно более широкого социологического сообщества, чем сравнительно небольшая группа специалистов в России. Эти обстоятельства нужно иметь в виду, когда ставится вопрос об отношении власти к социологии, власти, для которой перестает иметь значение содержание науки, а на первое место выходит политическая оценка позиции исследователя.

В начале 1920-х гг. молодая советская власть предприняла серию запретительных действий относительно как социологии, так и целого ряда ее представителей. Одной из таких акций стала высылка за рубеж значительного отряда российской творческой интеллигенции, не поддерживавшей советскую власть, в том числе П. А. Сорокина. Другим шагом такого же рода стали резкие ограничения на издание немарксистской литературы по социологии, которое было, по существу, прекращено.

Аналогичные запретительные действия были предприняты в отношении исследовательских институтов, где проводилась работа по изучению социологических проблем, и преподавания предмета социологии в высших учебных заведениях. В 1922 г. оказались закрытыми кафедры социологии. В следующем, 1923/24 учебном году впервые в вузах Петрограда было введено преподавание курса исторического материализма.

Таким образом, противоборство двух линий в развитии отечественной социологии в первые годы советской власти завершилось чисто волевым, авторитарным способом, который затем постоянно использовался в практике деятельности большевистской партии и Советского государства. В немалой степени такому решению проблемы социологического противостояния способствовала позиция В. И. Ленина, сформулированная им в 1922 г. в статье «О значении воинствующего материализма» [Ленин, 1922]. Суть этой позиции была выражена в двух положениях: 1) кто не с нами, тот против нас; 2) мы не так сильны, чтобы за деньги пролетариата разрешить в стране враждебное большевизму инакомыслие.

Результатом деятельности правительства, основанной на таком отношении к дореволюционной профессуре, стало либо прекращение ею научной и педагогической деятельности в области социологии, либо выезд из страны (по некоторым данным, эмигрировало более 80 социологов). Лишь единицы перешли в идеологический стан марксизма. Начался процесс бурной «идеологизации» социологии, продолжавшийся в стране (с перерывом почти в 30 лет) вплоть до 1990-х гг. С ним оказалась тесно связанной и репрессивная деятельность по отношению к инакомыслящим ученым. Дальнейшее социологическое творчество могло осуществляться лишь в рамках одного направления – марксистского.

Развитие социологической науки в стране в последующее после 1922 г. десятилетие происходило на двух уровнях – теоретическом и эмпирико-прикладном. Рассмотрим вначале теоретические исследования.

Наибольшим теоретическим влиянием на процесс становления советской марксистской социологии в начале 1920-х гг. пользовалась концепция Н. И. Бухарина, изложенная им в названной выше книге «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» (1921). Небезынтересно отметить, что эта работа вплоть до 1929 г. переиздавалась восемь раз. Основная идея Н. И. Бухарина заключалась в отождествлении социологии, точнее говоря социологической теории, с историческим материализмом. Исторический материализм был провозглашен социологической теорией марксизма. Он был определен как «общее учение об обществе и законах его развития, т. е. социология» [Бухарин, 1921: 12].

Еще одной особенностью концепции Н. И. Бухарина явилось стремление доказать, что марксистская социология является самостоятельной дисциплиной, выступающей как частная наука по отношению к философии марксизма. Аналогичные или близкие позиции заняли Н. Н. Андреев, Д. С. Садынский, С. А. Оранский, С. Ю. Семковский и др.

Некоторые из них пошли еще дальше, признавая конкретные социологические исследования как один из уровней социологической науки. Так, С. А. Оранский писал в этой связи: «Как общая теоретическая социология исторический материализм предполагает и возможность конкретной социологии, особого конкретного социологического изучения социальных процессов...» [Оранский, 1927: 13–14].

Нужно отметить, что эта позиция впоследствии, в условиях восстановления социологии в «гражданских правах» в 1960-х гг., была, по сути дела, воспроизведена (однако, к сожалению, без ссылки на ее автора; похоже, что в то время работы отечественных социологов 1920-х гг. не были должным образом востребованы).

Другая группа марксистов (С. Я. Вольфсон, С. З. Каценбоген, З. Е. Черняков) заняла несколько иные позиции. Соглашаясь с основным тезисом Н. И. Бухарина о тождестве исторического материализма и социологии, они рассматривали последнюю как составную часть философии. В целом следует отметить, что все изложенные выше точки зрения отражали своеобразную социологическую доминанту в подходе к соотношению философии, исторического материализма и социологии.

Имела место и, условно говоря, философская доминанта во взгляде на эту проблему. Ее сторонники (В. В. Адоратский, И. П. Разумовский и др.) полагали, что в историческом материализме есть философский и социологический аспекты. Первый состоял в подчеркивании материалистического понимания мира и исторического процесса, второй – в выявлении общей теории общества.

Крайним выражением так называемой «философской доминанты» явилась позиция авторов, отрицавших социологическое значение исторического материализма, более того, доказывавших, что социология носит враждебный по отношению к нему характер (А. М. Деборин, Н. А. Карев, И. К. Луппол, В. Н. Сарабьянов и др.). Эту позицию можно определить в качестве антисоциологической. Исторический материализм рассматривался только как научно-философская теория общества. Термин «социология» считался не только немарксистским, но и враждебным для исторического материализма, поскольку отождествлялся с буржуазной наукой об обществе. В лаконичной форме антисоциологическая позиция выглядела так: марксистской социологии нет и быть не может, социология может быть только буржуазной. В конце 1920-х гг. в ходе дискуссии (которая оказалась последней для социологии перед ее фактическим запретом) сформулированная точка зрения получила решающий перевес над другими. Этому способствовали соответствующие политические условия, связанные с утверждением культа Сталина, а также его личный интерес относительно запрета социологии. Уже тогда многие обществоведы очень чутко улавливали этот интерес, отражая его соответствующим образом в негативном отношении к социологии.

Помимо дискуссии о характере связей и взаимодействий социологии и философии, о марксистской и немарксистской социологии, о возможности вообще ее использовать в рамках марксистской общественной науки существенное значение имело обсуждение позитивистских и натуралистических интерпретаций социальных явлений и процессов, которое содержало прямое отношение к социологии. Позитивистски и натуралистически мыслящие авторы часто встречались как среди социологов, так и среди представи-

телей естествознания. Отметим, что сторонником социальной (коллективной) рефлексологии был известный психоневролог В. М. Бехтерев, развивали идеи социального дарвинизма социологи Н. А. Гредескул, Д. С. Садынский, Е. А. Энгель, отстаивали концепции зоосоциологии зоолог М. А. Мензбир, фитосоциологии – биологи И. К. Пачосский, В. Н. Сукачев и т. д. Популярными становились попытки соединить идеи К. Маркса и З. Фрейда, биологизаторские трактовки социальных процессов.

Так, М. А. Мензбир рассматривал формы «общественной жизни» животных, начиная с муравьев и насекомых, и считал, что без этого нельзя понять социальную жизнь человека в обществе и общество в целом. У муравьев он находил, к примеру, республиканскую форму правления. Основная идея фитосоциологии состояла в том, что объектом изучения социологии является не только человеческое общество, но и весь органический мир, вся живая природа.

Что касается коллективной рефлексологии, то В. М. Бехтерев рассматривал в рамках ее предмета различные формы человеческой деятельности и общественной жизни как акты коллективного рефлекторного поведения. В его трактовке социальные стимулы вызывали коллективные реакции, а социальная рефлексология выступала как одна из форм социального бихевиоризма.

Особенность подхода В. М. Бехтерева состояла в том, что он пытался найти точки соприкосновения своей коллективной рефлексологии и социологии. В работе «Коллективная рефлексология», стремясь выявить различия между ними, он писал: «Для социолога несущественно знать, как образуются и какие изменения происходят в деятельности и реакции коллектива по сравнению с реакциями и деятельностью отдельных индивидов. Он может, конечно, этим интересоваться, но это не его прямая задача, тогда как он естественно признает своей задачей выяснение отношений между социальными группами, как и самый факт установления социальных групп или коллективов. Таким образом, изучение способа возникновения коллективных групп и особенностей коллективной деятельности по сравнению с индивидуальной – дело коллективной рефлексологии, тогда как выяснение количества коллективов, их особенностей и взаимоотношения между этими коллективами в среде того или другого народа есть дело социолога» [Бехтерев, 1921: 32].

Ученый полагал, что изучение коллективной рефлексологии может дать очень много полезной информации для правильного понимания социальных процессов, характерных для объективных отношений между многочисленными общественными группами. Именно эту сторону дела – объективный характер процессов и отношений – он постоянно подчеркивал, считая, что для социологии

важно опираться не столько на психологическую науку (которая предоставляет данные преимущественно субъективного плана), сколько на биологию и рефлексологию, поскольку они ориентируют на получение объективного научного материала.

Позитивистски и натуралистически ориентированные исследования стимулировали развитие смежной с социологией отрасли науки – социальной психологии. Поскольку в марксизме такой поворот не был «предусмотрен», а социальная психология не значилась в спектре его научных интересов, возникли определенные трудности на пути консолидации этой дисциплины с социологией. Однако практические потребности нового общества, связанные с исследованиями в области труда, воспитания, формирования «нового человека», стимулирования его общественной активности, выдвигали задачу развития социальной психологии. Тем более что за рубежом эта наука в 1920-х гг. получила широкое распространение. Перспективы развития эмпирической социологии в России в этот период, постановка и решение ряда практических и прикладных задач были напрямую связаны с развитием социальной психологии.

В период с 1923-го по 1929 г. (время окончания дискуссии о соотношении марксистской и немарксистской социологии и в целом о необходимости этой науки в рамках марксизма) был опубликован ряд крупных социологических работ [Садынский, 1923; Энгель, 1923; Андреев, 1925; Каценбоген, 1926; Пипуныров, 1926; Черняков, 1926; Вольфсон, 1929; Оранский, 1929].

В названных и иных работах обращают на себя внимание, по меньшей мере, две особенности. Во-первых, все они были теоретическими по своему характеру, в них ставились и рассматривались вопросы, касавшиеся предмета, специфики, структуры социологического знания, его функций, соотношения социологии и марксизма. Во-вторых, опубликованные издания свидетельствовали о большом интересе к социологии не только в столичных центрах Москве и Ленинграде, но и во многих других городах – Минске, Харькове, Саратове и т. д. Реальная география социологических публикаций была достаточно широкой и охватывала десятки городов страны.

Для развития марксистской социологии периода 1920-х гг., особенно их первой половины, были характерны многочисленные дискуссии – устные и в публикациях, которые отличались, как правило, научной корректностью, терпимостью к оппонентам, отсутствием догматизма, искренней верой в справедливость и торжество идей марксизма. Эти дискуссии были чаще всего творческими, хотя бы потому, что велись людьми, многие из которых отличались высоким уровнем образованности, знанием иностранных языков и зарубежной философской и социологической литературы.

В указанных выше работах и дискуссиях поднимался целый ряд проблем, касавшихся не только предмета и метода социологической науки, но и социальной и национальной структуры общества и ее отдельных элементов, процессов классовой и социальной дифференциации. Так, исследователи стали обращать внимание на процессы классового расслоения, активно происходившие на селе [См., например: Крицман, 1926].

Вместе с тем, к концу 1920-х – началу 1930-х гг. стала вырисовываться в представлениях социологов социально-классовая структура советского общества, включавшая в себя два неантагонистических класса – рабочий класс и крестьянство и слой (группу) или межклассовую прослойку (ее называли по-разному) трудовой интеллигенции. Именно в это время обозначились контуры одной из основных в 1960–1980-х гг. социальных утопий – о сближении названных элементов социально-классовой структуры и создании в недалекой перспективе общества социальной однородности.

Еще в начале 1920-х гг. П. А. Сорокин полемизировал с марксистами, абсолютизовавшими классовую структуру нового общества в ущерб другим вариантам его социального расслоения и дифференциации. Последующие процессы в жизни советского общества, происходившие в первую очередь на селе и связанные с массовой коллективизацией, подтвердили правоту российского социолога, который, однако, в это время уже работал в США и мог анализировать их, лишь оперируя данными статистических исследований. Но они в это время были уже фальсифицированными и искажали процессы реальной социальной дифференциации советского общества.

Период 1920-х гг. был временем становления отечественной эмпирической социологии. Эмпирические и прикладные исследования охватили практически все основные сферы жизнедеятельности общества, коснувшись многочисленных и, как правило, актуальных социальных проблем. Это были проблемы труда и быта рабочих и крестьян, социальные аспекты развития производства, города и деревни, вопросы жизни рабочей и сельской молодежи, развития культуры и образования, семьи и досуга и многие другие. Особое место среди эмпирических исследований занимало изучение бюджетов времени рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Определенное внимание уделялось характеристике методологии, методики и техники эмпирических и прикладных исследований. Рассмотрим конкретнее основные направления эмпирических исследований [См. более подробно об этих исследованиях первых лет советской власти: Беляева, 2004].

Прежде всего следует отметить, что в основу многих из них были положены необходимые статистические данные, без которых трудно было бы представить реальные процессы и перспективы развития социальной структуры, труда и производства, образования и культуры и т. д. В этом отношении большую роль сыграли переписи населения 1920 и 1926 гг., а также издававшийся с 1923 г. журнал «Статистика труда», регулярно публиковавший большой статистический и фактический материал.

Одним из центральных направлений исследований оказалось изучение социальных проблем управления, труда и производства. Оно осуществлялось рядом исследовательских коллективов. Главными среди них были Центральный институт труда (ЦИТ) в Москве под руководством А. К. Гастева, Всеукраинский институт труда в Харькове под руководством Ф. Р. Дунаевского. Следует назвать также таких крупных исследователей в этой области, как Н. А. Витке, О. А. Ерманский, П. М. Керженцев. В работах указанных коллективов и авторов были рассмотрены вопросы социологических теорий научной организации труда, производственного коллектива, социального управления, трудового поведения работников.

По существу, в деятельности названных выше институтов и исследователей были заложены основы отечественной прикладной социологии. Упомянутые авторы, не являвшиеся профессиональными социологами и затрагивавшие социологические проблемы в связи с решением вопросов научной организации труда и производства, тем не менее понимали их важное социальное значение. Не случайно А. К. Гастев выдвинул в 1927 г. задачу превращения современного предприятия в огромную социальную лабораторию, другими словами, осуществления его социальной перестройки. Этого нельзя было сделать без развития социальной инженерии, которая и выступала в то время в качестве прикладной социологии на производстве. Сам А. К. Гастев считал, что старая теоретическая социология должна быть заменена новой, более плодотворной наукой прикладного характера – социальной инженерией. По сути дела, это было предложение пересмотреть предмет социологической науки путем отказа от макросоциологии в пользу микросоциологии.

Исследователи (Н. А. Витке, А. К. Гастев, О. А. Ерманский) указывали, что основными проблемами в сфере труда и производства являются не столько физические и физиологические, сколько социальные, предполагающие, прежде всего, создание условий для социального сотрудничества людей. Для достижения этой цели нужна была научная организация не только труда и производства, но и управления. Если в процессе первой решалась задача рационального соединения человека с орудиями труда и средствами произ-

водства, то целью управления становилось создание оптимальных условий для социального взаимодействия людей друг с другом в рамках производственной деятельности.

Говоря о работах в области управления, нельзя не коснуться взглядов А. А. Богданова, который стремился к созданию «всеобщей организационной науки» – тектологии, т. е. науки о закономерностях организационного характера, касающихся использования взаимодействующих сил с целью достижения равновесия в социальной среде. Общество он рассматривал как социальную систему, которая нуждается в поддержании порядка и устойчивости, достигаемых за счет деятельности групп, имеющей организационно-управленческий характер. Задача тектологии состоит, по его мнению, в том, чтобы показать возможности использования организационно-управленческого начала.

По существу, в 1920-х гг. закладывались основы отечественной социологии труда и социологии управления. Причем некоторые работы, выполненные в рамках данных отраслей социологической науки, получили международное признание. Особенно это касалось тех исследований, которые были посвящены изучению роли социального фактора в производственной деятельности человека. Они предвосхитили труды зарубежных ученых в области индустриальной социологии.

Проблемы труда, производства и управления нашли свое отражение в большом количестве книг и журналов, издававшихся в 1920-х гг. Так, в 1923 г. по этим проблемам было опубликовано около 60 книг. Одних только журналов соответствующей направленности издавалось около 20. Советское государство было заинтересовано в развитии социалистического производства и в то время всячески стимулировало изучение его различных сторон.

Не меньшее внимание уделялось исследованию социальных процессов, происходивших в деревне, среди крестьянства. Особое значение имел анализ социального расслоения внутри этого класса. Создавались контуры сельской социологии. Руководство большевистской партии проявляло немалый интерес к изучению процессов на селе. По его инициативе была создана специальная комиссия, которая организовала проведение в середине 1920-х гг. нескольких крупных обследований. Так, в 1923 г. было изучено 8 тысяч дворов в 7 губерниях, представляющих основные сельскохозяйственные районы европейской части страны. В 1924–1925 гг. только в одной Пензенской губернии было обследовано 33 тысячи крестьянских хозяйств.

Для исследований села была характерна явно выраженная практическая направленность. Помимо объективной характеристики ситуации в деревне, важно было выявить отношение крестьян

к тем или иным вопросам жизни в стране и на селе. Одной из наиболее интересных в этом плане была книга М. Феноменова, которую можно рассматривать как едва ли не первую работу в отечественной сельской социологии. Автор со своими сотрудниками собирал материал по одной деревне (деревня Гадыши Валдайского уезда Новгородской губернии) в течение трех лет и представил в опубликованном двухчастном труде опыт ее монографического исследования [Феноменов, 1925]. М. Феноменова и его коллег интересовали: использовавшиеся орудия труда и технические приспособления, организация труда, хозяйственные навыки, производственные характеристики работников, а также их личная, включая семейную, жизнь, отношения между молодежью и старшими поколениями, положение женщин, воспитание детей, измены, разводы, аборт и т. д. Была тщательно изучена генеалогия каждого двора. Подробно описывались быт крестьян, их жилища, санитарное состояние изб (вплоть до наличия в них клопов и тараканов).

Выявление условий жизни и быта осуществлялось в исследованиях не только крестьянства, но и других классов и социальных групп. Об этом свидетельствует ряд опубликованных в 1920-х гг. работ [Андреев, 1925; Рабочий быт, 1926; Кабо, 1928; Минц, 1927; Рашин, 1928 и др.]. В них поднимались самые разнообразные вопросы повседневной жизни различных категорий населения, включая характеристику их бюджета.

Не меньшее значение имели многочисленные исследования бюджета времени, проведенные под руководством С. Г. Струмилина. Достаточно назвать внушительную цифру: в период между 1922 и 1934 годами было собрано и изучено более 100 тысяч суточных бюджетов времени самых разных групп населения, представляющих рабочий класс, крестьянство, служащих, интеллигенцию. На материалах этих исследований было написано и опубликовано более 70 научных работ, авторами которых, помимо С. Г. Струмилина, были М. С. Бернштейн (специально изучавший бюджеты времени комсомольских активистов, пионеров и школьников), Я. В. Видревич, В. А. Лебедев-Петрейко, В. И. Михеев, Л. Е. Минц и др. [Струмилин, 1923; Бюджет времени, 1924; Михеев, 1932; Лебедев-Петрейко, 1933].

Изучение бюджетов времени давало возможность поиска резервов более рационального использования как рабочего, так и свободного времени. При этом особое внимание уделялось учету и реализации закона экономии времени как одного из определяющих всю жизнедеятельность общества и образ жизни личности.

Здесь необходимо специально остановиться на концепции бюджета времени С. Г. Струмилина, поскольку она сыграла значительную роль в осуществлении конкретных социологических исследо-

ваний не только в 1920-х – начале 1930-х гг., но и в период возрождения (второго рождения) отечественной социологии на рубеже 1950–1960-х гг. В 1922 г. он предложил для научного изучения и практического использования трехчленную формулу «труд – отдых – сон». Она отражала стремление к реализации идеи «трех восьмерок», предложенной западноевропейским рабочим движением: 8 часов работы, 8 часов отдыха, 8 часов сна.

От этой идеи, однако, вскоре пришлось отказаться вследствие ее утопичности и невозможности реализовать в условиях общества 1920-х гг. Взамен приведенной выше формулы появилась иная структура времени, в основу которой было взято положение о диалектической взаимосвязи необходимости и свободы. В соответствии с новой идеей структура бюджета включала в себя необходимое и свободное время. Она и стала методологической основой для проведения исследований бюджета времени самых различных групп советского общества. Нельзя не отметить пришедшуюся по вкусу лидерам советской власти формулу времени С. Г. Струмилина, которую он выдвинул в противоположность капиталистическому лозунгу «время – деньги»: «время – дорожке денег».

Одним из актуальных направлений социологических исследований 1920-х гг. считалось молодежное. Поскольку с молодым поколением связывали будущее нового строя, становился понятным интерес к его изучению. Тем более что немало делалось в практическом плане для улучшения условий жизни и труда молодежи. Так, было введено ограничение продолжительности рабочего дня подростков (в возрасте до 18 лет) до 4–6 часов (без сокращения оплаты труда). Запрещалось использовать подростков на вредных, ночных и сверхурочных работах. Создавались условия для обучения и профессиональной подготовки молодежи. Необходимыми становились исследования жизненных планов, ценностных и профессиональных ориентаций, условий труда и отдыха, интереса к получению образования, общественной активности, культурных потребностей молодежи, что нашло отражение в работах Е. О. Кабо, Я. Д. Каца, Б. Б. Когана, А. И. Колодной, М. С. Лебединского и др. Особо выделим две работы, которые отличались обилием интересного социологического материала, – Б. Б. Когана, М. С. Лебединского и А. И. Колодной [Коган, 1929; Колодная, 1929].

В 1920-х – начале 1930-х гг. происходил процесс становления отраслевых социологий в отечественной науке. Одной из них была социология брака и семьи, где особое значение имели работы С. Я. Вольфсона (выше упоминалась его монография «Социология брака и семьи», изданная в Минске в 1929 г.). В них давалась, в частности, интерпретация такого социального факта, как увеличение числа разводов в СССР. Чаше всего это эмпирически ус-

становленное обстоятельство рассматривалось односторонне, как удар по прочности социального института семьи. Проблема брака и семьи имела в то время большое практическое значение, поскольку в 1920-х гг. начались активные дискуссии о том, что нового должен внести социализм и коммунизм в семейно-брачные формы жизни и какими вследствие этих изменений должны стать бытовые условия для молодых семей в советском обществе. Выводы социологов играли заметную роль в принятии архитектурно-планировочных решений, а также строительстве специальных зданий для молодых семей. Чего стоил в этом плане один только «Дом нового быта», являющийся ныне общежитием МГУ!

Значительные исследования и практические перемены осуществлялись в области просвещения, обучения и воспитания, что способствовало становлению отечественной социологии образования. В этой области во второй половине 1920-х гг. наметились тесные связи между педагогикой и социологией, к установлению которых призывали советские государственные деятели. Так, А. В. Луначарский в статье, специально посвященной проблеме этих связей («Социологические предпосылки советской педагогики», 1927), писал: «Марксист-педагог является необыкновенно типичной фигурой марксиста-социолога вообще. Марксист-педагог не смеет шага ступить без социологического образования, без социологической оглядки, они нужны ему отнюдь не в меньшей степени, чем знакомство с педологией или рефлексологией, чем знакомство с методикой и т. д.» [Луначарский, 1976: 191].

Если отбросить марксистский «камуфляж» (хотя для А. В. Луначарского это не было камуфляжем), то в основе приведенного выше положения лежит здоровая идея, сформулированная в свое время Э. Дюркгеймом в работе «Педагогика и социология» и состоящая в доказательстве сильной зависимости педагогики от социологии, причем гораздо более сильной, чем от любой другой науки [см. об этом подробнее: Зборовский, 2005: 32–37; Засыпкин, 2011: 37–44].

Развитие социологических исследований в сфере образования было вызвано глубокими реформами школы, всей системы обучения и воспитания, доставшейся в наследство от дореволюционной России. Не касаясь их содержания, отметим, что исследования были многоаспектными и затронули особенно глубоко область психологии обучения, сферы поведения молодежи, подростков (Н. А. Бухгольц, А. М. Гельмонт, Н. Н. Иорданский, В. Е. Смирнов и др.). Интересное исследование по проблеме одаренности выполнил С. Г. Струмилин, в 1925 г. выпустил книгу «Психология юношеского возраста» В. Е. Смирнов.

Говоря об отраслях социологии, развивавшихся в 1920-х – начале 1930-х гг., необходимо отметить исследования в области социологии религии (А. И. Клибанов, Е. Ф. Федоров), социологии народонаселения (Л. Л. Паперный, Б. Я. Смулевич), социологии преступного поведения (В. В. Внуков, А. А. Герцензон), социологии искусства (Р. И. Егизаров, А. В. Трояновский), социологии города (Н. О. Мещеряков, Л. М. Сабсович) и др. Конечно, это были начальные шаги в развитии отраслей социологического знания. Однако в ходе проводившихся в их рамках исследований накапливался очень важный эмпирический материал, который служил базой не только для теоретических (пусть и весьма скромных) обобщений, но и практических выводов для выработки определенной социальной политики и государственных решений.

Отечественная социология не могла развиваться без разработки методологии, совершенствования методики и техники конкретных исследований. Базой для таких работ послужили дореволюционные исследования в России, которые осуществляли земские статистики. Традиции, ими заложенные, не пропали даром. Российские социологи постоянно обращались к данным социальной статистики. Этому способствовало создание в 1925 г. «Общества статистиков-марксистов» и издание журнала «Статистика труда».

В 1920-х гг., по существу, использовалась вся палитра методов эмпирического социологического исследования. Применялись опросы (в том числе массовые, например при изучении восприятия кино зрителями), интервью, беседы, наблюдение, контент-анализ документов (в ходе изучения писем рабочих корреспондентов), эксперименты, анализ бюджетов времени и др.

Характеризуя работы в области методики и техники конкретного социологического исследования 1920-х гг., нужно отметить, что большую роль здесь сыграли труды А. В. Болтунова (методика проведения анкетных обследований), Н. Д. Левитова (проблемы методики и техники социально-психологических исследований), П. И. Люблинского (методика социального обследования детей), С. Г. Струмилина (методология и методика изучения бюджетов времени, разработка статистических методов обработки и анализа данных), А. В. Чаянова (вопросы методики бюджетных исследований) и др. В них давалась оценка использованному социологическому инструментарию, высказывались советы и рекомендации по его совершенствованию, обобщался опыт организации и проведения как полевых, так и экспериментальных исследований.

Однако при всех успехах и достижениях в этой области существовал и ряд недостатков, которые тормозили быстрое развитие эмпирических исследований. Среди недостатков нужно в первую очередь отметить частое отсутствие глубоких теоретических вы-

водов, что было следствием налета эмпиризма. Большой фактический эмпирический материал, как правило, лишь описывался без серьезного и детального анализа. Работы же, построенные на трактовке этого материала, далеко не всегда содержали в себе глубокие обобщения и новаторские идеи. Еще одним серьезным недостатком был невысокий уровень обработки полученной информации. Сама обработка осуществлялась вручную. Но, поскольку материала было много, на нее уходило много времени, по отдельным исследованиям (особенно связанным с изучением бюджетов времени) – годы. Исследования получались весьма протяженными по времени, вследствие этого – дорогостоящими, выводы же оказывались запоздалыми и не всегда соответствовали тем целям и задачам, которые перед социологами ставились вначале.

Подводя итог развитию отечественной социологической науки в период 1920-х – начала 1930-х гг. в целом, следует иметь в виду противоречивый характер этого процесса. С одной стороны, необходимо видеть реальные достижения, связанные с попытками институционализировать социологию, развивать социологическую теорию (пусть и в рамках весьма ограниченных возможностей марксизма) и отдельные отрасли социологического знания, проводить эмпирические социологические исследования, совершенствовать их организацию, методику и технику, публиковать результаты научных изысканий в виде учебников, монографий, книг, брошюр, статей. Требуют положительной оценки имевшие место в первые послереволюционные годы попытки социологического образования и просвещения, равно как и появлявшиеся в то время возможности сосуществования и взаимодействия в дискуссионной форме марксистской и немарксистской социологии.

С другой стороны, нельзя не отметить постепенное усиление требований власти к социологии, связанных с необходимостью решать идеологические и пропагандистские задачи строительства нового общества на основе искаженной, фальсифицированной информации. Но социология не сумела справиться с этими задачами, и не потому, что ее представители не хотели их решать. Они просто не могли это делать вследствие специфики самой науки, особенно эмпирических социологических исследований, в ходе которых приходилось обращаться с вопросами к населению и получать, следовательно, правдивую информацию. Таким образом, то, что представлялось тогда таким естественным, на самом деле оказалось путем социологии в «черную ночь», в период запрета и забвенья.

Происходит сначала умаление роли и падение значения социологического знания в новых условиях резко ухудшившейся в экономическом, социальном и политическом отношениях жизни. В начале 1930-х гг. оно становится ненужным, поскольку практи-

чески оказывается не в состоянии выдавать черное за белое. Затем на возникшую «объективную ненужность» накладывается антисоциологическая линия борцов за чистоту марксизма–ленинизма, отрицавшая вообще право социологии на существование.

Этим аргументом немедленно воспользовался сталинский режим, которому социология как наука, раскрывающая противоречия общественных процессов широкого социального и конкретного локального характера, была не нужна. Тоталитарная система вполне могла обойтись без их изучения. Более того, социологические исследования вследствие их научной природы и социальных функций становились просто опасными. Социология объявляется буржуазной лженаукой, сам термин, означавший название науки, изымается из употребления на несколько десятилетий. Целое поколение (а то и два) советских людей оказывается лишенным всякого представления о социологии, ее сути, особенностях и возможностях.

Что касается самих социологов, то их судьба в тоталитарном обществе оказалась незавидной. Часть из них вынуждена была отойти от профессиональной социологической деятельности и заняться какой-либо иной работой – в соответствии с собственными возможностями и способностями. Другая часть по-прежнему стремилась отстаивать творческий дух любимой науки и правдиво анализировать социальные процессы. Понятно, что судьба этих людей оказалась поистине трагичной. «Каток тоталитаризма прокатился по личным судьбам многих отечественных социологов, по самой науке в целом, по ее контактам с другими национальными ветвями знания» [Голосенко, 1995: 52].

Трагичной оказалась судьба не только многих людей, но и целых научных коллективов, институтов, которые оказались разгромлены. В этом отношении представляет интерес интервью, которое дала академик Т. И. Заславская журналу «Огонек». В нем она приводит воспоминания своих коллег о том, как реально происходило уничтожение экономической и социологической науки: «В 1930-х годах в Академии наук СССР существовал то ли один институт аграрных проблем (точное название не помню), то ли даже два института аграрного профиля. И вот однажды, в 1934 или 1935 году, сотрудники, как обычно, пришли на работу, а войти в институт не смогли. На дверях было объявление о том, что в течение ближайших двух-трех дней институт будет закрыт на профилактику или срочный ремонт, и сотрудников просят работать дома. В назначенный срок двери оказались открыты, люди прошли к своим рабочим местам и обнаружили... пустые столы и шкафы. Все до последнего листка бумаги было изъято: собранная в экспедициях первичная информация, социологические анкеты, данные их разработки, находившиеся в работе отчеты, статьи, диссертации.

Не правда ли, сильная акция? Это ведь был целый научный институт, причем достаточно яркий и творческий. И так, в один миг он был раздавлен. А потом социология превратилась в “буржуазную” науку и была, как и все общественные науки, превращена в сферу схоластики, цитатничества и догматизма» [Заславская, 1988: 6].

Возрождение отечественной социологии, или, что правильнее, по мнению Б. Докторова (об этом чуть дальше будет специально сказано), ее второе рождение, как известно, началось в период «хрущевской оттепели», в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Но до этого было еще десятилетие с конца 1940-х гг., когда термин «социология» вновь стал использоваться, однако в иных, чем в 1920-х гг., целях – критики зарубежных или, что точнее для того времени, буржуазных социологических концепций. Этой работой было поручено специально заниматься одному из секторов в Институте философии АН СССР. Появился особый жанр «критики буржуазной социологии», который надолго вошел в структуру научной социологической деятельности в нашей стране. Без этого своеобразного «грифа» ни диссертации, ни книги, ни статьи, в которых рассматривались зарубежные социологические теории, не могли быть защищены либо опубликованы на протяжении нескольких следующих десятилетий, по существу вплоть до середины 1980-х гг. Однако об этом – уже в следующем параграфе.

3. Отечественная социология в период второго рождения

Социологические исследования в стране вновь приобретают «права гражданства» лишь в конце 1950-х – начале 1960-х гг., во время «хрущевской оттепели». На то были причины и экономического, и социального, и идеологического порядка. Целесообразно остановиться на последних, поскольку они во многом определяли отношение к социологической науке в целом. Речь идет о разоблачении культа личности Сталина и некоторых идеологических свободах, которые стали возможными в новых условиях, в том числе и о частичном восстановлении свободы творчества в области социальных наук. С учетом этого обстоятельства нельзя было не вспомнить о социологии, тем более что стала ощущаться потребность в знании реальных экономических и социальных процессов, которое позволило бы более эффективно ими управлять. После того как удалось восстановить разрушенное войной хозяйство и продвинуться вперед в экономической и социальной сферах, в обществе стали заметнее проблемы и противоречия, которые требовали своего решения.

К концу 1950-х гг., впервые после разгрома социологической науки в 1930-е гг., стали наблюдаться первые признаки позитивного отношения к проблемам ее развития. Как отмечалось выше, критическое отношение к зарубежной социологии уже было «разрешено» властями и даже поощрялось. Это означало, что ряд авторов, владевших иностранным языком (количество таких людей в общественных науках исчислялось единицами), при наличии соответствующего доступа к зарубежной социологической литературе, мог позволить себе не только ее читать, но и выступать с критикой западных концепций публично – в книгах, статьях, диссертациях.

Более того, стало возможным впервые за несколько десятилетий переводить некоторые работы, в основном американских социологов, на русский язык (так появились на свет в 1958 г. «Социометрия» Дж. Морено, в 1959-м «Властвующая элита» Ч. Р. Миллса и в 1961-м «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» под редакцией А. Боскова и Г. Беккера). Это был, пожалуй, первый открытый шлюз, позволивший интересующимся социологией заняться ею. Автор данной книги начинал свой путь в социологию в первой половине 1960-х гг. именно с названных работ, поскольку других, прежде всего отечественных, еще не было, они стали появляться чуть позже, в середине и второй половине этого десятилетия.

Существенную роль играло понимание критиками своего предназначения и своей социальной роли. Если задачей номер один для критика становилось «уничтожение» идейного врага – буржуазного социолога или его теории, то читатель такой работы получал от нее мало позитива. При этом под позитивом мы понимаем реальную объективную информацию о существовании концепции, обширное цитирование зарубежных авторов, которое могло бы познакомить читателя с «фактурой» тех или иных теорий, но в действительности не преследовало такой цели.

Другое дело, когда критик, обвиняя своего зарубежного оппонента во всех «смертных грехах» – идеализме, метафизичности, механицизме и т. д. (а без этого работа просто не прошла бы цензуру и не превратилась в публикацию, тем более в диссертацию), все же показывал реальное содержание теорий и заинтересовывал ими читателей. Эпитеты же, которыми «награждались» западные социологи, играли роль идеологического камуфляжа. В этом отношении автор не может не вспомнить одного из блестящих отечественных социологов и полемистов профессора Л. Н. Когана. Обладая великолепным чувством юмора, он однажды в своем выступлении в качестве официального оппонента на защите кандидатской диссертации по зарубежной социологии (состоявшейся в апреле 1965 г.) отмечал, что для критики какой угодно буржуазной

социологической теории достаточно использовать в любой комбинации три термина – «пресловутый», «якобы», «кавычки». Этого уже было бы достаточно, по его мнению, для присуждения искомой ученой степени. Если же диссертант выходил за пределы этой «святой троицы», показывая действительные достижения зарубежной социологии, то ему вообще следовало бы воздать честь и хвалу.

Теперь о других шлюзах, открывших путь к занятиям социологией в стране. В этом качестве следует рассматривать первые публикации и выступления отечественных ученых, посвященные необходимости развития как теоретической социологии, так и эмпирических исследований в области изучения наиболее актуальных экономических и социальных проблем. Одной из таких публикаций была статья академика В. С. Немчинова «Социология и статистика» [Немчинов, 1955]. В ней автор, рассуждая как экономист, поставил вопрос о необходимости проведения социологических исследований, которые могли бы приносить нашему обществу большую финансовую прибыль. При этом социология рассматривалась им как самостоятельная наука, которая должна была иметь своеобразный «социоинженерный» вектор. Объектом социологического исследования могли бы быть, по мнению В. С. Немчинова, массовые процессы, анализируемые в тесной связи со статистическими показателями.

Через два года в этом же журнале была напечатана статья немецкого обществоведа (из ГДР) Ю. Кучинского «Социологические законы» [Кучинский, 1957], в которой он предложил разделить проблематику социологии и исторического материализма. Возникла дискуссия, посвященная месту и роли социологии в марксизме (которая уже по счету, начиная с 1920-х гг., но, как выяснилось в ближайшие годы и даже десятилетия, далеко не последняя).

Между названными двумя знаковыми публикациями (статьи В. С. Немчинова и Ю. Кучинского) в журнале «Вопросы философии» (другого в стране в то время просто не было; поскольку же социология долгое время считалась философской наукой, то все материалы о ней печатались в этом журнале) состоялись не менее важные для нового рождения отечественной социологии события, связанные с первым выходом СССР на международную социологическую арену. Речь идет об участии в работе III Всемирного социологического конгресса (Амстердам, 1956) советской делегации во главе с академиком П. Н. Федосеевым, которое преследовало цель признания отечественной социологической науки (еще реально отсутствовавшей!) в мире и было первым шагом на этом пути.

Второй шаг предстояло сделать через год. В 1958 г. в Москве состоялось международное совещание социологов с приглаше-

нием на него президента Международной социологической ассоциации (МСА) французского ученого Ж. Фридмана и таких известных за рубежом исследователей, как Р. Арон (Франция), Т. Боттомор (Англия), Э. Хьюз (США), Г. Шельски (ФРГ) и др. Справедливости ради надо отметить, что к контактам стремилась и МСА, что вытекало из духа ее работы как организации, действующей в рамках ЮНЕСКО и стремящейся к расширению своего влияния в мире. На этом совещании главный доклад, сделанный П. Н. Федосеевым с советской стороны, был посвящен проблеме мирного сосуществования в социологических исследованиях и преподавании социологии (ни того, ни тем более другого не было еще и в помине). Это был резкий скачок вперед в деле признания значительной роли социологической науки в марксизме.

Эти два события – участие во Всемирном социологическом конгрессе и проведение в Москве международного совещания социологов, а также приглашение большой группы зарубежных ученых посетить СССР в конце 1950-х гг. (всего за 4 года в стране побывало более 200 известных зарубежных философов и социологов, включая Т. Парсонса, Р. Мертона, А. Гоулднера, Ч. Р. Миллса, У. Ростоу и др.), по всей видимости, дают основания утверждать, что отечественная социология рождалась вначале в виде своеобразной «импортной модели», завезенной к нам с Запада. За ней последовала «экспортная» модель, создаваемая на «выезд», на международное представительство (хотя для этого еще ничего не было сделано реального: ни исследований не проведено, ни книг не написано). И только потом началось развитие социологии, рассчитанное на «внутреннее употребление». Таким образом, процесс ее институционализации начинался не «изнутри», а «извне».

В связи с массовыми посещениями зарубежных социологов нашей страны хотелось бы поставить вопрос об отсутствии приглашения, точнее говоря о принципиальном запрете на приезд в СССР, П. А. Сорокина. Речь идет об ученом, российскими корнями и работами которого мы справедливо гордимся, которого считаем самым крупным отечественным социологом за всю историю нашей науки и которого почитало все мировое социологическое сообщество.

В нашей историко-социологической литературе примерно одинаково излагается версия причин этого запрета, связанная с отношением советской власти к Сорокину и его отношением к нашей стране. Если в нескольких словах изложить эту ситуацию, она будет выглядеть примерно так: он хотел приехать в Советский Союз, поскольку испытывал ностальгию по родине, власть же категорически противилась его поездке, считая его антикоммунистом, антисоветчиком, ярым врагом советской власти. Книгами его можно

было пользоваться только в отделах специального хранения, открытое общение с ним не рекомендовалось во время зарубежных поездок наших ученых, а переписка, которую вели с ним отдельные советские социологи, была под жестким контролем соответствующих органов.

Мне бы хотелось предложить иную версию отношений между советской властью и П. А. Сорокиным на основании довольно подробной информации, которую я в свое время (весной 1968 г., в год смерти ученого – он умер 11 февраля в г. Винчестере, пригороде американского Кэмбриджа, где прожил большую часть своей жизни в США) получил от члена-корреспондента АН СССР М. Т. Иовчука. Иовчук лично и хорошо знал Сорокина, много раз с ним встречался в США, бывал в его доме и рабочем кабинете. Мне, в свою очередь, приходилось одно время часто встречаться с М. Т. Иовчуком и в ходе этих встреч неоднократно касаться жизни П. А. Сорокина. Далее я буду говорить о нем со слов М. Т. Иовчука.

Действительно, в последние годы жизни П. А. Сорокин испытывал сильную ностальгию по Родине и мечтал о возможности приехать, хоть ненадолго, в Советский Союз. Таковая ему однажды представилась в 1962 или 1963 г. Незадолго до этого П. А. Сорокин устроил встречу группы советских философов и социологов с их американскими коллегами (скорее всего, это было во время V Всемирного социологического конгресса в Вашингтоне в 1962 г.). Он считал, что должен выполнить функцию миротворца в период «холодной войны» и способствовать сближению социологов двух стран. Приветствуя этих ученых на банкете, который он дал в их честь, говоря о большой роли социологии в жизни общества и необходимости овладения этой наукой всеми людьми, П. Сорокин позволил себе во время тоста сказать несколько нелицеприятных слов в адрес американских президентов, которые, по его мнению, допускали ошибки в своих решениях, потому что плохо знали социологию. Читая курсы в Гарвардском университете, П. Сорокин у многих из них принимал экзамен. Как говорил он в речи, Дж. Кеннеди получил у него тройку, а Л. Джонсон – даже двойку. Какое же право он имеет быть нашим вице-президентом? – задавал вопрос во время речи-тоста П. Сорокин. При этих словах американские социологи, бывшие на банкете, демонстративно встали и ушли из-за стола. Не следует забывать, что это был период «холодной войны», идеологическое противостояние определяло все (или многие) действия социологов, а приведенное выше высказывание П. Сорокина было расценено его американскими коллегами как оскорбление нации в целом. Подобную «фронду» ему не простили. Случай же подвернулся самый подходящий. П. Сорокин выполнял определенную работу в рамках движения сторонников мира, а в

Москве должен был состояться очередной форум участников этого движения. В связи с этим американский социолог получил приглашение приехать в Москву. Это и была та самая возможность посетить родную страну, о которой столько лет он мечтал. П. Сорокин готовился к визиту с большим волнением, даже ходил на прием к советскому послу в США. Им тогда был А. Ф. Добрынин, который рассказывал М. Т. Иовчуку об этом визите. П. Сорокин спрашивал, в частности, не припомнят ли ему в СССР его «ярославские грешки» (он имел в виду свое участие в Ярославском эсеровском мятеже против большевиков). Посол его успокоил и пообещал, что он будет принят как высокий гость, которому предоставят возможность посетить родные места. П. Сорокин, что называется, уже складывал чемоданы. Но в госдепартаменте США, куда его пригласили для выдачи визы, ему сказали, что он, конечно, может ехать в СССР, однако гарантировать после этой поездки будущую карьеру его сыновей, которые по характеру работы имели доступ к секретным материалам, будет уже очень трудно. П. Сорокин оказался перед мучительным выбором и... не поехал.

Рассказ Иовчука несколько отличается от других воспоминаний об этой встрече, в частности от того, что говорил В. С. Семенов. В своих воспоминаниях он писал: «...на конгрессе в Вашингтоне американская делегация устроила прием в честь советской делегации в уютном “Космос клуб”. Открывая его, Питирим Сорокин сказал, что хочет обратиться к советским ученым на русском языке, а чтобы его слова поняли американские социологи, он просил Вадима Семенова переводить их на английский. Что я и сделал. Это была теплая речь, с выражением удовлетворенности совместной работой и пожеланиями развивать наши творческие и человеческие контакты. Он сказал о своем желании посетить СССР. К сожалению, это ему не удалось...» [Российская социология..., 1999: 429].

Продолжая характеризовать процесс институционализации социологии в период ее второго рождения, следует сказать о создании в 1958 г. Советской социологической ассоциации (ССА), которая в том же году стала членом МСА. Первым президентом ССА был Ю. П. Францев, а вице-президентом – Г. В. Осипов. Несмотря на то что ССА возникла как добровольное объединение ученых и организаций, занимающихся исследованием в стране социологических проблем, первоначальной ее задачей было представлять отечественную социологию на международной арене. В целом следует отметить, что процесс «внешней» институционализации этой науки, как бы он ни был оторван от внутренних потребностей ее развития, явился все же важным и серьезным стимулом для разрывания социологических исследований в стране.

В самом же Советском Союзе второе рождение социологии, начавшись с конца 1950-х гг., шло параллельно с двух сторон – теоретической и эмпирической. В теоретическом плане продолжались бесконечные дебаты о месте социологии в марксизме, о ее соотношении с диалектическим и историческим материализмом, о том, как соотносится теоретическая социология с эмпирическими (прикладными) исследованиями и является ли она вообще социологией. В этих дискуссиях постоянно ставились вопросы, что для чего и как выступает методологической основой. По существу это была борьба за выделение социологии как самостоятельной нефилософской науки. На Западе споры на эту тему в советской социологии были определены как затянувшаяся на долгие годы «семейная склока» (американский социолог П. Бергер). С такой точкой зрения в корне не согласен Б. М. Фирсов, полагая, что в дискуссиях отстаивалось право социологической науки на автономию, и с этой точки зрения они были очень важными [Фирсов, 2012: 92].

Тем временем проводились одно за другим конкретные социологические исследования, масштабы и значение которых возрастали год от года, что заставляло обращать на них самое пристальное внимание и ставить вопрос о широком общественном признании социологии. В 1961 г. вышла книга «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в СССР» (под редакцией М. Т. Иовчука), написанная на материалах крупного социологического исследования, проведенного уральскими социологами на промышленных предприятиях Свердловской области. Она была замечена «верхами», получила положительную оценку и одобрение. Тем самым был задан импульс к исследованию круга проблем, в которых отразился интерес к рабочему классу и его культуре, на многие последующие годы. Большую роль в подготовке названной книги сыграла первая в стране вузовская социологическая лаборатория, созданная в 1960 г. в Уральском государственном университете. Именно ее сотрудники участвовали в сборе эмпирического материала на ряде предприятий Свердловска и Свердловской области, который лег в основу книги. Вместе с тем, справедливости ради следует отметить, что эта работа в значительной степени преследовала идеологические цели, а реальное положение рабочего класса, точнее, его культурно-технический уровень был сильно приукрашен.

Под руководством Г. В. Осипова происходило изучение трудовых коллективов на московских и горьковских заводах. Началось исследование отношения к труду молодых ленинградских рабочих (под руководством В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова). Оно происходило в рамках созданной при ЛГУ лаборатории социологических исследований. Ее успешная работа явилась своеобразным

толчком для появления аналогичных лабораторий в ряде других университетов страны (Московского, Киевского, Белорусского, Казанского и др.), быстро превратившихся в центры подготовки и проведения многих социологических исследований. Здесь следует также сказать о том, что первая кафедра конкретных социологических исследований была создана в МГУ в 1964 г.

К этому времени в стране уже существовало первое академическое подразделение социологического профиля – созданный в 1960 г. сектор исследований новых форм труда и быта в Институте философии АН СССР (руководитель Г. В. Осипов), ставший в 1966 г. отделом конкретных социальных исследований. Для институционализации социологии имело большое значение создание в АН СССР Научного совета по проблемам конкретных социальных исследований. Помимо Института философии с его специализированным отделом, к работе совета подключались другие академические институты, где создавались структуры, занимавшиеся организацией и проведением социологических исследований: Институт экономики, Институт этнографии, Институт государства и права. В первом была создана лаборатория социально-экономических и демографических проблем, во втором появился сектор конкретных исследований культуры и быта народов СССР, в третьем возникла лаборатория социально-правовых исследований.

В стране быстро рос интерес к эмпирическому изучению конкретных социальных проблем с помощью социологических методов. В вузах стремительно увеличивалось количество преподавателей, интересующихся этой работой. Появлялись первые социологические службы на крупных промышленных предприятиях, особенно тех, которыми руководили масштабно мыслявшие директора. По официальным данным, к середине 1960-х гг. в стране занимались социологическими исследованиями около 2 тысяч человек. Росту такого интереса, безусловно, способствовало появление серьезной социологической литературы.

В 1960-х гг. был выпущен целый ряд книг по социологии, сыгравших очень важную роль в становлении ее как науки и практической сферы деятельности. Среди них, в первую очередь следует назвать книги А. Г. Харчева «Брак и семья в СССР» и Г. А. Пруденского «Время и труд» (1964), пятитомное собрание сочинений С. Г. Струмилина (1965), результаты социологического исследования села «Копанка 25 лет спустя» (1965), двухтомник «Социология в СССР» (1966), монографии по материалам исследований ленинградских, горьковских и московских рабочих «Человек и его работа» и «Рабочий класс и технический прогресс» (1967), книгу И. С. Кона «Социология личности» (1967), работы Б. А. Грушина «Свободное время. Актуальные проблемы», «Мнения о мире и

мир мнений» (1967), курс лекций В. А. Ядова «Методология и процедуры социологических исследований» (1968).

В этих публикациях, с одной стороны, был обобщен опыт и подведены итоги ряда важных исследований рабочего класса и крестьянства, социальных процессов в городе и на селе, проблем рабочего и вне рабочего (в том числе свободного) времени и др. С другой стороны, как показали названные выше работы, появилась возможность ставить серьезные теоретические проблемы развития социологии в обществе, ее возрастающей роли и перспектив влияния на социум. Среди наиболее важных направлений теоретических исследований оказались разработки социальной структуры общества, личности, брака и семьи, молодежи, труда, культуры и др. Заметный интерес был проявлен к вопросам методологии, методики, техники и процедуры социологического исследования.

Стало очевидно, что у социологии имеется свой категориальный аппарат, своя система понятий, которая обладает значительной спецификой и позволяет рассматривать общество и его конкретные проблемы, не прибегая постоянно к использованию философских абстракций. При этом становилось ясно, что социологические понятия могут быть переведены на операциональный уровень исследования и с помощью определенных систем показателей заложены в его инструментарий. Наиболее употребительными становились такие социологические категории, как социальная структура, социальные группы, социальные институты, социальные организации, социальный тип, личность, культура, социальное взаимодействие, социальные взаимосвязи и др. Работа с этими узловыми понятиями могла проводиться лишь социологами, представители других сфер общественного знания были не в состоянии ее осуществить.

В совокупности все это дало возможность впервые поставить вопрос о самостоятельности социологии как науки и необходимости ее институционализации в данном качестве. Однако такая ситуация никак не вписывалась в «прокрустово ложе» трех составных частей марксизма (философия диалектического и исторического материализма, марксистская политическая экономия, научный коммунизм). Кроме того, возникала другая, не менее серьезная угроза — получить не просто опасного в теоретическом отношении конкурента, а «вскормить на груди» социалистического общества змею, которая потом будет больно жалить своими укусами в его самые болезненные места, убедительно и конкретно показывая противоречия, недостатки и слабости социального организма.

Понятно поэтому, что сложившееся положение дел вызвало бешеное сопротивление противников социологии как особой самостоятельной науки и, в конце концов, привело к тому, что власть

предержащие идеологи объявили ее прикладной дисциплиной. По существу, это было силовое решение: сначала дать подискутировать, а потом объявить, что самостоятельной науки социологии нет и быть не может. В лучшем случае есть прикладные социологические исследования, которые, безусловно, важны и полезны, но не могут претендовать на статус полновесной социальной науки.

Что касается теоретических проблем, исследовавшихся социологией, то они были провозглашены «несоциологическими» по своему характеру, т. е. выходящими за пределы конкретных исследований. Эти проблемы пришлось передать в ведение философии, политэкономии либо научного коммунизма (в зависимости от их вектора и содержания). Так произошло искусственное разделение теоретической и эмпирической социологии, в результате чего возникла парадоксальная ситуация: теоретическая социология отныне существовала в рамках философской теории, которая теперь должна была базироваться на нефилософских (социологических) данных о состоянии конкретной социальной реальности.

Период конца 1960-х – начала 1970-х гг. явился, по характеристике Г. С. Батыгина, социологическим ренессансом для отечественной науки [Батыгин, 1998: 37]. В своих прежних работах [см. в первую очередь: Зборовский, 2004; Зборовский, 2007] мы также придерживались этой точки зрения.

Однако в свете новых трактовок истории отечественной социологии нам представляется более точной позиция Б. З. Докторова, согласно которой этот период должен быть определен не как возрождение российской социологии, а как ее второе рождение [Докторов, 2013: 115]. Более того, сроки периода второго рождения отечественной социологии он относит на десять лет назад, к рубежу 1950–1960-х гг. [Докторов, 2013: 133]. Каковы аргументы Б. З. Докторова в полемике с высказанной ранее в литературе точкой зрения?

Прежде всего, он полагает, что нецелесообразно говорить ни о преемственности, ни о возрождении отечественной социологии во второй половине прошлого столетия. Если преемственность отчасти и существовала, то имела лишь сугубо формальный, но ни в коем случае не содержательный характер. Что касается термина «возрождение», то он представляется Докторову «слишком неопределенным, не имеющим конкретного наполнения». Возрождение «предполагает осознанное соединение нового с тем, что было ранее, поиск в прошлом опыте стимулов для создания чего-то нового. Однако освоение советскими социологами достижений предшественников началось довольно поздно и было настолько слабым, что говорить о возрождении у нас нет никаких оснований» [Докторов, 2013: 117].

Важно подчеркнуть, что позиция Б. З. Докторова была поддержана большой группой известных отечественных социологов: Т. И. Заславской, Ж. Т. Тощенко, Н. И. Лапиным, В. А. Ядовым, Л. Г. Иониным, Ф. Э. Шереги и др.

Продолжая разговор об этом периоде, следует отметить, что, пожалуй, ни до, ни после него в границах советского общества не было такого удачного времени для развития социологии. В. Э. Шляпентох, переехав уже в США (в 1979 г.), назвал его «Золотые годы» советской социологии [Shlapentokh, 1987]. Конечно, этот период не стоит идеализировать. По-прежнему осуществлялся жесткий партийно-идеологический контроль за состоянием дел в социологической науке (более того, как будет показано дальше, в ряде случаев он ужесточался); по-прежнему ей отказывалось в праве быть самостоятельной наукой; по-прежнему в стране не создавалось никаких предпосылок для появления социологического образования и подготовки профессиональных социологов; по-прежнему не получила права гражданства профессия социолога.

Однако появились важные симптомы дальнейшей институционализации социологии и ее развития. Среди свидетельств этого процесса в первую очередь следует назвать появление первого в стране специализированного академического научно-исследовательского института.

В 1968 г. был создан Институт конкретных социологических исследований (ИКСИ АН СССР), первым директором которого стал академик А. М. Румянцев, бывший в то время вице-президентом Академии наук СССР. Появление института и его первые шаги (исследования, публикации), создание благоприятной научной атмосферы, привлечение к работе института лучших социологических сил страны, дух дискуссий и исследовательского поиска – все это придавало деятельности нового научного учреждения особый имидж. Его не могли омрачить даже неблагоприятные на первых порах бытовые условия: институт в начале своего существования ютился в подвальном помещении дома (по этому поводу в то время ходили мрачные шутки относительно того, что не успела социология утвердиться, как ее уже загнали в подполье), там было всегда очень жарко, поскольку вдоль стен находились трубы парового отопления и горячего водоснабжения.

В течение первого года работы научными сотрудниками института, помимо плановых академических исследований, было проведено около 20 опросов по заданию различных партийных органов. Другими словами, он сразу зарекомендовал себя как серьезное и эффективно работающее научное подразделение. В институте издавался «Информационный бюллетень» (ротапринтное издание), в котором публиковались научные проекты и результаты теорети-

ческих и эмпирических исследований. И хотя тираж его составлял всего 980 экз. (для такой страны, как Советский Союз, это было мало), роль бюллетеня трудно переоценить. Если же учесть, что часть книжек (бюллетеней) рассылалась членам Советской социологической ассоциации по всей стране (притом бесплатно), то можно понять, какую важную роль играло это издание, знакомящее социологическую общественность с важнейшими результатами научных поисков. В то время выходила серия книг малого формата под рубрикой «О чем думают, над чем работают советские философы» (серию открыла книга И. С. Кона «Социология личности»). Выпуски «Информационного бюллетеня», вероятно, могли бы идти под рубрикой «О чем думают, над чем работают советские социологи».

В самом ИКСИ появилась своя аспирантура, готовившая молодое поколение социологов (к началу 1970 г. в ней училось в различных формах около 80 человек из многих республик страны). Филиал института был создан в Ленинграде (позднее и в некоторых других городах). В 1970 г. в составе ИКСИ организовался Центр изучения общественного мнения во главе с Б. А. Грушиным, однако он успел провести только три всесоюзных опроса, поскольку в 1972 г. был ликвидирован.

Процесс институционализации социологии в конце 1960-х – начале 1970-х гг. вышел за пределы Москвы и охватил многие республики и крупные области. В ряде академических институтов страны были созданы социологические отделы. Так, в Ленинграде это был Институт социально-экономических проблем, в Свердловске – Институт экономики, в Новосибирске – Институт экономики и организации промышленного производства. Социологические структуры (отделы, секторы, лаборатории) появились в некоторых союзных республиках: на Украине, в Белоруссии, Литве, Эстонии, Грузии, Армении.

Не осталась в стороне от процесса институционализации и вузовская наука. В Ленинградском университете был учрежден Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ). Продолжился процесс создания вузовских (в основном университетских) социологических лабораторий.

На состояние и развитие социологии в стране повлияло участие довольно представительной группы советских ученых в работе VII Всемирного социологического конгресса в Варне осенью 1970 г. Если в деятельности предшествующих конгрессов участвовали очень ограниченные по составу делегации (так, на IV конгрессе в Милане в делегации отечественных социологов было всего 11 человек), то в Варне присутствовало уже 270 социологов из СССР (всего же делегатов было около 4 тыс. человек). Некоторые

из них (увы, далеко не все – из-за слабой языковой подготовки, поскольку у конгресса было два рабочих языка – английский и французский) выступили с докладами и участвовали в дискуссии.

Наряду с глубоко позитивными явлениями, свидетельствовавшими о развитии отечественной социологии, в этот период появились и достаточно угрожающие симптомы партийно-идеологического нажима, давления и наступления реакции. Первые удары были нанесены по ИКСИ, который представлялся партийным органам (самых разных уровней) все больше и больше эдаким рассадником либерализма и чужеродных марксизму и социализму идей. Еще одной причиной идеологического наступления партократии явился назревавший конфликт между ИКСИ (в виде отчетов научных сотрудников об исследованиях и публикаций их результатов) и ведомствами, курирующими социальную сферу под руководством КПСС. Последние сигнализировали о полном благополучии и прогрессе в названной сфере, тогда как данные социологов, мягко говоря, не совпадали с этой эйфорией. Наконец, нельзя не добавить такую причину, как события в Чехословакии 1968 г., и очень неоднозначную реакцию на них среди интеллектуального «бомонда», в том числе и социологического.

Поводом для наступления на ИКСИ и в целом на социологическую науку явилась публикация «Лекций по социологии» Ю. А. Левады в 1969 г. [Левада, 1969]. Небольшое двухтомное ротاپринтное издание тиражом 980 экземпляров представляло собой конспективное изложение лекций, которые он читал для студентов факультета журналистики МГУ в течение нескольких лет. По существу это был едва ли не первый (или один из первых) публично прочитанный лекционный курс по дисциплине, которая не была конституирована в вузе и по которой, совершенно очевидно, не было ни учебников, ни учебных пособий. Курс читался как факультативный и пользовался большим успехом у студентов. На лекции ходили не только будущие журналисты, но и студенты других факультетов, причем многие из простого любопытства, для того чтобы узнать, что это такое – социология.

Совершенно очевидно, что в условиях отсутствия отечественной учебной литературы по социологии Ю. А. Левада использовал материалы зарубежных социологических изданий, чем навлек гнев философской партократии (ее интересы тогда представляли в первую очередь академики Ф. В. Константинов и П. Н. Федосеев). Но дело было не только в «некритическом» использовании зарубежной социологии. От «Лекций...» веяло духом социологического свободомыслия, а это уже становилось слишком опасным. Кроме того, книга была абсолютно не «истматовской». Обсуждение и осуждение Ю. А. Левады было бурным, показало, в числе

прочих вещей, наличие раскола среди социологов, одни из которых поддерживали автора курса лекций (явно и неявно), другие – осудили, третьи предпочли отмолчаться. В результате ученого «примерно» наказали, объявив ему по партийной линии строгий выбор с занесением в учетную карточку, освободив от должности секретаря парторганизации, которую он занимал в ИКСИ, по существу сняв с работы и лишив права читать лекции в качестве профессора в МГУ.

Вслед за книгой Ю. А. Левады резкой критике подверглась еще одна социологическая работа, вышедшая в 1970 г. под редакцией и со вступительной статьей Г. В. Осипова, – «Моделирование социальных процессов». В ней доказывалась необходимость признания самостоятельности социологии как науки. Осуждение было не столь громким, как предшествующее, но явилось непосредственным поводом для фронтальной проверки работы ИКСИ мощной партийной комиссией с четкой установкой – разгромить очаг социологического свободомыслия и либерализма и снять с работы главного социологического «либерала» – директора института академика А. М. Румянцева. За короткий промежуток времени – 2 месяца – цель была достигнута.

В мае 1972 г. А. М. Румянцев был отстранен от руководства институтом. Должность директора занял приглашенный из Свердловска М. Н. Руткевич. Изменилось название института: вместо ИКСИ появился ИСИ (Институт социологических исследований АН СССР). Были освобождены от работы либо уволились по собственному желанию (в силу невозможности сотрудничать с новым руководством) ведущие ученые института: Ф. М. Бурлацкий, Б. А. Грушин, И. С. Кон, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, В. С. Ольшанский, В. Н. Шубкин, В. А. Ядов и др. Произошла реорганизация института, ряд научных подразделений был упразднен. Изменилась научная проблематика исследований. В институте стало невозможно публиковать работы. Было запрещено издание «Информационного бюллетеня ССА». Так закончился период второго рождения отечественной социологии и наступил, по образному выражению В. Э. Шляпентоха, «век серости», который продолжался вплоть до второй половины 1980-х гг. Завершилась «оттепель» и наступило «социологическое похолодание».

Для того чтобы активно влиять на процессы, происходящие в социологии, как можно больше идеологизировать ее, «встроить» во власть наиболее органично, стала создаваться так называемая партийная социология. Поскольку социологию больше нельзя было запрещать (ей и так сравнительно недавно была «дарована» свобода и возможность реально существовать), нужно было научиться как следует ею управлять. Это означало, в первую очередь, умение

ее приручать, обуздывать и, главное, удерживать от стремлений к социальным преобразованиям радикальной направленности. Ситуация привела не только к усилению взаимодействия партии и социологии, но и к их взаимопроникновению (разумеется, в допустимых пределах), результатом которого и стала партийная социология.

Работники партийного аппарата, причем не только центрального, но и на местах, особенно в республиканских и областных центрах, стали стремиться активно публиковаться, защищать кандидатские диссертации, выступать с докладами на конференциях, последовательно проводя в социологии и «от имени социологии» линию партии и правительства. Это привело к тому, что, как писал Б. М. Фирсов, «внешне обоснованная и даже полезная акция (сблизить науку с высшими целями управления и развития государства и общества) обернулась селекцией ученых, которым эту акцию можно было доверить. Так появились социологи “первого” и “второго” сорта. В этом искусственном разделении ученых главную роль играло мнение партийного аппарата, а не талант, ум, научные заслуги, авторитет ученого в глазах научного сообщества. В итоге социология как наука принудительно стала служить более узким интересам, связанным главным образом с целями КПСС. Предметное поле исследований постепенно сжималось» [Фирсов, 2012: 114].

Создание партийной социологии нанесло один из сильнейших ударов по свободе социологической мысли и, как следствие, резко ограничило возможности развивать научное социологическое знание на основе проводящихся исследований. Т. И. Заславская определила возникшую ситуацию предельно четко и одной фразой: «Если нет свободы, естественно, система социологического знания коллапсирует» [Российская социологическая традиция..., 1994: 72].

Правда, формировалась сила, пытавшаяся противостоять этому процессу. Ею была интеллигенция. По мнению Б. М. Фирсова, «интеллигенция страны помогала разными способами формировать масштабный социальный запрос на социологическое знание и в отличие от власти поддерживала этот запрос, спасая социологию от опасностей и трагизма общественной невостребованности» [Фирсов, 2012: 104]. Но ее возможности были весьма ограниченными и несопоставимыми с властью партии.

4. Социология в СССР в период застоя и перехода к перестройке

На состоянии социологии не мог не сказаться общий дух периода застоя в экономике, политике, идеологии. Науке с большим трудом приходилось преодолевать сопротивление командно-административной системы. Партийно-бюрократическому аппарату социология если и была нужна, то только лишь как инструмент апологетики его деятельности. Поэтому со стороны аппарата постоянно чинились препятствия талантливому ученому, выводы ряда интересных исследований не публиковались вследствие остроты анализируемых проблем. Некоторые социологи подвергались гонениям, отдельные ученые вынуждены были уехать за границу.

Командно-административный стиль деятельности партийно-государственной машины и подавляющего большинства ее представителей не миновал и социологию. Если в период застоя она как-то и развивалась (далее будут показаны ее реальные достижения), то происходило это не благодаря партийной «заботе» о прогрессе науки, а вопреки ей. Таким образом, имеет смысл говорить о противоречивом характере состояния социологической науки в период застоя. По большому счету, диалог с властью отсутствовал, поскольку она не нуждалась в социологических исследованиях и социологической экспертизе.

В докладе, который делала академик Т. И. Заславская в декабре 1986 г. на отчетно-выборной конференции Советской социологической ассоциации, был показан низкий статус социологии как науки в условиях застоя. Деятельность социологов подвергалась критике за отсутствие смелости, гражданского мужества, готовности отстаивать собственную позицию. Общий вывод состоял в том, что социология занимает не авангардные, а, наоборот, арьергардные позиции. Как злободневно это звучит сегодня!

Ситуация в отечественной социологии 1970–1980-х гг. определялась рядом особенностей. Во-первых, резко усилилось социологическое мифотворчество, которое по существу носило заказной характер. Оно было направлено на апологику тех сторон жизнедеятельности общества, которые в реальности отсутствовали: усиление социальной однородности общества, сближение классов и социальных групп, образование новой исторической и социальной общности – «советский народ», гармонизация национальных отношений, движение за коммунистический труд, единодушное одобрение партийных решений и т. д. Будучи изобретенными не социологами, а представителями таких общественных наук, как философия и особенно научный коммунизм, эти мифы должны были получить социологическое обоснование, причем с помощью результатов кон-

кретных исследований. Таким был социальный заказ партийно-государственного аппарата, и социология «отрабатывала» оказанное ей доверие.

Социологические исследования были призваны идеологически обеспечить правдивость мифа о стабильности и процветании советской системы и общества развитого социализма, тогда как на самом деле уже давно начались их застой, стагнация и даже гниение. Об этом свидетельствовало много обстоятельств, которые социологам были хорошо видны. Среди них – развитие теневой экономики, коррумпированность чиновничьего партийно-государственного аппарата, растущая криминализация общества, резкое падение стимулов к труду в условиях всеобщей уравниловки, имитация деятельности и активности вместо реальной деятельности и активности и т. д.

Во-вторых, несмотря на растущее стремление социологии и социологов доказать свою полезность и необходимость для общества и его конкретных структур, снижается уровень востребованности как теоретической, так эмпирической (в том числе и прикладной) социологии. Оптимальным становится использование отдельных данных социологических исследований в докладах и отчетах власть предержащих для иллюстрации каких-либо положений, чаще всего позитивно характеризующих общественное развитие в условиях социализма.

В-третьих, многочисленные попытки доказать необходимость профессиональной и образовательной институционализации социологической науки за счет введения профессии и должности социолога на предприятиях и в учреждениях и введения профессионального социологического образования постоянно наталкивались на ожесточенное сопротивление со стороны людей, противодействовавших признанию самостоятельности социологической науки. Ибо эти стороны дела – ее самостоятельность, профессиональное социологическое образование и официальное признание профессии социолога, т. е. то, что в совокупности составляет костяк институционализации, – тесно связаны между собой, и допустить одно означало бы, так или иначе, допустить другое. Было гораздо спокойнее оставить за социологией лишь проведение эмпирических и прикладных исследований.

Однако в таком случае препятствием для признания самостоятельности социологии становился низкий уровень социологической науки и практики, ощущавшийся все сильнее и сильнее. Другими словами, социология оказывалась в роли «голового короля», у которого не было достойной свиты, его «играющей». «Свита», строго говоря, существовала в виде большого количества социологов-дилетантов, не получивших необходимого профессиональ-

ного образования. Но эта «свита» оказывалась не той, которая должна быть у настоящего «короля».

В-четвертых, в 1970–1980-х гг. определенным образом снизилась (в сравнении с периодом 1960-х гг.) научная и социальная активность многих ведущих социологов страны (что, впрочем, никак не сказалось на их высоком статусе), которые в условиях сжатия политико-идеологических тисков вынуждены были зачастую работать «в стол», ожидая наступления иных, лучших времен. Этому в значительной степени способствовала обстановка в Институте социологических исследований АН СССР.

Ее никак нельзя было назвать творческой – ни в 1970-е, ни в 1980-х годах, несмотря на смену трех директоров института (М. Н. Руткевич, Т. В. Рябушкин, В. Н. Иванов). Проводя предельно жесткими методами политику партийно-идеологического аппарата (что привело к дальнейшему увольнению ряда сотрудников), Руткевич сам вступил в конфликт организационного характера с людьми, возглавлявшими АН СССР (прежде всего, с академиком П. Н. Федосеевым), и был отстранен от руководства институтом в 1976 г.

Однако коренного изменения ситуации в лучшую сторону, создания атмосферы творчества в ИСИ не произошло. Идеологическая линия ЦК КПСС проводилась последовательно и неуклонно. В конечном итоге все это привело к сокращению количества эмпирических исследований и снижению их качества, сохранению обстановки запуганности и профессиональной деморализации.

В-пятых, сузились возможности теоретической конфронтации (или дискуссий) социологии с философскими и научно-коммунистическими теориями, основанными на материалистическом понимании истории и признании решающей роли материального производства и экономических отношений в развитии общества. Несмотря на то что были предприняты попытки теоретического сочетания структурного, деятельностного и гуманистического аспектов в трактовке общества (а это позволило больше, чем раньше, учитывать роль субъекта социального творчества), принципиально ситуация не изменилась. Сохранилась логика философского, точнее говоря, историко-материалистического подхода, исходным пунктом которого оставался анализ способа производства, на который на-слаивалась характеристика всех остальных сфер жизни общества – социальной, политической, духовной, бытовой и т. д. Социологии в этой аналитической ситуации по-прежнему отводилась роль источника лишь эмпирического либо прикладного знания.

В-шестых, отношение к зарубежной социологии по-прежнему определялось официальными партийными установками на продолжение и усиление идеологической борьбы с ней. Последняя была

направлена в значительной степени против использования достижений мировой теоретической социологии, которые, по существу, игнорировались и замалчивались. В то время как мировая социология переходила на новую модель теоретического анализа, связанного с разработкой ряда парадигм и исследований тех или иных проблем в рамках каждой из них, представители отечественной социологии не использовали даже этого понятия. Парадигмальный подход как таковой появился в отечественной социологии значительно позже, в 1990-х гг.

В-седьмых, в отношениях между социологией и властью господствовала полная подчиненность науки партийному и государственному руководству и зависимость от него. В этой связи представляют интерес суждения Б. М. Фирсова о конфронтации двух типов развития социологии в нашей стране в послевоенный период (вплоть до 1980 г.) – естественного и подконтрольного (несвободного, разрешительного, регламентированного сверху). По его мнению, у нас господствовала неестественная форма управления социологией, знаменовавшая собой полную зависимость ученых и администраторов науки от институтов власти, прежде всего партийной и государственной [Фирсов, 2012: 432].

Вместе с тем, говоря о состоянии отечественной социологии в 1970–1980-х гг., необходимо отметить ее достижения – как институционального, так и содержательного и исследовательского характера. Несмотря на идеологический нажим (точнее сказать, зажим), авторитарные методы, давление, которое партийный аппарат оказывал постоянно на социологию, ее популярность в обществе росла. Все большее количество регионов, областей и городов давали ей «приют». Защищались диссертации – кандидатские и докторские, хотя социологических наук в качестве официально конституированных до начала 1990-х гг. не существовало. Будущие обладатели ученых степеней писали и защищали работы, выполненные на социологическом материале, в основном по философским (чаще всего либо по диалектическому и историческому материализму, либо по научному коммунизму), изредка по экономическим наукам.

Большую роль в развитии отечественной социологии сыграл журнал «Социологические исследования», учрежденный АН СССР. Его первый номер вышел в свет в 1974 г. С начала работы издания по 1986 г. его главным редактором был А. Г. Харчев. Долгое время (почти до конца 1980-х гг.) журнал оставался единственным периодическим социологическим изданием. Журнал работал в очень сложных условиях идеологического прессинга, тем не менее сумел сохранить свое относительно независимое научное лицо и обеспечить достаточно высокий профессиональный уровень публикуемых материалов.

Возникли, утвердились и развивались региональные отделения Советской социологической ассоциации (в Центре, на Северо-Западе, в Поволжье, на Северном Кавказе, Урале, Сибири, Дальнем Востоке и, конечно же, во всех союзных республиках). В самой ассоциации появились исследовательские комитеты по многим направлениям социологических исследований, которые возглавлялись, как правило, авторитетными учеными. Региональные отделения и исследовательские комитеты сыграли значительную роль в популяризации социологии, особенно там, где было мало вузов и не существовало академических структур (институтов, отделов, секторов, лабораторий) с социологическим уклоном. Они участвовали в подготовке и проведении конференций и семинаров (вместе с партийными и государственными структурами, а также с вузами и академическими учреждениями), издании социологической литературы.

Именно в период застоя приобрела популярность так называемая «заводская», или промышленная, социология. Практическая потребность в ней стала ощущаться уже в 1960-х гг. Начали проводиться социологические исследования на предприятиях. Их организацией занимались, как правило, инженерно-технические работники различных служб и отделов предприятий, выразившие интерес к этому виду деятельности. На различных курсах (чаще всего очно-заочных), семинарах, в университетах марксизма-ленинизма они получали социологические знания, которые должны были помочь им в проведении исследований. Занятия проводили работники академических структур и вузовские преподаватели, начавшие сами заниматься социологией на несколько лет раньше.

Дело в том, что первые поколения отечественных социологов не имели специального профессионального образования, которое появилось в стране только в конце 1980-х гг. Подавляющее большинство профессоров и доцентов, ведущих преподавание социологии как общенаучной социогуманитарной дисциплины и осуществляющих профессиональную подготовку кадров социологов, не имеют его и сегодня.

Вернемся, однако, к заводским социологам. Количество их росло достаточно быстро. Некоторые наиболее дальновидные руководители промышленных предприятий с пониманием относились к этим работникам, создавая для них благоприятные условия деятельности, выделяя ставки, предоставляя необходимое помещение и оборудование. Отдельным социологам выделялись даже квартиры. Нам известен случай, когда социологу одного из крупных челябинских предприятий была предоставлена четырехкомнатная квартира, и это в начале 1970-х гг.!

На предприятиях создавались социологические бюро, лаборатории, отделы и даже службы. Представители заводской социологии стали защищать диссертации. Это продолжалось вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х гг., пока не начался настоящий разгром промышленной социологии, но уже не по идеологическим, а по экономическим и финансовым соображениям. Все оказалось предельно просто: как только промышленные предприятия стали «заваливаться», а затем и «валиться», первыми, кого стали увольнять, были социологи. Ликвидировались целиком структуры, насчитывавшие в своем составе не только 3–5 человек, но 10, 15 и даже – на крупных предприятиях – 25 социологов.

Можно по-разному оценивать такую ситуацию: и как невысокий уровень работы социологов, их невостребованность на заводах, и как недопонимание роли социологии руководством предприятий, и как следствие отношения к этой науке в стране, но факт остается фактом: заводская социология была подрублена под корень и, по существу, прекратилась. Осталась очень небольшая группа специалистов, как правило руководителей социологических служб, которым предлагалось не увольняться с предприятий, а занять какие-либо иные должности.

В содержательном отношении период 1970–1980-х гг. был отмечен появлением ряда интересных и значимых работ, изданных как в Москве и Ленинграде, так и в отдельных регионах, прежде всего в Западной Сибири и на Урале. Несмотря на стремление партийно-идеологического аппарата запретить либо существенно ограничить развитие теоретических и методологических исследований в социологии, ее наиболее видные представители в стране не могли лишиться себя возможности работать в этой области. В первую очередь это касается работ В. А. Ядова, посвященных методологии и методике социологического исследования и развитию диспозиционной концепции социального поведения личности, Б. А. Грушина о проблемах массового сознания, Т. А. Заславской о методологии системного анализа сельских регионов, А. Г. Здравомыслова об изучении структуры личности, И. С. Кона о самосознании личности, Г. В. Осипова о развитии социологических исследований в стране, В. Н. Шубкина о проблемах молодежи и др. [Ядов, 1972; Ядов, 1987; Саморегуляция..., 1979; Заславская, 1975; Социально-демографическое развитие..., 1980; Здравомыслов, 1986; Кон, 1984; Осипов, 1979; Шубкин, 1979].

В качестве примера наиболее значительных теоретических достижений отечественной социологии этого периода охарактеризуем диспозиционную теорию саморегуляции поведения личности В. А. Ядова, раскрытую им в двух работах второй половины 1970-х гг. [См.: Ядов, 1975; Саморегуляция..., 1979]. В соответствии

с этой теорией существует три уровня диспозиций (диспозиция – элемент структуры личности, занимающий одно из центральных мест в ее внутреннем мире и означающий predisposed к определенному поведению в конкретных условиях, возможность осуществить выбор деятельности).

На самом нижнем уровне происходит формирование установок элементарного, ситуационного характера, связанного с саморегуляцией поведения в условиях удовлетворения витальных потребностей. На среднем уровне саморегуляция осуществляется в виде формирования обобщенной установки личности на социальные объекты. Здесь речь идет об удовлетворении социальных потребностей, связанных с включением индивида в различные социальные группы, а также формы и виды общественной деятельности (профессиональной, семейной, политической, досуговой и др.). При этом сама социальная установка проявляется на трех уровнях – эмоциональном (оценочном), когнитивном, поведенческом. Наконец, третий, самый высший уровень диспозиций означает формирование у личности концепции жизни и ее воплощение в ценностных ориентациях. Здесь нужно иметь в виду удовлетворение самых существенных потребностей человека, связанных с высшими целями его жизнедеятельности. По мнению В. А. Ядова, именно этот уровень диспозиций оказывается главным в регулировании поступков и действий, всего поведения человека в целом.

Что дает диспозиционная теория саморегуляции социального поведения? Структурируя внутренний мир личности, она позволяет, прежде всего, понять и объяснить механизм ее социального поведения в разных условиях функционирования и развития, начиная от ситуативных и кончая стратегическими. В одних условиях человек руководствуется элементарными установками, в других начинают «включаться» и «работать» базовые социальные установки, наконец, возникают предпосылки для фундаментальных установок. Как отмечает В. А. Ядов, важнейшей функцией диспозиционного механизма структуры личности является «психическая регуляция социальной деятельности, социального поведения личности» [Ядов, 1975: 97].

В изложенной выше теории структурные элементы личности, несмотря на то что касаются ее внутреннего мира, оказываются тесно связанными с социальными условиями, средой личности, наконец с обществом в целом. Установки, диспозиции, ценностные ориентации рассматриваются не сами по себе, а в единстве с деятельностью, в которой они реализуются, с потребностями, которые они отражают. Таким образом, диспозиционный механизм, если его рассматривать «по Ядову», выводит структуру внутреннего мира личности на ее поведенческие и деятельностные характеристики.

Ограничения, наложенные партийным и идеологическим руководством в области развития теоретической социологии, привели к определенной реакции на них, – развитию теории в отраслевых социологиях. Следует назвать хотя бы некоторые из них, которые активно развивались в этот период: промышленная социология, социология социальной структуры, социология культуры, социология молодежи (включая студенчество), социология управления, социология образования, социология свободного времени и др. Составлялись планы социального развития промышленных предприятий, городов, районов, областей. Разрабатывались проблемы методологии, методики и техники социальных (социологических) исследований.

Большой интерес вызывали исследования и публикации, выполненные в рамках изучения труда, промышленного и сельскохозяйственного производства, социальной структуры общества, рабочего класса, интеллигенции, города, села, образования, культуры, молодежи, рабочего и вне рабочего (в том числе свободного) времени, образа жизни, общественного мнения, средств массовой информации и пропаганды, семьи, личности и др. Много внимания уделялось анализу проблем в области методологии, методики, техники и процедуры социологического изучения проблем. Имели важное значение для развития отечественной науки исследования и работы в области истории социологии, прежде всего зарубежной.

В рассматриваемый период появился ряд значительных работ в области использования математических методов в социологии [Математическое моделирование..., 1977; Математико-статистические методы..., 1980; Математические методы..., 1981; Математические методы анализа..., 1989].

В связи с названными выше направлениями исследований нельзя не отметить работы, выполненные в период 1960–1980-х гг. Н. А. Аитовым, Г. М. Андреевой, Ю. В. Арутюняном, Г. С. Батыгиным, И. В. Бестужевым-Лапой, А. В. Винокур, Ю. Е. Волковым, Ю. П. Вороновым, Д. М. Гвишиани, В. И. Герчиковым, Я. И. Гилинским, И. А. Голосенко, В. Б. Голофастом, Л. А. Гордоном, Г. П. Давидюком, Ю. Н. Давыдовым, А. В. Дмитриевым, Б. З. Докторовым, Т. М. Дридзе, А. К. Зайцевым, В. Н. Ивановым, Л. Г. Иониным, В. Ж. Келле, Э. В. Клоповым, Л. Н. Коганом, В. В. Колбановским, Д. Л. Константиновским, А. П. Куприяном, Н. И. Лапиным, Ю. А. Левадой, И. Т. Левыкиным, А. А. Матуленисом, Н. Ф. Наумовой, В. Б. Ольшанским, В. И. Паниотто, В. Д. Патрушевым, В. Г. Подмарковым, А. И. Пригожиным, В. О. Рукавишниковым, М. Н. Руткевичем, Р. В. Рывкиной, Г. И. Саганенко, М. Х. Титмой, Ж. Т. Тощенко, Б. Ц. Урланисом, З. И. Файнбургом, Ф. Р. Филипповым, Б. М. Фирсовым, Б. А. Чагиным, И. И. Чангли, О. И. Шкаратаном, В. Э. Шляпентохом и др.

Приведенный далеко не полный перечень имен заставляет задуматься не только (и даже не столько) о роли каждого из них в развитии отечественной социологии, но и о поколениях ученых, с которыми было связано ее второе рождение, а затем и развитие. Эта проблема не является новой и неоднократно рассматривалась отечественными авторами. Так, В. В. Семенова на основе такого критерия, как субъективная самопрезентация социологов, выделила четыре их поколения: околовоеенное, доперестроечное, переходного периода и постпереломное [Семенова, 2004: 157–170]. А. Г. Здравомыслов выделял два поколения: социологов-«шестидесятников» и тех, кто примерно на 20 лет моложе [Здравомыслов, 2006: 2–10]. Л. А. Козлова писала о трех поколениях, отличавшихся периодами рождения, – старшем (вторая половина 1920-х – 1930-е гг.), среднем (1940–1960-е гг.), младшем (1970 г. и позже). В первом поколении она выделяла два пласта – «шестидесятников», представлявших исследовательское крыло российской социологии, и тех, кто составлял идеологическое крыло, т. е. социологов партийно-идеологического направления. Во втором поколении она выделяла старших, средних и младших, в третьем – старших и младших. Другими словами, здесь основным был возрастной критерий [Козлова, 2010].

По нашему мнению, наиболее глубокий анализ «лестницы поколений российских социологов» дал Б. З. Докторов [см. подробно: Докторов, 2013: 135–161]. Прежде всего, сошлемся на понятие поколения социологов, предложенное Докторовым. Под ним он понимает достаточно однородную по возрасту группу ученых, удовлетворяющую двум условиям: 1) их первичная социализация происходила в сходных исторических и социально-политических обстоятельствах; 2) их вхождение в социологию происходило в рамках одной и той же фазы развития отечественной социологии [Докторов, 2013: 136–137].

Базовым принципом построения системы поколений социологов у Докторова (на основании проведенных интервью с отечественными социологами) стала равная временная продолжительность каждого из них. В результате поиска алгоритма и использования целого ряда процедур расчета была найдена оптимальная «длина» поколения – 12 лет. Затем она была «привязана» к жизненным траекториям социологов, связанным с датами их рождения и включением в деятельность социологического сообщества. Определялся также центр интервала рождения поколения. Каждое поколение получило свое социально-хронологическое название. Все это нашло отражение в специальной таблице «Лестница поколений в постхрущевской российской социологии» [Докторов, 2013: 141]. В ней представлены 8 поколений: «шестидесятники» (первая волна) – 1923–1934 гг. рождения; «шестидесятники» (вторая волна) –

последние годы 1920-х – 1934; военное – 1935–1946; первое послевоенное – 1947–1958; постоттепельное – 1959–1970; предперестроечное (годы застоя) – 1971–1982; дети перестройки – 1983–1994; первое поколение постсоветской России – 1995–2006.

«В чем эвристическая сила и аналитическое удобство поколенческого подхода? Скорее всего, в том, что он позволяет рассматривать влияние эпохи, социального времени на группы социологов; становится понятнее, что прорывы в науке делаются единицами, а сама наука – поколениями» [Докторов, 2013: 150–151]. Благодаря поколенческому подходу мы можем обнаружить не только единство социологического сообщества, но и его внутреннюю дифференциацию в отношении и к научной проблематике, и к тому, что происходит в обществе, и к власти, точнее, взаимодействию с ней.

По мнению Докторова, при конструировании «лестницы» (2006–2007 гг.) и в первые последующие годы, пока количество проведенных интервью оставалось относительно небольшим, рано было говорить об эвристичности поколенческого расслоения сообщества социологов. В первые пять лет исследования (2005–2009 гг.) было проведено лишь 26 интервью, причем основная масса собеседников Докторова представляла два первых поколения, социализация которых проходила в одно и то же время.

И лишь в 2010–2011 гг., когда количество респондентов достигло 40, открылись возможности для межпоколенческого и внутрипоколенческого изучения биографий и деятельности социологов в рамках целостного историко-социологического проекта. Причем все направления таких поисков априори могли быть лишь намечены, но в большей степени они были «подсказаны» эмпирией, т. е. содержанием интервью. Вместе с тем, и сейчас Докторов не переоценивает познавательную силу поколенческого подхода, полагая, что его возможности и границы могут быть точнее выявлены лишь по мере накопления данных, увеличения числа изучаемых профессиональных когорт и расширения перечня аналитических задач.

Поколенческий подход позволяет также сравнить, сопоставить авангардные группы исследователей и социологов, занятых в партийно-идеологическом направлении деятельности. Количество последних увеличивалось от поколения к поколению в связи с ростом интереса к занятиям социологией. В партийном и государственном аппарате становилось все больше кандидатов и даже докторов наук, защищавших или подготавливавших диссертации социологической направленности.

Благодаря поколенческому подходу появляется возможность рассмотреть проблему преемственности «внутри» отечественной социологии. Зачастую ситуация преемственности выступает как

вовлечение новых, чаще всего молодых (хотя это не является главным и обязательным требованием) людей в социологическую науку и передача им уже имеющихся знаний, умений, навыков, опыта со стороны лидеров поколений, как правило первого и второго.

Другими словами, поколенческий подход становится межпоколенческим. «То обстоятельство, — пишет Б. Докторов, — что за решение новых задач принимаются молодые специалисты одного возраста, с одной стороны, создает предпосылки для формирования групп ученых, которые потом в течение многих лет будут исследовать эту проблему. С другой стороны, именно это обстоятельство создает условия для возникновения внутригрупповых и внутрипоколенческих лидеров. Таким образом, отдельные ученые обгоняют свое “профессиональное” поколение» [Докторов, 2013: 151].

На второй этап развития отечественной социологии, рассматриваемый в данной главе, падает активная деятельность первых трех поколений (отчасти и четвертого), все остальные получили возможность проявить себя уже в условиях перестройки и последующего за ней развития общества, т. е. третьего этапа. В этом смысле Б. Докторов верно отмечает, что представители первых трех и преобладающей части четвертого поколения сначала были советскими социологами, а затем — после 1991 г. — стали российскими, остальные — уже изначально были «чисто» российскими.

Обратим внимание читателя, что в нашей книге не представлены содержательные характеристики упомянутых поколений отечественных социологов. Подробно они рассматриваются в названном выше и иных трудах Б. З. Докторова, в первую очередь в трехтомном электронном издании его интервью с более чем 50 социологами России [Докторов, 2013б]. Следует особо подчеркнуть проводимую Б. З. Докторовым многолетнюю, поистине гигантскую работу на основе успешно примененного им историко-биографического метода, причем он последовательно продолжает начатый более 10 лет назад процесс изучения «поколенческой» проблематики. Исследователем представлена впечатляющая характеристика первых пяти (из восьми названных) поколений отечественных социологов. Насколько нам известно от самого автора, он приступил к анализу шестого, предперестроечного поколения социологов, родившихся в годы застоя (1971–1982). По существу, создается новый вариант истории отечественной социологии, значительно отличающийся от имеющихся в нашей литературе ее исследований.

Этот вариант имеет для нас особое значение в русле той проблемы, которая была обозначена изначально как роль социологии в приближении и становлении гражданского общества в России. Глубинные интервью, взятые Б. Докторовым у представителей пяти

(пока) поколений, помогают нам понять бывшие, настоящие и будущие возможности отечественных социологов в процессе борьбы за становление гражданского общества в нашей стране.

Все сказанное выше о советской социологии позволяет сделать вывод о том, что в ней к середине – второй половине 1980-х гг. сформировались необходимые предпосылки для перехода к новому этапу развития отечественной социологической науки. Начал осуществляться плавный к нему переход. Рассмотрению нового, современного этапа посвящается следующая глава книги.

Литература

Андреев В. Костромской текстильщик и его бюджет. – Кострома, 1925.

Андреев Н. Н. К вопросу о понимании закономерности в истории: социологический этюд. – М. ; Л., 1925.

Батыгин Г. С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 1998.

Беляева Л. А. Эмпирическая социология в России и в Восточной Европе. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. – Пг., 1921.

Бухарин Н. И. Теория исторического материализма : популярный учебник марксистской социологии. – М., 1921.

Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–1923 гг. – М. ; Л., 1924.

Вольфсон С. Я. Социология брака и семьи. – Минск, 1929.

Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. – М. : Онега, 1995.

Грушин Б. А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. – М. : Политиздат, 1987.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. – М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (ч. 1). – М. : Прогресс-Традиция, 2003.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (ч. 2). – М. : Прогресс-Традиция, 2006.

Докторов Б. З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013а.

Докторов Б. З. Современная российская социология: историко-биографические поиски : в 3 т. [Электронное издание]. – М. : ЦСПиМ, 2013б.

Заславская Т. И. К методологии системного изучения деревни // Социологические исследования. – 1975. – № 3.

Заславская Т. И. Народ безмолвствует? // Огонек. – 1988. – № 41.

Заславская Т. И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. – М. : ВЦИОМ : МВШСЭН, 1997.

Заславская Т. И. Избранное : в 3 т. – Т. 3 : Моя жизнь: воспоминания и размышления. – М. : Экономика, 2007.

Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология педагогического образования. – Екатеринбург ; Сургут : СурГПУ : Гуманитарный университет, 2011.

Зборовский Г. Е. История социологии. – М. : Гардарики, 2004.

Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования. – М. : Гардарики, 2005.

Зборовский Г. Е. Теоретическая социология в XX – начале XXI века. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2007.

Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. – М. : Политиздат, 1986.

Здравомыслов А. Г. «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. – 2006. – № 5.

Здравомыслов А. Г. Социология: теория, история, практика. – М. : Наука, 2008.

Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. – М. : Логос, 2010.

Кабо Е. О. Очерки рабочего быта. – М., 1928.

Каценбоген С. З. Марксизм и социология. – Саратов, 1926.

Коган Б. Б., Лебединский М. С. Быт рабочей молодежи: по материалам анкетного обследования. – М., 1929.

Козлова Л. А. Карьерно-профессиональные модели современных поколений российских социологов в исторической динамике. 2010. [Электронный ресурс]. – URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kozlova_inst.pdf.

Колодная А. И. Интересы рабочего подростка: опыт изучения одной анкеты. – М., 1929.

Кон И. С. Позитивизм в социологии : исторические очерки. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1964.

- Кон И. С. Социология личности. – М. : Политиздат, 1967.
- Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. – М. : Политиздат, 1984.
- Крицман Л. Классовое расслоение в советской деревне. По данным волостных обследований. – М., 1926.
- Кукушкина Е. И. Русская социология XIX – начала XX в. – М. : МГУ, 1993.
- Култыгин В. П. Классическая социология. – М. : Наука, 2000.
- Кучинский Ю. Социологические законы // Вопросы философии. – 1957. – № 5.
- Лебедев-Петрейко В. и др. Бюджет времени рабочей семьи. – Л., 1933.
- Левада Ю. А. Лекции по социологии // Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований. Советская социологическая ассоциация. Институт конкретных социальных исследований АН СССР. Информационный бюллетень № 6 (21) : в 2 т. – М., 1969.
- Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Полн. собр. соч. – Т. 45.
- Луначарский А. В. Социологические предпосылки советской педагогики // О воспитании и образовании. – М., 1976.
- Манхейм К. Идеология и утопия // К. Манхейм. Диагноз нашего времени. – М. : Юрист, 1994.
- Математические методы анализа и интерпретация социологических данных. – М. : Наука, 1989.
- Математические методы в социологическом исследовании. – М. : Наука, 1981.
- Математико-статистические методы анализа данных в социологических исследованиях. – М. : ИСИ АН СССР, 1980.
- Математическое моделирование в социологии: методы и задачи. – Новосибирск : Наука, 1977.
- Миненков Г. Я. Введение в историю российской социологии. – Минск : Экономпресс, 2000.
- Минц Л. Как живет безработный. – М., 1927.
- Михеев В. Бюджет времени рабочих и служащих Москвы и Московской области. – М., 1932.
- Немчинов В. С. Социология и статистика // Вопросы философии. – 1955. – № 6.
- Новикова С. С. История развития социологии в России. – М. ; Воронеж : НПО «Модек», 1996.
- Новикова С. С. Социология: история, основы, институционализация в России. – М. ; Воронеж : НПО «Модек», 2000.
- Оранский С. А. Основные вопросы марксистской социологии. – Т. 1. – Л., 1927.

Оранский С. А. Основные вопросы марксистской социологии. – М., 1929.

Осипов Г. В. Теория и практика социологических исследований в СССР. – М. : Наука, 1979.

Пипуныров В. Н. Современное состояние социологии и перспективы ее будущего развития. – Никольск, 1926.

Рабочий быт в цифрах. – М. ; Л., 1926.

Рашин А. Женский труд в СССР. – М., 1928.

Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность : материалы симпозиума 23 марта 1994 г. / под ред. В. А. Ядова, Р. Гратхофа. – М. : Изд-во ИС РАН, 1994.

Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

Садынский Д. С. Социальная жизнь людей: введение в марксистскую социологию. – Харьков, 1923.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В. А. Ядова. – Л. : Наука, 1979.

Семенова В. В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства // Россия реформирующаяся : ежегодник. – М. : ИС РАН, 2004.

Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. – Ярославль, 1920а.

Сорокин П. А. Система социологии. – Т. 1, 2. – Пг., 1920б.

Сорокин П. Система социологии. – Т. 1. – Ч. 1. – Сыктывкар : Коминвест, 1991.

Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / под ред. Т. И. Заславской и И. Б. Мучника. – М. : Статистика, 1980.

Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – М. : Изд-во ИС РАН, 1998.

Струмилин С. Г. Бюджет времени русского рабочего. – Пг., 1923.

Тахтарев К. М. Наука об общественной жизни, ее явлениях, отношениях и закономерностях: опыт изучения общественной жизни и построения социологии. – Пг., 1919.

Тахтарев К. М. Общество и его механизмы. – Пг., 1921.

Федосеев П. Н. Социологические исследования в СССР // Социальные исследования. – Вып. 2. – М. : Наука, 1968.

Феноменов М. Современная деревня: опыт краеведческого обследования одной деревни. – Ч. 1–2. – М. ; Л., 1925.

Филиппов А. Ф. Советская социология как полицейская наука [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 123 (5). – С. 48–63. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3973>.

Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы : очерки. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

Хвостов В. М. Социология. – Т. 1. – М., 1917.

Хвостов В. М. Основы социологии. – М., 1920.

Черняков З. Е. Социология в наши дни. – М. ; Л., 1926.

Шереги Ф. Э. Социология политики. – М. : ЦСП, 2003.

Шляпентох В. Э. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. – СПб. : Изд-во журн. «Звезда», 2003.

Шубкин В. Н. Начало пути. – М. : Молодая гвардия, 1979.

Шубкин В. Н. Социологические мечтания // Насилие и свобода : социологические очерки. – М. : Изд-во «На Воробьевых», 1996.

Энгель Е. А. Социология : краткий курс средней школы. – Пг., 1919.

Энгель Е. А. Очерки материалистической социологии. – М., 1923.

Ядов В. А. Социологическое исследование : методология, программа, методы. – М. : Наука, 1972.

Ядов В. А. О диспозиционной регуляции поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М. : Наука, 1975.

Ядов В. А. Социологическое исследование : методология, программа, методы. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1987.

Ядов В. А. Куда идет российская социология? // Социологический журнал. – 1995. – № 1.

Ядов В. А. Мы все – самоучки в социологии // Российская социология 1960-х гг. в воспоминаниях и документах. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

Ядов В. А. Для чего нужна сегодня национальная русская социология? // Социологические исследования. – 2008. – № 6.

Shlapentokh V. The Politics of Sociology in the Soviet Union. – Boulder; London: Westviewpress, 1987.

Глава 4

Современный этап отечественной социологии

1. Основные особенности современного этапа отечественной социологии
2. Российская социология в 1990-е гг.
3. Социология в российских регионах и социологический провинциализм
4. Российская социология в 2000–2014 гг.
5. Отечественные социологические теории: 1990–2000-е гг.
6. Тенденции и пути развития теоретической социологии

При написании данной главы автор опирался в первую очередь на работы Г. С. Батыгина, Б. А. Грушина, Л. Д. Гудкова, Б. З. Докторов, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, И. С. Кона, Н. И. Лапина, Ю. А. Левады, В. В. Радаева, Ж. Т. Тощенко, А. Ф. Филиппова, Б. М. Фирсова, О. И. Шкаратана, В. А. Ядова [Батыгин, 1998; Грушин, 2001, 2003, 2006; Гудков, 2006, 2011, 2013; Докторов, 2012, 2013; Заславская, 1997, 2007, 2009; Здравомыслов, 2008, 2010; Кон, 1999, 2008; Лапин, 2006, 2011; Левада, 1993, 2006; Радаев, 1995; Тощенко, 2001, 2012; Филиппов, 1999, 2013; Фирсов, 2012; Шкаратан, 2009, 2012; Ядов, 1994, 2006, 2007, 2008, 2012].

Из этого перечня трудов и их авторов особо хотелось бы выделить работы академика Т. И. Заславской (1927–2013), одного из крупнейших отечественных специалистов в области методологии социальных наук, экономической социологии, институциональной экономики, а также ее общественную деятельность. Ранее, в предшествующей главе, мы уже останавливались на некоторых аспектах ее творчества и практической деятельности в условиях застоя и перестройки. Необходимо специально отметить, что созданная ею Новосибирская экономико-социологическая школа сыграла очень большую позитивную роль в развитии советской социологии и оказалась одним из тех мощных научных коллективов, которые предопределили перестройку в экономических и социально-гуманитарных науках. Отметим также институционализацию такой пограничной отрасли знания, как экономическая социология, которой не произошло бы без непосредственного участия в этом процессе ученого.

Без научных трудов Т. И. Заславской представить современный этап развития отечественной социологии невозможно. Дальше в главе будет рассмотрена одна из созданных ею и определяющих этот этап теорий, посвященная анализу социетальной трансформации российского общества.

Но не меньшее значение для развития отечественной социологии имела деятельность Т. И. Заславской, направленная на превращение этой науки в фактор, играющий значимую роль в становлении в стране гражданского общества. Став народным депутатом СССР от Советской социологической ассоциации в 1989 г. и будучи им вплоть до распада Союза в 1991 г., она проводила гигантскую общественную работу на пути политической демократизации общества. Эта и иная общественная деятельность орга-

нично сочеталась с работой Т. И. Заславской на посту директора ВЦИОМ, а также на других должностях и позициях, которые она занимала в течение современного этапа отечественной социологии. Важно подчеркнуть ее роль в проводимых ежегодно с 1993 г. сессий международного симпозиума «Куда идет Россия?» с выходившими под редакцией Т. И. Заславской междисциплинарных научных сборников с таким же названием. В них анализировались современные проблемы и перспективы развития российского общества.

1. Основные особенности современного этапа отечественной социологии

Разговор об особенностях современного этапа отечественной социологии следует, как нам кажется, начать с вопроса о его хронологических границах. Несмотря на то что в первой главе, в рамках концепции периодизации отечественной социологии, он уже ставился, есть необходимость более глубокой трактовки имеющих место точек зрения на границы этапа. Причем речь идет, в основном, о нижней границе этапа. С верхней всё понятно – это наши дни. Такая постановка вопроса о границах тем более важна, что многие особенности этапа связаны как раз с данным обстоятельством.

Напомним, что, как уже отмечалось в первой главе, в основе рассматриваемой нами концепции периодизации отечественной социологии лежит, прежде всего, соединение, сочетание двух групп факторов – внешних и внутренних. К внешним факторам мы относим ее зависимость от типов общества, государства и политического режима, к внутренним – основные характеристики, присущие процессам, происходящим в самой социологии: институционализацию науки, логику и содержание ее развития, отношения между исследователями и их группами, складывающиеся внутри социологического сообщества, и др.

С учетом задачи книги – показать вектор движения российской социологии к гражданскому обществу – особое значение для нас имеют такие аспекты социально-политических процессов в нашей стране, которые касаются наличия/отсутствия в ней гражданского общества, правового государства, политической демократии или хотя бы их значимых элементов (форм). Это важно потому, что для нас базисная характеристика ситуации в социологии связана, как указывалось выше, с господствующим типом общества, государства и политического режима.

Говоря о нижней границе современного этапа социологии, отметим, что существуют, собственно, два подхода к ее определению. Один – приравнять ее к началу постсоветского этапа развития общества, а это – конец 1991 г. Содержательно он связан с развалом СССР, появлением нового государства – Российской Федерации, ликвидацией КПСС, переходом к рыночной экономике и политической демократии. Второй подход – это определение нижней границы как конца (или даже второй половины) 1980-х – начала 1990-х гг. Речь идет о периоде перестройки, причем как общества, так и социологии, поскольку хронологически они практически совпадают. Другими словами, вопрос формулируется так: считать ли перестройку в самой социологии периодом второго этапа отечественной социологии, т. е. советской социологии (что по временным параметрам было бы правильно, поскольку перестройка осуществлялась в Советском Союзе), или отнести эти 5–6 лет (после 1985 г.) к современному этапу.

Соблазн первого подхода чрезвычайно велик, особенно если учесть, что предшествующие этапы четко коррелировали в своей хронологии с узловыми датами исторического развития общества. Так, нижняя граница второго этапа отечественной социологии была определена нами (и не только нами, но и многими другими авторами) как 1917 г. Аналогии просто напрашиваются: там и тогда (1917 г.) – год революции, здесь и недавно (1991 г.) – тоже год революции. Тогда – смена политического режима, форм собственности на средства производства, развал империи, замена формы классовой диктатуры и т. д., недавно (почти 25 лет назад) – то же самое. Можно при желании находить и другие сходства. Соблазн первого подхода усугубляется еще и тем, что один из основных принятых нами критериев – замена типа общества, типа государства и политического режима – происходит в конце 1991 г., а не раньше.

Но, несмотря на то что реально переход к принципиально новому этапу общественного развития в стране произошел в конце 1991 г., для социологии новый этап начался несколько раньше, с перестройки в обществе и в ней самой. В отличие от революционных перемен в стране, которые были сопряжены с процессами радикальной смены политического режима, власти, форм собственности, в социологии аналогичные процессы существенных преобразований потребовали определенного времени (мы бы сказали даже, временного люфта) и постепенности. Наука вообще не реагирует столь жестко на изменения в обществе, она может делать это несколько раньше социальных трансформаций, если для них уже созрели предпосылки, или чуть позже их. И здесь бывает подчас трудно определить, когда в точности имеет место эта грань.

По нашему мнению, современный этап в развитии отечественной социологии начался несколько раньше, чем новый этап в развитии общества, т. е. с конца 1980-х гг.

Говоря о периодизации современного (третьего, постсоветского) этапа развития отечественной социологии, нужно иметь в виду, что его особенности могут быть в полной мере осмыслены лишь в том случае, если будет осуществлено сравнение третьего со вторым этапом. Благодаря такому подходу мы получим возможность, во-первых, создания целостной картины становления и развития отечественной социологии, во-вторых, выявления структуры самого третьего этапа, в-третьих, сравнения различных периодов развития социологии в нашей стране (СССР/Россия) между собой. Собственно, речь идет о соблюдении тех методологических принципов, которые были провозглашены в первой главе и которые мы пытались реализовать в каждой из предшествующих глав.

Оттолкнемся в наших дальнейших рассуждениях от ранее сделанного вывода о том, что в отечественной социологии к середине – второй половине 1980-х гг. сформировались необходимые предпосылки для перехода к новому этапу ее развития, в рамках которого можно было бы сбросить, наконец, путы, сковывавшие на протяжении нескольких десятилетий ее движение вперед.

Рассматривая основные факторы перехода к новому этапу развития отечественной социологии, отметим, что внутренние предпосылки этого процесса могли быть реализованы лишь при наличии необходимых социальных, политических и идеологических условий, которые реально определялись одним словом – свобода.

По существу, речь идет о двух видах свободы, тесно связанных между собой, – о свободе «от...» и свободе «для...». Имея в виду первый ее вид, можно утверждать, что нужна была свобода от идеологического прессинга, цензуры, от одностороннего влияния марксистско-ленинского фундаментализма, от признания только лишь «половинчатой» (эмпирической и прикладной) социологии – в ущерб теоретической социологии. Говоря о втором виде свободы, следует подчеркнуть необходимость: полной институционализации социологии, придания ей равного с другими социогуманитарными науками статуса, предоставления возможностей для беспрепятственного творческого развития как теоретических, так и эмпирических исследований, создания системы профессионального социологического образования, признания на государственном уровне профессии социолога.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. знаменовали собой формирование именно таких предпосылок и условий, при которых реализация обоих видов свободы для развития социологии стала возможной и реальной. Этот период для развития социологии мы определяем

как перестроечный, реально он соответствовал тому периоду, который в общественном развитии страны получил название горбачевской перестройки. Более того, с одной стороны, глубокие изменения в социологии в конце 1980-х гг. были вызваны серьезными преобразованиями в основных сферах жизни общества (включая идеологическую), с другой – «трансформирующаяся» социология стала оказывать определенное воздействие на социальные и политические процессы, а также на духовную жизнь общества.

Конец 1980-х гг. был отмечен ослаблением партийно-идеологического прессинга и некоторой, пока еще весьма относительной, свободой творчества в социально-гуманитарных и общественных науках. Она коснулась и социологии.

В июне 1988 г. было принято (рассматривавшееся тогда как историческое для ее судеб) Постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества». По существу, впервые на партийно-государственном уровне была признана полная самостоятельность социологической науки, что выразилось в отделении ее от философии и признании необходимости активного развития теоретической социологии. Своеобразная монополия философии на социальное познание общества была таким образом ограничена. В системе общественных наук социология заняла свое достойное и равное с другими науками место. В постановлении было подчеркнуто значение не только теоретических, но и прикладных социологических исследований для решения задач социально-экономического развития СССР.

Мы полагаем, что перемены в социологии способствовали трансформациям общества и в определенном смысле ускорили его духовное пробуждение и стремление к свободе. Несколько конкретных обстоятельств сыграли свою роль в этом процессе.

На первое место мы бы поставили названное выше постановление ЦК КПСС. Возникает резонный вопрос: неужели партийные решения могут работать против самой партии и ее традиционного на протяжении нескольких десятилетий отношения к социологии? По нашему мнению, в определенных обстоятельствах могут. Таким обстоятельством стал кризис в самой партии, государстве, политике, экономике, идеологии, социальной сфере. По существу, речь идет о социетальном, всеохватном кризисе, из которого нужно было как-то выходить – не сразу, не резко, постепенно, используя отдельные каналы и способы изменения ситуации. Легче всего было начинать не с политики или экономики, а с идеологии и общественных наук.

Упомянутое постановление ЦК КПСС открыло дорогу введению профессионального социологического образования в стране.

Непосредственным следствием постановления стало создание в 1989 г. социологических факультетов в двух крупнейших университетах страны – Московском и Ленинградском. Чуть раньше, в середине 1980-х гг., возникли первые социологические отделения, но только прикладной социологии (к сожалению, не социологии вообще) в Московском и Ленинградском университетах. Другой социологии в стране тогда не существовало. Первые выпуски профессиональных социологов (по 25 человек в каждом университете) были сделаны в 1989 г. На базе упомянутых социологических отделений стала возможной полноценная работа вновь образованных социологических факультетов.

В последующие годы подготовка социологических кадров началась еще в целом ряде вузов страны, превысив в начале XXI века добрую сотню учебных заведений. Была введена профессия социолога, а подготовку специалистов по ней включили в систему государственного планирования и распределения (которую через несколько лет благополучно закрыли). На основании все того же постановления была введена ученая степень кандидата и доктора социологических наук. Вскоре после выхода в свет названного документа произошло переименование Института социологических исследований в Институт социологии АН СССР (в 1992 г. – РАН). Переименование также способствовало росту статуса и престижа социологической науки, подняв – по умолчанию – роль ее теоретической составляющей. Теперь институт должен был заниматься не только эмпирическими исследованиями, но и созданием социологических теорий, что как бы вменялось ему в обязанность.

Еще одно значимое обстоятельство, которое нужно иметь в виду, когда мы говорим о наступлении нового этапа ближе к концу 1980-х гг., – ослабление цензуры. Официальные идеологические и партийные структуры уже не так жестко продолжали контролировать наметившийся процесс социологического разномыслия и несогласия растущего количества исследователей с положением дел в стране. Как писал об этом Б. М. Фирсов, «разномыслие усиливалось, оно получало подкрепление внутри социологического сообщества и находило отклик за его пределами в тех случаях, когда отдельные исследователи пытались искать пути решения серьезных социальных проблем, возникших перед страной» [Фирсов, 2012: 298]. Вместе с тем, время от времени партийное руководство пыталось напоминать о своем существовании, в том числе и в сфере идеологии.

Вообще первые три года перестройки, вплоть до принятия названного выше постановления, с точки зрения влияния политических реформ на процессы в социологии не отличались каким-либо наблюдаемым и фиксируемым эффектом. Социологи еще не по-

няли того, что они, точнее, социология как наука может и должна стать инструментом перестройки. И здесь нельзя не воздать должное ее социологическим «прорабам», так бы мы их назвали, – ведущим отечественным ученым Т. И. Заславской, В. А. Ядову, Б. А. Грушину, Ю. А. Леваде, которые чуть раньше других осмыслили новые возможности социологической деятельности в нашей стране.

Существенное значение имела постановка вопроса об использовании социологов как независимых экспертов при выработке общественно значимых управленческих решений, при формировании социальной политики государства. Здесь в первую очередь следует говорить о вкладе Т. И. Заславской, о ее влиянии на М. С. Горбачева. Нельзя сказать, что оно стало решающим фактором, приведшим к общественному признанию социологии, но факт остается фактом – после их встреч дело с этим пошло «веселее». «Правда» (основная партийная газета, а стало быть, главная газета страны), наконец, опубликовала долго лежавшую в редакции без движения большую статью Т. И. Заславской, что означало на практике необходимость принятия конкретных шагов по пути признания отечественной социологии в качестве реально значимой в стране науки.

К 1990-м гг. отечественная социология подошла вполне готовой к глубоким переменам теоретического, эмпирического и организационного характера. Они были осуществлены в процессе третьего этапа ее развития. Появилась долгожданная свобода творчества, была ликвидирована цензура, исчез (вместе с КПСС) партийный диктат. Формирование демократического режима власти и управления, попытки создания правового государства сыграли большую роль в изменении характера общества на пути появления в нем серьезного гражданского сегмента. Именно в этот период – 1990-е гг. – входит в научный и повседневный обиход термин «гражданское общество», формируется его понятие. Большую роль в этом процессе играет социология, которая начинает исследовать процессы формирования НКО – некоммерческих (и неправительственных) организаций как одного из важных элементов гражданского общества.

Период 1990-х гг. – это не просто важное, а, может быть, наиболее важное время в развитии отечественной социологии за всю ее полуторавековую историю (после реформ 1861 г.). В рамках этого периода произошла полная институционализация социологии, конституировалась профессия социолога, возникло и быстро распространилось по стране, «шагнув в провинцию», социологическое образование, утвердилась свобода социологического слова, стала возможна широкая издательская деятельность, развился рынок социологических услуг. Но главным завоеванием стало формиро-

вание нового социологического мышления и интеграция отечественной социологии в мировую науку. Далее об этом подробно будет сказано.

Начиная с XXI в., мы ведем отсчет нового периода отечественной социологии. Формально и сразу никаких заметных изменений в ней с переходом к новому десятилетию не происходило. Но их предпосылки стали постепенно вызревать, и свидетельствовали они о наступлении в социологии не самых лучших времен. Формировавшиеся в 1990-х гг. гражданское общество, правовое государство и демократический режим власти стали уступать только завоеванные позиции. Усиливаются негражданское общество, неправовое государство и авторитарный режим власти, что не могло не повлиять и на ситуацию в социологии, возникновение раскола в ней и в социологическом сообществе, поиск социологической «властвующей элитой» союза с властью и оказание последней давления на независимую социологию.

Таким образом, мы имеем основания выделить внутри третьего этапа развития отечественной социологии два периода – 1990-е и 2000-е гг. С одной стороны, второй период, охвативший последние 10–14 лет, продемонстрировал новые достижения социологии – и теоретического, и эмпирического характера, о которых разговор еще впереди. С другой стороны, нельзя не учитывать влияние на развитие науки названных выше общественно-политических факторов.

Необходимо иметь в виду и еще одно крайне важное обстоятельство, наложившее печать на процесс развития российской социологии, – уход из жизни в последние несколько лет представителей самого первого поколения отечественных социологов, выдающихся ученых Б. А. Грушина, Ю. А. Левады, А. Г. Здравомышлова, И. С. Кона, В. Н. Шубкина, Т. И. Заславской. Их работы и они сами во многом определяли «лицо» российской социологии, ее авторитет, если угодно, моральные устои. Для социологии очень важно видеть и понимать, что порядочно и прилично делать во взаимоотношениях с властью в науке и образовании, а что – нет. Поименованные ученые в этом плане как раз и были подлинными моральными авторитетами.

Среди основных особенностей третьего, современного этапа отечественной социологии, помимо названных выше, следует назвать целый ряд других. Это: упомянутые выше возникновение и развитие нового социологического мышления, становление и активное распространение по стране профессионального социологического образования, появление и относительно широкое распространение рынка социологических услуг, а также реальная и достаточно полная институционализация социологии, появление новых

возможностей развития эмпирических и теоретических исследований, усиление в социологии интеграционных процессов, значительные достижения в издательской деятельности, развитие социологии в регионах и наличие связанного с ним феномена социологического провинциализма и др. Рассмотрим далее подробнее эти особенности как в рамках каждого из двух периодов третьего этапа (1990-е и 2000-е гг.), так и в рамках всего этапа в целом.

2. Российская социология в 1990-е гг.

Переход к третьему этапу развития отечественной социологии означал, как уже отмечалось выше, новые возможности институционализации социологии. Это, прежде всего, развитие научных исследований в рамках не только академических, но и иных, новых, ранее не существовавших структур. Так, был создан Всесоюзный (впоследствии, после распада СССР, Всероссийский) центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), директором которого стала в 1988 г. академик Т. И. Заславская, а ее заместителями – Б. А. Грушин и Ю. А. Левада. В 1992 г. последний занял место директора центра, после того как Т. И. Заславская по состоянию здоровья покинула этот пост. Одна из основных задач ВЦИОМа заключалась в проведении мониторинга общественного мнения по основным экономическим, социальным и политическим проблемам развития нашей страны.

На изучении общественного мнения и сдвигов в массовом сознании населения России стали специализироваться и другие вновь созданные центры. Среди них специально нужно отметить службу профессора Б. А. Грушина «Vox Populi» и Российский независимый институт национальных и социальных проблем. В 1990-х гг. количество различных институтов, агентств, служб, фондов и т. д., специализирующихся на проведении массовых опросов, в одной только Москве превысило пару десятков.

Продолжающаяся институционализация социологии напрямую затронула академическую науку. Институт социологии РАН получил возможности для радикального изменения характера деятельности, особенно после того, как его директором был сначала назначен, а затем и избран В. А. Ядов. У сотрудников института появилось право свободного выбора тем научных проектов, административное давление на них было существенно ослаблено, а демократические и либеральные нормы деятельности научного сообщества стали активно «вживляться в ткань» этого учреждения.

В 1991 г. Институт социологии разделился, появился Институт социально-политических исследований, директором которого стал

Г. В. Осипов. На сугубо добровольных началах произошло распределение научных сотрудников по двум институтам: кто захотел остаться в Институте социологии – остался, кто захотел уйти в новый институт – ушел туда.

Однако процесс институционализации в сфере социологической академической науки означал создание не только новых научных структур. Крайне важным для дальнейшего развития социологии стало решение в 1990 г. Высшей аттестационной комиссии об учреждении ученых степеней кандидата и доктора социологических наук по шести социологическим специальностям (до этого за социологические диссертации присваивались чаще всего ученые степени кандидата и доктора философских наук).

Институционализация социологии активно коснулась системы высшего образования. Было конституировано в качестве особого вида образования социологическое образование. В вузах появились социологические факультеты, отделения, специальности и даже институты.

Развитию социологического образования способствовало решение властных структур, принятое в 1989 г., в соответствии с которым оказалась полностью «узаконенной» профессия социолога. Как уже выше отмечалось, именно в этом году и появились первые два социологических факультета в стране – в Московском и Ленинградском университетах. Чуть позднее ряд социологических факультетов был открыт в других университетах России: Уральском (Екатеринбург), Новосибирском, Алтайском (Барнаул), Самарском, Томском, Казанском и т. д. На протяжении последних 20 лет социологическое образование в России развивалось поистине бурными темпами, став по-настоящему массовым.

В настоящее время подготовка профессионалов-социологов осуществляется более чем в 100 вузах. Интерес молодежи к получению профессии социолога не ослабевает, что и обуславливает дальнейшее развитие социологического образования в стране. Главными в этих условиях становятся тесно связанные друг с другом два вопроса: нужно ли такое большое количество социологов в стране и каково качество их профессиональной подготовки и профессиональной деятельности? Ответы на эти вопросы мы постарались дать в недавно вышедшей монографии [См.: Зборовский, 2013: 405–478].

Институционализация социологии в системе высшего образования, означавшая процесс ее «перестройки», состояла не только в появлении профессионального социологического образования, но и в массовом преобразовании кафедр научного коммунизма. Взамен их были созданы в основном кафедры социологии либо социологии и политологии. Такая судьба коснулась более пятисот кафедр

научного коммунизма. Этот процесс был воспринят студентами и большей частью преподавателей с нескрываемым чувством удовлетворения и надеждой на изменение содержания и характера преподавания общественных и социально-гуманитарных наук.

Однако нельзя не сказать и о возникших в связи с трансформацией кафедр научного коммунизма, истории КПСС проблемах, в первую очередь содержательных и кадровых. Смена названий кафедр не означала еще радикального изменения характера преподавания, а главное – готовности к этому вузовских педагогов. Введение новых дисциплин (социологии, политологии, культурологии) не обеспечивалось ни методологически, ни методически, ни тем более кадрами преподавателей соответствующей квалификации. Не было учебников и учебных пособий.

Сложившаяся ситуация требовала достаточно быстрых решений. Они заключались в переподготовке преподавателей через институты и факультеты повышения квалификации, а также в издании учебной и учебно-методической литературы. Если с первой задачей система высшего образования в стране справлялась в основном самостоятельно (о качестве переподготовки и повышения квалификации речь сейчас не идет), то процесс издания необходимой учебной литературы в значительной мере был осуществлен созданными Дж. Соросом фондами «Культурная инициатива» и «Открытое общество». Только в течение 1995–1997 гг. количество учебников и учебных пособий, изданных при поддержке этих фондов, выросло в 2 раза, а ежегодный выпуск книг и брошюр по социологии стал составлять многие сотни наименований.

Коль скоро речь зашла об институционализации социологии в сфере высшего образования, необходимо сказать о том, что преподавание основ этой науки стало вестись и в отдельных учебных заведениях среднего профессионального образования. Преподаванием социологии заинтересовались также образовательные учреждения общего среднего образования – гимназии, лицеи, школы с углубленным изучением отдельных предметов и др. Но таких учебных заведений в стране оказалось не так много, как хотелось бы (для сравнения укажем, что в США социология преподается практически во всех школах и колледжах).

Как уже отмечалось, институционализация социологии глубоко затронула издательскую деятельность, причем в нескольких направлениях. Активно стало осуществляться производство учебной литературы. Это и понятно: с введением курсов социологии в подавляющем большинстве высших учебных заведений стал ощущаться громадный дефицит необходимой для студентов литературы. Первых соросовских изданий уже было недостаточно. Поэтому преподаватели из многих вузов (в основном в российских

регионах) стали печатать малотиражные издания, рассчитанные прежде всего на собственных студентов, удовлетворяя тем самым их потребности в учебной литературе. В течение нескольких лет (в основном после 1995 г.) было опубликовано и появилось в книжных магазинах большое количество учебников, учебных пособий, лекционных курсов, хрестоматий, практикумов и т. д. по социологии.

Нельзя было не приветствовать эту новую ситуацию в стране, испытывавшей многие десятилетия дефицит социологической литературы, в первую очередь учебников. Без большого риска ошибиться, можно утверждать, что процесс их издания, появления новых работ, написанных в жанре учебника, будет продолжаться и сегодня.

Но здесь возникает вопрос уже не столько количественного, сколько качественного характера. Скажем прямо: далеко не вся учебная социологическая литература удовлетворяет требованиям Государственного образовательного стандарта в полной мере. Конечно, в этих работах отражается уровень квалификации социологов, который не всегда является достаточно высоким. Отмечая данное обстоятельство как не самую лучшую характеристику отечественной социологии, не будем при этом забывать, что она еще достаточно молода, а сами социологи не имеют большого опыта в написании качественной учебной литературы.

В этом отношении серьезную положительную роль сыграло издание переводов лучших зарубежных учебников по социологии, в первую очередь Н. Смелзера, Э. Гидденса, П. Штомпки и др. [Смелзер, 1994; Гидденс, 1999, 2005, 2009; Масионис, 2004; Штомпка, 2005]. К сожалению, и здесь не обошлось без издержек, но уже не содержательного, а издательского плана. Известно, что зарубежные учебники всегда издаются богато иллюстрированными, на отличной бумаге, но они, конечно, и стоят недешево. В отечественных изданиях не оказалось ни первого, ни второго, зато и цена их была не столь велика, какой могла бы быть с учетом западных издательских стандартов. Впрочем, даже такой «бюджетный» вариант не сделал переводные зарубежные учебники доступными карману подавляющего большинства студентов.

Говоря об использовании зарубежных учебников, важно помнить, что они не могут полностью заменить отечественную учебную литературу – не только вследствие особого «западного» менталитета их авторов, но и, главным образом, вследствие того, что в них не анализируется социальный опыт нашей страны. Учить же социологии российских студентов на западном опыте, без учета национальных особенностей, – не просто нонсенс. Это гораздо хуже, поскольку означает сознательное внедрение западного образа мышления в сознание молодого отечественного специалиста. По-

этому оптимальный вариант, с нашей точки зрения, – это работа преподавателя и студента с различными, но обязательно качественными, и отечественными, и зарубежными учебниками и пособиями.

В связи с проблемой учебников возник вопрос об их адресате. Если учебные пособия первой половины 1990-х гг. предназначались для универсального (в смысле – любого) читателя, то книги, написанные в этом жанре ближе к концу XX – началу XXI в., имели уже дифференцированный адресат. Это была либо работа, написанная для будущих социологов-профессионалов, либо учебник для студентов гуманитарных специальностей, изучающих социологию достаточно глубоко, либо учебная книга для студентов других специальностей, знакомящихся с социологией как с одним из многих предметов цикла гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Так, в последнем случае учебник преследовал цель, прежде всего, пробуждать интерес к анализу социологических проблем и излагать основы науки. В первом же случае он рассчитан на подготовку специалиста в области социологии, следовательно, знакомит читателя с состоянием науки по каждой поднимаемой проблеме, методологией и методикой ее изучения, полученными результатами исследований, дискуссиями и т. д.

Важным направлением издательской деятельности стала публикация словарей, как отечественных, так и зарубежных. При этом словари, как и учебники, весьма существенно различались по характеру, содержанию, охвату материала, преследуемой цели и т. д. Одно дело, когда речь заходит о социологической энциклопедии, и совсем другое, когда издается словарь по прикладной социологии. В рамках современного этапа развития отечественной социологии было издано более трех десятков энциклопедий и словарей, да еще и переведено на русский язык несколько зарубежных работ подобного жанра. Это была, безусловно, позитивная тенденция.

Одним из наиболее ярких показателей институционализации социологии является издание журнальной литературы. Если до начала 1990-х гг. издавался лишь «Соисс» («Социологические исследования»), единственный социологический ежемесячный научный и общественно-политический журнал (с 1974 г. журнал АН СССР, а затем Российской академии наук), то после принятия в 1990-х гг. закона о печати появились «свободные» (небюджетные) периодические и продолжающиеся социологические издания. Среди них: «Социологический журнал», «Мир России», «Вопросы социологии», «Социология: 4М», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения» и др. Во многих вузах и академических научных институтах страны социологи публикуются в различных периодических изданиях с достаточно типичными названиями, та-

кими как «Вестники», «Известия» и другие. Некоторые из выпусков этих изданий являются исключительно социологическими по характеру и содержанию публикаций в них. Появился ряд журналов, посвященных отдельным направлениям и отраслям социологических знаний («Социология образования», «Экономическая социология» и др.).

Безусловно положительно характеризуют институционализацию социологии в России в рамках третьего этапа ее развития переводы, издания и переиздания работ классиков мировой (в том числе российской) социологии и современных зарубежных социологических трудов. Среди них – сочинения Т. Адорно, Р. Арона, З. Баумана, П. Бергера, Э. Бёрджесса, П. Блау, Г. Блумера, П. Бурдьё, М. Вебера, Т. Веблена, Э. Гидденса, А. Гоулднера, Э. Гоффмана, Р. Дарендорфа, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Н. Кареева, М. Кастельса, М. Ковалевского, Л. Козера, Р. Коллинза, О. Конта, Ч. Кули, П. Лаврова, П. Лазарсфельда, Г. Лебона, Т. Лукмана, Н. Лумана, К. Маннгейма, Г. Маркузе, Р. Мертон, Дж. Г. Мида, Ч. Р. Миллса, Н. Михайловского, В. Парето, Р. Парка, Т. Парсонса, Д. Рисмена, П. Сорокина, Г. Спенсера, Г. Тарда, Ф. Тённиса, А. Турена, Дж. Урри, Э. Фромма, Ю. Хабермаса, М. Хальбвакса, М. Шелера, П. Штомпки, А. Шюца и др.

Завершая разговор о деятельности, связанной с изданием социологической литературы, отметим один ее существенный недостаток: многие книги имеют небольшой тираж и, по существу, не доходят до регионов, оказываясь на полках книжных магазинов в пределах, фигурально выражаясь, Садового кольца. Читатель узнает о них лишь из журнальных рубрик типа «Коротко о книгах», «Книжная полка социолога», «Книги, присланные в редакцию», «Книжное обозрение» и др. Малая тиражность изданий характеризует работу как центральных, так и региональных и местных издательств. Исключение составляют разве что учебники, да и то не все. Что же касается переводных работ, трудов классиков социологии, то приобретение их в российских регионах представляет большую проблему.

Подобное положение дел с изданием литературы способствовало и способствует до сих пор усилению социологического провинциализма (о котором далее специально будет сказано в соответствующем разделе). Известно, что публичные библиотеки в областных и республиканских центрах располагают крайне скудными средствами для приобретения научных трудов, монографий, да и иной литературы. Это же касается и вузовских библиотек. Но даже при наличии денег купить книги по социологии подчас сложно вследствие, как уже указывалось, небольших тиражей многих из них. Вот и приходится в иных городах социологам и книго-

торговцам снаряжать регулярно экспедиции в Москву, в книжные магазины и известный книжный киоск Института социологии РАН.

Вместе с тем существуют и иные способы решения обозначенной проблемы. Главным и наиболее эффективным среди них является Интернет, благодаря которому можно и приобретать необходимые книги через соответствующие магазины, и просто работать с нужной литературой в Сети [См. подробнее о развитии социологического образования и знания в упомянутой выше монографии: Зборовский, 2013].

Важным шагом в процессе институционализации отечественной социологии явилось создание ряда добровольных научных общественных объединений социологов, среди которых в первую очередь следует назвать Российское общество социологов (РОС), а также Сообщество профессиональных социологов, Русское социологическое общество им. М. М. Ковалевского, Общество социологов и демографов. Безусловно, ведущим и самым массовым объединением стало РОС. Оно явилось правопреемником Советской социологической ассоциации, которая прекратила свое существование в связи с распадом СССР. Но, справедливости ради, следует отметить, что возникло РОС еще до этой ситуации, в 1989 г. Его первым президентом был Н. И. Лапин. В 1993 г. президентом РОС стал В. А. Ядов, а в 1997 г. на III Съезде общества президентом был избран В. А. Мансуров, являющийся им и в настоящее время.

Российское общество социологов призвано содействовать развитию социологии в Российской Федерации, повышению ее теоретического уровня, методологической надежности исследований, обоснованности практических выводов из них. Цель общества состоит в концентрации усилий его членов в разработке приоритетных направлений и актуальных социальных проблем российского общества в целом и его регионов. РОС решает важную задачу создания и поддержки духа свободы научных дискуссий, соблюдения честной конкуренции в деятельности различных социологических структур. Общество способствует развитию системы социологического образования в стране, подготовке и переподготовке специалистов, повышению квалификации социологов. Оно оказывает поддержку развитию научных связей и научного сотрудничества российских социологов с учеными других стран (в том числе СНГ), международными и зарубежными социологическими организациями.

РОС имеет сегодня региональные отделения почти во всех субъектах Российской Федерации и осуществляет свою работу на местах через них. На протяжении многих лет Общество издавало ежеквартально «Вестник РОС», который рассылался в отде-

ления и на домашние адреса его членов. В последние годы необходимость в нем отпала в связи с созданием сайта Российского общества социологов, на котором дается вся необходимая оперативная информация. Общество поддерживает исследования, проводимые его членами совместно с членами других общественных объединений. РОС проводит съезды, конференции, пленумы, школы, симпозиумы и т. д., действуя вместе с коллективами научно-исследовательских институтов и вузовских социологических структур. Общество проводит также общероссийские конкурсы на лучшие исследования, монографии, учебники. Следует отметить, что в последние годы РОС резко активизировало свою работу и пользуется заслуженным уважением и авторитетом у социологов страны.

Институционализация отечественной социологии является, безусловно, крайне важной, но далеко не единственной особенностью ее развития в период с конца 1980-х гг. до нашего времени. Признание общественной значимости социологии и конкретные формы процесса ее институционализации теснейшим образом связаны с внутренними изменениями в содержании самой социологической науки, в том, что мы называем социологическим сознанием или, точнее, социологическим мышлением. Обозначенный выше временной период, как никакой другой, способствовал появлению нового социологического мышления, которое и сделало возможным многочисленные изменения и трансформации в самой отечественной социологической науке.

Здесь прежде всего следует говорить о начале процесса ее тесной интеграции в мировую социологическую науку. Дело в том, что изменения в социологии идут рука об руку с эволюцией современного мира. Основной тенденцией перемен является сближение стран, которое происходит во многих сферах жизни и свидетельствует о наличии между этими странами общих интересов. Отражением подобной тенденции явился новый менталитет. В его основе лежит признание приоритета общечеловеческого, осознание совпадающих интересов и конституирование государственной деятельности, направленной на сближение различных стран, преодоление между ними конфронтации и поиск тождественных позиций, способствующих достижению мира и социального прогресса.

Не стоит в стороне от этого и мировая социология. Ярким подтверждением тому являются проведенные под эгидой Международной социологической ассоциации (МСА), работающей под патронажем ЮНЕСКО, в период с 1990-х гг. по настоящее время Всемирные социологические конгрессы: XII, июль 1990 г., г. Мадрид (Испания); XIII, июль 1994 г., г. Билефельд (Германия); XIV, июль 1998 г., г. Монреаль (Канада); XV, июль 2002 г., г. Брисбен (Австралия); XVI, июль 2006 г., г. Дурбан (Южно-Африканская рес-

публика); XVII, июль 2010 г., г. Гётеборг (Швеция). В июле 2014 г. должен состояться очередной, XVIII Конгресс в Йокогаме (Япония). На этих конгрессах фиксировались серьезные сдвиги, происшедшие в развитии общесоциологической теории, в понимании социальных изменений в мире, в исследованиях глобальных и региональных процессов. Отмечалось, что, возможно, не стоит стремиться к созданию единой общесоциологической теории, которая могла бы удовлетворительно объяснить многообразие происходящих в различных культурах и регионах социальных процессов. Стало быть, нужны различные социологические теории для анализа социальных изменений, что является доказательством социологического плюрализма. Участники на многих конгрессах говорили, что требуется не интеграция социологической теории, а консолидация различных подходов, концепций, трактовок.

В идее консолидации, в многообразии равноправных социологических концепций и подходов к различным объектам изучения нашла свое отражение усиливающаяся тенденция к интернационализации социологии, формированию социологического знания, состоящего из теорий, не отрицающих друг друга, а принимающих их как данность.

В связи с этим имеет смысл говорить о складывании в нашем обществе нового социологического мышления. Основным его принципом стало преодоление традиционного для нашей страны в прошлом разделения социологии на марксистскую и немарксистскую, западную и восточную и т. п. и движение в сторону единого мирового социологического знания, заинтересованного в решении сходных задач развития науки и общества. Разумеется, складывание нового социологического мышления вовсе не означает исчезновения своеобразия различных социологических школ, многовариантности путей достижения поставленных целей. Единство и многообразие в социологии – это тоже принцип нового социологического мышления.

Каковы же конкретные предпосылки выработки нового социологического мышления, связанные с чисто внутренними социологическими процессами? Что может не только свидетельствовать о сближении позиций социологов разных стран, но и приводить к их реальной консолидации при сохранении своеобразия национальных школ и течений?

Прежде всего, это схожие исследовательские проблемы. Они актуальны для социологий различных стран (включая и отечественную науку) и в состоянии вызвать, в случае их совместного изучения, подъем социологического знания на принципиально новый уровень. Здесь может оказаться очень важным получение сопоставимых данных, которые целесообразно использовать для ре-

шения самых разных задач, имеющих и теоретический, и прикладной характер.

Постановка, содержание, пути исследования схожих или даже общих проблем в различных странах обусловлены тем, что их население в одинаковой степени тревожат вопросы выживания человека и человечества, войн и создания условий для их недопущения, борьбы с терроризмом, экологической безопасности, миграционных процессов, этносоциальных и межнациональных отношений, семейной консолидации, образа жизни, бедности и неравенства, образования и культуры, взаимоотношений между различными социальными группами, деятельности социальных институтов и организаций и т. д. и т. п. Поэтому вполне резонна совместная разработка методологии и методики исследования названных выше проблем с последующей организацией и проведением их социологического изучения в заинтересованных странах.

Выработка нового социологического мышления и через него — движение в сторону единой мировой социологии, не раздраемой антагонизмами и взаимными претензиями дифференцирующихся школ, течений и направлений в различных странах, достижимы в результате обнаружения схожих, во многом совпадающих проблем не только исследовательского, но и организационно-содержательного характера, стоящих перед наукой в этих странах.

Среди таких проблем назовем следующие: взаимоотношения исследователей с государством, властью и обществом, поскольку последнее далеко не всегда удовлетворено работой социологов-профессионалов, причем эта неудовлетворенность возникает вследствие того, что в интеллектуальной жизни стран социология играет роль менее значимую, чем могла бы; эффективность социологической науки и практики, которая должна определяться влиянием, оказываемым на общество, конкретные социальные группы и слои; исследования текущих событий с точки зрения выявления наиболее значимых среди них, при этом социологические идеи и открытия должны излагаться простым и понятным языком и совсем не обязательно в «строго» научном жанре. Более того, даже предпочтительнее создание яркой научно-публицистической литературы, публикация комментариев к опросам общественного мнения и аналитическим обзорам экономики, политики и культуры.

Перечень близких для зарубежной и отечественной социологии проблем мог бы быть продолжен. Но, вероятно, и названного достаточно, чтобы убедиться в значительном сходстве, единстве, большой общности развития этой науки в различных странах. Наличие такого сходства приводит к убеждению, что социологи могли бы совместно на регулярной основе обсуждать широкий круг интересующих их общих проблем содержательного, организационного и иного характера.

Что касается круга теоретических вопросов, вызывающих общий интерес и ставящихся в социологической литературе, то они являются достаточно широкими, вне сомнения актуальными и требуют совместных разработок. Назовем лишь некоторые из них: глобализация социальной жизни, борьба с терроризмом и отношение к ней населения, социальные изменения сквозь призму прошлого, настоящего и будущего, социальные движения и революции, межнациональные конфликты, современный урбанизм, проблемы миграции, уровня и качества жизни населения, его бедности, здоровья, образования и культуры и др. В последние годы заметен большой интерес к сравнительным, кросскультурным международным исследованиям по названным и иным проблемам. Отечественные социологи стремятся принимать в них, как и в дискуссиях по данным проблемам, самое активное участие, подчеркивая их злободневный характер для нашей страны.

Сближение социологов различных стран, прежде всего тех, которые до недавнего времени работали разрозненно, плохо знали друг друга, требует интенсификации контактов между ними в различных сферах деятельности. Здесь имеет значение использование любых форм: проведение международных конгрессов, симпозиумов и конференций, совместные исследования, обмен преподавателями, стажерами, аспирантами, студентами.

Все это особенно важно для молодого поколения отечественных социологов, перед которым открывается широкая дорога к анализу зарубежного опыта и овладению исследовательским мастерством с учетом лучших мировых его образцов. Студенты, аспиранты, уже работающие молодые специалисты получают возможность изучать социологию и стажироваться в университетах США, Великобритании, Германии, Франции и других стран, что послужит дальнейшему развитию этой науки.

Как видно, логика развития жизни, процессы, происходящие в мире, и их отражение в научном мышлении с неизбежностью ведут к преодолению границ, стиранию жестких демаркационных линий между социологиями разных стран. И в теории и в практике социологической деятельности наблюдаются новые, крайне важные позитивные тенденции сближения и выработки общих позиций. Не так быстро идет движение к единой мировой социологии, но оно набирает силу и темпы.

Стремясь к предвидению дальнейшего развития социологии, назовем в качестве важной, может быть даже основной тенденции этого процесса взаимодействие социологических парадигм, включая марксистскую. Методологическое сближение не кажется нам сегодня невозможным, методологическое противостояние, наоборот, не имеет перспектив вследствие того, что тормозит развитие

социологической науки. Итак, консолидация мирового социологического знания – вот та тенденция, которая уже сегодня, пусть робко, только в виде первых росточков, начинает проявлять себя. Успехи отечественной социологии в значительной степени будут зависеть от того, как она сумеет «вписаться» в этот процесс, не утратив при этом своего собственного лица, специфики отечественной школы, национального своеобразия.

Сохранение национального своеобразия отечественной социологии обеспечивается, прежде всего, за счет тематики и основных направлений исследований. Понятно, что в 1990-х гг. (часто в литературе эти годы называют постсоветским временем) на первое место вначале вышли проблемы общественно-политического характера, начиная от определения содержания и вектора переходных процессов и кончая новыми политическими ценностями общества и его конкретных социальных групп. Социологи активно включились в многочисленные дискуссии по поводу специфики и названия нового общества, которое предстояло строить.

Следует сразу сказать о том, что эта полемика, несмотря на значительные «страсти», которыми она сопровождалась, постепенно уступила место конкретному анализу политических и социально-экономических аспектов реформирования России. Ментальная установка, вырабатывавшаяся у социологов десятилетиями, обязательно как-то назвать одним (или несколькими) словами общество, в котором живем, стала постепенно ослабевать. Идеология марксизма приучила его сторонников непременно ставить на общество (прошое, настоящее, будущее) «клеймо»: капиталистическое, социалистическое, коммунистическое. Уход от «одномерного» марксизма в сторону признания принципа теоретического плюрализма избавляет от необходимости «клеить» общество, но зато позволяет ставить вопросы о конкретном исследовании самых различных сторон его реформирования. Благо, здесь есть где «разгуляться» социологии.

В экономической и социальной сферах социологи стремятся к изучению явлений, связанных с новыми формами собственности, видами предприятий, типами экономического и социального поведения людей. Они не могут пройти мимо социетального кризиса, его стадий, особенностей и различных сторон в России. Особое внимание обращается ими на экономический, политический и социальный кризисы как конкретные формы проявления социетального кризиса. Социологов привлекает изучение ценностей новой модели общества и отношения к нему самых различных групп населения.

Особый интерес для ученых представляет изучение социальной структуры, стратификации и мобильности российского общества.

Поскольку появляются новые, подчас многочисленные, социальные слои (страты), которые существенно влияют на жизнь общества (предприниматели, коммерсанты, средние слои, политическая, экономическая, военная элита, управленческая бюрократия, креативный класс, безработные, «бомжи», охранники и т. д.), постольку социологические исследования этих элементов социальной структуры и стратификации представляются особенно актуальными и значимыми. Но социологов интересуют не только конкретные элементы социальной структуры и стратификации, для них важно определить в целом их тип и характер в новых условиях и возможные пути изменения в исторически обозримый период. С точки зрения проблематики социальной сферы, нашедшей свое отражение в социологических исследованиях, следует также назвать вопросы бедности и богатства, резкого усиления в обществе социального неравенства.

Особое место среди направлений исследований в отечественной социологии занимают проблемы коррупции, миграции, этнических конфликтов и межнациональных отношений. Пожалуй, с точки зрения общественных интересов сегодня нет вопросов более болезненных, чем эти, разве что еще многочисленные аспекты криминализации страны. Зачастую оба комплекса проблем оказываются взаимосвязанными.

Исследования социальной и политической сфер охватывают проблемы значительной сложности социальной и политической жизни общества, создания правового государства, гражданского общества, изменений в социальных идентификациях, формирования и деятельности власти на самых разных ее уровнях, начиная от центральной и кончая муниципальной, а также вопросы развития самоуправления на местах. При этом большой интерес в своих исследованиях социологи уделяют политической и экономической элите, ее положению в обществе и самым различным формам проявления ее активности.

Современный этап в развитии социологии ознаменовался целым рядом исследований в области образования. Пожалуй, ни одна конкретная сфера общественной жизни не испытала на себе столько самых разных попыток ее реформирования, как образование. Частая смена министров в 1990-е гг., стремление каждого из них оправдать свою деятельность очередными реформами и тем самым доказать ее целесообразность руководству страны, тяжелейшее материально-финансовое положение системы образования поставили перед социологами вопрос о необходимости широких исследований различных уровней и звеньев этой системы. Можно считать, не боясь ошибиться, что среди основных направлений отечественной социологии изучение образования является одним из наиболее приоритетных.

В ограниченной объеме главе нет возможности назвать все направления социологических исследований, проводимых в России в рамках рассматриваемого этапа. Необходимо лишь сказать, что они коснулись, по существу, всех сфер общественной жизни, будь то труд и быт, рабочее и вне рабочее (в том числе свободное) время, культура и наука, общественное мнение и СМИ, семья и личность. Существенное значение имели работы в области теории и истории социологии, методологии, методики и техники эмпирического исследования. Активно развивались практически все отрасли социологического знания, хотя в одних из них этот процесс был очень заметным, в других – менее интенсивным.

Продолжая конкретизировать и с этой точки зрения характеризовать особенности российской социологии в рамках современного этапа ее развития, отметим такую из них, как появление и развитие рынка социологических услуг. В 1990-х гг. возникли сотни (а возможно, и больше – статистики на этот счет нет) коммерческих социологических фирм, деятельность которых связана с изучением спроса и предложения (исследования маркетингового характера), управленческим консультированием (исследования и практическая работа по заказу менеджеров), организацией предвыборных кампаний (исследования на стыке социологии и политологии по заказу администраций, политических деятелей, крупного бизнеса) и др.

Сегодня на рынке социологических услуг реализуют себя тысячи социологов. Многие студенты социологических факультетов стремятся получить работу в таких коммерческих структурах: участвуют в исследованиях как лаборанты, анкетеры, интервьюеры, наблюдатели и т. д. При этом вряд ли было бы правильно полагать, что этот рынок окончательно сформировался. Рынок социологических услуг, с одной стороны, является составной частью рыночной экономики. С другой стороны, он становится необходимым и неотъемлемым компонентом системы политической демократии – при условии, что она является реальной, а не имитируемой.

Но здесь его (рынок) подстерегают немалые трудности и проблемы, порождаемые правящим режимом, вертикалью власти, неудовлетворенностью рядом результатов, получаемых социологами и противоречащих интересам власть имущих. Более подробно этот сюжет будет раскрыт и обсужден в следующей главе, посвященной взаимоотношениям между властью и социологией в условиях стремления последней участвовать в создании гражданского общества в России, и возникающих на этом пути трудностях.

Можно утверждать, что в рыночной социологической деятельности формируется новый стиль – предпринимательский. Основное значение зачастую приобретает не столько содержание и характер

исследований, сколько их результат. Главным вопросом становится соответствие полученного результата ожиданиям (а иногда и требованиям) заказчика, финансирующего исследование, поскольку именно от этого соответствия зависит вознаграждение труда социологов. Наряду с новым, предпринимательским стилем сохраняется и традиционный, академический стиль социологической деятельности, также нацеленный на получение результата, но такого, который имеет значение, прежде всего, для развития научных исследований и соответствует их высоким требованиям.

3. Социология в российских регионах и социологический провинциализм

Важной особенностью отечественной социологии на современном этапе ее развития является активизация усилий ее представителей не только в центральных городах (Москва, Санкт-Петербург), но и в региональных центрах, особенно тех, где с 1990-х гг. начало развиваться профессиональное социологическое образование. Появление социологических факультетов, отделений, специализаций, выпускающих кафедр стало своего рода системообразующим ядром для развития социологии в крупных городах – республиканских и областных центрах. На базе этих структур, за счет их выпускников шел процесс формирования рынка социологических услуг, внедрения социологов в органы государственного и муниципального управления, бизнес, систему образования региона. Большую роль стали играть возникавшие в крупных центрах науки и образования социологические диссертационные советы.

Последнее десятилетие XX в. наверняка войдет в историю нашей страны как время повышенного внимания к проблемам регионов, их социально-экономической и политической модернизации. Этому способствовали центробежные процессы, характерные для российского общества названного периода. Социология не осталась в стороне от них. Рассмотрим подробнее ситуацию в ней в этот период.

Прежде всего отметим, что социологию также затронули центробежные тенденции. Так, вместо нескольких крупных отделений, работавших в составе Советской социологической ассоциации (Центральное, Северо-Западное, Поволжское, Северо-Кавказское, Уральское, Сибирское, Дальневосточное), в структуре ее правопреемника – Российского общества социологов – оказалось 47 региональных отделений. Затем, после 1993–1994 гг., их число стало расти. В самом этом факте ничего страшного нет, если только он не ведет к определенному социологическому изоляционизму и

снижению уровня научных исследований. Именно в последнем обстоятельстве и была заключена опасность разрыва налаженных исследовательских связей в научном сообществе. Поэтому один из основных уроков, который важно было извлечь социологам в регионах, состоял в том, чтобы «не разбредаться» по региональным (национальным, областным, городским) социологическим «квартирам», а стремиться к консолидации, к объединению творческих и организационных усилий. Нужно отметить, что этот урок в должной мере не учтен и сегодня.

Говоря о развитии социологии в регионах в этот период, выделим три основные группы факторов, влиявших на этот процесс. Первая из них была связана с социально-экономическими и политическими изменениями в регионах, вторая – с отношением к социологии как науке, проведению социологических исследований и позицией региональных властей в этом вопросе, третья – с процессами в самой социологической науке.

Силу влияния этих факторов на развитие социологии в регионах можно ранжировать в том убывающем порядке, в каком они указаны выше. Более всего на состоянии социологических исследований и их проблематике сказывалась конкретная ситуация в регионе, «узел» вопросов, беспокоящих население и властные структуры. На втором месте – позиция этих структур, их отношение к социологии – негативное, равнодушное или поддерживающее.

Совершенно очевидным и не требовавшим особых доказательств было влияние региональных процессов – экономических, социальных и политических – на содержание и характер социологических исследований. Когда в регионе бастовали шахтеры, учителя, когда не выдавали месяцами, а то и годами пенсию и зарплату, когда люди забывали, что такое «живые» деньги и не могли купить детям тетради и одежду, тогда возникали сами собой проблемы напряженности и возможного социального взрыва. В этих ситуациях социологи пытались определить «запас прочности», существовавший у региональных властей.

А что же сами власти? Как они относились к таким исследованиям, в целом к развитию социологии в регионе? Ведь для социологии особенно важной была поддержка властей – как моральная (почти как виртуальная), так и в особенности реальная, проявлявшаяся через систему заказов на проведение исследований и привлечение социологов к выработке управленческих решений. Следует сразу сказать: как правило, такой поддержки не было. Практически нет ее (за редким исключением, о котором дальше скажем) и сейчас. Чаще всего господствовало и продолжает доминировать равнодушие, о социологах вспоминают в периоды предвыборных

кампаний и, как правило, стремятся иметь дело с «ангажированными» специалистами.

Рассматривая в целом положение социологии в регионах, употребим для его характеристики понятие социологического провинциализма [См. о нашей концепции социологического провинциализма: Зборовский. 2012: 1026–1033]. В 1997 г. известный отечественный социолог Л. Н. Коган утверждал: «Новая общественно-политическая ситуация в 90-е годы привела к серьезным изменениям в отношениях регионов и центра, но только не к ожидавшемуся росту духовного потенциала провинции» [Коган, 1997: 124].

Этот тезис можно использовать и для характеристики дел в социологии, имея в виду снижение (относительно центра) социологического потенциала провинции (кстати сказать, одного из элементов духовной жизни региона). Социологический провинциализм стал прямым следствием снижения духовного потенциала регионов. Однако здесь необходимы пояснения, показывающие противоречивость и неоднозначность этого процесса.

С одной стороны, существовал целый ряд достижений социологической науки и практики в регионах. Среди них: возросшие возможности профессионального социологического образования; появление большого количества центров, объединений, агентств и т. д., проводящих социологические исследования; усиление международных контактов, поездки за границу, использование сети Интернет; новые возможности публикации работ в области социологии; увеличение числа диссертационных советов и др.

С другой стороны, возник разрыв между центром и регионами в области использования возможностей развития социологической науки: в центре существовали намного более мощные финансовые средства для этого; штаб-квартиры международных и отечественных фондов, спонсирующих социологические исследования, проведение конференций, семинаров и школ, выделение грантов под проекты и поездки за границу, расположены в основном в Москве с вытекающими отсюда последствиями отлаженной системы лоббирования и получения средств и грантов преимущественно столичным участникам конкурса; наиболее крупные издательства, публикующие книги, переводы, учебники, также в основном использовали интеллектуальный потенциал и силы авторов из столичных городов.

Все это вело к усилению социологического провинциализма. Нельзя забывать и о такой его причине, как частое ощущение в регионах самодостаточности того, что делается, удовлетворенность собственным творчеством независимо от того, знакомо с ним социологическое сообщество или нет. Настоящий социологический провинциализм есть незнание научной общественностью

региона того, что делают другие исследователи в стране, в мире в области изучения тех же проблем.

Он особенно проявлялся в качестве исследований, применяющихся технологиях и публикуемых материалах. Столичные журналы (кроме «Социса») редко публиковали материалы из регионов. Причина состояла в том, что эти материалы далеко не всегда отвечали возросшим требованиям. «Провинциальные» авторы не демонстрировали умения содержательно проблематизировать данные исследований, преподнести их на современном уровне с учетом достижений мировой социологии, использованием работ ее представителей (в том числе более ранних периодов), изложить результаты анализа так, как этого требовал дух современной социологии.

Явление социологического провинциализма не ограничивается лишь периодом 1990-х гг. (во времени) и выходит далеко за пределы региональной проблематики (в пространстве). Поэтому рассмотрим более обстоятельно эту проблему, тем более что она имеет прямое отношение к процессу становления социологии в России в качестве элемента ее гражданского общества.

Провинциализм в социологии целесообразно рассматривать как феномен мировой и отечественной науки. Вначале коснемся очень коротко первого аспекта. В мировой социологии провинциализм появляется тогда, когда в результате институционализации социологической науки формируется центр (наиболее развитые в социологическом отношении страны) и периферия (все остальные). Рассматривая социологический провинциализм как научный феномен современного мира, необходимо отметить его неизбежный и объективный характер.

Социологический провинциализм тесно связан с социально-экономическим и политическим отставанием общества, его отдельных частей и структур, которое так или иначе, прямо или косвенно сказывается на состоянии социологии и научной деятельности ее конкретных представителей. Другими словами, существует тесная связь между уровнем и характером развития общества и социологии. И тогда есть основания утверждать, что провинциализм общества порождает социологический провинциализм. Экономически, политически, социально, духовно слабо развивающееся общество не испытывает сколько-нибудь значительной потребности в развитии социологической науки, обрекая ее на ограниченное, дистанцированное или даже изолированное от мирового развития социологической мысли существование.

Та или иная страна может представлять периферию, провинцию социологической науки, если работы ее представителей, их теоретические и эмпирические исследования плохо известны в мире, если они не публикуются на иностранных языках, если авторы

не принимают участия в жизни мирового социологического сообщества, не входят в руководящие органы и структуры международных социологических ассоциаций, не читают лекций в зарубежных университетах, не ведут совместных проектов, не обучают своих студентов за рубежом, а иностранных студентов – в собственной стране.

Следовательно, понятие социологического провинциализма имеет не только (а в ряде случаев и не столько) географический, но и содержательный характер. Оно предполагает концептуальное, идейное и технологическое отставание социологии и социологов (научных коллективов) от передовых достижений мировой науки. Явление социологического провинциализма означает иной, более низкий уровень самих исследований.

Известно, что одна из тенденций развития мировой социологии, фиксируемая в последние 15–20 лет, трактуется как ее глобализация. Противоположной ей тенденцией является регионализация социологии, означающая акцент научной деятельности ряда ее представителей не на глобальных, а на локальных, «страновых» и «внутристрановых» проблемах. Она может привести к провинциализации социологии, выступающей в определенных условиях как отсутствие тесных связей не только организационного, но и содержательного характера с международным социологическим сообществом, замкнутость и изоляция от него. Вместе с тем не следует забывать, что в регионализации социологии есть и позитивные черты. Это, прежде всего, специфический уровень анализа общества и особые теоретические конструкции и методы исследования.

Концепция провинциализма в социологии может быть лучше понята, если ее связать с другой социологической теорией – мир-системного анализа общества, предложенной И. Валлерстайном. Как известно, в ней он разделил все страны мира на три группы [Wallerstein, 1989; Валлерстайн, 2003]. Одна из них была отнесена им к «ядру» (наиболее развитые страны), другая – к полупериферии (среднеразвитые страны), третья – к периферии (все остальные). В соответствии с этой теорией, для большинства стран «перескочить» из периферии в полупериферию и из нее в «ядро» было практически недостижимо никаким способом, так что концепция, по существу, консервировала сложившийся миропорядок.

Концепция Валлерстайна касалась лишь общества в целом. Скажем сразу, что к ситуации в мировой социологии она не имела никакого отношения. Но попытка ее «примерить» и применить в качестве матрицы к трактовке положения в мировой социологии дала неожиданно интересный результат.

Применяя теорию И. Валлерстайна к социологии 1990-х гг., мы могли бы отнести к «ядру» мирового социологического сооб-

щества наиболее развитые в социологическом отношении его структуры, которые почти полностью (за небольшим исключением) совпадали с экономически развитыми в тот период странами. Социологическую полупериферию составляли страны второго социологического эшелона (включая Россию). Наконец, к социологической периферии мы отнесли бы большую часть стран Латинской Америки, Азии, Африки, арабского мира, где социологическая наука была в зачаточном состоянии.

Ныне ситуация заметно изменилась. В целом ряде стран из регионов, относимых ранее к периферии, социология добилась значительных успехов. Создаются новые теории, проводятся эмпирические исследования, развиваются многие отраслевые социологии, популяризируется социологическое образование. Исследователи из этих стран выступают против «засилья Запада» в мировой социологии и требуют открыть широкую дорогу их национальным социологиям.

Происходящие изменения вызваны нарастанием темпов социальных трансформаций в странах указанных регионов, существенной спецификой в них модернизационных процессов, особенностями адаптации к ним со стороны многих социальных общностей. Противостояние «Юг–Север» определенным образом проникло в социологию. Все это говорит о том, что в «мир-системном» подходе к социологии происходят существенные модификации, расклад сил становится иным, и перспективы дальнейших трансформаций вполне просматриваются.

Существующую ситуацию в российской социологии мы также можем рассматривать с учетом примененного выше подхода, в соответствии с которым выделим социологический центр, социологическую полупериферию и социологическую периферию (провинцию). При этом к центру мы относим Москву и Санкт-Петербург, к социологической полупериферии – (условно) города-«миллионники» (возможно, еще какие-то), к периферии – остальную «социологическую» Россию.

Критериями такой дифференциации выступают объективные показатели – публикации монографий, учебников (учебных пособий) и статей в центральных издательствах и журналах, проводимые крупные (российского либо регионального/межрегионального масштаба) исследования и отражение их результатов в центральных/региональных СМИ, участие в международных и общероссийских конференциях (конгрессах), проведение крупных (международных, общероссийских) конференций на собственной территории, уровень квалификации ведущих ученых, наличие того, что у нас называют социологическими школами, и др.

В качестве критериев рассматриваемой дифференциации могут быть приняты и субъективные показатели – отношение насе-

ления к социологии как науке и как профессии (включая уровень информированности о ней), интерес к результатам социологических исследований (особенно в период предвыборных кампаний), степень доверия к ним и т. д.

Разрыв между центром, полупериферией и периферией в развитии социологической науки и практики в последнее десятилетие не становится менее заметным. Скорее наоборот. Немало талантливых социологов из провинции, которые оказались достаточно востребованными, переехали в Москву и Санкт-Петербург, тем самым еще больше «оголив» социологическую периферию. Конечно, можно при этом утешаться французской пословицей «Поэты рождаются в провинции, а умирают в Париже», применяя ее к социологии. Весь вопрос в том, нужно ли это делать.

Теперь обратимся к более глубокому анализу поставленной проблемы в отечественной науке. Феномен социологического провинциализма является традиционным для нашей страны. Корни его – в постоянном отставании отечественной социологии от передовых рубежей мировой науки, которое наметилось еще в последней трети XIX века. Речь идет о возникновении социологии в России спустя примерно 30–40 лет после ее появления в Западной Европе. Об этом уже писалось во второй главе. С тех пор и по настоящее время, в силу разных причин, это отставание так и не удалось преодолеть.

Но, разумеется, дело не только во внешних факторах. Подлинные причины социологического провинциализма имеют внутреннюю природу и связаны с характером общества, в котором развивается (или не развивается) социальная наука. Суть рассматриваемой проблемы состоит, по нашему мнению, в выявлении места социологии и социологов в системе научного знания и общественной жизни России.

С этой точки зрения целесообразно говорить о двух крайних вариантах постановки вопроса (мы умышленно берем их для ее обострения): 1) социология может занимать авангардные позиции в науке и обществе, исследуя наиболее значимые и сложные в теоретическом и практическом отношении проблемы и пользуясь при этом доверием и широкой поддержкой общественного мнения; 2) она может плестись в арьергарде научного и общественного развития, уходить от самых острых и животрепещущих вопросов теории и практики, работать на их периферийном уровне, не вызывать живого интереса в обществе. Очевидно, что именно вторая позиция будет определять провинциализм социологии.

Для того чтобы разобраться глубже в проблеме, определимся с понятием социологического провинциализма и более общим – провинциализма в целом. В академическом «Словаре русского язы-

ка» провинциализм трактуется как взгляды, привычки, присущие жителям провинции (отдаленная от столицы, центра местность; периферия), ограниченность их интересов, узость кругозора [Словарь..., 1987: 470]. Социологический провинциализм может быть интерпретирован в самом общем виде с помощью добавления слова «социологический» к приведенной выше характеристике. Тогда он будет означать ограниченность социологических интересов, узость социологического кругозора.

Но содержание понятия «социологический провинциализм» не исчерпывается сказанным, реально оно шире и глубже. Конечно же, это понятие отражает действительное состояние социологии в стране и конкретном регионе и, что особенно важно, умонастроение ее представителей. Таким образом, в социологическом провинциализме можно увидеть как объективную, так и субъективную сторону. Рассмотрим этот феномен с точки зрения его вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего состояния.

То, что в советское время (вчера) провинциализм был характерной особенностью отечественной социологии, ни у кого не должно вызывать сомнения – с учетом ее значительной изоляции от мировой социологии и глубокой погруженности в единственную, считавшуюся тогда верной, методологию знания – марксизм-ленинизм. Неинституционализированная в значительной степени наука, каковой была социология в нашей стране вплоть до конца 1980-х гг., по определению несла в себе все аспекты и признаки провинциализма. Жесткий партийный диктат, цензура и связанные с ней ограничения свободы устного и письменного слова, необходимость работать исключительно на власть для общественного (точнее, партийного и государственного) признания и получения финансирования, видение только прикладной роли социологии и отказ признавать самостоятельный и теоретический характер этой науки, отсутствие профессионального социологического образования и многое другое (о чем уже не раз говорилось выше) детерминировало существование социологического провинциализма как ее (социологии) естественного состояния.

Сегодня ряд авторов (прежде всего, из числа социологической «властвующей элиты») стремится доказать, что в связи с исчезновением предпосылок существования социологического провинциализма этот феномен, как таковой, более не актуален для отечественной науки. В качестве факторов, способствовавших его преодолению, называются: полная институционализация социологии, развитие социологического образования, усиливающиеся связи и контакты с мировым социологическим сообществом, отсутствие цензуры, возможность издания в регионах различной социологической литературы и т. д.

Действительно, общество стало более открытым, чем раньше (особенно в советские времена), возможности развития социологической науки резко возросли, узаконена профессия социолога, нет препятствий для участия в международном социологическом общении и взаимодействии с иностранными учеными, студенты и аспиранты могут учиться в зарубежных университетах, а наши вузы – принимать студентов из-за рубежа и т. д.

Но в самом ли деле сегодня уже нет условий для сохранения социологического провинциализма? Мы бы не торопились с таким выводом, равно как и с иным – о его полном преодолении в нашей стране. По нашему мнению, несмотря на многие заметные достижения социологической науки и практики в стране в целом и ее отдельных регионах, феномен социологического провинциализма сохраняется, причем в достаточно выраженных формах, равно как сохраняются и определенные условия для его воспроизводства.

Провинциализм в социологии характеризуется тремя основными аспектами: организационным, содержательным, технологическим. Они проявляются через такие черты социологических исследований, как изоляционизм, мелкотемье, низкий уровень теоретического осмысления явлений, устаревшие методология и методики, несовременные технологии анализа, социальная и рыночная невостребованность, невключенность в поле деятельности международного социологического сообщества.

Характеризуя предпосылки и проявления социологического провинциализма, необходимо иметь в виду, что в регионах, в сравнении со столичными городами, существует более серьезный разрыв между поколениями социологов. В 1990-х гг. произошел «разрыв» их среднего поколения (в данном случае к нему мы относим людей в возрастных границах от 30 до 40–45 лет). Только сейчас новая генерация социологов, прошедших профессиональную подготовку, начинает утверждать себя, и им предстоит непростой путь в обществе, где независимые социологические исследования и независимая научная деятельность далеко не всегда ценятся и приветствуются.

Рассматривая социологический провинциализм, нельзя не коснуться вопроса об организации социологической науки и всего социологического сообщества. Возникла не способствующая преодолению социологического провинциализма и имеющая место сейчас ситуация разброда сообщества по различным «организационным квартирам» (РОС – Российское общество социологов, РОСА – Российская социологическая ассоциация, ССР – Союз социологов России и т. д.). С появлением такого «раздрая» усиливается изолированность отдельных групп социологов, сопровождающаяся их взаимным непризнанием, причем не только организационным, но и

содержательным (ослабевают использование работ оппонентов, их цитирование и т. д.), что является также одной из предпосылок для возникновения в науке провинциализма.

В плане общего вывода можно сказать, что к мировому кризису социологической науки, который переживает и отечественная социология, добавляется организационный и иной раскол в последней. Причем, по нашему мнению, он вызван не только стремлением отдельных людей, занимающих ключевые формальные должности и посты, к узурпации власти в научных социологических сообществах. В основе этого раскола – глубокие расхождения в понимании роли, предназначения, возможностей социологической науки.

Социологический провинциализм касается не только состояния социологической науки, но и более широкого спектра вопросов, связанных с практиками социологической деятельности, ее востребованностью, состоянием социологического образования, публикациями, заказами и грантами на проведение социологических исследований.

Вообще, строго говоря, мы бы не стали связывать явление социологического провинциализма только с фактором географического местоположения (столицы – города-«миллионники» – все остальные поселения). Можно жить в географической, экономической, политической, культурной провинции и не быть социологическим провинциалом (блестящий пример – творчество одного из крупнейших отечественных социологов, уральского ученого профессора Л. Н. Когана). И наоборот, немало представителей социологического «цеха», живущих и работающих в наших столицах – Москве и Санкт-Петербурге, находятся на обочине основной социологической колеи. Так что, повторим еще раз, дело не в том (или не только в том), где социологи живут и работают, главное – что и как они делают в профессиональном плане.

Социология в большинстве регионов характеризуется, как правило, более низким уровнем развития в сравнении с ее достижениями и результатами в столичных городах. Возможности развития социологической науки и практики в регионах и центре используются по-разному, притом что некоторые из них выравниваются (скажем, в связи с широким распространением сети Интернет, обеспечивающей практически равный доступ к литературе).

Понятно, что социология – не математика, физика или биология, передовые рубежи развития которых имеют более четкие и строгие очертания, нежели социогуманитарные науки. Но и у последних, включая социологию, есть критерии достижений: появление новых концепций как способов интерпретации возникающих социальных процессов и явлений, использование этих концепций в социологическом сообществе как факт научного признания их цен-

ности и полезности, актуализация современных методов исследования (связанных, в том числе, с применением компьютерных технологий), эффект критического анализа исследований со стороны коллег по сообществу, публичность и общедоступность материалов этих исследований, достигаемая благодаря СМИ. Стремление соответствовать названным критериям и есть преодоление социологического провинциализма в регионах России, путь (тенденция) развития в них современной социологии.

Строго говоря, социологическое знание, как, впрочем, и любое другое, не имеет территориальных границ, особенно в условиях развития сети Интернет. Поэтому создавать это знание, по крайней мере теоретическое, можно где угодно, в любых странах и регионах. Однако для проведения серьезных социологических исследований, без которых глубоко обоснованное и доказательное знание оказывается недостижимым, требуются соответствующие, «непровинциальные» условия.

Социологический провинциализм – это и особая научная позиция, и своеобразное «состояние души» социолога, стремление к научному «покою», а не к активному социологическому продвижению вперед. Это отсутствие мотивации к социологическому творчеству, нежелание (которое часто порождается неумением) проводить исследования и публиковать их материалы, участвовать в научных дискуссиях, писать проекты и стремиться к получению грантов и заказов.

Описанные выше явления, характеризующие провинциализм в социологии, подрывают интеллектуальную базу социологической России, по крайней мере, не способствуют ее усилению. Если еще 10–15 лет назад можно было спорить, есть социологический провинциализм в нашей стране или нет его, то сейчас, как это ни парадоксально для открытого общества, мы вынуждены с горьким сожалением констатировать реальность характеризуемого феномена и воспринимать его как данность. Но воспринимать – не значит принимать и пассивно соглашаться.

Выход из ситуации провинциализма для социологии – это ее умение стать востребованной не только на локальном и утилитарном, но и на сущностном уровне, что представляется основным научным и социальным условием преодоления названной ситуации. По существу, речь идет о самопрезентации социологов не только из центра, но и из регионов страны, об их попытках своеобразной демонстрации собственного «паблисити».

Эта демонстрация есть ничто иное, как поиск и предложение новых путей взаимодействия социологии и общества, показ возможностей своей самореализации на всех уровнях. Сюда обязательно включается генерирование новых идей. Провинциализм в

социологии имеет место там, где деятельность ее представителей ограничивается только потреблением чужих идей и теорий и их воспроизводством и отказом от создания собственных концептуальных трактовок тех или иных социальных явлений и процессов.

Если явление социологического провинциализма в России существует и мы признаем его как социальный факт, то возникает вопрос: что делать для его преодоления, как конкретизировать сформулированное требование соответствовать названным выше критериям? Самый банальный, но в то же время, вероятно, самый верный и простой ответ: работать, догонять, не отставать, стараться опережать, стремиться к участию в конкурсах проектов и получению грантов, к публикациям не только в местной, но и в центральной и зарубежной печати. Видимо, наиболее перспективный путь – формировать новое поколение социологов на иных базовых принципах, на новой литературе (в том числе и зарубежной, что требует владения иностранными языками), на новых исследовательских методиках и технологиях, на знании зарубежного опыта.

Отсюда становится понятно, что важным средством противостояния провинциализму в социологии является развитие профессионального социологического образования. Однако его состояние далеко не в полной мере соответствует предъявляемым требованиям и социологической науки, и социологической практики, и работодателей. Сегодня в нем содержится реальная опасность перехода от большого количества социологических факультетов (отделений) к «малому качеству» профессиональной подготовки на них. Речь идет об уровне профессионализма педагогического персонала. Пока реально обучают социологии те, кто, в большинстве своем, во-первых, не имеют социологического образования, во-вторых, сформировались в мировоззренческом и научном плане в старые, «советские» времена и не в состоянии преодолеть в полной мере их наследие. Возникает определенный парадокс: будущих социологов учат не-социологи (по образованию). Молодые же преподаватели – выпускники социологических факультетов находятся в своей значительной части лишь в начальной фазе профессионально-педагогической адаптации.

Есть и другие, не менее важные, причины низкого уровня профессионального социологического образования: недостаточная подготовка студентов, отсутствие у них необходимой образовательной и профессиональной мотивации, слабый уровень финансирования названного вида образования и т. д. Не последнее место в ряду этих причин занимает кризис отечественного социологического знания.

Какое будущее ожидает социологический провинциализм в нашей стране? Что с ним произойдет завтра? Ответ на эти вопросы равносителен ответу на главный вопрос: что станет завтра с отече-

ственной социологией? Представляется, что в ближайшее время вряд ли произойдут значительные изменения в нашей науке. Коль скоро социология утратила, а точнее говоря, не приобрела важной социальной роли в преобразовании общественных практик и в этом смысле занимает не очень заметное место в жизни российского общества, коль скоро фактом является невостребованность ее реального концептуального арсенала и теоретического потенциала для объяснения кризисной ситуации в стране и выявления реальных путей ее изменения, коль скоро она сводится к эмпирическим исследованиям с выраженной политической тематикой и направленностью, вряд ли можно рассчитывать на скорое преодоление кризиса в ней самой. Именно свидетельством этого кризиса и одним из его ярких проявлений и выступает социологический провинциализм.

Как, каким образом провинциализм в социологии сопрягается с ролью этой науки в процессе создания гражданского общества в России? Отвечая на этот вопрос, следует сказать, что провинциализм по своей сути означает конформизм с властью, готовность соглашаться с ней практически по всем основным аспектам интерпретации экономических, социально-политических, культурных процессов общественной жизни в угоду решению собственных проблем. Под последними, видимо, следует понимать получение от власти новых выгодных заказов, грантов, статусное продвижение и иные социальные блага и привилегии.

Более того, социологический провинциализм означает разрыв с критической функцией социологии и научную поддержку деятельности правящего режима и его решений – как в центре, так и на местах. При этом под научной поддержкой мы понимаем, прежде всего, публикацию таких результатов исследований, которые, выражаясь словами М. К. Горшкова, не будут «пугать власть» [Горшков, 2012: 27].

Сказанное вовсе не означает, что все происходящее в стране, в том числе и все властные решения, в обязательном порядке должны восприниматься с позиций их социологического неприятия и обязательной критики. Нужны, прежде всего, объективные научные исследования, над которыми бы не висел «меч властного возмездия» за полученные результаты. Последние же могут быть очень разными, в том числе и такими, которые власть не пугают, а наоборот, заставляют ее заинтересоваться ими и задуматься над предлагаемыми способами решения проблем. Но все это при условии, что власть хочет и может думать. За возможность проведения таких объективных и независимых исследований и предстоит бороться тем, кто выступает против социологического провинциализма.

В этом смысле ему противостоит социологический активизм. Под ним мы понимаем стремление социологов занять объективную, независимую, научную позицию в осуществлении своей профессиональной деятельности, активно добиваться реализации основных принципов Кодекса социолога, бороться с проявлениями конформизма и провинциализма в науке.

4. Российская социология в 2000–2014 гг.

Анализ развития отечественной социологии в рамках второго периода ее современного этапа (2000–2014) мы посвятим рассмотрению сначала ситуации в ней самой, а затем – теоретической социологии и социологических теорий.

Начнем с характеристики этого периода как достаточно сложного и неоднородного. По нашему мнению, с точки зрения рассматриваемой проблемы соотношения социологии и власти, а также роли социологии в создании гражданского общества в стране в нем можно выделить два подпериода: первый – до 2008 г., второй – после него вплоть до наших дней. Почему предлагается такая периодизация с акцентом на 2008 г. как определенный рубеж между подпериодами?

Отвечая на этот вопрос, подчеркнем вначале важную особенность всего периода (2000–2014 гг.): в это время состоялись четыре конгресса Российского общества социологов. Первый проходил в Санкт-Петербурге в 2000 г., второй и третий – в Москве соответственно в 2004 и 2008 гг., четвертый – в Уфе в 2012 г. На последнем конгрессе в Уфе было принято решение о проведении пятого социологического конгресса в 2016 г. в Екатеринбурге на базе Уральского федерального университета. Не ставя задачу рассмотрения итогов работы каждого конгресса, мы хотим специально обозначить (опять же с точки зрения центральной проблемы книги) роль третьего и четвертого конгрессов.

Сразу отметим большую роль конгрессов в деле консолидации всего социологического сообщества России. Это касается в первую очередь двух первых конгрессов. На волне бурного развития социологической науки, массовизации социологического образования, резко возросшей публикационной активности, полной свободы и гласности в обществе конгрессы превратились в настоящие праздники социологии. Если же учесть участие в их работе немалого числа гостей из стран как ближнего, так и дальнего зарубежья, становятся понятны масштаб и значение конгрессов. Специально нужно подчеркнуть восстановление разрушенных во время распада

СССР связей российских социологов со многими их коллегами из бывших советских республик.

На последующих двух конгрессах – третьем и четвертом – тенденции взаимодействия и консолидации по-прежнему были хорошо видны. Вместе с тем проявили себя и тревожные процессы раскола в социологическом сообществе, в первую очередь среди его руководства. Они стали заметны перед третьим конгрессом в 2008 г., после него и особенно в период подготовки и проведения четвертого конгресса в 2012 г.

Отсюда следует одна из причин того, почему 2008 г. оказался «пограничным» при переходе от первого ко второму подпериоду. Это – раскол в социологии. Вторая причина была связана с тем, что именно в 2008 г. разразился мощнейший финансово-экономический кризис (как в мире, так и в России), а социология как наука ничего не смогла сделать для его предсказания (впрочем, другие науки, в том числе и экономическая, оказались не в лучшем положении). Наконец, третья причина – по порядку, но не по значению – заключалась в том, что именно с этого времени стали создаваться предпосылки для постепенного изменения идеологического режима в стране с нейтрального по отношению к социологии (во время президентского срока Д. А. Медведева) на негативный (в целом по всей социально-гуманитарной, научной и культурной сфере жизни, включая социологию), что по-настоящему проявилось в 2012–2014 гг. (в очередной президентский срок В. В. Путина).

Причиной (а может быть, поводом?) стали массовые протестные выступления (митинги, демонстрации, манифестации) в связи с грубыми нарушениями на выборах в органы политической власти. В них приняли участие либерально настроенная интеллигенция, средние слои общества, бизнес, ряд общественных движений и организаций, незарегистрированных партий. Сотрудники ряда социологических служб в ходе этих выступлений находились среди протестующих, изучали их мнения и затем публиковали результаты проведенных исследований.

Протестные выступления очень сильно напугали власть. События, имевшие место на проспекте Сахарова и на Болотной площади в Москве, особенно шествие и митинг на Болотной 6 мая 2012 г., вызвали ярость руководства страны и последовавшие вслед за этим репрессии. Социологические исследования, связанные с изучением общественного мнения относительно массовых протестных выступлений, также напугали властные структуры – они показали значительное снижение их авторитета, в том числе президента и премьер-министра страны.

Однако результаты исследований, проведенных, к примеру, Левада-Центром, ВЦИОМом, фондом «Общественное мнение», ока-

зались существенно отличающимися друг от друга, причем не на несколько процентных пунктов, а на порядок. Ситуация заставила задуматься вновь над вопросом об ангажированности отдельных социологических служб. После майских (2012 г.) выборов президента начинают постепенно закручиваться идеологические «гайки», вносятся радикальные изменения в закон о некоммерческих организациях, появляется новая их категория под названием «иностранные агенты», деятельность социологов в этих организациях предлагается приравнять к политической.

Все это приводит к усилению раскола среди социологических служб, который уже существовал после того, как большая группа социологов во главе с Ю. А. Левадой вышла из состава ВЦИОМ в 2003 г. и создала свою структуру под названием «Левада-Центр». Появление этого центра стало следствием сильного давления Кремля на «старый» ВЦИОМ (до 2003 г., во главе с Ю. А. Левадой). Идеологическое руководство Кремля во главе с В. Ю. Сурковым было явно не удовлетворено независимой позицией социологов и результатами их исследований общественного мнения по многим проблемам жизни страны. У нового руководства ВЦИОМа (во главе с В. Федоровым, имя которого в социологическом мире вообще никто до этого никогда не слышал) отношения с властными структурами стали складываться совсем по-другому. Среди социологов страны открыто говорили о том, что каждую новую анкету, прежде чем ее пускать «в поле», новое руководство ВЦИОМа вначале согласовывает с кремлевской администрацией.

Связан ли раскол в социологии с общей политической и «властной» ситуацией в стране? Ответ на этот вопрос может быть, с нашей точки зрения, только утвердительным. Ситуация в социологии не может рассматриваться изолированно от тех процессов, которые происходят в стране и ее властных структурах в особенности. Борьба за близость к руководству и раскол элит в стране с авторитарным режимом власти, с выстроенной ее вертикалью способствуют скорее не интеграционным, а дезинтеграционным процессам в социально-гуманитарных науках. Но здесь важно учесть и серьезные противоречия научного характера, и вмешательство (пусть и не прямое) православия и самодержавия, и конфликт в сфере социологического образования.

Серьезный «раздрай» в социологическом сообществе возник около семи лет назад в связи с событиями на социологическом факультете МГУ и вовлек в свою сферу значительную часть социологов. Ему не видно конца-края, и можно предвидеть только усиление раскола среди социологов. Проблемы на факультете начались с недовольства группы сильных студентов процессом преподавания. Они стали жаловаться на то, что с факультета ушли

многие авторитетные преподаватели, что они не имеют возможности слушать ведущих социологов страны, которых не приглашают для чтения отдельных курсов или даже отдельных лекций, что их заставляют чуть ли не по одному учебнику сдавать все дисциплины (имеется в виду «Фундаментальная социология» В. И. Добренко и А. И. Кравченко) и т. д. Они требовали встречи с ректором, выдвинули свои претензии. Кончилось тем, что ряд студентов был исключен из университета.

К счастью, социологическое сообщество не осталось в стороне, студентов восстановили в других вузах, и они получили социологическое образование. Но в процессе «разматывания» этого клубка были выявлены случаи плагиата в работах декана, о чем было написано письмо ректору В. А. Садовничему. Случаи плагиата выявила специальная комиссия, которая состояла из ведущих ученых. Российское общество социологов вместе с ними обратилось к руководству МГУ с предложением сменить руководство факультета, однако ничего сделано не было. Всё осталось по-прежнему.

Руководство факультета настолько себя дискредитировало, что стало объектом критики Международной социологической ассоциации (МСА). В частности, об этом неоднократно говорил (в том числе и на III Всероссийском социологическом конгрессе в 2008 г.) президент МСА М. Вевьерка. Совершенно очевидно, что в связи с такими событиями резко упал авторитет социологического факультета МГУ, равно как и тех, кто его поддерживает. А это очень плохо, особенно для престижа российской социологии за рубежом.

Свою версию конфликта на социологическом факультете МГУ, причем достаточно глубоко обоснованную, приводит А. Г. Здравомыслов. Он пишет о том, что в системе организации научной и педагогической деятельности обычно сталкиваются два принципа – профессиональная компетентность и сохранение устойчивости вновь созданных структур (факультетов и кафедр). Упомянутый конфликт возник как прямое следствие устойчивого доминирования второго принципа, что неизбежно приводит к снижению качества образования. «При этом, – полагает Здравомыслов, – сторонники устойчивости иерархической системы обращаются главным образом к “националистическому” обрамлению собственных интересов, а сторонники принципа профессиональной компетентности – к интернациональному контексту своей профессии, поскольку критерии любого профессионализма находятся в современных условиях, как правило, за пределами национальных границ» [Здравомыслов, 2010: 246–247].

В другом месте названной работы социолог, разбирая ситуацию этого конфликта между студентами и руководством факуль-

тета, отмечает, что «студенты стремились оградить себя от мобилизации под знамена “консервативного православия”, которое стало доминирующей идеологией отнюдь не в духовной семинарии, а на социологическом факультете главного университета страны» [Здравомыслов, 2010: 311–312].

К возникшей некрасивой ситуации в МГУ следует добавить попытку руководства Российской социологической ассоциации – Г. В. Осипова и В. И. Добренькова, а также В. И. Жукова, который возглавил Союз социологов России – узурпировать власть в социологическом сообществе России. Понятно, что из этого ничего не получилось, но раскол в нем был обеспечен полнейший. В последние годы он еще более усугубился, что проявилось в проведении двух параллельных социологических конгрессов в 2012 г. Немалую роль в этом сыграли действия Г. В. Осипова, который, пользуясь поддержкой Президиума РАН, вопреки протестной позиции Российского общества социологов (в адрес Президиума РАН было направлено специальное письмо), «продавил» решение о проведении параллельного конгресса.

Возникает вопрос о характере и природе этого конфликта. Является ли он конфликтом только внутри социологического сообщества или выходит за его пределы в сферу социологической науки? Представляется, что второй вариант ответа более адекватно отражает сложившуюся ситуацию. Точнее говоря, имеет место и первое и второе. То, что в социологическом сообществе существует несколько профессиональных объединений, является совершенно нормальным. Более того, ряд представителей одних объединений участвует в деятельности других. Так, на конгрессе в Уфе принимали участие члены Сообщества профессиональных социологов России, Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского.

Суть дела в другом. Нездоровая атмосфера вызвана стремлением руководителей некоторых из них (в частности, Г. В. Осипова, В. И. Жукова, В. И. Добренькова) подмять под себя все социологическое сообщество, узурпировать власть над ним, добиться изменения ситуации. Ведь Российское общество социологов было объявлено правопреемником Советской социологической ассоциации более 20 лет назад и с тех пор представляет Россию в МСА и ЕСА (Европейской социологической ассоциации). Более того, его авторитет постоянно растет, увеличивается численность членов РОС, в нем представлена большая часть субъектов РФ. Но именно это и не нравится тем, кто занимает высокие руководящие должности в своих административных структурах, а общественные объединения оказываются вне зоны их контроля.

В нашей стране существует «имперская» традиция, которая называется вертикалью власти. Но в социологии она (по крайней

мере, пока) не работает, и очень хотелось бы, чтобы не работала и дальше. Между тем именно за соблюдение этой традиции в социологии и выступают поименованные выше люди. Это – одна сторона конфликта.

Другая находится глубже и касается содержательного и даже идеологического размежевания социологов. Пример: Российская социологическая ассоциация (РоСА), руководителем которой является декан социологического факультета МГУ В. И. Добренев (некоторое время назад официально уличенный в плагиате), совершенно четко проводит линию на сотрудничество с Православной церковью и объявляет идеологическими устоями современной социологии православие, самодержавие и народность [Добренев, 2009]. Ситуация складывается таким образом, что появляются авторы, которые могут публиковаться в одних изданиях, а в другие им дорога закрыта. Дело доходит до того, что вводится запрет на цитирование тех или иных социологов. Так что существующее противостояние в отечественной социологии имеет совсем не безобидный характер. Представляется, что оно отражает, по крайней мере отчасти, реальный раскол, который существует в российском обществе.

Перейдем к рассмотрению теоретической социологии в России, ее состояния и перспектив. При этом будем иметь в виду, что ряд анализируемых теорий хронологически относится к середине и второй половине 1990-х гг., тогда как большинство их было создано в 2000-х гг. Естественно, что они отличаются друг от друга – и по условиям их создания, и по содержанию, и по вектору. Однако теории, созданные в рамках первого периода современного этапа отечественной социологии, полностью сохраняют свое значение и сегодня. По этой причине мы считаем нецелесообразным использовать такой критерий их дифференциации, как время появления теорий, и будем рассматривать отечественную теоретическую социологию последних 15–20 лет как единое целое. Тем более что существует некое объединяющее начало большинства этих теорий – они посвящены анализу переходного состояния российского общества и его социетальной трансформации.

Начнем с утверждения, что в рамках современного этапа развития отечественной социологии возникает феномен, которому, по существу, не было места в период ее второго рождения и в условиях застоя. Речь идет вначале о конституировании, а затем и о развитии теоретической социологии. Нельзя сказать, что до 1990-х гг. социологическому теоретизированию не уделялось вообще никакого внимания. В качестве его примеров мы могли бы привести социологическую теорию труда В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова [Человек и его работа..., 1967] или теорию диспозиционного ре-

гулирования социального поведения человека В. А. Ядова [Ядов, 1975; Саморегуляция..., 1979].

Однако, во-первых, теоретическая деятельность в социологии не только не поощрялась партией и государством (о чем ранее мы уже писали), но всячески ограничивалась и даже осуждалась вследствие признания ее исключительно прикладного характера (в этом случае право на развитие теории сохранялось только за философией и считалось исключительно ее прерогативой); во-вторых, сама социологическая наука делала первые шаги, и уровень готовности ее представителей к созданию теорий был невысоким.

В связи с переходом отечественной социологии к совершенно новому этапу ее развития, одной из основных характеристик которого стали принципиально иные общественные условия ее функционирования, появились все необходимые предпосылки для возникновения теоретической социологии. С нашей точки зрения, главные среди этих предпосылок – свобода социологического творчества, новые возможности самореализации исследователей, первые ростки гражданского общества в России и участие социологии в их исследовании.

Поскольку далее мы собираемся остановиться на теоретических достижениях отечественных социологов за последние 15–20 лет, нужно ответить на вопрос, который возникает в связи с таким рассмотрением: а есть ли эти достижения? Другими словами, можно ли говорить о наличии самой теоретической социологии в нашем обществе? Вопрос этот, скорее всего, не следовало бы задавать, если бы имелась единая точка зрения: либо теоретическая социология есть, либо ее не существует.

Но единой точки зрения нет, и хотя подавляющее большинство социологов отвечает на этот вопрос положительно, но есть и иное, противоположное мнение. Оно, в частности, принадлежит А. Ф. Филиппову и впервые было сформулировано им сначала в 1997 г. в журнальной публикации «О понятии “теоретическая социология”» [Филиппов, 1997], а затем в 1999 г. в аналогичной по содержанию статье «Теоретическая социология» [Филиппов, 1999]. Вот цитата из последней: «Теоретической социологии в сегодняшней России нет. Нет обширных и постоянных коммуникаций, тематизирующих, прежде всего, фундаментальную социологическую теорию, нет обширных концептуальных построений (разветвленной теории), нет достаточно самостоятельных последователей (во всяком случае, круга последователей) какой-либо признанной западной школы, нет и заметных претензий на создание своего собственного большого теоретического проекта» [Филиппов, 1999: 7–8]. Как видно, сказано предельно четко и определенно.

Правда, в ряде последующих работ автора произошло некоторое смягчение этой позиции, но в целом она сохранилась. Автор

связывает отсутствие теоретической социологии в нашей стране с публичным невниманием к социологической науке в целом. При этом он различает теоретическую деятельность в социологии (по его мнению, она имеет место в нашей науке) и собственно теоретическую социологию (которой нет). Конечно, с таким различением (мы пока не касаемся вопроса, что у нас есть, а чего нет) в принципе нельзя не согласиться.

Но тогда возникает вопрос: что же есть теоретическая деятельность как не создание теорий? И не противоречит ли сам себе А. Ф. Филиппов, когда утверждает, что «наше общество не осмысливает себя теоретически в некоторых определенных формах, привычно называемых социологической теорией»? [Филиппов, 1999: 10].

Поставленная проблема – отсутствие теоретической социологии в современной России – очень важна, ее ни в коем случае нельзя недооценивать, и имеет она явно выраженный полемический характер. Есть два варианта дискуссии с приведенной точкой зрения. Первый – вступить в спор по каждому пункту и попытаться доказать, что все не так уж плохо с теоретической социологией в стране, что формируются научные коммуникации, тематизирующие фундаментальную социологическую теорию, появляются концептуальные построения в виде теорий (далее некоторые из них будут показаны), имеются и претензии на создание собственно отечественного большого теоретического проекта (связанного с конструированием фундаментальной социологической теории социетальной трансформации общества). Второй вариант – попробовать выяснить, что стоит за позицией А. Ф. Филиппова. Пойдем по второму пути полемики, который, в конечном счете, поможет выйти и на первый.

Для этого необходимо выяснить в очень краткой форме, что понимает под теоретической социологией А. Ф. Филиппов. Это тем более важно сделать, что в новых, постсоветских условиях развития социологической науки поставленная проблема требует иного, чем раньше, осмысления. А. Ф. Филиппов считает, что теоретическая социология – это прежде всего самоосмысление общества [Филиппов, 1999: 10], знание обществом самого себя [Филиппов, 1999: 27], особый род взаимодействия [Филиппов, 1999: 22]. Используя прием «*definitio per negatio*» (определение через отрицание), мы, вслед за автором, могли бы сказать, что теоретическая социология – это то, чего нет в России (а далее перечислить выше названные Филипповым характеристики). Общий смысл его позиции состоит в том, что пока общество не может и не хочет мыслить о себе самом, теоретической социологии в нем не будет. «В чем же состоит шанс социолога-теоретика? В том, чтобы дать шанс обществу!» [Филиппов, 1999: 34]. В этом, видимо, и заклю-

чается особый род взаимодействия между социологией и обществом.

Теперь поставим еще один вопрос: может ли и, тем более, должна ли теоретическая социология иметь национально-специфический характер? Для ответа на этот вопрос снова приведем мнение А. Ф. Филиппова: «... полноценная социология в той или иной стране возможна лишь при условии, что, по меньшей мере, там предпринимаются попытки сформировать свою собственную фундаментальную теорию с учетом собственного уникального опыта и признанных стандартов философии и методологии» [Филиппов, 1999: 26]. Неужели анализ попыток социологического теоретизирования в России с учетом присущего ей поистине уникального опыта переходного периода не убеждает в возможностях создания собственной фундаментальной теории?

Еще четверть века назад, когда впервые на международную социологическую арену вышли представители социологии ряда азиатских, африканских и латиноамериканских стран, М. Элброу предложил использовать термин «индигенизация социологии», что означало буквально ее «отуземливание», приспособление к специфике данного общества [Albrow, 1990]. Адаптация теоретической социологии к специфике конкретного общества означает, с одной стороны, активное использование лучших достижений мировой социологии (в виде фундаментальных теорий, парадигм), с другой – создание собственных теорий, созвучных, сопряженных, тесно связанных с широко принятыми в международном социологическом сообществе. Как только социологи замыкаются на национально-специфическом (например, то, что связано в Китае с учением Мао Цзэдуна или Дэн Сяопина), вне связи с теориями и парадигмами мировой социологии, они перестают представлять подлинно научную теорию. Здесь следует согласиться с А. Ф. Филипповым, который отмечал, что «в обществе, понимаемом как совокупность всех возможных взаимодействий, теоретическая социология есть особый род взаимодействия» [Филиппов, 1999: 22].

В этом плане главный вопрос заключается в том, что считать социологическими теориями и является ли уровень их фундаментальности в России тем рубежом, который позволяет говорить о наличии теоретической социологии. Мы убеждены в положительном ответе на вторую часть вопроса. Попытаемся обосновать свое мнение в последующем рассмотрении ряда социологических теорий, возникших в стране за последние 15–20 лет. Что касается первой части вопроса, то ранее мы пытались представить наше видение социологической теории [Зборовский, 2007: 46–54].

Под ней мы понимаем форму организации социологического знания, представляющую собой систему логически взаимосвязан-

ных понятий и принципов, посредством которых раскрывается природа (структура и генезис) тех или иных социальных структур. Специфика социологической теории означает ее ориентацию на анализ социальных структур, общностей как больших социальных групп, систем и процессов, в них происходящих. Социальные общности, выступающие объектом макросоциологической теории, — это цивилизация в целом и наиболее крупные ее социальные образования, включающие реальные виды обществ и их взаимодействия. Такая теория не требует детального рассмотрения конкретных проблем и ситуаций, возникающих в данных общностях, а нацелена на их комплексный охват, предполагает наличие широкого взгляда на них, позволяющего включить эти локальные процессы, проблемы и ситуации в общетеоретический контекст анализа. Теоретическое социологическое знание объясняет социальную реальность сквозь призму общих и специфических тенденций ее функционирования и развития, ориентирует на выявление механизмов их действия и форм проявления в различных сферах общественной жизни, позволяет осуществить анализ социального развития, в том числе сквозь призму преодоления возникающих конфликтов. Однако социологические теории касаются не только общества и его структур. В меньшей степени они охватывают жизнь человека и его поведение, соотношение человеческого действия и социальной структуры.

Отметим некоторые особенности отечественных социологических теорий. Прежде всего, в своем большинстве они имеют национально-самобытный характер и созданы на основе анализа происходящих в российском обществе изменений, а также их сравнения с теми процессами, которые имели место в Советском Союзе. Речь может идти в этом случае о теориях: социального механизма социетальной трансформации Т. И. Заславской, рецидивизирующей модернизации Н. Ф. Наумовой, социальной структуры и социальной стратификации В. В. Радаева и О. И. Шкаратана, институциональных матриц С. Г. Кирдиной, парадоксального человека Ж. Т. Тощенко, «советского человека» Ю. А. Левады, социальной идентичности В. А. Ядова и др.

Важная особенность этих и иных теоретических построений, о которых ниже пойдет речь, состоит в том, что они имеют практическое значение. Это не рефлексивная социология (предметом которой являются уже имеющиеся социологические теории), тем более, это не теории ради теорий. Они посвящены поиску реальных путей трансформации российского общества. При этом авторы отечественных социологических теорий постоянно прибегают к учету и использованию опыта зарубежья — как ближнего, так и дальнего.

Несмотря на то что упомянутые выше и другие теории (о которых в силу ограниченности объема книги здесь не будет

сказано) базируются на исследовании реальных отечественных проблем, они обладают крайне важным позитивным качеством: тесно связаны с достижениями не только зарубежных стран, но и теоретической социологии в них, используют их опыт, выполнены в рамках различных парадигм и метапарадигм. Тем самым создается возможность органически «вписать» отечественные концепции в систему мировой теоретической социологии.

Однако здесь следует иметь в виду некоторые обстоятельства, которые не всегда учитываются нашими теоретиками. В одной из своих работ Л. Г. Ионин отмечал, что тематика исследований и содержание теорий западных социологов не отвечают и не могут отвечать российским реалиям [Ионин, 2005: 257]. Такой же точки зрения придерживаются Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов и другие известные отечественные социологи.

С другой стороны, высказывается убеждение в необходимости использовать возможности «встраивания» отечественных социологических концепций в существующие западные теоретические конструкции, модели и парадигмы. Блестящим образцом такого подхода является работа В. А. Ядова «Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций». В предисловии к ней В. В. Козловский справедливо отмечает: «Особенно важно, что современные теории автор (речь идет о В. А. Ядове – *прим. Г. З.*) целенаправленно разбирает, оценивает и применяет для анализа трансформирующегося российского общества. Подобный подход... уникален» [Цит. по: Ядов, 2006: 6].

Сам В. А. Ядов полагает, что западные гранд-теории обладают немалым потенциалом понимания и объяснения социальных явлений в мультистрановом и мультикультурном пространстве, поэтому вполне могут быть использованы для исследования российских процессов. Он задается общим вопросом: должна ли социология (социологическая теория) иметь «национальные» черты? [Ядов, 2006: 83]. Ответ на этот вопрос приобретает у Ядова «прикладной» по отношению к России характер и формулируется в виде предположения: «Сомнительно, чтобы российская социология нуждалась в какой-либо “национально-специфической” общей социальной теории» [Ядов, 2006: 84]. Небезынтересно отметить, что этому суждению предшествовало другое, не менее значимое и состоявшее в том, что «процессуально российское общество движется в сторону западноевропейского образца и утверждения соответствующих социальных институтов. К тому же страна включена в миро-системные процессы».

Рассуждения В. Я. Ядова о поставленной проблеме продолжают (а может быть, завершаются?) в его статье с симптома-

тичным названием «Для чего нужна сегодня национальная русская социология?» [Ядов, 2008]. Признав национальный характер современной российской социологии, он делает несколько необычный вывод, что такая наука нужна, прежде всего, идеологам российской исключительности.

Такая позиция вызвала полемическую реакцию со стороны некоторых социологов, в частности А. Г. Здравомыслова. Во-первых, он не без основания отметил, что современная национальная российская социология нужна не только этим идеологам, но и ему самому (присоединяемся полностью к этому суждению). Ее создавали крупнейшие наши исследователи – Т. И. Заславская, Н. И. Лапин, В. Н. Шубкин (персоналии названы Здравомысловым), а также, добавим мы, сам В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, Ю. А. Левада и др. Во-вторых, вопрос Ядова – «должна ли социология (социологическая теория) иметь национальные черты?» – нуждается в некоторой корректировке, которая основана на том, что она их реально имеет. Главное же здесь в другом – как соотносятся в теоретической социологии национальное и наднациональное [Здравомыслов, 2010: 16, 301–305]. Мы бы добавили еще одно слово: интернациональное.

5. Отечественные социологические теории: 1990–2000-е гг.

Перейдем к рассмотрению отдельных теорий, созданных российскими учеными в рамках современного этапа отечественной социологии, с учетом присутствия в них «национального и интернационального». Одни из них касаются непосредственно переходного периода в развитии российского общества, в других делается акцент на трансформационных процессах, в нем происходящих, третьи посвящены анализу изменений в социальной структуре и социальной стратификации, четвертые затрагивают институциональные характеристики российского общества, в пятых раскрывается проблематика личности и т. д.

Начнем с анализа проблем переходного периода российского общества и его социетальной трансформации. Остановимся вначале на концепции социального механизма социетальной трансформации Т. И. Заславской [См.: Заславская, 2002; Заславская, 2004].

Рассматривая трансформационные процессы в России и в других посткоммунистических обществах, она считает, что их нельзя изучать в закрытом социальном пространстве. Открытое же пространство требует использования трех основных векторов: преоб-

разований в социоструктурной среде, институциональных изменений и выявления того, что происходит с человеческим потенциалом общества.

Под первым вектором Т. И. Заславская понимает сдвиги в конфигурации социального расслоения, к институциональным изменениям она относит появление новых норм экономических и социальных взаимодействий. Вектор человеческого потенциала, фиксируя его качество, включает в себя четыре компонента. Это: 1) социально-демографический (численность населения, соотношение рождаемости и смертности и т. д.); 2) социально-экономический (качество рабочей силы, занятость); 3) социокультурный (уровень образования, менталитет, культурные традиции); 4) инновационно-деятельностный (готовность к различным формам профессиональной активности, имеющим инновационный характер).

Концепция Т. И. Заславской выполнена в русле деятельностно-активистской парадигмы, имеющей широкое распространение в зарубежной теоретической социологии (А. Турен, П. Штомпка). В названной выше ее работе [Заславская, 2004] одна из глав называется «Трансформационная активность: поведенческий аспект». В ней социолог подчеркивает деятельностную трактовку трансформационных процессов, отсюда в центре внимания – иерархия социальных субъектов, активно участвующих в них. Т. И. Заславская предлагает свою классификацию акторов – субъектов этих процессов. Она связывает их деятельность с принадлежностью к тем или иным социальным общностям. Среди последних социолог выделяет социоструктурные общности, властвующие «кланы», поколенческие когорты и др.

Рассматривая содержание и направленность их деятельности, исследователь подчеркивает, что одни из них заинтересованы в либерально-демократическом реформировании общества, другие – в возврате к советскому прошлому, третьи просто хотят использовать сложившуюся ситуацию в собственных интересах. Помимо названных социальных субъектов, существует немало самых различных групп и социальных общностей, которые не могут (а некоторые и не хотят) адаптироваться в постсоветском пространстве и не обладают для этого необходимыми ресурсами (материальными возможностями, здоровьем, знаниями, интересами и ориентациями и т. д.).

В завершение краткого рассмотрения теории Т. И. Заславской приведем ее оценку, данную В. А. Ядовым: «Концепция Татьяны Заславской, на мой взгляд, наилучшим образом систематизирует современные научные знания о социально-экономических и социокультурных трансформациях и, что особенно важно, эта концепция инструментальна: обладает богатым аналитическим потенциалом

для исследования реальных процессов в целостной системе трансформирующихся обществ и, следовательно, для построения экспериментальных сценариев ближайшего или более отдаленного будущего» [Ядов, 2007: 20].

В рамках теоретического исследования переходного периода выполнена концепция «рецидивирующей модернизации» Н. Ф. Наумовой [Наумова, 1999]. Как известно, в зарубежной теоретической социологии проблематика модернизации нашла широкое отражение, особенно в теории девелопментализма (один из авторов – современный французский социолог Р. Будон), предметом которой является анализ стадий безвозвратного линейного развития. По существу, это разновидность использования широко распространенного эволюционистского социологического подхода.

Западные теории модернизации в основном посвящены рассмотрению этого феномена в странах «третьего мира», получающих возможность прогрессировать благодаря помощи извне, от более развитых стран. Что касается так называемых посткоммунистических стран, которые в большинстве своем также относятся к «третьему миру», то они чаще всего «живут взаимы у прошлого и будущего» [Цит. по: Ядов, 2006: 69]. При этом заем у прошлого – это то, что было накоплено в прежние годы и не могло восполниться вследствие разрушения всего народно-хозяйственного комплекса, заем у будущего – внешние долги. При таких обстоятельствах эффективная модернизация оказывается весьма затрудненной.

Исследуя пути и возможности модернизации в российском обществе, которая была определена как рецидивирующая (одни называли ее догоняющей, другие – отстающей, третьи – запаздывающей), Н. Ф. Наумова выделила ряд необходимых для достижения успеха условий. Среди них: гражданское согласие в обществе (прежде всего, на уровне элит); наличие достаточных экономических и человеческих ресурсов; быстрый рост численности среднего класса; наличие общенациональной мобилизационной идеи; удержание государством социального контроля, упреждение острых социальных конфликтов и вооруженных столкновений. Несмотря на то что концепция была выдвинута в конце 1990-х гг., она продолжает успешно работать в наше время. Актуальность проблем не снята, равно как не сняты предлагаемые Н. Ф. Наумовой пути их решения.

Определенные теоретические результаты достигнуты отечественными социологами в области изучения социальных институтов. Речь идет о теории институциональных матриц новосибирского (сейчас московского) социолога С. Г. Кирдиной [Кирдина, 2000]. Потребность в новом видении социальных институтов была порождена спецификой переходного периода в нашей стране, когда

фактически был поставлен вопрос о радикальной смене многих из них. Отметим, что появившаяся теория была выполнена в рамках уже сложившегося в мире учения неoinституционализма (К. Поланьи, Д. Норт, Л. Тевено и др.) и, таким образом, усиливает его за счет анализа процессов переходного периода в России. Концепция С. Г. Кирдиной опирается также на работы отечественных ученых А. С. Ахиезера, О. Э. Бессоновой, Т. И. Заславской, В. Г. Федотовой и др.

Сама идея институциональных матриц была впервые сформулирована, вероятно, К. Поланьи. Он полагал, что эти матрицы выступают как система базовых институтов, где решающую роль играют институты экономические – в том случае, когда они встроены в различные общественные структуры (культурные, этнические и др.) и оказывают на них сильное влияние. О роли базовых институтов также убедительно писала Т. И. Заславская: «Социетальные типы обществ определяются небольшой группой “базовых институтов”, по образу и подобию которых строятся все остальные. Общая эффективность институциональной системы, ее способность отвечать на внешние и внутренние вызовы, обеспечивать в меняющихся условиях устойчивое развитие общества зависит, в первую очередь, от качества институтов, составляющих ее ядро» [Заславская, 2003: 87].

В чем суть концепции С. Г. Кирдиной? Чтобы коротко ее определить, приведем, прежде всего, дефиницию центральной категории – «институциональная матрица». Для социолога – это «устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической» [Кирдина, 2000: 24]. Она рассматривает два типа матриц – восточные (X) и западные (Y), противопоставляя их друг другу и показывая, к чему ведет господство того или иного типа. При этом к X-матрицам С. Г. Кирдина относит: редистрибутивную экономику; опосредованное центром движение ценностей и услуг, прав на их производство и распределение; унитарное политическое устройство; коммуитарную идеологию; доминирование «Мы» над «Я». Y-матрицы включают в себя: рыночную экономику; не опосредованное центром и не требующее его согласия движение товаров и услуг; федеративное политическое устройство; субсидиарную идеологию; доминирование «Я» над «Мы» [Кирдина, 2001: 64–65].

Совершенно очевидно, для сегодняшней России (несмотря на то, что ее часто называют реформирующейся) характерны матрицы первого типа. Это резко сужает возможности развития страны по либерально-демократической траектории и обрекает ее на длительное существование в рамках «управляемой демократии»

(выражение В. В. Путина), ограничения прав и свобод, жестких административных реформ и давления, идущего от Кремля («вертикаль власти»). Существенную роль при этом играет раздаточная экономика (регионы-доноры, которых мало, направляют средства регионам-реципиентам, которых подавляющее большинство, не прямо, а через перераспределение их центром, что закрепляет существующее положение дел в экономике страны на многие десятилетия).

Поэтому «матричный» анализ позволяет обнаружить совершенно парадоксальную ситуацию: реформы – по их внешней видимости и форме – выглядят как прозападные и демократические, а политика, направленная на их реализацию, является государственно-принудительной. Сама же концепция институциональных матриц дает возможность рассматривать российское общество с позиций доминирования в нем вертикально организованных социальных институтов, в деятельности которых главную роль играет государство. Институты же гражданского общества оказываются своеобразным «бантиком», который пришит сбоку (как тут не вспомнить известное выражение: «черт-те что, и сбоку бантик»).

Отечественные социологи внесли свой вклад в теоретическое исследование такого большого комплекса проблем, как социальная структура и социальная стратификация. Не затрагивая эмпирических разработок последнего времени в этом предметном поле, касающихся среднего класса, выделения различных слоев в социальной структуре общества, анализа ее различных видов, усиления социальной дифференциации населения и т. д., мы хотели бы остановиться лишь на одной теоретической концепции социальной стратификации, получившей название этатрактической. Она также появилась в условиях переходного периода и базируется на классических и неоклассических социологических теориях социальной стратификации и социальной мобильности М. Вебера, К. Дэвиса и У. Мура, П. Сорокина и др.

На рубеже 1980–1990-х гг. начался радикальный пересмотр теорий социальной структуры в отечественной социологии. Произошел отказ от идеи ведущей роли рабочего класса в жизни общества, равно как и в целом от концепции классовой структуры в качестве единственно возможного варианта социальной структуры. Впервые социологи стали использовать различные теории социальной стратификации, которые раньше были просто под запретом (даже использование терминов «социальная стратификация» и «социальная мобильность» в 1970-х – начале 1980-х гг. считалось буржуазным лжетворчеством, результатом «тлетворного» влияния враждебной идеологии).

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. появляются новые концепции социальной структуры общества, не замкнутые исключительно на марксовых и ленинских положениях. Их авторы (Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина, О. И. Шкаратан и др.) стремились рассматривать социальную структуру под иными углами зрения. Работы упомянутых и иных исследователей оказались весьма близки к концепциям социальной стратификации. По существу впервые были сделаны попытки представить стратифицированное российское общество.

В этом плане отечественная социология в трактовке социальной структуры совершила прорыв, приблизившись по характеру ставящихся целей и исследовательских задач к мировой социологии. Как известно, последняя изучает социальную структуру общества на уровне его стратификации. Лучшие работы российских социологов последних лет оказались выполненными также в этом ключе. Появились первые модели стратификации на базе их серьезного теоретического осмысления.

Одна из них была предложена В. В. Радаевым и О. И. Шкаратаном [См.: Радаев, 1995]. В ее основе – властная (этакратическая) иерархия и классовая структура. При рассмотрении властной иерархии авторы этакратической модели опираются на собственный анализ стратификации советского и постсоветского общества. Они считают, что система советского типа является обществом без классов. В этой системе были ликвидированы (насильственным путем) дореволюционные классы, произошла атомизация общества (оно превратилось в совокупность статистических групп, за исключением правящих слоев), нарастали процессы социальной маргинализации (т. е. имело место расхождение между социокультурным происхождением групп и их нынешним общественным положением). В таких условиях, полагают В. В. Радаев и О. И. Шкаратан, основным критерием социальной стратификации становится распределение власти.

Однако власть трудно поддается формализации. Для того чтобы стратифицировать советское общество по этому критерию, авторы воспользовались системой рангов, определяющих положение каждого индивида по формальному месту, занимаемому им в общественной иерархии. Ранжирование – это элемент жесткой социально-дифференцирующей политики.

Из всей совокупности формальных рангов В. В. Радаев и О. И. Шкаратан выделили социально-профессиональные и на их базе выстроили схему основных страт советского общества, которая включила в себя правящие слои, передаточные слои, исполнительные слои, «иждивенцев» и «париев» [Радаев, 1995: 203]. Кроме того, они определили четыре основных типа корпоративных иерархий (структуры партийных органов, административно-хозяй-

ственных органов, Советов народных депутатов, официально утвержденных общественных организаций). Они показали, что для подавляющего большинства населения доступ к экономическим и социальным благам открывался через принадлежность людей к тому или иному корпоративному институту, а основными формами вознаграждения становились привилегии и льготы.

Значение представленной модели и ее теоретического анализа состоит в том, что она может с успехом использоваться при рассмотрении ситуации не только в Советском Союзе, но и в постсоветской России. Несмотря на то что произошли значительные изменения ее стратификационной картины, этакратическую (властную) систему не удалось сломать до конца. Более того, некоторые ее элементы сейчас возрождаются (например, корпоративная структура административно-хозяйственных органов, которая мало чем отличается от прежней, а в некоторых аспектах даже усилилась, поскольку осталась единственной из четырех ранее существовавших).

С другой стороны, появился традиционный для западного общества тип стратификации, основанный на критерии доходов (материального благосостояния, включая собственность). Другими словами, концепция В. В. Радаева и О. И. Шкаратана показывает не просто социальное неравенство в обществе в его самых различных проявлениях, но демонстрирует развитие общей теории стратификации в специфических российских условиях. Выясняется, что три веберовских критерия стратификации – доход, власть, статус, которые в западных странах чаще всего находятся в прямой пропорциональной зависимости применительно к большинству слоев общества, в России далеко не всегда столь тесно сопряжены между собой.

Описанная выше концепция социальной стратификации нашла свое продолжение в теории социального неравенства О. И. Шкаратана [Шкаратан, 2009; Шкаратан, 2012]. В первой из упомянутых работ – «Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России» – автор утверждает: «В постсоветской России сохранился в преобразованном виде этакратизм (дословно – власть государства – от греч. и франц.) с присущими ему слитными отношениями «власть – собственность», которые получили частнособственническую оболочку, но по существу остались неизменными. Сохранилось и доминирование государственного регламентирующего воздействия на экономику, возродился и государственно-монополистический способ производства, и корпоративная система как определяющая форма реализации властных отношений, соответственно – иерархического ранжирования объема и характера привилегий членов социума» [Шкаратан, 2009: 9].

Во второй работе – «Социология неравенства. Теория и реальность» – исследователь доказывает, что на смену господствовавшему ранее этакратизму пришел неоэтакратизм и значительно усилившееся социальное неравенство. По мнению социолога, «России не удалось... совершить коренной поворот в сторону конкурентной частнособственной экономики, демократии и гражданского общества» [Шкаратан, 2012: 520]. По данным эмпирических исследований, сословная иерархия в стране расширилась в условиях трансформационных процессов. Властные отношения на основе номенклатурной иерархии и сословных привилегий правящих слоев не только сохранили, но и усилили свое господство над частной собственностью, реально подмяв под себя бизнес с помощью государственно-бюрократических структур.

На основании проведенных им исследований ученый приходит к выводу, что «неравенство в России в решающей степени определяется отношением к собственности и объемом располагаемой власти» [Шкаратан, 2012: 383]. Как видно, в представленной общей характеристике критерия социального неравенства соединены элементы и марксовой, и веберовской его трактовки.

О. И. Шкаратан полагает, что в стране властвует компрадорский капитал, взаимодействующий с коррумпированным чиновничеством. В связи с этим, по его прогнозу, нас ожидает латиноамериканский, конкретнее – аргентинский путь развития, основанный на доминировании сырьевого сектора. Естественно, автор ставит вопрос о возможности позитивных структурных изменений в экономике и обществе. При соблюдении ряда условий, считает он, они вероятны.

Здесь решающую роль должны сыграть средние слои постиндустриального типа, он их называет информационными производителями. По существу, это новый средний класс. Его эффективное становление может произойти при определенной государственной политике, реальность которой просматривается при изменении траектории движения в пользу информационной экономики, информационного капитализма, интенсивного развития нового класса. Результат такого процесса – появление сильного социального государства, что, по мнению социолога, является наиболее адекватной перспективой для России с ее общинным сознанием и традициями взаимопомощи.

Ряд социологических теорий был посвящен проблематике личности в условиях переходного периода и трансформаций российского общества. Одна из таких – теория В. А. Ядова, посвященная социальной идентичности личности [Ядов, 1994; Ядов, 1995]. Специфика этой теории состоит в том, что в ее основу положены серьезные конкретно-социологические и психологические исследования

первой половины 1990-х гг. Сама теория выполнена на «стыке» двух близко расположенных друг к другу наук – социологии и социальной психологии.

Почему возникла необходимость в такой теории? Существует несколько причин обращения именно в переходный период к проблемам социальной идентичности личности. Прежде всего речь должна идти о радикальных социально-экономических и политических изменениях в стране, которые привели к утрате прежних социальных идентичностей. Этому в значительной степени способствовал крах тоталитарной системы, с которым оказалось связано становление новой социальной субъектности. Переменам в социальной идентичности личности сопутствовали новые явления в социальной и стратификационной структуре общества, в первую очередь появление предпринимательства и предпринимателей как особого социального слоя. Весь этот комплекс причин приводил к тому, что происходила ломка социальных идентификаций огромных масс людей. Социальной же первопричиной формирования новой идентичности В. А. Ядов считает разрушение прежних иллюзорных представлений об общности интересов индивида и государства.

Под социальной идентичностью личности автор теории понимает осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям – профессиональным, национально-этническим, религиозным и т. д. Чувство принадлежности к социальной общности призвано выполнять важные социальные и социально-психологические функции.

Базисная социальная функция социальной идентификации означает включение индивидов в систему социальных взаимосвязей, их стремление слиться с теми общностями и группами, которые обеспечивают им защиту их жизненных интересов и основных потребностей – перед лицом реальных или мнимых опасностей. Рассматривая основной механизм социальной идентификации, В. А. Ядов считает, что им является «сопоставление (или противопоставление) интересов, взглядов, ценностей, оценок, моделей поведения своей группы (общности) тем, которые полагаются не своими (или враждебными), интересы которых безразличны для данной общности или конфликтны» [Ядов, 1995: 162].

Помимо причин, вытекающих непосредственно из особенностей переходного периода, были и общенаучные соображения. Так, В. А. Ядов говорит о том, что в исследовании личности нет более фундаментальной проблемы, чем изучение механизмов и следствий формирования самоопределения индивидов в обществе. Он считает, что социально-идентификационные процессы лежат в основе формирования более или менее устойчивых социальных интересов. Теория направлена на то, чтобы выявить, как и почему они становятся механизмами формирования гражданского общества.

Теория социальной идентичности личности опирается на несколько парадигм. Конечно, это, безусловно, структурно-функциональный анализ, поскольку в нем акцентируется внимание на выявлении макроструктурных механизмов социализации, т. е. адаптации личности к формам социального бытия и взаимодействия. Но эта парадигма, во-первых, не рассматривает проблемы и изменения в самосознании личности, а во-вторых, плохо описывает социальные процессы, происходящие в условиях радикальных преобразований во всех социальных институтах и взаимоотношениях.

В силу недостаточности использования лишь структурно-функционального анализа В. А. Ядов прибегает к применению и иных парадигм, в частности феноменологического теоретизирования. Выясняется, что социальное конструирование реальности в процессе социальной идентификации очень важно. Как утверждает автор теории, он стремится совместить социальную и социально-психологическую парадигмы становления личности как активного социального деятеля.

Еще одна теория личности, появившаяся в условиях переходного периода и имеющая самое непосредственное отношение к его особенностям, принадлежит Ж. Т. Тощенко и получила название концепции парадоксального человека [Тощенко, 2001]. Ее автор рассматривает такое уникальное и удивительное явление переходного периода, как парадоксальный человек. Речь идет о том, что человек в одно и то же время искренне преследует взаимоисключающие цели, часто не замечая парадоксальности своего сознания и поведения. По мнению автора, «парадоксальность сознания стала неотъемлемой частью современной жизни» [Тощенко, 2001: 55], что он пытается аргументировать с помощью анализа реальной ситуации в России.

Ж. Т. Тощенко доказывает, что парадоксальный человек является неотъемлемым атрибутом парадоксального общества, в качестве которого выступает общество переходного периода, и, наоборот, парадоксальное общество конкретизирует и реализует себя в парадоксальном человеке. Автор теории анализирует причины этого явления, особенности его воспроизводства во всех сферах общественной жизни, в различных акциях сознания и поведения.

Социолог специально обращается к анализу понятия «парадокс» [Тощенко, 2001: 53–64]; было бы «парадоксально», если бы он этого не сделал. Рассмотрение работы Ж. Т. Тощенко приводит к постановке вопроса о соотношении парадокса и противоречия. Иными словами, можно ли сводить к парадоксам сами противоречия? Правильно, что любой парадокс выступает как противоречие, но не менее верно и то, что не всякое противоречие является парадоксом. В целом же Ж. Т. Тощенко прав, когда говорит о том, что парадоксы возникают на основе противоречий.

При осмыслении теории парадоксального человека становится понятно, что не так-то легко обнаружить парадоксы в процессе анализа многочисленных форм социальной практики и проявлений общественного сознания. Можно привести целый ряд примеров точно найденных Ж. Т. Тощенко парадоксов. Так, при характеристике массового политического сознания и поведения автор указывает на главный парадокс: это, с одной стороны, потеря доверия к государству, его политическим институтам, с другой – неисчезающая надежда на его помощь, участие в решении жизненных коллизий, упование на его патерналистскую роль. Или еще одно противоречие парадоксального характера в этой сфере жизни: между стремлением к дальнейшему развитию демократии и все отчетливее проявляющимся стремлением к авторитарному управлению [Тощенко, 2001: 168–169].

В работе анализируются такие формы проявления парадоксов, как мифологическое сознание и кентавр-проблема. При этом Ж. Т. Тощенко ставит вопрос о трагедии мифа как варианта парадоксальности мифологического сознания. Он анализирует трагедию мифа о рынке, который спасет, принесет богатство и достаток, сделает все для человека в реальной жизни, и каждый раз возвращается к вопросу о том, чем обернулся этот миф для многих людей.

Новой для социологов является кентавр-проблема. Ж. Т. Тощенко пишет, что существует значительное число людей, которые являются своеобразными кентаврами, совмещающими взаимоисключающие взгляды и утверждения (напомним, что в древнегреческой мифологии кентавр – это получеловек-полулошадь). Социолог верно отмечает, что образ кентавра отражает парадоксальное состояние сознания, совмещение несовместимого не только в мифологии, но и в реальной общественной жизни. Речь идет о том, что одни и те же люди придерживаются одновременно взаимоисключающих социальных и политических ориентаций.

Проблема парадоксальности человека получила несколько неожиданное продолжение в теории играизации общества С. А. Кравченко. По его мнению, играизация есть новое утверждающееся и распространяющееся явление в обществе радикального модерна и постмодерна, которое связано с кризисом традиционной системы социального управления, основанной на жестком контроле поведения людей. Она обозначает зарождение особого стиля жизни, предполагающего парадоксальное сочетание серьезного и потешного, реального и виртуального, чувственного и интеллектуального, организационного и дезорганизационного, рационального и иррационального. Это особый игровой габитус, позволяющий даже в условиях дискретной, нелинейной социальной реальности добиваться вполне прагматических жизненных целей [Кравченко, 2006].

Завершая рассмотрение отечественных социологических теорий, посвященных проблемам человека и личности в условиях трансформации российского общества, мы считаем необходимым остановиться на концепции Ю. А. Левады [Советский простой человек., 1993; Левада, 2006]. Первоначально она была представлена в проекте «Человек» и преследовала цель показать те радикальные изменения, которые происходят с людьми в условиях революционной ломки социальных институтов и трансформации социальной структуры. Казалось, что «советский человек» и его «социалистический образ жизни» быстро уступят свои позиции новому типу личности и образа жизни. Однако в результате изучения общественного мнения и накопления опыта в этом процессе выяснилось, что не так он «прост», этот «простой советский человек». В 1997 г. Левада зафиксировал изменение собственной точки зрения. Раньше «казалось, что крушение официальных институтов принуждения и идеологической обработки, присущих советской системе, высвободят человека, нового по отечественным масштабам или нормального по мировым, – способного действовать в рамках демократии. Действительность оказалась более сложной, ломка старой общественной системы – длительной и более противоречивой.

В этих условиях приобрели самостоятельное значение проблемы положения человека в системе социальных институтов... Достигнутая в результате перемен... открытость по отношению к внешнему миру оказалась противоречивой и болезненной – причем в человеческой сфере не менее, чем в экономической и социальной» [Левада, 1997: 14].

Исследование человека («советского типа» в особенности) легло на почву фундаментального теоретического и эмпирического анализа советского, а затем и российского общества. Ю. А. Левада выявил несколько ключевых характеристик советского общества, которые определили наиболее значимые черты господствующего типа личности (советского человека). Среди этих характеристик – принудительная самоизоляция советского общества, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром. В условиях самоизоляции общества формировался тип человека с определенным комплексом превосходства над другими (советский человек). Этот комплекс обеспечивался сильной ориентацией на отеческую заботу партии и государства о каждом члене общества, т. е. на государственный патернализм. В свою очередь, последний опирался на принцип равенства (эгалитаризма) всех советских людей при соблюдении определенной иерархии среди тех, кто находился во власти и осуществлял управление (эгалитаристская иерархия). Что касается имперского синдрома, то он проявился сквозь призму осознания советским человеком принадлеж-

ности к «братскому единству советского народа», идентификации себя с «советской империей».

Последующие процессы развития российского общества и исследования самого Ю. А. Левады, а также (после его смерти в 2006 г.) его учеников из Левада-Центра показали (и еще больше показывают сейчас), что многие характеристики советского общества окончательно не устарели. Это обстоятельство во многом объясняет живучесть «советского простого человека». Аннексия Крыма и реакция российских властей на украинские события в 2014 г. вызвали массовую поддержку их политики – по крайней мере, об этом свидетельствуют опросы общественного мнения, а также мощную волну патриотизма в стране, что мы рассматриваем как прямое проявление имперского синдрома. Все остальные характеристики советского общества – принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия – «работают» не менее убедительно и воспроизводят соответствующие личностные черты советского времени.

Разумеется, далеко не все зеркально копируется. Существуют социальные общности, слои и группы населения, которые не вписываются в прежние структуры и не поддерживают позицию руководства страны. По разным данным, таких может быть до 20 % населения. Но это – «подавляемое» меньшинство, часть которого высказывается вслух, другая предпочитает молчать.

Итак, история повторяется. Не хотелось бы говорить, в какой форме – трагедии, фарса или еще как-то. Для нас важно в данном случае другое: концепция Ю. А. Левады и его учеников из Левада-Центра продолжает работать. Ее потенциал не исчерпан и постоянно подпитывается социальной реальностью современного российского общества и его социологической рефлексией.

Выше было рассмотрено несколько отечественных социологических теорий, не только возникших в границах переходного периода, но и непосредственно посвященных проблемам развития российского общества и человека в нем в последние 15–20 лет. Ценность этих концепций определяется рядом моментов:

1. Все они явились теоретическим обобщением социальных процессов в России как в советское, так и в постсоветское время.

2. Условием этого обобщения, которое необходимо было соблюсти для получения корректных выводов, явился сравнительный анализ названных процессов, причем не только в масштабах нашей действительности, но и далеко за ее пределами, в развитых и развивающихся странах.

3. Социологические теории переходного периода охватили процессы, имевшие и имеющие место практически во всех сферах общественной жизни, будь то социум в целом, социальные институты, социальная структура и социальная стратификация и др.

4. Создававшиеся теории базировались как на западных, так и на отечественных теоретических и эмпирических построениях.

5. Уровень анализа в этих теориях таков, что позволяет рассматривать их как неотъемлемую часть мировой социологической науки.

В начале XXI века в России стали активно обсуждаться проблемы неклассической, а затем и постнеклассической социологии [См., например: Григорьев, 2000; Немировский, 2003; Немировский, 2005]. Сторонники этой линии развития социологии считают, что ее базой является формирование новой научной картины мира, связанной с учением о ноосфере В. И. Вернадского, открытием принципа дополнительности Н. Бора, исследованиями в области синергетики И. Пригожина и др. Они полагают, что основанием современной неклассической социологии является социогенетика, позволяющая понять единство организации и развития социума, центральную роль в этом процессе человека, взаимосвязь его жизненных сил и жизненного пространства [Григорьев, 2002]. Отсюда выводится необходимость существования и развития виталистской социологии как социологии жизненных сил человека (С. И. Григорьев).

Из целого ряда работ, посвященных рассмотрению неклассической социологии, можно сделать некоторые выводы, касающиеся ее особенностей. Помимо тесной связи с современными достижениями естествознания, упор в ней делается на человека, его социальную активность, культуросоцентричность жизнедеятельности, анализ его жизненных сил. Важной стороной предметного поля неклассической социологии объявляются закономерности исторически конкретного способа жизнеосуществления человека как биопсихосоциального существа.

Что касается постнеклассической социологии, то, основанная на современной научной картине мира, она имеет следующие особенности: развитие междисциплинарного и комплексного подхода к анализу социальной реальности; синтез социогуманитарного и естественно-научного знания; использование полипарадигмальных подходов; включение современных направлений системного анализа (синергетика, диатропика, фрактальный подход и др.) в спектр методологических основ социологии; опора на традиционную восточную философию и русский антропокосмизм; расширение представлений о предмете социологии и стирание междисциплинарных различий с социогуманитарными науками [Немировский, 2006: 13].

В. Г. Немировский говорит о том, что «в качестве методологической основы постнеклассического подхода используется диатропический “принцип минимального универсума”, непосредственно вытекающий из постматериалистической универсумной пара-

дигмы. В соответствии с ней социум – неотъемлемая часть высокоорганизованной Вселенной, взаимосвязанная с другими ее элементами. Наше общество – самоорганизующаяся система, эволюция которой совершается в соответствии с общематериальными закономерностями, которые и выражены в диатропическом принципе минимального универсума» [Немировский, 2005: 14].

Нам представляется, что суть и методологическую основу постнеклассической социологии нелегко понять без необходимого запаса естественно-научного знания, касающегося понятий диатропического, минимального универсума и др. Не способствует ее пониманию и большое количество мало известных гуманитарии терминов. И вообще, можно ли утверждать, что «на постнеклассическом (универсумном) этапе развития социологии преодолевается распад, дезинтеграция, утрата собственного предмета социологической науки, свойственные эпохе постмодерна»? [Немировский, 2005: 27]. Если да, то как, каким образом это делается?

Возникает и иной вопрос: если постнеклассическая социология – не чисто национальное изобретение (своеобразное российское социологическое «ноу-хау»), то почему к ее особенностям отнесена опора на русский антропокозизм и традиционную восточную философию? Все эти, а при желании можно задать еще и другие, вопросы ставят проблему идентичного использования терминов, уже принятых в мировой социологии, да и в отечественной также. В данном случае речь идет о постнеклассической социологии, ее содержательной трактовке (см. работы Дж. Ритцера, Э. Гидденса, С. А. Кравченко и др. [Ритцер, 2002; Гидденс, 2003, 2009; Кравченко, 2006, 2012]), с которой существенно расходятся приведенные выше суждения социологов из Сибири.

Говоря о возможностях применения постнеклассических идей в отечественной теоретической социологии, необходимо видеть перспективы такого процесса. В этом отношении можно согласиться с А. В. Тихоновым, который пишет: «Нужно признать, что формирующаяся постнеклассическая социология, круто изменив свою интенцию, значительно расширяет диапазон поиска нового знания и его использования в обществе. Причинность, преимущественно детерминировавшая настоящее прошлым, теперь “переселяется” в качественно иное пространство, в будущее, которое не экстраполируется и не разгадывается прорицателями, а устанавливается с тем или иным успехом научно» [Тихонов, 2007: 79].

Из приведенных выше рассуждений о развитии постнеклассических идей следует, что если отечественная теоретическая социология стремится к международному признанию, то ее представители должны работать в совпадающем методологическом и понятийном ключе с социологами других стран. Сегодня это – необ-

ходимое условие включения отечественной науки в систему интернациональных достижений социологии.

В структуру постнеклассической социологии органично включается системная теория (системный подход) А. А. Давыдова [Давыдов, 2004, 2005]. При разработке своей системной теории автор исходит из того, что социология находится в глубоком и затяжном кризисе. Контовский проект оказался нереализованным. Теоретическая социология превратилась в специфический интеллектуальный дискурс (А. А. Давыдов здесь полностью принимает критическую позицию постмодернизма). Социологическая наука стала аутсайдером среди других наук.

Главной причиной такого кризиса, по мнению автора теории, стало следование гуманитарной парадигме, а не системному подходу, общей теории систем, методов системного анализа и системного управления, использования эмпирических данных и плодотворных моделей из других научных дисциплин. В этой критике, как видно, предлагается путь появления новой теоретической социологии, которую А. А. Давыдов определяет как системную социологию.

Он исходит из того, что социальные явления и процессы объективно являются системами (не говоря уже о том, что в таком качестве выступают страны, населенные пункты, политические партии, организации и т. д.). Поэтому их необходимо исследовать с позиций современного системного подхода, системной методологии, частных системных методов. Для этого требуется использовать достижения современной науки в области изучения сложных информационных, символических, нормативных, когнитивных, синергетических и иных систем. Автор говорит о необходимости для теоретической социологии плодотворно взаимодействовать с наукой о системах, с нейрокомпьютерной наукой, с компьютерной социальной наукой, с электронной социальной наукой, не говоря уже об урбанистике, регионалистике, глобалистике.

При этом А. А. Давыдова не смущает слишком абстрактный характер многих из упомянутых наук и системных теорий для применения в социологии, равно как и то, что методы системного анализа в названных выше областях знаний являются преимущественно количественными. Вывод, к которому он приходит, состоит в том, что «сложность системной социологии вполне окупается плодотворностью теоретических, эмпирических и практических результатов, которые могут быть получены с ее помощью. Вследствие данного обстоятельства автор надеется, что развитие системной социологии в XXI веке позволит вывести традиционную социологию из затянувшегося кризиса, существенно повысить научную и практическую пользу социологии, ее значимость для общества» [Давыдов, 2006: 23].

Завершая раздел, отметим, что в нем были рассмотрены далеко не все достижения теоретической социологии в стране. Ряд теорий и концепций, заслуживающих глубокого анализа и творческого развития, мог бы быть продолжен за счет рассмотрения теорий социумных процессов Н. И. Лапина [Лапин, 2011; Регионы в России, 2009], общества «повышенного риска» О. Н. Яницкого [Яницкий, 2008, 2009], культурных инсценировок Л. Г. Ионина [Ионин, 1996, 2000] и др.

Все описанные выше и иные теории и концепции отечественных социологов могут рассматриваться в связи со многими метапарадигмами, парадигмами и теориями, родившимися за рубежом. Это и структурно-функциональный анализ, и деятельностьно-активистская теория, и неклассическая социология, и постнеклассическая социология, и модернистская социология, и постмодернистская социология, и теория глобализации и т. д.

В одних отечественных концепциях эта связь весьма заметна, а их авторы не скрывают своих «родственных чувств» к той или другой теории. В других теоретических построениях такая связь имеет неявный характер. Но, так или иначе, большинство отечественных социологических теорий нельзя рассматривать вне контекста мировой социологии. Такое положение дел позволяет смотреть с оптимизмом в будущее российской теоретической социологии и надеяться на то, что ее достижения, в конце концов, признает международное социологическое сообщество, книги российских авторов будут публиковаться за рубежом, а российские профессора – делать ведущие доклады на международных социологических конгрессах и конференциях и читать курсы лекций в зарубежных университетах.

6. Тенденции и пути развития теоретической социологии

В одной из своих недавних статей «Теоретическая социология: quo vadis?» (в переводе с латыни – куда идешь) мы попытались представить наше видение путей и тенденций, в целом – ближайших перспектив отечественной теоретической социологии [Зборовский, 2013б]. Обратимся к этой проблеме вновь. Фундамент для ее рассмотрения был заложен в предшествующем разделе, когда характеризовались некоторые наиболее показательные и значимые, с точки зрения автора, социологические теории отечественных исследователей. В этом разделе речь пойдет о тенденциях отечественной теоретической социологии, которые будут рассмотрены в тесной связи с аналогичными процессами в мировой социологии.

В последние годы в зарубежной и отечественной науке все чаще появляются публикации, в которых обсуждаются пути развития теоретической социологии в исторически обозримой и не столь близкой перспективе. При этом выстраиваются самые разные сценарии – от преимущественно оптимистических, вплоть до превращения теоретической социологии в ядро социально-гуманитарного знания, до главным образом пессимистических, связанных с ее полным растворением в предметном поле этого знания. Объектом анализа становятся новые теории и парадигмы, повороты и метаморфозы теоретической социологии. Такой анализ можно обнаружить в работах как зарубежных (З. Баумана, М. Буравого, И. Валлеерстайна, Э. Гидденса, Дж. Ритцера, Дж. Урри, П. Штомпки и др.), так и отечественных (Л. Д. Гудкова, С. А. Кравченко, Н. Е. Покровского, Н. В. Романовского, Ж. Т. Тощенко, А. Ф. Филиппова, В. А. Ядова и др.) социологов [Бауман, 2010; Буравой, 2011; Burawoy, 2005; Валлерстайн, 2003; Wallerstein, 1989; Гидденс, 1984, 2007; Ритцер, 2002; Урри, 2012а, 2012б; Штомпка, 2005, 2009; Гудков, 2011; Кравченко, 2012; Покровский, 2009; Романовский, 2012; Филиппов, 1999; Ядов, 2012; Будущее социологии, 2012; Новые идеи в социологии, 2013].

Обсуждая перспективы мировой социологии, отечественные и зарубежные авторы рассматривают проблемы преимущественно теоретической социологии, ее полипарадигмальность, появление новых теорий, их распространение и принятие в различных регионах мира, судьбы концепций глобализации, информационного общества, общества знания, взаимодействие социологии с другими науками и т. д. Процитируем Н. В. Романовского: «...вектор движения социологии к своему будущему складывается из взаимодействий разных факторов: “личные усилия социолога(-ов)”, “новые социологические теории”, “соперничество социологов, теорий”, “революции, войны, процессы в обществе”, “взаимодействия с другими науками”, “успехи смежных наук” (в нашем случае науковедения). Таким видится ряд наиболее весомых факторов (детерминант) развития современной социологии, которые определяют ее общий прогресс» [Романовский, 2012: 128–129]. Очевидно, что перечень проблем теоретической социологии приравнен к самым значимым факторам развития всей мировой социологии.

Чем вызвано растущее внимание к перспективам развития теоретической социологии – и мировой, и отечественной? Причин несколько. Одни из них имеют общий характер, другие касаются преимущественно отечественной науки. С учетом этого обстоятельства мы должны понимать, соотнося мировую и отечественную теоретическую социологию, что, при наличии тесной связи между ними, существуют несовпадающие цели, задачи, проблемы

в их развитии. С одной стороны, отечественная теоретическая социология – часть мировой, с другой – она относительно автономна.

При этом отечественная теоретическая социология становится все более разнообразной и дифференцированной. Она в чем-то следует зарубежным традициям, в чем-то уходит от них в сторону автономии и самодостаточности, поскольку перед ней стоят задачи иного характера. В качестве примеров социологических теорий не глобального, а собственного, национального развития (что сближает отечественную социологию с национальными социологиями ряда стран) можно назвать теории российских трансформаций (Т. И. Заславская, В. А. Ядов), социокультурного развития региональных социумов (Н. И. Лапин), парадоксального человека и имитации (Ж. Т. Тощенко), неравенства и стратификации (О. И. Шкаратан) и др. В них подвергаются глубокому теоретическому анализу общественные процессы, происходящие в России [Заславская, Ядов, 2009; Лапин, 2011; Тощенко, 2001, 2012; Шкаратан, 2012].

О некоторых из них в предшествующем разделе уже говорилось. Особенность такого анализа состоит в попытке осуществить его в контексте не только национальных, общероссийских, но и мировых тенденций социального развития. При этом выясняется, что отечественная теоретическая социология вполне может обойтись без всяких идеологических «подпорок», в виде, например, православия, самодержавия, народности, к чему ее настоятельно призывают отдельные авторы [Добренков, 2009].

Говоря о перспективах развития мировой социологии, отметим, в первую очередь, усиливающееся требование полезности теоретического социологического знания, того, чтобы оно работало на достижение конкретного результата, приносящего если не немедленную, то обозримую в исторически ограниченном – предстоящем – времени социальную и политическую отдачу.

Общемировой характер имеет признание существующего кризиса теоретической социологии и необходимости поиска путей выхода из него. Конечно, кризис мировой социологии – вещь не новая, и об этом говорится достаточно давно [Gouldner, 1970; Гоулднер, 2003]. Но нас сейчас интересуют самые «свежие» его проявления. Причиной их, и это обстоятельство лежит на поверхности, явилась неспособность теоретической социологии хоть в малейшей степени спрогнозировать наступление мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что не только социологи, но даже теоретики-экономисты не сумели этого сделать. Прогностическая функция теоретической социологии – ее «ахиллесова пята». При этом речь идет не только об экономических, но и иных процессах жизни общества.

Еще одна причина повышенного интереса к теоретической социологии – стремление превратить ее (а не только эмпирическую

и прикладную социологию) в разновидность публичной науки, каковой сегодня она, безусловно, не является. Да и в состоянии ли она быть таковой, зададимся на сей счет вопросом. Может быть, все-таки, публичность – это не удел теории? Может быть, ею должны заниматься лишь специалисты на сугубо цеховом уровне? Спорный вопрос. И ответ на него, с нашей точки зрения, лежит в плоскости профессионального умения и мастерства переводить сложные научные трактовки на доступный и понятный относительно широким слоям населения (имеющим необходимый для понимания социальных проблем уровень образования и культуры) язык. Если социолог может интересно и понятно рассказать о теориях и парадигмах, скажем, в телевизионном цикле «Academia», на канале «Культура», честь ему и хвала. Но пока что-то не припоминается таких попыток со стороны социологов-теоретиков.

Сегодня нужно говорить о недостаточной востребованности теоретической социологии – как в обществе, так и в науке. Конечно, это затрудняет ее развитие. Такая ситуация имеет место в силу разных причин. Прежде всего, теоретическая социология мало востребована в обществе по определению, в отличие от эмпирической. И последняя-то, строго говоря, не избалована повышенным вниманием. Но все же в обществе проявляют интерес к изучению общественного мнения, построению рейтингов, прогнозированию электоральных кампаний и т. д. гораздо больший, чем к знанию социологических теорий и парадигм.

Современная теоретическая социология – вещь малоизвестная среди неспециалистов, как впрочем, и теоретические достижения и проблемы любой науки. Можно сказать, что социологи-теоретики широко известны лишь... в узких кругах научного сообщества. Теоретическая социология представляет интерес только для ограниченной группы исследователей и даже не для всех социологов. В частности, эмпирики и прикладники зачастую не испытывают потребности в ней.

Как и что можно сделать, чтобы теоретическая социология была востребована в рамках повседневных или хотя бы регулярных социальных практик? Или реально это недостижимо в силу ее специфики как относительно замкнутой области научного исследования? Опыт отдельных крупных теоретиков убеждает в возможности решения такой проблемы. В качестве примера можно привести исследования и практическую деятельность английского социолога Дж. Урри при разработке теории (в его трактовке – парадигмы) мобильности и анализе практик ее внедрения в сферу путешествий и туризма [Урри, 2012а, 2012б]. Налицо тот случай, когда теоретическая социология успешно приближается к конкретному анализу повседневности. Мобильность оказалась проблемой

и объектом исследования на стыке социологической теории и повседневных практик. Важная особенность этой теории состоит в том, что она выводит разработку проблемы мобильностей на разные уровни эмпирической реальности (путешествия, развитие различных видов транспорта, трафик, системы движения, их перспективы и др.).

Теоретическая социология может развиваться за счет как собственных ресурсов, так и связей с другими науками – естественными и социально-гуманитарными. Говоря о первом направлении, мы бы назвали теории структуризации Э. Гидденса [Giddens, 1984], социального капитала, социального пространства П. Бурдьё [Бурдьё, 2005] и др. Одна из новых в этом ракурсе теорий – названная выше теория мобильностей Дж. Урри. Развитие теоретической социологии за счет собственных ресурсов свидетельствует о ее значительном методологическом потенциале и возможностях дальнейшего прогресса на этом пути. Это подтверждается и работами отечественных социологов, например в области теорий социального неравенства и социальных трансформаций.

Значительный ресурс развития теоретической социологии видится в преодолении того, что М. Доган (один из ведущих методологов в области социальных наук) называл излишней специализацией и фрагментацией науки [Доган, 2010: 4–6]. Речь идет о существовании большого количества отраслей социологии, зачастую слабо или вообще никак не связанных между собой. Только в структуре Международной социологической ассоциации представлено свыше 50 специализированных областей (курируемых исследовательскими комитетами), реальное же их число гораздо больше. Но дело даже не в этом.

Дифференциация развитого знания – вещь обычная. Главное в том, что отрасли социологии дистанцированы друг от друга, не взаимодействуют между собой, плохо связаны с общей теорией социологии. Многие ограниченности и проблемы в наших исследованиях, в том числе теоретических, возникают уже тогда, когда мы не сопоставляем содержательно предмет социологии как науки в целом с предметом той или иной отраслевой социологии. Получается, что социология – это наука о таком предметном поле, с которым та или иная ее отрасль никак или почти никак не связана. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить определения либо сущностные трактовки предметных зон отраслей социологии и ее общей теории (почти в любом авторском исполнении).

Отсюда следует вывод, что один из путей развития теоретической социологии состоит (должен состоять) в консолидации отраслевой и общей социологии, ее теории. Эту консолидацию имеет смысл характеризовать как усиление внутридисциплинарных связ-

ей и взаимодействий. Их практическая реализация может заключаться в поиске методологических интересов развития собственной отрасли в возможностях смежных отраслей (например, социология досуга может искать эти интересы в возможностях социологии культуры, социология образования – в социологии знания, и наоборот). Отсюда следует, что один из сценариев (и ресурсов) развития теоретической социологии касается активизации межотраслевых взаимодействий и их связей с общей теорией и методологией социологической науки.

Сценарии развития теоретической социологии во многом обусловлены двумя типами ее взаимодействия: первый – с науками, как естественными, так и социально-гуманитарными; второй – с обществом и властью. Другими словами, речь идет о взаимодействии теоретической социологии с теориями и реальностью. Кроме того, нужно учитывать соотношение внутренних и внешних факторов развития теоретической социологии и принимать во внимание, что одни импульсы идут (могут идти) от мировых, глобальных, национальных общественных перемен, другие – от тех или иных векторов развития науки в целом, ее отдельных подсистем в особенности. Нельзя забывать и о таком факторе, как растущее стремление ученых самых разных отраслей знания пересмотреть «нарезку» всего поля наук об обществе и человеке [Романовский, 2012: 127].

Начнем с первого типа взаимодействия. Развитие теоретической социологии в конце XX – начале XXI в. проходило под знаком поиска поворотов в направлении ее сближения с различными типами знания. Эту проблему поднимает и подробно рассматривает, характеризуя такие повороты, Дж. Урри [Urry, 2003, 2011; Урри, 2012а, 2012б]. Он выделяет три из них: сложности, ресурсный и мобильности. При этом главными оказались два последних. Так, он выступил за ресурсный поворот к развитию посткабонной социологии и созданию посткабонного общества [Urry, 2011: 16]. Что касается поворота к социологии мобильностей, то он был осуществлен на основе постдисциплинарного подхода, который автор применил к процессу создания новой парадигмы и значительную лепту в который внес своими работами. В этой связи Урри прямо указывает: «Мною предлагается и дается систематическая разработка того, что я называю новой парадигмой мобильностей, призванной преобразовать характер адекватного анализа в социальной науке» [Урри, 2012б: 73].

Продолжая тему поворотов и исследуя их роль в развитии теоретической социологии, С. А. Кравченко считает одной из существенно значимых ее перспектив создание качественно новых парадигм, основанных «не на интеграции собственно социологических

теорий, а на синтезе социологических подходов с другими науками. Так возникли повороты в социологии, предполагающие, строго говоря, постдисциплинарные подходы» [Кравченко, 2012: 19]. Среди поворотов последних 2–3 десятилетий можно назвать: лингвистический поворот, поворот к изучению повседневности, поворот к теориям риска (так называемый рискологический поворот), постмодернистский поворот, поворот к культуральной социологии, ресурсный поворот и др.

Все эти повороты есть ничто иное как признание социологами усложнения социума и поиска более адекватной, чем существующие, методологии его исследования. Судя по работам последних лет, теоретическая социология стремится внести в понимание сложности современного социума технологические, коммуникационные, организационные инновации. Для этого ей требуется новый методологический инструментарий, направленный на собственную интеграцию с естественными науками. Понимание такой необходимости вызвано несовершенством и уязвимостью как природы, так и общества, особенно когда речь заходит об отношениях между ними. По всей видимости, впервые это стало понятно, когда произошла катастрофа в Чернобыле.

На уровне теоретического обобщения сложности природно-социальных явлений можно, по-видимому, говорить о некоем разрушении границ неживого и живого, физических, биологических и социальных отношений. Как отмечается в литературе, рушится разделение между физическим и социальным: «человеческий и физический миры тесно взаимосвязаны и их невозможно анализировать отдельно – как общество и как природу или людей и объекты» [Урри, 2012а: 28].

По существу, теоретическая социология методологически и ориентационно возвращается на «круги своя», к своим истокам, но на новом витке собственного развития. Вспомним, что она возникла как наука за счет обращения к естествознанию (позитивизм О. Конта и Г. Спенсера), и сейчас вновь ищет свой шанс на этом же пути. Перспективы исследований в теоретической социологии на стыке ее проблематики с естествознанием представляются нам весьма плодотворными и составляют один из важнейших сценариев ее развития на исторически обозримую перспективу в связи с усилением интегративных процессов и в обществе, и, в особенности, в науке. Не случайно в последние годы все чаще говорят о физически ориентированной социологии, биосоциологии, инвайроментальной социологии, нейросоциологии, наносоциологии. Появилась даже пренатальная социология.

В этой связи трудно сказать, что нас ждет впереди, как дальше будет развиваться теоретическая социология на стыке с есте-

ствознанием. Этот сценарий ее развития (как, впрочем, и остальные) характеризуется известной степенью неопределенности. Единственное, что мы можем утверждать с высокой степенью достоверности, – в указанном направлении теоретическая социология обязательно будет развиваться. В этом смысле рассматриваемый сценарий является совершенно реалистичным.

Обращение к характеристике предметного содержания каждой из названных выше отраслей (на стыке социологии с естествознанием) требует специального рассмотрения, выходящего за пределы задач нашего анализа. Но даже и из приведенных терминов очевидна направленность таких социологий.

Проблема, однако, состоит в том, что социологи сегодня не очень готовы к таким исследованиям. Там же, где подобные повороты имеют под собой достаточную базу, возникают важные прорывы и в социологических теориях, и в эмпирических исследованиях. Лучшие тому примеры – творчество Н. Лумана и М. Кастельса и их теории, соответственно, системного анализа и сетевого и информационного общества [Луман, 1999; Кастельс, 2000]. Первая из них базировалась на нейрофизиологической концепции аутопойесиса Х. Матураны и Ф. Варелы, вторая и третья – на исследованиях информационных систем и сетевых моделей.

Ориентация социологии на достижения естественных наук позволила ей сформулировать новый взгляд на общество как турбулентный социум, который лишен предсказуемых изменений. Их разнонаправленность, многоуровневые темпоритмы, с трудом поддающиеся систематизации структуры социальных пространств, другими словами, сложнейший пространственно-временной континуум этого турбулентного социума вызывает сегодня еще большую необходимость его исследования, чем раньше, с одной стороны, и делает его неизмеримо более сложным – с другой.

Из сказанного следуют существенные перемены в динамике социального времени и социального пространства, что ставит перед социологией новые задачи их исследования. Если же учесть, что социальное время и пространство не остаются «равнодушными» к обществам, а люди, в свою очередь, также «неравнодушны» к времени и пространству, привнося в это отношение как свои мысли, так чувства и эмоции, оказывается понятным, насколько важным для социологии становится изучение пространственно-временной проблематики за рамками теорий П. Бурдьё [Бурдьё, 2005].

И тогда возникает утверждение, сформулированное в культуральной социологии Дж. Александера, что главное для социологии – не события как таковые, не реальность, а то, как мы их (ее) видим и понимаем [Александр, 2011]. В качестве вывода из сказанного следует, что с изучением пространственно-временного кон-

тинуума турбулентного социума может быть связана одна из перспектив развития теоретической социологии.

Меняется характер пространственно-временного континуума, что связано с появлением новых свойств каждого из его составляющих. При этом следует иметь в виду, что по мере развития естественно-научных представлений о пространстве и времени (физических, химических, биологических) происходит обогащение и социальных (социокультурных) представлений о них.

Резко возрастает и, вместе с тем, трансформируется в новые качественные характеристики динамизм времени [См. подробнее: Штомпка, 2005: 493–510]. Отныне время рассматривается не просто во многих ипостасях (как мерило социальных изменений, как измерение социальной жизни, как проблема общественного сознания и культуры и т. д.). «Время приобретает характер самостоятельного капитала, даже своего рода товара, который можно беречь, терять, тратить, инвестировать, использовать, продавать и покупать» [Штомпка, 2005: 510]. Осмысленное на уровне социологического мышления, время превращается в разнovidность интеллектуального и научного капитала, выражаясь терминами П. Бурдьё.

При рассмотрении перспектив развития теоретической социологии в ее связи с естественными и техническими науками нам представляется, что наиболее сильное воздействие на развитие теоретической социологии в неблизкой перспективе может оказать развитие нанотехнологий. Находящаяся в стадии становления социологическая теория nanoобщества [Давыдов, 2007] и исследования в области наночастиц позволяют предположить, что этим теориям принадлежит большое будущее.

Что такое nanoобщество? Коротко говоря, это общество, которое придет на смену информационному. И если под последним мы понимаем общество, базирующееся на создании, распространении, использовании информации и информационных технологий, то nanoобществом будем считать общество, основанное на создании, распространении, использовании нанотехнологий. Очевидно, что будущее nanoобщество не только не отвергнет достижений информационного общества, но максимально использует их на качественно более высоком технологическом уровне.

Как отмечает М. А. Рыбалкина, нанотехнологии – это совокупность методов производства объектов неживой и живой природы с заданной атомной структурой путем целенаправленного манипулирования атомами и молекулами [Рыбалкина, 2005]. Нанотехнологии дают возможность создавать самые различные изделия без крупных производственных мощностей и редких материалов. При этом размеры нанофабрик могут быть портативными, по существу настольными. При минимизации размеров будет про-

исходить одновременно и увеличение функций изделия. Речь идет о том, чтобы создавать промышленные изделия, полезные ископаемые, продукты питания, одежду и т. д. из атомов с помощью ассемблеров – молекулярных наномашин (биотехнических систем) размером до одной миллиардной доли метра, способных к самопроизводству и выполнению заданий, связанных с построением любой молекулярной структуры.

Ученые полагают, что нанотехнологии произведут такую же революцию в манипулировании материей, какую произвели компьютеры в манипулировании информацией. Некоторые исследователи считают, что нанотехнологии повлияют на общество больше, чем изобретение письменности или печати. Есть даже точки зрения, согласно которым нанотехнологии изменят радикально не только общество, но и сам биологический вид *Homo Sapiens*. Это предположение делается на основании обоснованного научного прогноза, касающегося продления с помощью нанотехнологии жизни человека сначала до 150, а затем и до 1000 лет.

Обратимся к социальным (социологическим) аспектам проблемы нанообщества. А. А. Давыдов, применяя для его анализа системный подход, пишет, что «нанообщество – это тип биосоциотехнической системы, состоящей из разнородных взаимосвязанных элементов и подсистем, свойств и отношений, созданной индивидами на основе нанотехнологий, целью которой является реализация экстремальных принципов в жизнедеятельности индивидов с помощью законов и социологических алгоритмов, действующих в определенных границах» [Давыдов, 2007: 120–121]. Соглашаясь с первой частью приведенного определения, мы не вполне уверены в корректности второй. В этой неуверенности убеждает нас несколько вопросов, на которые мы не можем получить ответ: почему речь идет только об экстремальных принципах (ни один тип общества не может нормально функционировать, базируясь только на них)? как можно реализовать эти принципы в жизни общества с помощью законов и социологических алгоритмов? что представляют собой эти алгоритмы?

Переход к нанообществу существенно изменит характер производства, науки, образования и профессиональную структуру общества. Понадобятся не только производственные нанотехнологии, но и новые технологии образования, основанные на интеграции знаний в области физики, химии, молекулярной биологии, техники. Самой востребованной станет профессия нанотехнолога. Усилится международное сотрудничество, направленное на обмен научными результатами в области разработки и внедрения нанотехнологий.

Однако эти принципиально новые технологии несут с собой не только глубокие общественные изменения преимущественно пози-

тивной направленности, но и определенные социальные угрозы. По мнению А. А. Давыдова, «развитие нанотехнологий увеличит индивидуализм, поскольку если в информационном обществе доминировал “Свободный Человек с компьютером”, то в нанообществе будет доминировать “Свободный Человек с нанотехнологией”, индивидуальные возможности которого резко увеличатся. Рост индивидуализма “Свободного Человека с нанотехнологией”, наличие злонамеренных индивидов или небольших групп индивидов с соответствующими знаниями в области нанотехнологий могут привести к резкому росту глобальной угрозы человечеству» [Давыдов, 2007: 122].

Не будет большим преувеличением утверждение о том, что еще ни один тип общества не был так жестко связан с развитием новых наук и технологий, как – в перспективе – нанообщество. Эта связь и зависимость от них касается и производства, и потребления, и образования, и характера деятельности, и продолжительности жизни, и демографических процессов, и социальных отношений, и личности. Пожалуй, нет ни одной стороны общественной и индивидуальной жизни, которая не испытает на себе грядущего влияния нанотехнологий. В этом плане можно с полным основанием утверждать (соглашаясь с А. А. Давыдовым), что предстоящие в будущем трансформации будут иметь системный характер.

Они коснутся не только развитых стран, но и России. Те экономические и политические преобразования, которые происходили в нашей стране в конце прошлого – начале нынешнего столетия, вряд ли пойдут в сравнение с кардинальными, поистине революционными изменениями, которые будут вызваны новой всемирной научно-технологической революцией.

Создающаяся социологическая теория нанообщества имеет не только ярко выраженный прогностический, но и постпозитивистский характер. Выход на социальные параметры будущих обществ ставится в прямую зависимость от их научно-технологических характеристик. Не является ли такая теория общества разновидностью технологического детерминизма и не вульгаризирует ли она сложные социальные процессы? Поставленный вопрос предполагает отчасти утвердительный ответ на него.

Но нельзя не учитывать того обстоятельства, что общество сегодня становится более системным, чем вчера. Следовательно, имеет место тенденция такого его развития, при котором отдельные структуры и элементы социальной системы оказываются связанными друг с другом все более плотно. Подобное положение дел рождает новые формы глубокой зависимости одних элементов от других. Теория нанообщества своим становлением как раз и подтверждает эту тенденцию.

Завершая раздел о тенденциях и путях развития теоретической социологии, хотелось бы отметить в качестве центральной идею их неопределенности. С одной стороны, они зависят от внутреннего состояния и ресурсов теоретической социологии. Последние реально существуют, о чем свидетельствует появление новых и весьма влиятельных социологических теорий последней трети XX – начала XXI в. С другой стороны, теоретическая социология усиливает интерес к иным отраслям научного знания – как естественного, так и социально-гуманитарного. В первом случае мы говорим о предметном развитии теоретической социологии, во втором – о проблемном аспекте этого процесса. Но, как бы ни были многообещающими пути развития теоретической социологии, в значительной степени они зависят от места теоретической социологии в обществе, от отношения к ней в нем самом и в государстве, равно как и отношения теоретической социологии к обществу и его проблемам. Здесь же центральный вопрос – неустребованность или слабая востребованность теоретической социологии.

Литература

Александр Дж., Рид А. Социальная наука как чтение и перформанс. Культурно-социологическое понимание эпистемологии // Социологические исследования. – 2011. – № 8.

Бауман З. Текучая современность. – СПб. : Питер, 2008.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – М. : Медиум, 1995.

Батыгин Г. С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России. – М. : Изд-во ИС РАН, 1998.

Беляева Л. А. Эмпирическая социология в России и в Восточной Европе. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

Будущее социологии. Круглый стол // Социологические исследования. – 2012. – № 12.

Буравой М., Райт Э. О. Социологический марксизм // Социологические исследования. – 2011. – № 9, 10.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. – М. : Логос, 2003.

Гидденс Э. Социология. – М. : Эдиториал УРСС, 1999, 2005, 2009.

Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. – М. : Академический проект, 2003.

Гидденс Э. К социологическому сообществу // Социологические исследования. – 2007. – № 9.

Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. – М. : Онега, 1995.

Горшков М. К. Общество – социология – власть // Социологические исследования. – 2012. – № 7.

Гоулднер А. У. Наступающий кризис западной социологии. – СПб. : Наука, 2003.

Григорьев С. И., Субетто А. И. Основы неклассической социологии. – М. : Русаки, 2000.

Григорьев С. И., Растов Ю. Е. Основы современной социологии. – М. : Пед. общ-во России, 2002.

Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М. : Политиздат, 1987.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. – М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (ч. 1). – М. : Прогресс-Традиция, 2003.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (ч. 2). – М. : Прогресс-Традиция, 2006.

Гудков Л. Д. О ценностных основаниях и внутренних ориентирах общественных наук // Пути России: проблемы социального познания. – М. : МВШСЭН, 2006.

Гудков Л. Д. Абортивная модернизация. – М. : РОССПЭН, 2011.

Гудков Л. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе // Вестник общественного мнения. – 2013. – № 3/4.

Давыдов А. А. Системный подход в социологии: законы социальных систем. – М. : Эдиториал УРСС, 2004.

Давыдов А. А. Системный подход в социологии: новые направления, теории и методы анализа социальных систем. – М. : Ком-Книга, 2005.

Давыдов А. А. Системная социология – социология XXI века? // Социологические исследования. – 2006. – № 6.

Давыдов А. А. В преддверии нанообщества // Социологические исследования. – 2007. – № 3.

Доган М. Социология среди социальных наук // Социологические исследования. – 2010. – № 10.

Добренков В. И. Ценностные ориентиры современной социологии // Социологические исследования. – 2009. – № 8.

Докторов Б. З. Современная российская социология: историко-биографические поиски : в 3 т. [Электронный ресурс]. – М. : ЦСПиМ, 2012. – URL: http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/htm/menu.htm.

Докторов Б. З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Заславская Т. И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. – М. : ВЦИОМ, МВШСЭН, 1997.

Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. – М. : Дело, 2002.

Заславская Т. И. Посткоммунистические трансформации // Россия, которую мы обретаем. – Новосибирск : Наука, 2003.

Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. – М. : Дело, 2004.

Заславская Т. И. Избранное : в 3 т. – Т. 3 : Моя жизнь: воспоминания и размышления. – М. : Экономика, 2007.

Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. – 2009. – № 1.

Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. – Сургут : СурГПУ : Гуманитарный университет, 2011.

Зборовский Г. Е. История социологии. – М. : Гардарики, 2004а.

Зборовский Г. Е. Общая социология. – М. : Гардарики, 2004б.

Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования. – М. : Гардарики, 2005.

Зборовский Г. Е. Теоретическая социология в XX – начале XXI века. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2007.

Зборовский Г. Е. Социологический провинциализм: вчера, сегодня, завтра // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс] : материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. – М. : РОС, 2012. – С. 1026–1033.

Зборовский Г. Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013.

Зборовский Г. Е. Теоретическая социология: quo vadis? // Социологические исследования. – 2013б. – № 9.

Здравомыслов А. Г. Социология: теория, история, практика. – М. : Наука, 2008.

Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. – М. : Логос, 2010.

- Ионин Л. Г. Основания социокультурного анализа. – М. : РГГУ, 1996.
- Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М. : Логос, 2000.
- Ионин Л. Г. Парадоксальный сон : статьи и эссе. – М. : Логос, 2005.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.
- Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М. : ТЕИС, 2000.
- Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск : ИЭ и ОПП СО РАН, 2001.
- Коган Л. Н. Духовный потенциал провинции вчера и сегодня // Социологические исследования. – 1997. – № 4.
- Козер Л. Функции социального конфликта. – М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Козлова Л. А. Карьерно-профессиональные модели современных поколений российских социологов в исторической динамике [Электронный ресурс]. – 2010. – URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kozlova_inst.pdf.
- Кон И. С. Социологическая психология. – М. : Московский психолого-социальный институт, 1999.
- Кон И. С. 80 лет одиночества. – М. : Время, 2008.
- Кравченко С. А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. – М. : МГИМО-Университет, 2006.
- Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. – 2012. – № 5.
- Кукушкина Е. И. Русская социология XIX – начала XX в. – М. : МГУ, 1993.
- Култыгин В. П. Классическая социология. – М. : Наука, 2000.
- Лапин Н. И. Общая социология. – М. : Высшая школа, 2006.
- Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. – 2011. – № 9.
- Левада Ю. А. Лекции по социологии // Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований. Советская социологическая ассоциация. Институт конкретных социальных исследований АН СССР. Информационный бюллетень № 6 (21) : в 2 т. – М., 1969.
- Левада Ю. А. Наши десять лет... // Мониторинг. – 1997. – № 6.
- Левада Ю. Ищем человека : социологические очерки 2000–2005. – М. : Новое изд-во, 2006.
- Луман Н. Теория общества // Теория общества: фундаментальные проблемы. – М. : Канон-Пресс-Ц, 1999.

- Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М. : Юрист, 1994.
- Масионис Дж. Социология. – СПб. : Питер, 2004.
- Миненков Г. Я. Введение в историю российской социологии. – Минск : Экономпресс, 2000.
- Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. – М. : Едиториал УРСС, 1999.
- Немировский В. Г., Невирко Д. Д., Гришаев С. В. Социология. Классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности. – М. : Изд-во РГГУ, 2003.
- Немировский В. Г. Неклассические и постнеклассические подходы в современной российской социологии // Социология. – 2005. – № 2.
- Немировский В. Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. – 2006. – № 2.
- Немировский В. Г. Чему отечественная социология учит будущих управленцев, преподавателей, научных работников? // Социологические исследования. – 2012. – № 5.
- Новикова С.С. История развития социологии в России. – М. ; Воронеж : НПО «Модек», 1996.
- Новикова С. С. Социология: история, основы, институционализация в России. – М. ; Воронеж : НПО «Модек», 2000.
- Покровский Н. Е. Побочный продукт глобализации: университеты перед лицом радикальных изменений // Общественные науки и современность. – 2005. – № 4.
- Покровский Н. Е. Социология здесь и сейчас. Предисловие // Социологический ежегодник-2009 : сб. науч. тр. / ред. и сост. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. – М. : ИНИОН РАН, 2009.
- Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. – М. : Наука, 1995.
- Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / под общ. ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. – М. : ACADEMIA, 2009.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2002.
- Романовский Н. В. Социология сегодня и завтра // Социологические исследования. – 2012. – № 10.
- Рыбалкина М. А. Нанотехнология для всех. – М.: Nanotechnology News Network, 2005.
- Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность : материалы симпозиума 23 марта 1994 г. / под ред. В. А. Ядова, Р. Гратхоффа. – М. : Изд-во ИС РАН, 1994.

Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В. А. Ядова. – Л. : Наука, 1979.

Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. / под ред. Ю. А. Левады. – М. : Мировой океан, 1993.

Семенова В. В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства // Россия реформирующаяся : ежегодник. – М. : ИС РАН, 2004.

Словарь русского языка. – Т. III. – М. : Русский язык, 1987.

Смелзер Н. Социология. – М. : Феникс, 1994.

Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – М. : Изд-во ИС РАН, 1998.

Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс] : материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса. – М. : РОС, 2012.

Тихонов А. В. Эпистемологический статус социологического знания и некоторые проблемы внутринаучной рефлексии в отечественной социологии // Россия реформирующаяся. – М. : ИС РАН, 2007.

Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. – М. : Гардарики, 2001.

Тощенко Ж. Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. – 2012. – № 12.

Урри Дж. Мобильности. – М. : Праксис, 2012а.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. – М. : ГУ ВШЭ, 2012б.

Филиппов А. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1–2.

Филиппов А. Теоретическая социология // Теория общества. – М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 1999.

Филиппов А. Ф. Советская социология как полицейская наука // Новое литературное обозрение [Электронный ресурс]. – 2013. – № 123 (5). – С. 48–63. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3973>.

Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

Человек и его работа / под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. – М. : Мысль, 1967.

Шереги Ф. Э. Социология политики. – М. : ЦСП, 2003.

Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. – М. : ОлмаМедиаГрупп, 2009.

Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Шляпентох В. Э. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. – СПб. : Изд-во журн. «Звезда», 2003.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М. : Логос, 2005.

Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. – 2009. – № 8.

Шубкин В. Н. Социологические мечтания // Насилие и свобода : социологические очерки. – М. : Изд-во «На Воробьевых», 1996.

Щербина В. В. Существует ли сегодня наука социология? // Социологические исследования. – 2012. – № 8.

Ядов В. А. Социологическое исследование : методология, программа, методы. – М. : Наука, 1972.

Ядов В. А. О диспозиционной регуляции поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М. : Наука, 1975.

Ядов В. А. Социологическое исследование : методология, программа, методы. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1987.

Ядов В. А. Социальная идентификация личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности. – М. : ИС РАН, 1994.

Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. – 1995. – № 3–4.

Ядов В. А. Куда идет российская социология? // Социологический журнал. – 1995а. – № 1.

Ядов В. А. Мы все – самоучки в социологии // Российская социология 1960-х гг. в воспоминаниях и документах. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб. : Интерсоцис, 2006.

Ядов В. А. Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций // Россия реформирующаяся : ежегодник ИС РАН. – Вып. 6. – М. : ИС РАН, 2007.

Ядов В. А. Для чего нужна сегодня национальная русская социология? // Социологические исследования. – 2008. – № 6.

Ядов В. А. Каким мне видится будущее социологии // Социологические исследования. – 2012. – № 4.

Яницкий О. Н. Экологическое мышление эпохи «великого передела». – М. : РОССПЭН, 2008.

Яницкий О. Н. Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии. – М. : ИС РАН, 2009.

Albrow M. Introduction // *Globalization, Knowledge and Society* / Ed. by M. Albrow and E. King. – London : Sage Publications, 1990.

Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. – Garden City ; N.Y. : Doubleday, 1966.

Burawoy M. For Public Sociology // *American Sociological Review*. – 2005. – V. 70. – № 1.

Coser L. A. *The Functions of Social Conflict*. – N.Y. : Free Press, 1956.

Giddens A. *Sociology*. – Cambridge : Polity Press, 1989.

Giddens A. *The Constitution of Society*. – Cambridge : Polity Press, 1984.

Gouldner A. *The Coming Crisis of Western Sociology*. – N.Y., 1970.

Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. I–II. Fr. – M., 1981.

Mills Ch. W. *The Marksists*. – N.Y., 1963.

Parker D. Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s // *The Sociological Review*. – 1997. – Vol. 45. – № 1.

Shlapentokh V. *The Politics of Sociology in the Soviet Union*. – Boulder ; London : Westviewpress, 1987.

Urry J. *Global Complexity*. – Cambridge : Polity Press, 2003.

Urry J. *Climate Change and Society*. – Cambridge : Polity Press, 2011.

Wallerstein I. *The Modern World-System I*. – N.Y. : Academic Press, 1974.

Wallerstein I. *The Modern World-System II*. – N.Y. : Academic Press, 1980.

Wallerstein I. *The Modern World-System III*. – San-Diego : Academic Press, 1989.

Whitehead A. N. *The Organization of Thought, Educational and Scientific*. – L., 1917.

Глава 5

Социология, власть, гражданское общество

1. Методологические аспекты анализа
2. Типологии социологов
3. Публичная деятельность социолога
и публичная социология
4. Социология и управление
5. Институционализация социологии
как фактор превращения ее
в структуру гражданского общества
6. Гражданское общество в зеркале социологии
7. Социология в гражданском
и негражданском обществе

При написании данной главы автор опирался в первую очередь на работы Г. С. Батыгина, М. Буравого, М. К. Горшкова, Б. А. Грушина, И. А. Голосенко, Л. Д. Гудкова, Б. З. Докторов, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, Ю. А. Левады, Ж. Т. Тощенко, А. Ф. Филиппова, Б. М. Фирсова, О. И. Шкаратана, В. А. Ядова [Батыгин, 1998; Bugawoy, 2005; Горшков, 2011, 2012; Грушин, 2001, 2003, 2006, 2010; Голосенко, 1995; Гудков, 2004, 2006, 2008, 2013; Докторов, 2013, 2014; Заславская, 2004, 2007, 2009; Здравомыслов, 2008, 2010; Левада, 2006; Тощенко, 2012, 2013; Филиппов, 1999, 2013; Фирсов, 2012; Шкаратан, 2009, 2012; Ядов, 1998, 2006].

Из этого перечня трудов и их авторов особо хотелось бы выделить работы Л. Д. Гудкова (род. в 1946 г.), одного из крупнейших отечественных специалистов в области изучения общественного мнения. На протяжении последних 25 лет деятельность ученого теснейшим образом связана с исследованиями этого феномена. Они велись сначала в рамках Всесоюзного (Всероссийского) центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) – с 1988 до 2003 г., а затем – с 2003 г. по настоящее время – в Левада-Центре, директором которого он является с 2006 г. В главе читатель увидит немалое количество ссылок на работы Л. Д. Гудкова. Частое обращение к его творчеству вызвано несколькими его особенностями.

Во-первых, это глубокий социологический анализ проблемы политики, власти, гражданского общества, поведения человека и групп людей в их тесной взаимосвязи. Речь идет о той проблеме, которая нас непосредственно волнует в этой книге и которая вынесена в название данной главы. Анализ проблемы культуры взаимодействия общества с властью осуществляется Л. Д. Гудковым на богатейшем эмпирическом материале исследования общественного мнения.

Во-вторых, это по-настоящему органическое сочетание (нетипичное для подавляющего большинства отечественных социологов), а по существу единство теоретического анализа и активного использования эмпирических данных. Характерное для исследовательского почерка Ю. А. Левады, оно блестяще воспроизводится в работах его ученика Л. Д. Гудкова.

В-третьих, это регулярный, постоянный анализ трудностей демократизации и становления гражданского общества в нашей стране, которые социолог объясняет особенностями политической и гражданской культуры населения, не знавшего до 1991 г. никакой

другой жизни, кроме советской, и никакого другого режима, кроме тоталитарного и авторитарного.

В-четвертых, это анализ состояния социологии в современном российском обществе, уровень которой, особенно теоретической, Л. Д. Гудков оценивает крайне низко, называя ее «компьютером на телеге» [Гудков, 2008а].

В-пятых, это гражданская смелость и отсутствие страха, что присуще сегодня очень ограниченному числу социологов. Л. Д. Гудков пишет то, что реально показывают материалы исследований и их анализ, и так, как подсказывает ему совесть ученого. Его социология – это гражданская социология, социология гражданского общества.

1. Методологические аспекты анализа

Основная особенность этой главы состоит в том, что она, с одной стороны, посвящена подведению итогов предшествующего развития отечественной социологии (в связи с проблемой ее взаимоотношений с властью), с другой – направлена на постановку вопросов ее предстоящего и будущего развития, определение его перспектив. Причем развития как чисто научного, касающегося различных путей теоретических и эмпирических исследований, так и гражданского, связанного с выявлением места социологии и ее роли в жизни российского общества в исторически обозримый период. Реально это означает, что предстоящее, будущее, настоящее и прошлое отечественной социологии окажутся в главе не просто сопряженными, но еще и переплетенными и, так или иначе, пересекающимися.

Читатель заметил наверняка, что мы ввели, наряду с понятием будущего, термин «предстоящее». Как они соотносятся между собой? Предстоящее – это начальная фаза будущего, это тот его этап, который оно (будущее) с большой долей вероятности пройдет или должно пройти. Так что предстоящее – это ближайшее будущее. Его наступление прогнозируется легче и проще, чем будущее. Оно виднее, заметнее, очевиднее. Поэтому вполне уместно в рассматриваемом контексте словосочетание «предстоящее будущее». Это значит, что мы себе представляем (стараясь представить), как будущее станет развиваться в ближайшей, а не только в исторически обозримой и прогнозируемой перспективе. Отсюда целесообразным становится различие предстоящего и исторически обозримого будущего (понятие исторически отдаленного, тем более, необозримого будущего мы вообще не затрагиваем вследствие неконкретного, неопределенного уровня прогноза).

Как может выглядеть это различие с точки зрения конкретных временных характеристик? Поскольку в условиях господства авторитарного режима и неправового, полицейского государства ситуация в социологии в значительной мере определяется ее зависимостью от того и другого, временные параметры предстоящего (будущего) могут на сценарном уровне рассматриваться в связи с возможным сохранением власти в руках современной правящей элиты. А это – срок президентствования В. В. Путина. Он определяется в минимуме до 2018 г., в максимуме – до 2024-го. Отсюда мы рассматриваем сценарий предстоящего (будущего) как периода 2018–2024 гг. Конечно, могут возникнуть всякие форс-мажорные обстоятельства, которые в состоянии изменить названные временные границы в сторону их сужения, сокращения указанных сроков. Но мы их обсуждать не станем, на то он и форс-мажор, а будем исходить из предполагаемого и ожидаемого хода событий.

Разумеется, развитие социологии в стране с авторитарным режимом обусловлено не только тем, в чьих руках окажется политическая власть – хотя бы потому, что сама эта власть, в свою очередь, зависит от ряда обстоятельств и причин, главными среди которых являются, по нашему (и не только нашему) мнению, экономические факторы. Так, резкое ухудшение экономической ситуации, падение цен на энергоносители, отсутствие серьезной инвестиционной базы, кризис национальной финансовой системы, как следствие – значительное снижение жизненного уровня большей части населения и т. д. могут привести к процессу смены правящего режима. Помимо экономических причин, есть и иные, например международная изоляция России, на которую она сама себя обрекла в связи с событиями на Украине в 2013–2014 гг. и которая, в свою очередь, способна повлиять на ухудшение экономического положения страны в целом и многих категорий населения в особенности.

Когда мы говорим о факторах, влияющих и могущих влиять на состояние социологии в России, обязательно нужно иметь в виду возможные мутации политического режима. В первую очередь, предполагается усиление в его деятельности тоталитарных тенденций, создание с помощью СМИ, в первую очередь, телевидения «образа врага» и уже появившиеся первые результаты такой оголтелой обработки общественного мнения (подсмотренный пример: бабушка дарит внуку игрушечный танк и говорит при этом «с агрессией» в голосе: «Бей по украинцам!»). Насаждается модель восприятия по типу: кто не с нами, тот против нас, которая получает идеологическую, правовую и административную подпитку в виде постоянно рождающихся законов и законопроектов о введении новых санкций, об усилении наказания за публично выраженное несогласие с официальными оценками тех или иных событий и про-

цессов. Все это есть ничто иное, как усиление тоталитарных тенденций в деятельности правящего режима. Примеров и доказательств подобной его деятельности день ото дня становится все больше и больше (единый учебник по истории, теперь еще и требование такого же по литературе, ужесточение идеологического контроля над Интернетом, очередное законодательное наступление на некоммерческие организации с требованием признания их в качестве иностранных агентов и т. д.).

Совершенно очевидными иллюзиями выглядят суждения тех экономистов и социологов, которые рассматривали политическую систему, сформированную Путиным, как «недоразвитое демократическое государство с дефицитом институтов или со слабыми институтами». Скорее, прав Л. Гудков, который характеризует нынешнюю систему «как вполне сформированную, весьма своеобразную авторитарную институциональную структуру, в принципе не ориентирующуюся на западные модели правового государства, свободного рынка, представительной демократии» [Гудков: 2013: 157]. Более того, этот авторитарный режим по сути своей predisposed к движению в сторону тоталитарных тенденций.

Усиление эффекта воздействия этих тенденций социологи очень четко фиксируют сквозь призму результатов изучения общественного мнения в стране. Вопрос состоит в том, способна ли социология противостоять хоть в какой-то мере наступлению тоталитаризма (в том числе и на нее саму) и тем самым способствовать сохранению зачатков гражданского общества в России, или нет. Ответить на этот вопрос очень непросто.

Могут быть определены и иные факторы, от которых зависит предстоящее будущее России, ее политического режима и, как следствие, состояния социологии в стране. Разумеется, последнее будет определяться также и внутренними процессами в самой социологической науке: преодолением или, наоборот, усилением раскола в ней; научным авторитетом того поколения ученых, которое сменит (а по существу уже это делает) «шестидесятников»; ее обновляющимся теоретическим арсеналом; масштабностью и эффективностью эмпирических исследований; популярностью социологии в обществе и превращением ее в реально публичную науку и т. д.

В конечном итоге определим все это как соответствие внутренних возможностей социологии задачам формирования и развития в стране гражданского общества. Основные вопросы, которые будут обсуждаться дальше: способна ли стать социологическая наука не номинальным, а реальным элементом, составной частью гражданского общества в России? Если способна, то что для этого она должна сделать? Нужны ли такие перемены самой науке и стране?

Предстоящее будущее социологии и станет ответом на поставленные вопросы.

Что касается исторически обозримого будущего социологии, а это, по одному из вероятных сценариев, 2020-е гг., то оно в России будет зависеть от того, как отечественная социология сумеет интегрироваться в процесс мирового развития науки, причем не только социально-гуманитарной, но в целом системы научного знания. Здесь речь должна идти уже не столько о предметном, сколько о проблемном изменении социологии, ее определенной «модернизации».

Строго говоря, этот процесс начался и сегодня уже идет. Есть ряд доказательств тому. Вот, к примеру, одно из них: стремление определенной части социологического сообщества «покончить» с социологической классикой и ее изучением. (Типичный случай – название статьи в американском социологическом журнале: «Зачем нам заморачиваться с Дюркгеймом», написанной по материалам исследования социологического образования в США [Parker, 1997: 122–146].) Другое доказательство – требование, опять же части социологического сообщества, полностью сменить вектор профессиональной социологической подготовки на обслуживание нужд смежных с социологией отраслей знания: экономики, менеджмента, социальной работы, маркетинга, управления, составления проектов и т. д. Названные и иные соображения, касающиеся «передела» социологического научного знания и его «собственности» в виде теоретической и практической переориентации, требуют своего осмысления. Но это – проблема, которая в данной книге не рассматривается.

Теперь от будущего, в том числе и «предстоящего», вернемся в недалекое прошлое – в соответствии с методологической установкой о тесной взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего в рассмотрении отечественной социологии.

Так получилось, что в рамках современного этапа развития отечественной социологии первый период (1990-е гг.) был тесно связан с анализом не столько ее текущих и тем более перспективных проблем, сколько с трактовкой всей российско-советской истории и подведением определенных итогов, своеобразной «жирной черты» под предшествующими процессами, в ней происходившими. Нужно было отдать дань прошлому (строго говоря, мы и сейчас продолжаем это делать). Вообще, каждый последующий период в развитии науки есть определенное подведение итогов предыдущего. С учетом этого обязательного требования в 1990-х гг. должно было происходить обобщение предшествующего периода развития советской социологии, охватившего 1950–1980-е гг. и включившего в себя ее второе рождение (для кого-то – возрождение), застой и перестройку.

Однако революционное развитие нашего общества во всех его сферах сделало возможным и поставило иную, более широкую задачу – осмыслить целостность отечественного историко-социологического процесса. Это и привело к тому, что были предприняты плодотворные попытки реставрации отечественной истории социологической науки с момента ее зарождения в XIX в. и до 1990-х гг., включая этапы дореволюционного и послереволюционного развития в XX в. Но особое место все же занял анализ процессов в социологии второй половины прошлого столетия.

Поскольку появилась возможность открыто, откровенно и свободно написать о недавнем прошлом, социологи первых поколений («шестидесятники») буквально «набросились» на этот период. В книгах, статьях, воспоминаниях, выступлениях на конференциях много было сказано о проблемах развития социологии и в шестидесятых годах (период расцвета отечественной социологии), и в последующие два десятилетия (вплоть до 1990-х гг.). И только когда «схлынул» этот «бурный поток» аналитической активности первого периода современного этапа развития социологии (1990-е гг.), возникло стремление осмыслить, что же с ней будет дальше.

Второй период, охвативший 2000-е и последующие годы, с одной стороны, стал продолжением трактовок историко-социологического характера, с другой – поставил в центр внимания острые и значительно обострившиеся в последнее время проблемы взаимоотношений социологии и власти и вытекающие отсюда вопросы стратегии поведения социологов как социально-профессиональной группы российского общества. Во второй половине 1990-х гг. казалось, что проблема социологии и власти (или наоборот, власти и социологии – как кому больше нравится) уходит с повестки дня в качестве первоочередной в связи с процессами демократизации жизни страны и развитием структур гражданского общества.

По этому поводу нельзя не привести крайне важное суждение В. А. Ядова. В своем «Предисловии» к книге «Социология в России» он писал: «И вновь мы сталкиваемся с российской проблемой: власть и интеллигенция, власть и социология. Должна ли социология быть оппонентом любой власти и тем служить обществу, или она призвана просвещать власть и этим отвечать на социальный вызов? Альтернатива чисто российская, ибо диктуется она ролью государства в общественной жизни. Дальнейшее развитие России в сторону демократии и гражданских структур лишает смысла эту дилемму» [Ядов, 1998: 13].

Сегодня так и хочется в полемическом запале воскликнуть: а вот и не лишает! Хотя бы потому, что развития России в сторону демократии, правового государства и гражданских структур не происходит. Надеждам на этот процесс суждено было просущество-

вать всего лишь несколько лет – до начала 2000-х гг. По нашему мнению, «точкой возврата» можно считать арест М. Б. Ходорковского в 2003 г. и судебный процесс над ним. Это была первая большая демонстрация возможностей нового политического режима использовать потенциал неправового государства и судебно-прокурорской системы в своих интересах. Всей стране было показано, кто «в доме хозяин». Страна «проглотила» «демонстрацию» и «не подавилась», показав, в свою очередь, что может «глотать» такое и дальше. Если раньше и существовала недооценка возможностей постсоветского человека приспосабливаться к репрессивному государству, то сейчас она исчезла, что было подтверждено результатами изучения общественного мнения [Гудков, 2008а]. Для режима это было первое серьезное испытание на прочность, и он прошел его «с честью».

Правоохранительные или, точнее, «правонаступательные» органы превратились в мощнейший инструмент выполнения воли авторитарного режима власти и давления на всех несогласных с его действиями, в первую очередь на структуры гражданского общества. Страх перед криминалом, господствовавший в 1990-х гг., сменился в 2000-х гг. страхом перед правоохранительными органами. Если же учесть, что произошло их слияние с криминалом, «имплантация» значительной части последнего в структуры власти, в том числе правоохранительной, становится понятен постоянно фиксируемый социологами крайне низкий уровень доверия населения к этим структурам. Продолжением этого недоверия стал страх перед ними. «Советский простой человек» предстал в новом качестве – симбиоза принуждения и адаптации к новому режиму [Гудков, 2008а: 6]. Выяснилось, что этого человека трудно изменить, но им можно легко управлять.

Попытки правящего режима осуществить реформу правоохранительных органов не привели к сколько-нибудь серьезным сдвигам в общественном сознании и общественном мнении, что четко фиксируют результаты его эмпирических исследований. Как пишет А. В. Тихонов, «несмотря на широкообъемную реформу правоохранительных органов, страх физического насилия, потери источников существования, репутации, общей незащищенности остаются в нашем обществе высокими. В таких условиях действительно становится невозможной консолидация граждан и власти для решения каких-либо общих проблем, в том числе модернизации» [Социология управления..., 2014: 5].

Все эти страхи в полной мере касаются и социологов, многие из которых начали задумываться о целесообразности проявления научной и гражданской смелости, особенно в полемике с властью. В этой связи вспоминаются строки: «Он знал, что вертится земля,

но у него была семья». Похоже, что характеристика симбиоза принуждения и адаптации стала подходить к определенной группе социологов. Коль скоро в таких условиях «становится невозможной консолидация граждан и власти», является ли возможной консолидация социологии и власти? Насколько риторическим является поставленный вопрос, предстоит решать читателям книги.

Так что дилемма, о которой писал В. А. Ядов в приведенной чуть выше цитате, по-прежнему остается. Более того, она приобретает новое содержание и новую направленность. Никогда еще за последние двадцать пять лет власть в нашей стране не относилась с такой настороженностью к социологическим исследованиям и социологам, как сейчас. Никогда еще на законодательном уровне не ставился вопрос о возможности преследования и наказания социологов, вплоть до уголовного. Пресловутый закон о некоммерческих организациях, в который каждый раз вносятся ужесточающие поправки, преследует цель уравнивать деятельность социологов с политической, что само по себе выступает диким абсурдом.

Помимо того, что некоммерческие организации, в рамках которых осуществляются социологические исследования, могут быть в любой момент объявлены иностранными агентами со всеми вытекающими из закона последствиями, социологическая наука по существу лишается одной из своих основных функций – критической. В новых условиях она должна стать предельно идеологически ангажированной или уйти в такие далекие от социально-активной деятельности лакуны, в которых социологов просто не будет видно и слышно.

Социологическая наука в нашей стране в XXI в. сможет развиваться дальше при соблюдении ряда условий (о которых будет сказано), одним из основных среди которых является усиление роли демократических институтов в решении всех сколько-нибудь значимых общественных проблем. Коль скоро сегодня этого не происходит, более того, мы видим обратный процесс – снижения роли этих институтов и даже их прямого уничтожения, вряд ли мы можем ожидать благоприятных возможностей развития социологии.

И вновь хотелось бы обратиться к точке зрения В. А. Ядова, который, выясняя различные взгляды и оценки отношений между социологией и властью в советское время, писал, что одни авторы «склонны абсолютизировать “диссидентскую” роль советских социологов, тогда как другие преувеличивают “сервисные” функции и “тотальную” идеологизацию». Сохраняет ли сегодня свое значение классификация (типология) социологов, выстроенная по критерию акцента на «мотивационную композицию социологического сообщества: «сервисная» ориентация, диссидентская и академически беспристрастная»? [Ядов, 1998: 7]. По мнению Ядова, это

полярные «кластеры». Необходимо, как он полагает, различать субъективную интенцию исследователей и результаты их работы, не связанные с авторскими намерениями. Приведенная точка зрения имеет полное право рассматриваться как один из вариантов типологии социологов, но сегодня она, по нашему мнению, «работает» со значительными ограничениями.

Перейдем к более подробному рассмотрению типологии социологов с учетом специфики интересующей нас проблемы взаимоотношений отечественной социологии и власти.

2. Типологии социологов

Любая социально-профессиональная общность обладает собственной, «внутренней» структурой, которая позволяет давать классификации и выстраивать типологии работников в ней. Социологи как профессиональная группа в этом смысле ничем не отличаются от других. Различия начинаются тогда, когда формулируются критерии классификаций и типологий. Они касаются характера и содержания труда, уровня квалификации, качества профессиональной деятельности, роли в жизни страны, профессионального сообщества и т. д.

В принципе типологий социологов и социологий может быть если не сколько угодно, то, по крайней мере, несколько. Все зависит от того, какие критерии будут рассмотрены в качестве типобразующих. Нас в данной работе интересует единственный критерий – отношения между социологией и властью, что вовсе не означает отрицания иных типологий.

Можно говорить о том, что профессиональная группа социологов стала формироваться в 1960–1970-х гг., несмотря на отсутствие государственного, закрепленного правом, общественным мнением, системой публичного контроля признания профессии. Разумеется, сюда же нужно добавить отсутствие профессионального социологического образования и др. К 1980-м гг. в отечественной социологии сложились определенные типологии работников в соответствии с характером их профессиональной деятельности, включенностью в идеологическую работу партии, отношением к науке и др.

Одну из таких типологий предлагает Р. В. Рывкина. Она пишет о трех основных типах социологов. Первый тип – это те, кто выполняет прежде всего идеологические задачи, борясь с проникновением чуждых социалистическому обществу идей (этот тип определен как социологи-идеологи). Второй тип – это социологи, работающие на «заказ», т. е. исследователи прагматической на-

правленности (Рывкина называет их социологи-прагматики). Третий тип – это социологи, занимающиеся исключительно исследовательской работой, не «встречающие» ни в какие публичные и демонстрационные действия (эта группа получила название социологов-исследователей) [Рывкина, 1988: 21–25].

Б. М. Фирсов предложил (на основе анализа ситуации в петербургской социологии) в качестве одного из вариантов типологий выделить «триаду социологий» – негосударственную, университетскую и академическую – в соответствии с теоретическими основаниями, а также теми нормами и правилами, по которым они возникли и функционируют. Он пишет о том, что «силы сцепления между этими сегментами отсутствуют, как и отсутствуют реальные лозунги для интеграции социологического сообщества, объединенного формальной принадлежностью к одному профессиональному цеху, но разъединенного различием интересов и устремлений его сегментов (частей)» [Фирсов, 2012: 357]. Вряд ли предложенная типология может претендовать на некую универсальность, да ее автор и не ставит такой задачи, ограничивая ареал типологии социологическим пространством одного мегаполиса.

Совершенно понятно, что сохраняют свое значение традиционные типологии, связанные с характером и содержанием труда и профилем профессиональной деятельности. Здесь среди социологов мы выделим: теоретиков и эмпириков, занимающихся академической и прикладной наукой, преподавателей социологических дисциплин (часть рабочего времени которых связана с осуществлением научной работы и проведением исследований), аналитиков в бюджетных и коммерческих сферах деятельности, работающих в социологических службах, центрах, фондах, некоммерческих организациях и т. д.

Учитывая наш интерес к типологии социологов, базирующейся на таком критерии, как отношение к власти и деятельности властных структур и в связи с этим – к гражданскому обществу, рассмотрим представляющую значительный интерес типологию отношений социологов с властью, предложенную Б. М. Фирсовым. Он рассматривает семь типических моделей отношений социологов с властью, характерных для отечественной социологии 1960-х – первой половины 1980-х гг. Сразу отметим, что приводимая ниже типология сохраняет свое значение сегодня лишь отчасти. Некоторые модели, к счастью, уже не работают, но не перестают привлекать интерес к ним, хотя бы потому, что это очень близко находящаяся к нам по времени история социологической науки.

Приведем вначале названия этих моделей, а затем каждую из них охарактеризуем подробнее:

- индивидуальное существование социологов в нише профессиональной деятельности;

- дистанцирование их от власти;
- коллективная иммунная защита социологов от власти на основе «игр по правилам»;
- социальный конструктивизм социологов в сочетании с критическим отношением к институтам партийно-государственной власти;
- активное сотрудничество социологов с органами власти;
- поддержка режима из карьерных интересов;
- независимо мыслящий ученый [Фирсов, 2012: 140–156].

К первому типу (первой модели) социологов можно отнести специалистов, которые работали «сами по себе», не вступая в коллективы, чаще всего занимались преподавательской деятельностью, которая, как известно, позволяла не вступать в конфликты, тем более с властью, уходить от сотрудничества с коллегами, работать совершенно самостоятельно, занимая свою особую, специфическую нишу в социологии. Такая деятельность выступала своеобразным бегством от реальности отношений социологии и власти. Она была вполне допустима, не подвергалась никакой критике, тем более остракизму. Человек работал, преподавал, публиковался, у него была своя тема исследований, он мог выступать на конференциях, семинарах, но не более того. Такой тип поведения социологов мы бы назвали социологическим эскапизмом (в переводе с англ. *escape* – бегство). Понятно, что подобный характер деятельности мог быть присущ преимущественно социологам-теоретикам, но не эмпирикам, тем более прикладникам.

Вторая модель поведения социологов означала стремление отдалиться, дистанцироваться от власти, но не способом, описанным выше (просто держаться подальше от нее, в стороне), а путем поддержания тех или иных людей, событий, ситуаций, которые либо осуждались властью, либо явно не получали ее поддержки (например, чтение запрещенной литературы, выступление в защиту участников и сторонников обновления «Пражской весны» 1968 г. в Чехословакии, подписание различных протестных и «защитных» писем и т. д.). При этом такие социологи стремились быть как можно дальше от всякого рода руководящих инстанций, не вступать с ними в диалог, не принимать от них никаких предложений о сотрудничестве.

Третья модель подразумевала наличие своеобразной внутренней раздвоенности социолога, когда два типа его поведения не совпадали и даже противостояли друг другу. Первый означал поведение в профессиональной среде на основе «игры по правилам», что гарантировало коллективную иммунную защиту от власти. Что это означало? Прежде всего, как пишет Б. М. Фирсов, «определенную интеграцию с системой и вынужденно-примирительное отношение

к некоторым нелегитимным действиям и запретам со стороны власти» [Фирсов, 2012: 143]. Правила игры превращались в правила безопасности деятельности социолога. Среди них Фирсов называет такие, как занятия критикой буржуазной социологии (это было безопасно, не возбуждало повышенного официального внимания, кроме того, через критику можно было сообщить читателю некоторый объем позитивного знания), стремление не выходить за «красные флажки» цензурных и идеологических запретов. Второй тип поведения в рамках третьей модели означал отношения между социологами в очень узком, замкнутом круге, когда в разговорах с близкими коллегами можно было выражать ироничное отношение к руководителям партии и государства.

Четвертая модель, как полагает Фирсов, может быть соотнесена с ядром мировоззрения «шестидесятников». Социологи, ее представлявшие, с одной стороны, осуждали и критиковали социальные порядки в стране (в рамках дозволенного идеологией и цензурой), с другой – проявляли высокий уровень активности, писали «наверх» письма и записки, чистосердечно (и наивно, добавим мы) полагая, что с их помощью удастся добиться позитивных изменений в стране. Это и были попытки социального конструктивизма, не приведшие к сколько-нибудь ощутимым результатам. Исследователи, придерживающиеся этой модели поведения в отношениях с властью, являлись, по мнению Фирсова, «сторонниками демократического общества, расширения демократических свобод и верили в социологию как в средство раскрепощения социума, позволяющее понять реальные настроения людей, узнать их мнения и показать власти, которая высокомерно настаивала на знании реальных потребностей населения, истинное положение вещей» [Фирсов, 2012: 147].

Пятая модель поведения означала стремление социологов адаптировать свою науку к интересам властных структур и их запросам, получив таким образом административный ресурс в решении собственных проблем. Зачастую в основе активного сотрудничества с управленческими структурами лежало гипертрофированное властолюбие социологов, поскольку понятно, что игра на «поле власти» давала дополнительные возможности для его реализации. Появлению такой модели поведения способствовало то обстоятельство, что политическая угодливость (мягче – сервильность) в стране ценилась выше реального профессионализма. В результате социологи часто оказывались перед выбором – быть политически ангажированным или профессионально компетентным. Сочетание того и другого реально оказывалось невозможным.

Шестая модель поведения представлялась наиболее уродливой, поскольку включала в себя коррумпированных властью людей.

Это были те, кто добровольно доносил на коллег (по-советски – проявлял бдительность), «оберегал» чистоту марксизма-ленинизма. Их научная компетентность вызывала сильные сомнения, а профессиональный уровень подвергался постоянной критике со стороны коллег. Характерным для представителей шестой модели поведения было не просто стремление «ложиться под власть», а еще и готовность «лизать ей сапоги».

Наконец, седьмая модель поведения характеризовала очень небольшую группу социологов. В чем-то она напоминала первую модель. Особенность ее состояла в том, что люди, ее представлявшие, сознательно отдавали себя во власть независимо мыслящей научной среды [Фирсов, 2012: 152] и не вступали ни в какую сделку, прежде всего, со своей научной совестью. Они не подчеркивали и не выделяли своей особой позиции по отношению к власти, оставаясь всегда самими собой.

В современных условиях проблема выявления типов социологов по критерию их отношений с властью приобретает новые очертания. Это связано с изменениями, которые произошли в рамках третьего этапа развития отечественной социологии и характеризуют обе стороны отношения – как социологию, так и власть. Мы считаем целесообразным рассмотреть это отношение в более обобщенном виде, с выходом за пределы нашей страны.

Тогда следует иметь в виду, что взаимодействие между властью и социологией оказывается разнонаправленным и проявляется в различных векторах развития последней. Понимание этого взаимодействия сопряжено с ситуацией, существующей в демократических странах (к числу которых мы не относим Россию), где связь между властью и социологией практически не ощущается. Если она и существует, то действует в имплицитной и латентной форме, так что об этом многие социологи и не догадываются, не говоря уже о том, что они испытывают на себе воздействия властных и политических структур. Рассмотрим типы отношений между социологией и властью с учетом описанной ситуации. Прежде всего отметим наличие двух главных типов, а затем обратимся к промежуточным.

1. Власть в стране характеризуется господством демократических институтов, и социология в этом случае развивается в свободном и независимом от нее режиме. Научная, преподавательская, практическая деятельность в сфере социологии может быть вообще вне связи с политическим режимом и реагировать лишь на те действия власти и ее институтов, которые противоречат существующим нормам, ценностям, традициям и затрагивают интересы конкретных групп людей.

2. Власть в стране не имеет выраженного демократического вектора и определяется давлением авторитарного (или тоталитарного) режима (мы имеем в виду Россию, которой и будет касаться дальнейшая типология). В этом случае социология и ее представители оказываются перед выбором. Вариант первый: идти на сотрудничество с властью, поддерживать ее на разных уровнях, выполнять заказы (в том числе ангажированные, требующие в ряде случаев поступаться научной совестью), оказывать содействие режиму через систему преподавания. Вариант второй: стремиться к проведению объективных и независимых исследований экономических, социальных и политических процессов, подвергать критическому анализу деятельность властей, поддерживать оппозицию, раскрывать в процессе преподавания подлинную сущность власти, способствовать созданию и поддержке структур гражданского общества, включаться в их деятельность.

Названные два варианта, а по существу два типа (в рамках второго главного типа), как видно, противостоят друг другу по основным позициям и их вектору в отношениях с властью. Но, помимо двух крайних типов, есть и промежуточные, точнее говоря, их конкретизирующие. Первый из них – стремление дистанцироваться от власти, работать в таких проблемных областях, которые находятся весьма далеко от непосредственных интересов властных структур. Это может быть достаточно абстрактный уровень теоретизирования, имеющий мало общего с реальными социальными проблемами. Скажем, речь идет о социологии науки или социологии знания и исследовании природы и особенностей того или иного вида (типа) знания. Это тот уровень, который можно определить как эпистемологический и который, чаще всего, не имеет прямого выхода к реальной проблематике повседневной, тем более социально-экономической и общественно-политической, жизни.

В рамках намечающегося приближения к этой ситуации и, соответственно, к власти, ее создающей, имеет смысл говорить о втором типе социологической деятельности, который принято называть моделью (эпистемологией) абсолютного наблюдателя [Дудина, 2013: 15]. Суть ее в том, чтобы лишь наблюдать, фиксировать, отражать совокупность социальных фактов.

Позиция социолога в этом случае не влияет на объект, она нейтральна и свободна от ценностей. Теория противопоставлена практике, поскольку они представляют различные сферы деятельности. В данном случае социолог даже не интерпретирует ситуацию, а просто ее наблюдает и описывает. Конечно, и в этом случае социология не свободна полностью от воздействия власти, поскольку в самом факте наблюдения и описания также можно обнаружить определенное отношение к ней. Но все же социологическое знание

и направленность социологического мышления отделены от социальной реальности (включая социально-политическую ситуацию), противопоставлены в чем-то ей и лишь представляют (репрезентируют) ее.

Третий тип социологической деятельности относительно имеющейся власти состоит в значительно меньшем (чем во втором) дистанцировании от нее. Он связан с интерпретацией наблюдаемых социальных фактов, которые рассматриваются в оптике социологии, ее представлений и суждений, а также понятий и теорий, ею используемых. Эта интерпретация выводит социологию на возможность почти прямого взаимодействия с властью, но лишь в том случае, если последняя сама обратит внимание на исследовательскую позицию и проявит к ней интерес. Последний может иметь три вектора – позитивный, негативный и нейтральный. Это значит, что социологическая интерпретация воспринимается властью либо как соответствующая ее интересам, либо как противоречащая им, либо как не имеющая практического значения для принимаемых властных решений.

Четвертый тип социологической деятельности характеризуется как создание перформативной модели (перформативной эпистемологии). Происходит отказ от разделения субъекта и объекта познания. Социология активно включается в сеть отношений с властными структурами. «И здесь речь должна идти уже не просто о публичной социологии, которая репрезентирует свои репрезентации обществу, а о перформативной социологии, которая встроена в общество и активно участвует в его исполнении» [Дудина, 2013: 20].

Весь вопрос в том, в какое общество, в какой властный режим должна быть встроена социология и в каком – должна активно участвовать в его деятельности. Конкретизируя этот вопрос, сформулируем еще один: должна ли она встраиваться в авторитарный (тоталитарный) режим власти и, если да/нет, что это означает на практике? Ответ на этот вопрос можно дать лишь в процессе анализа перспектив отечественной социологии и ее деятельности относительно властного режима. Эта деятельность требует публичности, определенной смелости и гражданского мужества, особенно когда приходится задевать интересы власть и бизнес имущих. Таким образом, проблема типологии деятельности социологов позволяет перевести ее в постановку вопроса об их публичной деятельности.

3. Публичная деятельность социолога и публичная социология

По нашему мнению, публичная деятельность – одна из разновидностей так называемой публичной социологии, сам термин и развернутая трактовка которого принадлежат американскому социологу Майклу Буравому. Рассмотрим проблему подробнее, поскольку она имеет прямое отношение к участию социологии и социологов в реальном создании в стране гражданского общества, а сама эта деятельность может превратиться в разновидность общественной деятельности.

Сразу следует отметить немало общего в направленности публичной социологии за рубежом и в России. Но есть и различия. Главное из них, по нашему мнению, состоит в том, что на Западе, в демократических странах публичная социология – это, прежде всего, возможность для социологов и способ заявить о себе, тогда как в нашей стране она может стать реальной силой для решения проблем создания гражданского общества.

Вначале охарактеризуем понятие публичной социологии в рамках той дискуссии, которая в последние годы приобрела международный характер и затрагивает интересы различных групп социологов как за рубежом, так и в нашей стране. Начало дискуссии было положено известным американским социологом, президентом Международной социологической ассоциации в 2010–2014 гг. М. Буравым в статье «За публичную социологию» [Burawoy, 2005: 4–28]. По сути, им была уточнена концепция основных видов социологической деятельности.

Автор выделяет четыре альтернативы в социологической науке и практике: прикладную, профессиональную, критическую, публичную. Прикладная социология – это практика, выполняющая заказы рынка услуг. Профессиональная социология – это университетская социология, представители которой занимаются внутренними проблемами академической науки. Критическая социология – это социология, «нападающая» на все виды научной нейтральности, разоблачающая господствующие взгляды, скрытые ценностные пристрастия профессиональных социологов и напоминающая им о научной совести. Наконец, публичная социология, в отличие от первых трех альтернатив, – это деятельность, выходящая за внутренние границы научных диалогов, обращенная вовне, характеризующаяся вступлением социолога в дискуссию с различными группами публики.

М. Буравой различает два типа публичных социологов – традиционных и органичных. Традиционный публичный социолог обращается к широкой безымянной публике, ничем не выделяющейся

и придерживающейся самых общих и обыденных ценностей. Органичный публичный социолог напрямую работает с немногочисленной, сосредоточенной в одном месте публикой, сплоченной, активной, видимой и часто противящейся обыденному и общепринятому.

Сразу отметим, что переносить автоматически на российскую социологию трактовки основных понятий, даваемых Буравым, вряд ли оправдано. Отечественная социология в своих конкретных проявлениях не дублирует ни американскую, ни европейскую социологию, и традиции, сложившиеся в ней, несколько отличают основные направления социологической деятельности в современной России.

Особенно это касается критической и публичной социологии. Говоря о первой, будем иметь в виду, прежде всего, реализацию критической функции социологии относительно не только и даже не столько самого положения дел в ней (в этом плане она развита крайне слабо), сколько властных решений и действий, а также направлений внутренней и внешней политики государства. Что касается публичной социологии, то, по нашему мнению, к ней имеет смысл относить участие социологов в различных дискуссиях, выступлениях на «круглых столах», в СМИ, ознакомление населения с результатами эмпирических исследований, участие в работе организаций гражданского общества и т. д.

Нетрудно обнаружить, что первые три разновидности социологической деятельности не выходят за пределы социологической науки и не касаются широкой аудитории читателей, зрителей, слушателей. И только четвертая разновидность – публичная социология – означает возможность выхода науки на общество и активного взаимодействия с ним.

По мнению М. К. Горшкова, публичная социология – это, прежде всего, «социология открытая, лишенная грифа “ДСП” и доступная через массмедиа широкой общественности, различным слоям населения – словом, всем, кто испытывает желание сверять свое собственное мнение по какому-либо важному вопросу с мнением общества и “видеть” себя в составе гражданского большинства или меньшинства. Тем самым мы приходим к общему выводу: публичная социология – суть реализация общественной роли социологической науки, доступность ее информации широким слоям населения – демонстрация ее значимости и полезности, возможность использования полученных ею результатов в процессе управления на всех уровнях организации и жизнедеятельности государства и общества» [Горшков, 2012: 28].

В первой главе данной книги мы уже выделяли четыре основных направления работы социологов: 1) развитие теории; 2) раз-

витие социологического образования; 3) развитие эмпирических исследований; 4) развитие прикладных социологических практик. Речь шла о тех формах и типах деятельности, которые позволили рассматривать процесс «внутреннего» развития социологической науки от этапа к этапу, через «восхождение» от ее теории к прикладным практикам, без «выхода» социологии на массовую аудиторию, на общество, на гражданскую деятельность, на публику и взаимодействие с ней.

В классификации М. Буравого предлагается иной вариант социологических альтернатив, в котором центральное место занимает публичная социология как новая практика. Профессиональная, критическая, прикладная социологии хорошо известны и распространены, но они не позволяют расширить границы влияния социологии на общество, поскольку обращены «внутрь» ее. Используя терминологию К. Юнга и выделение им типов «интровертов» и «экстравертов», мы бы рискнули провести в некотором смысле аналогию (пусть и грубую) между этими типами, формами социологии и типами социологов и назвали бы представителей профессиональной, критической, прикладной альтернатив «интровертами», тогда как сторонников публичной социологии – «экстравертами». Значение концепции Буравого состоит в том, что он призывает обратить внимание на необходимость экспликации социологического воздействия на общество не только через исследование, но и путем непосредственного взаимодействия социологии (ее конкретных представителей) и публики. По существу, речь идет о новой функции социологии.

Возможности реализации этой функции в разных странах оказываются неодинаковыми. Так, в США вряд ли можно ожидать какого-либо «расширения» социологических практик и выхода социологии в публичную сферу. Известная замкнутость социологии на саму себя (если не сказать – определенная ее кастовость) вполне устраивает социологическое сообщество в этой стране и не вызывает у него особого беспокойства. Иное дело – некоторые европейские страны. В свое время (в 1980–1990-х гг.) П. Бурдьё «занимался» публичной социологией, выступая неоднократно с блестящими циклами лекций по французскому телевидению, которые привлекали внимание большой аудитории. Нельзя не сказать о призывах английского социолога Э. Гидденса к ведению социологами публичной деятельности. Он справедливо пишет о том, что «общественность потеряла социологию из вида» [Гидденс, 2007: 4]. Публикация представляет собой перевод статьи английского социолога из британской газеты «Гардиан», в которой ее название было несколько иным – «К оружию» («A Call to Arms»)]. Следовательно, нужно напомнить публике (общественности) о возможностях влияния на нее социологической науки.

А что в этом плане можно сказать о России? Главный вопрос: может ли стать в ней социология публичной? И если да, то когда, при каких обстоятельствах? Отвечая положительно (только в принципе!) на первый вопрос, отметим возможные обстоятельства становления публичной социологии в нашей стране.

Во-первых, когда материалы и результаты социологических исследований становятся достоянием СМИ, а через них – и массового сознания. Правда, здесь можно столкнуться с определенным ограниченным толкованием возможностей социологии, сводимой к конкретным данным эмпирических исследований (типичный вопрос, задаваемый в СМИ, – что «показывает» социология по той или иной проблеме). Теоретические проблемы, различные интерпретации их СМИ не интересуют, представители средств массовой информации полагают, что могут это сделать не хуже любого социолога. Но главное препятствие в другом: в последние годы произошло резкое изменение характера деятельности подавляющего большинства СМИ, они превратились в «заказной» орган власти. Поэтому, если социологи получают определенный объем критической, «антивластной» информации, становится все меньше шансов на то, что она в полном и объективном виде станет достоянием общественности.

Во-вторых, когда социологи занимаются публичным просвещением, т. е. просвещением различных социальных групп, включая, безусловно, и студентов, и специалистов, имея в виду их участие в публичных дискуссиях, материалы в периодических изданиях (газетах, журналах), чтение публичных лекций для массовых аудиторий (в том числе телевизионных).

В-третьих, когда социологи принимают участие в подготовке и принятии решений по актуальным проблемам общественной жизни на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; при этом их (социологов) выводы, заключения и рекомендации получают публичное одобрение со стороны тех субъектов социального управления, которые заинтересованы в использовании данных научных исследований.

В-четвертых, когда сами социологи заявляют о своей активной не только научной, но и общественной позиции, когда они выступают от имени определенных социальных групп, выражая и отстаивая их интересы, ощущая себя членами гражданского общества, предлагающими конкретные общественные и гражданские инициативы.

В-пятых, когда социологи сами становятся представителями власти, будь то политическая, административная или общественная ее разновидности. В этом случае они (социологи) сами, как правило, своей деятельностью усиливают публичный характер науки,

пропагандируют ее роль и значение. Впрочем, если эта деятельность не всегда приобретает позитивный резонанс, то эффект такой публичности может оказаться и негативным для самой социологии.

С учетом высказанных соображений следует отметить, что в России, безусловно, существуют все четыре разновидности социологических практик, однако распределены они неравномерно; одни практики представлены больше, другие – меньше. Конечно, это распределение зависит от ряда факторов. Среди них немало важное значение приобретает фактор типа поселения. В предыдущей главе и своих прежних работах мы использовали концепцию мир-системного анализа И. Валлерстайна применительно к дифференциации социологии как науки и практики [Валлерстайн, 2003; Wallerstein, 1974, 1980, 1989]. В соответствии с ней мы выделяли социологический центр, социологическую полупериферию и социологическую периферию [См.: Зборовский, 2013: 466–475].

Рассматривая распространенность основных видов социологических практик (по Буравому), отметим, что первые три альтернативы (профессиональная, прикладная, критическая социологии) имеют место в социологическом центре и социологической полупериферии – наиболее крупных университетских городах, там, где есть сильные социологические факультеты и научные структуры с социологическим присутствием в них (отделы, секторы, лаборатории). При этом существование критической социологии во многом зависит от общей атмосферы, наличия духа свободы, либеральных традиций, которые позволяют представителям социального знания без ограничений высказываться по самым злободневным проблемам общественной жизни и развития науки.

Следует специально подчеркнуть, что такая возможность обусловлена не только атмосферой научной или образовательной организации, но и общей идеологической ситуацией в регионе, позицией их лидеров. Когда ученых и преподавателей снимают с работы или жестко предупреждают их о недопустимости противоречащих официальной позиции высказываний в адрес тех или иных решений и руководителей, наличие критической социологии вызывает большие сомнения.

Анализируя деятельность социологов в обеих столицах и мегаполисах («миллиониках»), мы имеем все основания говорить о существовании в них публичной социологии, хотя она, безусловно, очень разнородна в своих проявлениях в этих городах. Но чем дальше мы передвигаемся от социологических центров вглубь социологической провинции, по направлению к социологической периферии, тем реже заметны проявления публичной социологии, поскольку они связаны с профессионализмом социологов, их известностью и популярностью. В регионах, особенно не в самых крупных,

имеется заметный дефицит таких людей. Справедливости ради нужно сказать, что их и в больших городах не так уж много. Речь идет о специалистах, умеющих не только проводить интересные и важные исследования, но еще увлекательно о них писать и рассказывать, выступать в различных СМИ и массовых аудиториях.

Проблема также и в том, что общение социолога с публикой в той или иной форме требует наличия личных и гражданских качеств (которые зачастую тесно связаны между собой, особенно если речь идет о смелости и мужестве). Они нужны в первую очередь тогда, когда приходится задевать интересы власть и бизнес имущих. Гражданская и научная позиция (их не следует разделять в данном случае, поскольку они тесно взаимосвязаны и представляют собой некое единство) нужна и в противостоянии так называемой ангажированной социологии, представители которой в угоду заказчикам соответствующих исследований готовы пойти на фальсификации и искажения объективных данных.

В связи с этим возникает важная проблема взаимоотношения социологии, власти и бизнеса, точнее говоря, тех аспектов этого взаимоотношения, которые благодаря социологии приобретают (или могут приобрести) публичный характер. Для социологии в регионах, когда ее представители достаточно известны и находятся под «аудио-» и «видеонаблюдением», такая публичность иногда может дорого стоить. С другой стороны, используя последние два слова в противоположном контексте, мы можем сказать, что такая публичность «дорогого стоит».

До недавнего времени отношения между социологией и властью как в центре, так и в регионах (на местах) чаще всего оказывались достаточно нейтральными и строились по принципу «не трогать друг друга». Сейчас ситуация заметно меняется. Значительное ухудшение социально-экономического состояния страны, реальный экономический кризис в ней, резкое падение курса рубля, грозящее девальвацией, политическая напряженность в связи с процессами на Украине и в Крыму, резкое ухудшение отношений со многими странами мира, отменяющиеся визиты и деловые поездки так или иначе сказываются на состоянии общественного сознания и общественного мнения, объективную картину которого получать становится все труднее и труднее.

Боязнь вступить в конфронтацию с властью в связи с необходимостью объективно отражать реальное положение дел и общественное мнение по наиболее болезненным точкам ставит перед социологами крайне сложные, подчас неразрешимые задачи, особенно в связи с занесенным над их головами «дамокловым мечом» в виде закона о некоммерческих организациях. Кроме того, не нужно забывать и о том, что в ряде случаев существует финансовая

сторона отношений между социологией и властью, поскольку последняя может оказаться заказчиком (и плательщиком) исследований.

У публичной социологии есть еще одна очень важная задача: привлечение абитуриентов на социологические факультеты и отделения. Чем активнее утверждает себя социология в регионе, тем большую популярность у молодежи она завоевывает. Обучающий потенциал социологии может быть достаточно значимым, в особенности таким ресурсом располагает публичная социология.

В связи с этим отметим необходимость публичной социологии не только в центре, но и в регионах. Ее наличие является гарантом осознания полезности и важности этой науки, одним из условий создания гражданского общества. Но понимание необходимости еще не означает автоматического признания возможности публичной социологии в регионе.

Помимо обстоятельств, которые были указаны выше и касались предпосылок существования публичной социологии в целом, целесообразно выделить условия, определяющие возможность публичной социологии в регионе. В качестве таковых назовем: 1) стремление социологов быть активными и его реальные проявления в деле внедрения публичной социологии; 2) понимание ими тех сложностей, которые могут возникнуть на этом пути и затронуть их лично; 3) позицию власти – региональной и муниципальной, ее отношение к социологии, готовность/неготовность сотрудничать с ее представителями и признать их право на критический анализ социальных процессов (в том числе и деятельности самой власти); 4) позицию СМИ, их отношение к социологии, готовность/неготовность сотрудничать с ее представителями и признать их право на критический анализ социальных явлений и процессов (в том числе и самих СМИ); 5) отношение различных социальных групп к власти, ее деятельности, к СМИ, к социологическим исследованиям, наличие выраженного общественного мнения, уровень и характер его изучения в регионе; 6) уровень активности населения, в том числе протестной.

С учетом высказанных соображений следует отметить, что существует реальное противоречие между стремлением социологии к максимальной независимости, неангажированности и объективности собственного знания и теми социальными и экономическими условиями, в которых ее представителям приходится проводить исследования и доводить их результаты до широких слоев населения, т. е. превращать в публичную социологию.

4. Социология и управление

Составной частью рассматриваемой нами большой проблемы «Социология и власть» является проблема «Социология и управление». Зачастую первая сводится ко второй, что, конечно же, не совсем верно. Соотношение власти и управления – это не соотношение тождественных понятий. Разводят же их в литературе по-разному. Для одних власть шире управления и включает его в себя как определенную часть. Другие рассматривают управление как понятие более широкое, предполагающее использование власти в качестве инструмента его функционирования. Третьи разграничивают их по сферам деятельности: власть – для политики, управление – для всего остального. Другими словами, речь идет о политической власти. Поэтому при постановке вопроса «социология и власть» подразумевается рассмотрение соотношения социологии и политики.

Перед нами не стоит задача научного размежевания этих понятий. Главное – проанализировать особенности взаимоотношения социологии и власти, социологии и управления. Если о первом мы уже немало говорили и будем делать это дальше в связи с проблемой роли социологии в гражданском и негражданском обществе, то вопрос об отношении между социологией и управлением мы еще специально не рассматривали и ставим его именно сейчас.

Приведем, прежде всего, небесспорное суждение М. К. Горшкова. Он пишет, что «социология является одним из языков власти, а потому неотделима от политического процесса. Случалось так, что она выступала служанкой власти. Но никогда не было и не будет, чтобы власть становилась служанкой социологии. Это означает: социология помогает власти осуществлять властные функции, повышать культуру и эффективность государственного управления. Власть же, в свою очередь, через различные формы государственной поддержки, обеспечивает социологам свободу научного творчества, использует результаты социологической деятельности для более адекватного выражения в своей политике общенациональных интересов, исходит из них при выборе стратегии развития страны» [Горшков, 2012: 28].

Дискуссионность приведенного положения определяется тем, что неясно, о каком обществе в нем идет речь. Если о демократическом, в котором существует реальный гражданский сегмент, включающий в себя социологию как его составную часть, то вопрос о власти как служанке гражданского общества вполне правомерен и закономерен. И тогда взаимоотношения власти и социологии вполне могут претендовать на то, что совершенно не допускает М. К. Горшков. Если же речь идет о России, а из контекста

цитируемой статьи, скорее всего, вытекает именно этот вывод, то, конечно, ничего подобного быть не может. В стране с авторитарным режимом власти такая постановка вопроса просто не имеет права на существование.

Но не соответствующим действительности является и иное суждение из приведенной цитаты, согласно которому власть обеспечивает социологам свободу научного творчества. Где она, эта свобода, когда деятельность социологов приравнивается к политической, а изучение общественного мнения и публикация соответствующих материалов рассматривается и оценивается прокуратурой (вот теперь где критерий научной истины!) как оказание влияния на него? В чем Горшков прав, и здесь мы солидарны с ним, так это в том, что властные структуры должны уметь работать с наукой, «выстраивая отношения с социологией на принципах партнерства, уважения и толерантности» [Горшков, 2012: 28].

Многие авторы, выявляющие место и практическое значение социологии в жизни современного общества, анализируют и то и другое под углом зрения включенности этой науки в систему социального управления. Обсуждение этой проблемы позволяет ставить вопрос о социологии как о ресурсе управления в современном российском обществе. Ресурсный подход в социологии (да и не только в ней) в последние годы является одним из наиболее активно развиваемых. Сквозь призму этого подхода в социологии исследуется самая широкая и многообразная проблематика, связанная с развитием основных сфер жизни общества, его социальной структуры, социальных институтов, организаций и т. д. Однако сама социология в качестве ресурса развития общества рассматривается крайне редко. Между тем необходимо выявить ее потенциал в таком качестве, и нам представляется наиболее перспективным в этом плане рассматривать социологию как ресурс одного из социальных институтов российского общества – управления.

Основным методологическим принципом исследования поставленной проблемы является функциональный подход к социологии. При его различных и многообразных трактовках одна позиция остается неизменной – выделение в качестве особо значимой управленческой функции социологии. Ее суть, по нашему мнению, «заключается в том, что социологические выводы, рекомендации, предложения, оценки состояния социального объекта, создаваемые социальные технологии служат основанием для выработки и принятия управленческих решений. Там, где это происходит, – в масштабах общества, региона, города, предприятия, организации, учреждения, – решения становятся более аргументированными, взвешенными, их трудно оспорить» [Зборовский, 2004: 15].

Управленческую функцию социологии имеет смысл рассматривать как системную для целого ряда конкретных функций. Среди них такие, как организационно-технологическая (связанная с разработкой, конструированием социальных технологий), контрольно-аналитическая (состоящая в осуществлении контроля за реализацией предложений и рекомендаций социологов, за ходом внедрения тех или иных социальных технологий, в анализе новых социальных процессов, являющихся следствием имевших место трансформаций), консультационная (закрывающаяся в оказании всевозможной – теоретической, практической, «просвещенческой» – помощи) и др.

Каким образом следует рассматривать социологию в качестве ресурса управления? В чем он конкретно может быть виден (помимо реализации тех управленческих функций, которые только что были названы)? Прежде всего отметим, что социологию как ресурс управления можно рассматривать в качестве реального капитала (с позиций подхода П. Бурдьё [Бурдьё, 2004]) и потенциального капитала. Потенциальный капитал социологии – это те неиспользованные возможности и ресурсы, которые связаны с включением социологии на правах элемента в системную деятельность того или иного субъекта управления. Что же касается реального капитала, в качестве которого может быть рассмотрена социология, то сразу возникает вопрос: в рамках какого его вида (по классификации Бурдьё) – экономического, политического, социального, культурного, символического, научного – следует ее анализировать?

Парадоксальность нашего ответа будет заключаться в возможности рассмотрения социологии не как элемента какого-то одного вида капитала, а в качестве составной части любого из названных его видов. На первый взгляд социология, естественно, должна быть отнесена к научному капиталу. Но в ходе анализа многообразных возможностей и ресурсов социологии как науки и практики выясняется, что не только к нему. Речь идет о том, как в процессе управления социология может быть использована целостно и системно.

И здесь выясняется, что рациональное включение в систему управления социологического мышления, социологических практик, деятельности их субъектов может способствовать и увеличению экономического капитала, и оптимизации социальных связей (социального капитала), и росту культурного капитала (связанного с повышением образовательного и культурного уровня субъектов управления), и накоплению символического капитала (статусно-ролевые характеристики социологов, работы которых используются в управленческих исследованиях и решениях).

Важно при этом, чтобы социология со всем ее потенциалом и реальным научным багажом, широкими методологическими и методическими возможностями, богатым инструментарием и рядом других ресурсов не превращалась в своеобразный «бантик» управления, в качестве которого она часто выступала в доперестроечные времена (да зачастую и в постперестроечные).

В этой связи привлекает интерес статья Б. А. Грушина «Ученый совет при Чингисхане», главная тема которой – соотношение социологической науки и управления. Нормальным Грушин считал такое положение вещей, при котором «наука занимается наукой, управление – управлением, а связи между ними реализуются либо в разнообразных формах использования управлением научных данных... либо – что гораздо эффективнее – путем прямого и гарантированного включения науки в процессы управления, в том числе в механизмы принятия ответственных решений...». В СССР же «на определенном этапе его истории произошла серьезнейшая деформация, когда органы управления присвоили себе право производить научное, теоретическое социальное знание и тем самым контролировать все, что делается на этом поприще помимо них. На словах они стали пользоваться этим правом наряду с наукой, а на деле – в обход нее и даже без нее, вместо нее, поскольку именно им стало принадлежать последнее слово в любом теоретическом споре по всем проблемам обществоведения...» [Грушин, 2010: 297]. Как следствие, наука стала вызывать у представителей органов управления сплошные подозрения и нарекания, ее отстранили от активного участия в жизни общества. Социология оказалась «...вроде ученого совета при Чингисхане. Будешь стоять на своем, говорить правду – не снесешь головы, будешь угодничать, лгать – останешься жив, но обнаружишь свою полную несостоятельность...» [Грушин, 2010: 302].

Несмотря на то что процитированная статья была написана 25 лет назад, реальное положение дел мало изменилось. В чем-то оно стало даже хуже, особенно на высших уровнях власти и управления. Если в 1990-х гг. хоть существовал Совет по социологическим исследованиям при кремлевской администрации, в который входили ведущие социологи страны, то сейчас и его нет. Ведущие же социологи страны (к счастью, не все) озабочены, прежде всего, тем, чтобы не пугать полученными результатами власть имущих.

Большую роль в процессе взаимодействия социологии и управления может и, видимо, должна сыграть специальная отрасль социологического знания под названием «Социология управления». По существу, она призвана показать системе управления обществом и его структурами на самых разных уровнях большие возможности социологической науки и практики. Они используются

крайне слабо в силу разных причин: незнания этих возможностей, слабой востребованности социологического знания, давления управленческой (властной) вертикали (в которой нет места социологии), непонимания нового места и роли управления в российском обществе, его регулятивных механизмов и т. д.

Значение социологии для системы управления состоит в том, что она должна показать и доказать свою «ресурсоспособность», исходя из позиции известного американского специалиста в области научного менеджмента П. Дракера, согласно которой «не бывает бедных и богатых стран, есть плохое и хорошее управление». Управление же хорошим может и не быть без включения в него социологии. Поэтому, справедливо отмечает А. В. Тихонов, социология управления должна стать научно-исследовательской программой, направленной на «получение фундаментальных и прикладных знаний о построении, поддержании в рабочем состоянии и реконструкции таких механизмов, ядром которой выступает теория управляемости социального порядка на уровне миросистемы, социальных трансформаций, социальных институтов, организаций и поселенческих общностей» [Социология управления..., 2014: 20].

Мы считаем, что предметной зоной социологии управления является социальное управление, понимаемое как управление процессами во всей его системе. При этом социальное управление мы характеризуем как взаимодействие управляющих и управляемых субъектов в связи с выявлением актуальных проблем и принятием (а также реализацией) решений, направленных на эффективное функционирование социальных (демографических, территориальных, профессиональных, культурных, образовательных и др.) общностей, т. е. на осуществление социальной политики.

Что касается системы социального управления, то под ней мы понимаем взаимосвязь его элементов, прежде всего субъектов и объектов социального управления, выступающую в форме либо воздействия первых на вторые, либо их взаимодействия. Под системой социального управления мы понимаем также организацию этого взаимодействия для достижения социальных целей и задач, выполнения его функций посредством использования определенных механизмов с помощью создания для этого необходимых условий. Исходя из такой трактовки системы социального управления, к ее элементам мы относим субъектов и объектов социального управления, его структуру и функции, а также механизмы и цель (подробнее о нашем понимании системы социального управления и ее элементов см.: [Зборовский, 2014: 514–515]).

Здесь лишь хотелось бы выявить некоторые функции социального управления, составляющие содержание управленческой деятельности. К их реализации имеет (может иметь) прямое либо

косвенное отношение социология. Центральной среди них является правильное (научно обоснованное) понимание и соответствующая ему выработка главных направлений социальной политики, осуществляемой субъектами социального управления и ориентированной на создание условий для удовлетворения основных жизненных потребностей населения, формирования благоприятного социального климата, реального социального согласия между различными социальными общностями на основе сбалансированности их социальных интересов.

К функциям социального управления (реализация которых сопрягается с привлечением социологов) можно также отнести: планирование, проектирование и прогнозирование социальной деятельности; организацию работы по их осуществлению; координацию и регулирование различных видов социальной деятельности; их анализ, учет и контроль. Особо следует выделить функцию мотивации социальной деятельности индивидов и различных социальных общностей (в том числе коллективов и организаций) для достижения поставленных целей и задач. Исследование такой мотивации – прямая задача социологов.

В связи с рассматриваемой нами проблемой роли социологии в становлении гражданского общества в стране мы считаем необходимым обратить особое внимание социологической общественности на реальное положение и специфику функционирования неполитических, негосударственных, некоммерческих организаций. Речь идет, в частности, об изучении отношения к ним не только в структурах политической власти, но и в органах управления в местах их дислокации и работы.

Социологи вполне могли бы на основании проведенных исследований представить «вилку» мотивов деятельности: с одной стороны, самих участников гражданских структур, с другой – отношения к их работе в органах управления. Это тем более важно, что зачастую участники некоммерческих организаций (правозащитных, экологических, антикоррупционных и др.) ставят и стараются решать проблемы в интересах населения, проживающего на территории конкретных муниципальных образований, подведомственных органам не только государственного управления, но и местного самоуправления.

Конечно, реализация функций социального управления является прерогативой субъекта социального управления и зоной его ответственности. Что касается социологии, то использование потенциала этой науки может способствовать достижению позитивных результатов в процессе реализации названных выше функций.

Ж. Т. Тощенко, рассматривая новые тенденции в развитии российской социологии (одна из его последних статей так и называется

ся), на первое место ставит то, что она «шагнула в сферу управления». По его мнению, «по сравнению с советским периодом использование социологии в управлении имеет свои особенности. Если в советское время социологические данные выступали в большинстве случаев в контексте идеологического обеспечения различных видов деятельности, то в постсоветской России они приобрели в основном функцию политического применения и использования в решении прикладных проблем, главным образом текущего плана, что нашло особенно яркое отражение в значительном расширении ареала обращения к общественному мнению. Поэтому не удивительно, что социологические данные стали предметом внимания органов политической власти, главным образом на федеральном и региональном уровнях... Отмечая эту тенденцию, следует иметь в виду, что привлечение социологии к решению управленческих задач (повторяю, в основном политических), не является гарантией ее полноценного использования и эффективного применения. Более того, нередко социологические данные использовались в целях манипулирования общественным или групповым сознанием, дезориентации при достижении сугубо корыстных или даже преступных целей» [Тощенко, 2013: 3–4]. Как видно, автор связывает возрастание социологического интереса к управлению прежде всего с его политической «разновидностью».

5. Институционализация социологии как фактор превращения ее в структуру гражданского общества

На протяжении всех предшествующих глав мы упоминали как сквозную проблему развития отечественной социологии ее институционализацию. С этой проблемой тесно сопряжена и другая, касающаяся ответа на вопрос: состоялась ли социология как наука в нашей стране? Рассматривая обе проблемы в связке, мы полагаем, что есть достаточные основания отвечать утвердительно по поводу успешности решения каждой из них. Конечно, на всех трех этапах развития отечественной социологии ситуация различалась. Но к началу текущего столетия она достигла такого состояния, которое ни у кого (или почти ни у кого) не вызывает сомнения. Другое дело, что это за наука сегодня – социология, насколько она отвечает ряду современных требований к ней как к социальному институту.

Прежде чем говорить об институционализации социологии, необходимо очень коротко сказать о том, что мы понимаем под самой институционализацией. Слово это, что называется, «на слуху», особенно в последнее время, когда очень часто кризис российского

общества связывают с плохой работой его институтов. Под институционализацией в самом общем виде будем понимать процесс возникновения и становления социальных институтов. Как и любой другой сложный общественный процесс, институционализация является длительной и постепенной. Для ее осуществления необходимы в качестве условий: появление определенных потребностей, нуждающихся для их удовлетворения в совместной деятельности людей; возникновение в ходе взаимодействия людей по поводу удовлетворения этих потребностей определенных социальных норм и правил; установление системы санкций для соблюдения норм и правил поведения; создание учреждений и групп людей, в них занятых, для регулирования совместной деятельности в обществе в связи с удовлетворением тех или иных потребностей его граждан.

С учетом предложенного понимания институционализации можно говорить о том, что потребности общества в социологической науке сформировались давно, а в последние 15–20 лет были созданы и условия для их удовлетворения. Сейчас всем понятно, что институционализация социологии состоялась. Существует узаконенная профессия социолога. Весьма развитым в стране стало социологическое образование, представленное более чем сотней вузов, где имеются факультеты, отделения, выпускающие кафедры, готовящие специалистов, бакалавров, магистров социологии. Имеются сотни самых различных структур, занимающихся подготовкой и проведением социологических исследований (наиболее известные среди них – Левада-Центр, ВЦИОМ, фонд «Общественное мнение», «Циркон», «Индем» и др.). Существует несколько научно-исследовательских институтов в составе РАН (Институт социологии, Институт социально-политических исследований в Москве, Социологический институт в Санкт-Петербурге). Наряду со специализированными социологическими научно-исследовательскими институтами работает немало иных (философских, экономических и др.) институтов, в которых в рамках специальных отделов, центров, секторов проводятся теоретические и эмпирические социологические исследования.

Важным аспектом институционализации социологии, о котором редко говорят в связи именно с этим процессом, является возникновение научных социологических школ. Сама эта проблема не является новой. Применительно к отечественной социологии последних нескольких десятилетий она раскрыта в ряде работ [Докторов, 2013; Здравомыслов, 2010; Интеллектуальная элита..., 1993, 1994; Социальная траектория..., 1999; Социология в России..., 1998; Фирсов, 2012 и др.].

Существует ряд определений и трактовок научной школы. В одних делается акцент на ней как особой форме организации

научной деятельности и исследований, в других подчеркивается, что школа – это научное направление, развиваемое коллективом единомышленников, в третьих обращается внимание на неформальный характер объединения исследователей и наличие в нем неформального лидера. «В послесоветское время, – справедливо указывает Б. М. Фирсов, – возник новый тип научной школы, неизвестный в предыдущие годы: команда, сформированная получателем гранта, новый коллектив, который всю ответственность за решение научной проблемы принимает на себя» [Фирсов, 2012: 214]. Ссылаясь на работы известного американского социолога Г. Беккера, Фирсов выделяет «школы мысли» и «школы действия» и пишет, что советские социологические школы относятся, скорее всего, к последним [Фирсов, 2012: 215].

Теперь предложим наше понимание социологической научной школы. Вообще за всю более чем полуторазековую историю социологии существовало всего лишь несколько крупных школ. Значительная по своим реальным достижениям научная школа – явление в социологии не такое уж частое и распространенное. Для возникновения подобной школы необходимо наличие нескольких совпадающих по времени, месту, содержанию и направленности обстоятельств.

Речь идет о каком-то конкретном периоде и его определенной продолжительности. Как правило, он занимает не менее 20 лет; это тот срок, в течение которого школа должна сформироваться как некоторое объединенное на основе общих методологических принципов и подходов научно-творческое неформальное сообщество и проявить себя соответствующим образом в социологической деятельности. Школа характеризуется наличием ярко выраженного лидера (лидеров), институционального статуса (к примеру, принадлежность к университету), центра для обмена научными идеями и творческих встреч (теоретический семинар, издание журнала), общих профессионально-этических установок ее представителей. Именно таким требованиям отвечали две первые в мире наиболее значительные школы, появившиеся в границах классического этапа, – школа Э. Дюркгейма и Чикагская социологическая школа. Говоря о крупных творческих объединениях мирового масштаба, конечно, нельзя забывать о такой мощной школе в рамках современного этапа развития социологии, как Франкфуртская социологическая школа.

В нашей стране в последние десятилетия сложилось несколько школ. Среди них хотелось бы выделить в первую очередь Новосибирскую экономико-социологическую школу (во главе с Т. И. Заславской), Ленинградскую школу (во главе с В. А. Ядовым), школу изучения общественного мнения (во главе с Б. А. Грушиным),

Уральскую школу (во главе с Л. Н. Коганом). Можно было бы, вероятно, назвать еще какие-нибудь коллективы ученых. Но мы против того, чтобы, в соответствии с директивами Министерства образования и науки РФ, чуть ли не в каждом вузе чисто искусственно создавать ведущие научные школы. Понятно, что для их формирования нужны какие-то критерии. Так, в одном из крупных вузов страны в качестве важного критерия было признано наличие у лидера школы учеников (докторов наук), у которых есть уже свои ученики, как минимум кандидаты наук.

Сегодня все население страны знает о результатах эмпирических социологических исследований (мы намеренно пока не касаемся вопроса о характере подачи этих материалов различными СМИ), при этом мало кому и мало что известно про теоретические работы отечественных (равно как и зарубежных) ученых (о чем уже говорилось в предыдущей главе). На некоторые данные исследований стал ссылаться даже президент страны, чего раньше не было и в чем можно справедливо усматривать успешность процесса институционализации социологии в России. Правда, делает это президент крайне редко и очень избирательно, используя только «выигрышные» результаты исследований. Другими словами, в современной России состоялось общественное и государственное признание социологии как науки и сферы практической деятельности.

Казалось бы, поставленный вопрос – об институционализации социологии – можно было бы и закрыть в силу того, что этот процесс завершен. Нам, однако, он не кажется таковым. Институционализация науки, если несколько трансформировать смысл этих двух слов и расшифровать его, означает, коротко говоря, превращение социологии в социальный институт. К этому следует добавить видение его эволюции, жизнеспособности, внутренней и внешней потребности в нем, целедостижения и целеполагания, социальной адаптации и интеграции в социальную систему, оказания влияния на другие социальные институты и подсистемы общества.

В этом плане представляет интерес рассмотрение вопроса о тех институциональных признаках и характеристиках, которые присущи социологии. Как известно, существует несколько подходов к пониманию того, что есть социальный институт. Кратко рассмотрим их, чтобы затем предложить авторский вариант его трактовки и в этих рамках определить социологию в качестве социального института.

Одни авторы определяют социальные институты как систему статусно-ролевых позиций, другие – как систему норм и ценностей, третьи – как нормативную и устоявшуюся социальную практику, подверженную обширному социальному контролю, чет-

вертые – как любую структурированную организацию значительного размера, пятые – как сложную систему действий и отношений, выполняющую определенные социальные функции.

Признавая каждый из этих подходов и право его сторонника на соответствующую характеристику социального института, не вступая ни с одним из них в полемику (она не является задачей автора в этой книге), предложим свой вариант его трактовки. Особенность этого варианта в том, что в нем содержится достаточно широкая характеристика социального института, включающая ряд позиций, изложенных выше. Она идет от традиций, заложенных в его понимание еще Г. Спенсером.

Представляется, что при сущностной характеристике социального института необходимо подчеркнуть следующие аспекты: а) это в первую очередь форма организации жизни и деятельности людей; б) они (институты) включают в себя определенную совокупность людей и учреждений, призванных осуществлять основные функции института; в) для этого соответствующие группы людей и учреждения должны быть наделены властью и материальными средствами; г) институты характеризуются наличием определенных функций и ролей, норм и правил поведения, возможностями управления и социального контроля над их соблюдением; д) институт – это не просто форма организации деятельности, но форма устойчивая и необходимая.

Суммируя и учитывая выделенные аспекты, мы предлагаем такое определение социального института: это устойчивая форма организации общественной жизни и совместной деятельности людей, включающая в себя совокупность лиц и учреждений, наделенных властью и материальными средствами для осуществления социальных функций и ролей, управления и социального контроля за соблюдением норм и правил поведения [Зборовский, 2004: 341–342].

Как с этой дефиницией социального института коррелирует понимание в таком качестве социологии? Если брать пять указанных выше признаков института, то с каждым из них социология соотносится достаточно полно. Она реально выступает как форма организации жизни и деятельности людей, которых мы называем социологами или работниками, обеспечивающими процесс их профессиональной жизнедеятельности. При большом желании можно было бы, вероятно, подсчитать количество людей, выполняющих такую (или смежную с ней) деятельность, и их оказалось бы немало. Трудно сказать, была ли бы это статистически значимая группа. Ответ на такой вопрос могут дать только грамотные расчеты, основанные на понимании характера профессиональной социологической деятельности работников (а это не только ученые,

преподаватели, исследователи в различных государственных и коммерческих, непосредственно социологических структурах, обслуживающий их учебно-вспомогательный персонал, но и маркетологи, менеджеры, управленцы разных уровней и т. п.).

Второй признак института был обозначен как определенная совокупность людей и учреждений, призванных осуществлять его основные функции. Выше мы уже называли такие учреждения и организации, связанные с профессиональной социологической деятельностью: научно-исследовательские, образовательные, коммерческие (агентства, центры, фонды и т. д., занимающиеся подготовкой и проведением социологических исследований), аналитические службы в государственных (включая администрации различного уровня) и негосударственных структурах и т. д. и т. п. Так что и второй признак института «работает» при рассмотрении социологии в таком качестве.

Признак наличия власти и материальных средств в социологии может быть обнаружен в ней как институте без каких-либо усилий. Здесь, правда, возникает целый ряд вопросов, касающихся соотношения власти в социологии и иных структур (в первую очередь, политических и экономических), стимулирующих материально работу этого социального института и его организаций и учреждений. Мы их коснемся в дальнейшем, но не сейчас, поскольку в данном случае перед нами стоит другая задача – посмотреть на соответствие признака социального института его реальному функционированию.

Важным признаком социологии как социального института является наличие ее нормативной основы, функций, ролей, управления и социального контроля над деятельностью людей, включенных в структуры соответствующих организаций и учреждений. Нормативная основа социологии является весьма специфической и заметно отличает деятельность этого института от многих других. Дело в том, что нормы профессиональной социологической деятельности закреплены в «Этическом (профессиональном) кодексе социолога». Первый его вариант был разработан группой авторов (М. Лазар, Б. Фирсов, В. Ядов) и принят в 1987 г. Советской социологической ассоциацией (см. о нем подробно: [Лазар, 1988: 95–104]). Позднее был принят и опубликован еще один вариант Кодекса социолога [Кодекс социолога, 1994].

Кодекс – это свод этических норм, регулирующих деятельность социологов. Объективная необходимость его создания профессиональным сообществом социологов обусловлена ответственностью специалиста за результаты своих исследований, их возможное воздействие на социальные процессы, за формирование общественного мнения и т. п. В кодексе содержатся в первую оче-

редь правила: быть научно честным и профессионально компетентным специалистом, обеспечивать максимальную достоверность и надежность социологической информации. Еще одно важное правило – строго придерживаться в отношениях с респондентами гарантий конфиденциальности и неразглашения выявляемых данных (принцип анонимности), не применять методов и процедур, ущемляющих личное достоинство и интересы людей.

Кодекс провозглашает принцип объективности социолога, несовместимость его научных выводов с тенденциозностью, идеологической ангажированностью и стремлением влиять на научную истину. Вместе с тем, значима четкая гражданская и нравственная позиция. К непреложным нормам деятельности должно быть отнесено уважение к другим идеям и людям, их высказывающим, к труду своих коллег и предшественников, обязательное упоминание их имен в материалах исследования. Главное для социолога, в конечном счете, – неукоснительно следовать принципу: истина выше всего.

В условиях более широких, чем раньше, возможностей использования результатов исследований повышается цена ошибки социолога. Поэтому одной из его профессиональных заповедей становится та же, что и в медицине, – «не навреди». Кодекс устанавливает ответственность социолога за выводы и рекомендации, которые должны базироваться исключительно на достоверных данных, не вызывающих сомнения у пользователей социологической информации. Только в этом случае гарантируется доверие к социологии и социологам.

Мы столь подробно остановились на вопросе о нормативной основе социального института социологии не только потому, что она является весьма специфичной, но вследствие участвовавшего в последние годы отхода от этих норм, их нарушения. С огромным сожалением мы констатируем практическое отсутствие моральных санкций, осуждения со стороны социологического сообщества по отношению к отклоняющемуся от норм кодекса поведению – будь то научный плагиат (профессор В. И. Добреньков), стремление расколоть это сообщество и узурпировать власть над ним со стороны отдельных представителей социологической элиты (академики Г. В. Осипов и В. И. Жуков), явно недостаточный уровень критического анализа слабых в научном отношении материалов и т. д.

Что касается пятого признака института, то социология, несмотря на стремление отдельных представителей властных структур ослабить ее функционирование как устойчивой и необходимой формы организации профессиональной деятельности исследователей социума, продолжает сохранять свой капитал и, тем самым, потенциал. Влияние социологии в обществе, может быть, и не усиливается, но, скорее всего, и не ослабевает.

Итак, мы имеем все основания утверждать, что в России в результате процесса институционализации возник, оформился, развивается институт социологии. Вопрос в том, к какой сфере он относится – государственной власти или гражданского общества. С одной стороны, социология, как и вся наука, является, безусловно, институтом государства. Оно заказывает (через систему бюджетных тем) проведение соответствующих исследований и публикацию их результатов, финансирует развитие этой науки и социологического образования, создает определенную часть рабочих мест, связанных с социологической профессией, в бюджетных структурах и т. д.

С другой стороны, социология выступает институтом гражданского общества и бизнеса. Существуют многочисленные некоммерческие и неполитические организации, в которых осуществляется социологическая деятельность. Если в первом случае социология как институт государства в России ощущает зависимость от него и даже, временами, давление, которое сейчас непрерывно усиливается, то во втором случае, будучи институтом гражданского общества, социология не должна испытывать на себе такого давления. Но в реальности дело обстоит по-другому.

В подлинно гражданском обществе правовое государство целиком подчинено ему и не имеет возможностей вмешиваться в жизнь его структур. Однако в авторитарной России мы постоянно сталкиваемся с феноменом социального перевертыша, когда вся социология, независимо от того, в рамках каких структур развивается, объявляется зоной прямого и непосредственного вмешательства правящего режима. В этих условиях задача социологического сообщества состоит в консолидации, в профессиональной солидарности, в объединении усилий всего профессионального сообщества. Между тем линия многих социологических структур, учреждений и организаций, отдельных, наиболее известных социологов может быть определена позицией – «моя хата с краю».

6. Гражданское общество в зеркале социологии

Перейдем к заключительным двум разделам главы, которые непосредственно посвящены проблеме отношений между социологией, властью и гражданским обществом. Рассмотрение этой проблемы как предмета специального анализа в конце книги заставляет нас вновь обратиться к исходным позициям, провозглашенным во «Введении» и первой главе.

Социология – это наука, рожденная в условиях становления правового государства и гражданского общества и появившаяся, прежде всего, для нужд и потребностей последнего. Возникновение

социологии и гражданского общества происходило как на Западе, так и в России в одну и ту же эпоху. Это – Новое время, или, выражаясь в терминах формационной лексики, эпоха рождения капитализма. Конечно, говорить о полностью совпадающих исходных, нижних хронологических границах гражданского общества и социологии вряд ли целесообразно, поскольку последняя появляется тогда, когда существовала не только сама идея гражданского общества, но уже имела место ее первичная реализация, и этот процесс был связан с началом западноевропейской Реформации и протестантской этики.

В России протоформы и первые реальные формы гражданского общества имели место в XIX в. и даже несколько раньше в виде сословий, гильдий, раскольников, казачества, земства, церкви, семьи и др. [Доманов, 2009]. Разумеется, основной вклад в становление и развитие гражданского общества внесли реформы 1860-х гг. Конечно, следует иметь в виду также общественные и политические движения – декабристов, петрашевцев, народничества и т. д. Поэтому гражданское общество, его протоформы и активно развивающиеся формы явились своеобразным «питательным бульоном» для отечественной социологии.

Значит ли сказанное, что социология, возникнув в гражданском обществе для удовлетворения его запросов и нужд, может функционировать только в условиях его существования? Отнюдь. Анализ процесса ее развития показывает, что она в течение почти двух веков существовала в различных социальных условиях. При этом социология не прекращала своего функционирования даже в отдельных тоталитарных режимах (например, в Италии времен Муссолини), но при условии, что она не оказывалась под запретом (как в СССР эпохи сталинской диктатуры или в гитлеровской Германии).

Сказанное означает наличие тесной связи между социологией и политикой, которую исследователи видели и понимали еще в XIX в. В подтверждение приведем точку зрения лишь одного из них – немецкого социолога Ф. Тённиса. По вопросу о соотношении социологии и политики он следовал в фарватере позитивистских установок. Это значит, что, согласно его мнению, социология, во-первых, должна была постоянно оставаться объективной; во-вторых, независимой от практической социальной деятельности; в-третьих, свободной от политики и политических решений рассматриваемых в ней вопросов [Тённис, 1998, 2002].

Социолог не ставил цель полностью отделить и отдалить их друг от друга. Более того, выступая за независимость социологии от политики, он не считал, что точно так же следует поступать и в политике. Ее необходимо постоянно «онаучивать» за счет овладе-

ния политиками социологическими знаниями и использования их в практике политической деятельности, считал Тённис.

Его взгляды на поставленную проблему на годы, даже десятилетия вперед определили (и опередили) позицию по этому вопросу многих социологов, особенно тех, кто проявлял высокую общественную активность в практической деятельности и оставался «чистым» теоретиком в сфере научных исследований. Правда, справедливости ради следует сказать и о том, что в последние годы жизни – 1930-е – он изменил свою точку зрения относительно «онаучивания» политиков социологическими знаниями. Это и понятно: к власти в Германии пришел фашистский тоталитарный режим с соответствующим отношением к социологии. Сам Тённис чудом избежал концлагеря (который грозил ему по причине его демократических убеждений) и «успел» умереть «своей смертью» в 1936 г.

Рассматривая соотношение социологии и политики применительно к нашему обществу, мы не должны забывать о возникающей на каждом этапе его развития определенной политической ситуации, с учетом контекста которой изменялось социологическое знание. Как писал А. Г. Здравомыслов, «поле политики задает рамки формам социального мышления. Изменения политического климата в стране порождают этапы подъема и упадка социологического мышления. В российской политической истории не наблюдается феномена постоянной аккумуляции социологических идей, которая оказывается результатом длительного автономного существования социологии как профессии» [Здравомыслов, 2010: 246].

Проблема взаимодействий между социологией и политикой имеет в своей основе другое, более широкое отношение – между социальной теорией и социальной практикой. Именно это отношение и выводит науку на вопросы, связанные с участием ее представителей в практическом создании гражданского общества, его отдельных институтов. Самым «социологичным» из них нам видится общественное мнение, изучение которого является прямой задачей и, если угодно, обязанностью социологии.

Поэтому когда мы говорим, что в нашей стране задолго до реального формирования в 1990-х гг. гражданского общества созревали его предпосылки, к их числу мы должны относить начавшееся еще в 1960-х гг. изучение общественного мнения. Основоположником этого процесса и его наиболее ярким представителем, вплоть до своей смерти в 2007 г., был один из крупнейших отечественных социологов Б. А. Грушин. В предисловии к работе Б. Докторова «Все мы вышли из “грушинской шинели”» В. А. Ядов пишет, что «Борис Грушин инициировал массовые опросы в стране с авторитарным режимом, где государство и партийные власти

решиительно все контролировали. Это был настоящий подвиг, сопоставимый с героическими действиями наших солдат, бросавшихся со связкой гранат под фашистские танки» [Ядов, 2014: 4].

Именно Б. А. Грушин создал в начале 1960-х гг. Институт общественного мнения «Комсомольской правды», первую в СССР, по мнению Б. З. Докторов, профессиональную организацию по изучению общественного мнения. Как пишет сам Докторов, излагая позицию Грушина, «под всем этим лежал и отчетливо выраженный гражданский интерес, стремление “приучить” общество к исследованию общественного мнения как к определенной – политической и информационной – норме публичной жизни страны» [Докторов, 2014: 9].

Мы не ставим перед собой задачу изложить основные вехи творческого пути социолога, назвать и охарактеризовать его наиболее значительные работы, связанные с изучением общественного мнения. Желаящие могут сделать это, ознакомившись с названной выше книгой, а также с рядом других работ (см., например: [Докторов, 2005; Открывая Грушина, 2010; Открывая Грушина, 2011]). Здесь же хотелось бы отметить лишь одно, но крайне важное качество личности Б. А. Грушина: он не боялся власти, мог позволить себе резкие суждения, не врал или, по крайней мере, не скрывал правды.

Сегодня это необходимо отметить потому, что социологии и ее представителям предстоит серьезная теоретическая работа и практическая борьба с авторитарным властным режимом (приобретающим временами тоталитарные и посттоталитарные признаки) и неправовым государством за отстаивание уже имеющихся институций гражданского общества и создание новых. Изучение общественного мнения по наиболее острым проблемам общественной жизни и его правдивое отражение (что сейчас особенно важно) – это задача социологии, которая в условиях крайне консервативного идеологического, более конкретно, пропагандистского наступления авторитарного режима (в том числе и на социологию) требует для своего решения определенного мужества и бесстрашия. Жизнь и творчество Б. А. Грушина – это урок для отечественной социологии.

Рассматривая проблему «социология, власть, политика», нужно понимать, что в разных типах обществ и наличествующих в них политических режимах возможности социологии оказываются совсем не одинаковыми. Поэтому если мы говорим о том, что в отдельных странах наблюдается отставание в развитии социологической науки, социологического образования, социологических практик, то одну из главных (если не самую главную) причин следует искать в существующем типе общества, государства и политического режима.

Конечно, оптимальным вариантом для успешного функционирования социологии является наличие в стране развитого гражданского общества, правового государства и политической демократии. Именно такая ситуация наблюдается сейчас в целом ряде наиболее развитых стран (США, Германия, Франция, Англия и т. д.). Однако это вовсе не значит, что в иных странах, не столь демократически продвинутых, социология не имеет возможностей для функционирования.

Место и роль социологии в обществе в значительной степени определяется типом отношений между политической властью и гражданским обществом. Господство тоталитарного режима означает практически полное поглощение политической властью гражданского общества, при таком типе отношений могут существовать лишь его отдельные, незначительные элементы, зачастую выполняющие в основном функции его бутафорского прикрытия. Понятно, что «тоталитарный» тип отношений создает крайне сложные, почти невыносимые условия для нормального функционирования социологической науки.

Авторитарный режим означает некоторое смягчение ситуации, далекой, однако, от существования сколько-нибудь значительных гражданских свобод и возможностей людей, а также соблюдения их гражданских прав. Разница между тоталитарным и авторитарным режимами, конечно, есть, но, как справедливо отмечает Б. М. Фирсов, обе эти модели властвования опираются на нелегитимное распоряительство судьбами страны и ее граждан, часто накладываясь одна на другую [Фирсов, 2012: 99].

С учетом выявления различий между авторитарным и тоталитарным режимами приобретает интерес небесспорное утверждение Л. Гудкова о них с позиций идеологических интересов того и другого. Он, в частности, пишет: «Авторитарный режим (в отличие от тоталитарного) не нуждается в идеологической индоктринации населения, “идейности”, искренней “веры” подданных в обещания руководства, ему достаточно демонстрации лояльности или отсутствие признаков явного сопротивления власти» [Гудков, 2013: 166]. Нам кажется, что многое зависит от фазы авторитарного режима и логики его развития. Его обращенность на определенных этапах в сторону тоталитарных тенденций заставляет прибегать ко все более активному идеологическому «вторжению» в повседневность. Собственно, о процессах внедрения тоталитаризма в жизнь общества мы начинаем судить именно по этим попыткам.

Отечественная социология с лихвой «вкусил» авторитарный тип отношений, который установился в «хрущевско-брежневский» период. Вспомним при этом, что сначала имела место «оттепель», впоследствии названная применительно к социологии «золотыми

годами» (1960-е гг.), и только затем, в 1970-х гг., основательно «похолодало».

Переходный тип отношений между политической властью, государством и гражданским обществом определяется, прежде всего, направленностью перехода (т. е. вопрос в том, от чего к чему он совершается). Это может быть переход от тоталитарного к авторитарному режиму или от авторитарного – к демократическому. В этом случае допускается существование отдельных структур гражданского общества, в том числе неполитических и коммерческих организаций, но в пределах контроля над их деятельностью со стороны властей. Конечно, переход может происходить и в обратном направлении – в случае полной узурпации политической власти правящим режимом. Но мы будем рассматривать, прежде всего, вариант перехода от авторитарного к демократическому режиму. Именно такое движение было ближе к условиям нашей страны в 1990-х гг., когда создавались первые гражданские структуры (хотя сейчас мы наблюдаем, скорее, обратные процессы – от авторитарного в сторону тоталитарного режима).

Складывающееся правовое государство создает юридические условия для появления основных элементов гражданского общества, развивающихся самостоятельно и автономно. Этот процесс (который требует длительного времени), по идее, должен осуществляться вплоть до обретения институтами гражданского общества собственной структуры и массового характера. Названный тип отношений характеризуется нестабильностью политического режима, означает возможность относительно автономного существования политической власти и гражданского общества, построенного на принципах взаимной толерантности и лояльности, что должно в конечном итоге привести к структурному и институциональному оформлению различных элементов гражданского сегмента.

В нашей стране в результате действия Конституции 1993 г. на протяжении примерно 10 лет такой процесс имел место, при этом его практики имели чрезвычайно противоречивый характер. Однако в 2000-х гг., особенно во второй половине первого десятилетия и первой половине следующего, он вновь приобрел авторитарный характер. В таком качестве этот тип отношений, существующий сейчас, создает для функционирования социологии весьма непростые условия. Они усугубляются явно выраженными тенденциями перехода в стране от авторитарного к тоталитарному режиму, по крайней мере к его отдельным элементам.

Нельзя не отметить в этой связи принятие в июле 2012 г. нового Федерального закона № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выпол-

няющих функции иностранного агента». Закон позволяет рассматривать научную деятельность в социологии как разновидность политической, а некоммерческие (неправительственные) организации, ее осуществляющие, признать в качестве иностранных агентов.

На практике это означает, что любые результаты социологических исследований, не понравившиеся политическому режиму, можно рассматривать как нелояльные и даже враждебные по отношению к нему действия с вытекающими отсюда последствиями и санкциями. Самыми мягкими из них будет, по-видимому, запрет на проведение соответствующих исследований, самыми жесткими – уголовное преследование за ведение «враждебной политической деятельности».

Безусловно, новые законодательные меры тоталитарного характера означают мощный удар по свободе слова вообще, социологического, т. е. научного слова в особенности. К разряду таких же мер следует отнести принятое на законодательном уровне фактическое приравнение блогерской деятельности в Интернете к деятельности СМИ, заявление высокопоставленных чиновников о готовности и возможности в случае необходимости прекратить на территории страны деятельность Twitter и Facebook и т. д. и т. п. По существу вводится, пусть пока не в полном объеме, цензура.

Отчасти такие меняющиеся условия можно сравнить с новым положением социологии, которое всё больше напоминает ее место «между молотом и наковальней». Конечно, подобный тип отношений между политическим режимом и рождающимся гражданским обществом хорошо известен и понятен отечественной социологии, весь вопрос в том, хочется ли к нему (такому типу отношений) возвращаться.

Безусловно, социологию в России больше всего устраивает демократический тип отношений между политической властью и гражданским обществом, что предполагает наличие правового государства, подчиняющегося этому обществу – полномасштабному и всеобъемлющему, превратившемуся в систему и независимому от любой власти. Этот тип отношений означает широкое сотрудничество между властью (государством) и гражданским обществом. Многочисленными практиками в различных демократических странах доказано, что между уровнями демократии и гражданского общества существует тесная связь и прямо пропорциональная зависимость: чем выше уровень первой, тем развитее второе. Реально же между ними существуют партнерские отношения.

Социология при таком типе отношений совершенно не ощущает своей зависимости от политического режима и функционирует как элемент, как органическая и гармоничная составная часть гражданского общества. Поскольку такой тип отношений полити-

ческой власти и гражданского общества оптимален, социология – в данном случае мы имеем в виду отечественную науку – должна занять «активную жизненную позицию» (термин из социально-политического лексикона 1980-х гг.) на пути создания всеобъемлющего гражданского общества в России.

В свое время А. С. Пушкин писал: «Без политической свободы жить очень можно, без семейной неприкосновенности невозможно». Похоже, что поэт ошибался. Да, собственно говоря, и его творческий путь был доказательством постоянного политического давления и ограничения политических и гражданских прав и свобод. Конечно, многие вполне могут жить без них. Но не те, кто исследует жизнь общества и его членов, причем в любой сфере и на любом уровне, будь то наука, культура, искусство.

Поскольку мы говорим о социологии в гражданском обществе и для гражданского общества, нужно, хотя бы кратко, остановиться на нашем видении этого феномена. Нет необходимости говорить о том, что его рассмотрению посвящено поистине необозримое число работ – как за рубежом, так и у нас. Настоящий бум отечественных публикаций пришелся на последние 15–20 лет. Это вполне объяснимо: демократизация общественно-политической жизни страны в постсоветский период ее развития вызвала к жизни чрезвычайное многообразие направлений гражданской активности и общественной самодеятельности, равно как и их исследования.

Вот лишь некоторые из этих направлений: альтернативные государству, существующие вне и помимо его некоммерческие и неполитические гражданские организации и движения, равно и как частные фонды, их поддерживающие; неангажированные государством СМИ и массовые коммуникации; церковные и религиозные конфессии; семья; частная жизнь граждан; волонтерские и добровольческие движения, имеющие гигантский диапазон и охват сфер деятельности (защита прав граждан и правовое просвещение, охрана природы и экологическая защита, помощь инвалидам, больным детям, одиноким старикам, жизненное устройство выпускников детских домов, защита прав потребителей, работа с детьми и подростками из неблагополучных семей и многое другое). Перечень форм самоконституирования и самомотивации в современном гражданском обществе можно приводить если не до бесконечности, то очень долго, что свидетельствует о его больших перспективах и создает (пока только в принципе) хорошие предпосылки для развития этого общества в нашей стране.

Что представляет собой гражданское общество и каковы его основные черты, особенности, признаки?

Прежде чем изложить наше понимание этого феномена, приведем несколько его сущностных характеристик, данных другими

авторами – специалистами по проблеме гражданского общества, социологами и политологами. Так, Е. В. Галкина трактует гражданское общество как совокупность негосударственных институтов (общественные объединения и движения, некоммерческие организации, политические партии, фонды, ассоциации, СМИ, бизнес и т. д.), функционирующих на основе принципов добровольности, равноправия, реализации законных прав и свобод личности [Галкина, 2010]. Изложенная позиция является довольно распространенной среди исследователей гражданского общества.

Большой интерес вызывает точка зрения В. К. Левашова, известного отечественного социолога, на протяжении многих лет изучающего как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне проблематику гражданского общества и являющегося автором работы «Гражданское общество в современной России. Социологические измерения». В ней он пишет: «Если попытаться выделить сущностный признак социального феномена “гражданского общества”, то в первую очередь необходимо сказать, что это есть значимая социальная общность граждан, образовавшаяся на принципах политической самоорганизации для реализации с помощью государства своих жизненных интересов и защиты гражданских прав, т. е. прав, связанных с владением и распоряжением имуществом. Отсюда следует, что гражданское общество должно состоять из граждан, т. е. владеющих имуществом свободных членов общества, которые осознают, заявляют, декларируют и с помощью инструментов гражданского общества и государства могут реализовать свои интересы» [Левашов, 2006: 6].

Обращает на себя внимание, прежде всего, методологический подход В. К. Левашова. Согласно ему, в качестве гражданского общества рассматривается значимая социальная общность, политическая самоорганизация которой получает поддержку со стороны государства. Но тут же почему-то автор сводит все интересы и гражданские права к владению и распоряжению имуществом. При всей их значимости они не являются единственными и не покрывают всей совокупности прав людей. И в связи с приведенной точкой зрения так и просится еще одно соображение в виде вопроса: а если значимая социальная общность не получает поддержки государства, представляет ли она в таком случае гражданское общество?

Для нас нет альтернативы в ответе на поставленный вопрос: конечно, да. Более того, многие гражданские структуры и возникают в качестве оппозиции по отношению к государству. Но тогда существенное значение приобретает его отношение к таким структурам. Если они не носят политического характера, не противоречат нормам правового (подчеркнем еще раз: правового) государства,

являются результатом инициативы и самоорганизации людей, власть просто обязана оказывать им поддержку или, как минимум, не мешать им в реализации гражданских функций.

Приведем еще одну точку зрения на понятие гражданского общества, автор которой – В. Г. Доманов – стремится показать направленность этого концепта не столько на общество, сколько на конкретного человека [Доманов, 2009]. По его мнению, гражданское общество – еще один шаг на пути обретения человеком свободы, его собственной сущности. Это тот исторический тип социальности, где главным действующим лицом оказывается осознавший свои общественные и индивидуальные интересы человек со всей многообразной гаммой его непосредственных жизненных потребностей и соответствующей системой ценностей.

В. Г. Доманов полагает, что становление гражданского общества означает отказ от иерархических структур власти в обществе и замену их новыми, открытыми социальными структурами, ячейку которых и составляют общественные, гражданские объединения и организации граждан. Взаимоотношения как внутри их, так и между собой строятся на оппозиции авторитарным методам государственного управления.

По нашему мнению, гражданское общество – это важнейший сегмент общественной жизни, выступающий сферой реализации (самореализации), самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся объединений, организаций и ассоциаций, независимых от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны органов государственной власти. Оно представляет собой многообразные формы связей, объединений, структур, ассоциаций людей, совокупность (взаимосвязь) независимых от государства социальных общностей (в том числе некоммерческих организаций, различных партий, движений и т. д.), не включающих отношения господства и подчинения и не являющихся пассивным и молчаливым объектом управления и манипулирования со стороны власти.

Отличительными чертами гражданского общества являются неполитический, негосударственный характер деятельности его структур, альтернативность по отношению к политической (государственной) системе. Задачи гражданского общества состоят, прежде всего, в создании условий для выражения социальной активности значительной части населения, решении многочисленных социальных проблем в его интересах, прежде всего обеспечении прав и свобод каждого конкретного человека. Отсюда следует, что одна из центральных проблем гражданского общества – взаимодействие с государственной властью в интересах реализации его основных задач и поиск путей оптимизации этого взаимодействия.

Особенность такого взаимодействия в современной России состоит в том, что оно базируется на патерналистской модели отношений между государством и институтами гражданского общества. Ее смысл декларируется властью как оказание помощи и поддержки еще не окрепшему гражданскому обществу путем стимулирования деятельности тех или иных его институциональных структур. Однако у государственного патернализма есть и его обратная сторона – административный или судебный произвол [Гудков, 2013: 144]. Он связан с тем, что под видом государственной поддержки тем или иным структурам гражданского общества на них может оказываться ничем не оправданное давление.

К гражданским структурам, которые поддерживает государство, традиционно относят: Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, гражданские форумы, федеральные и региональные общественные палаты и советы, институт омбудсмена, общественные организации и движения, политические партии, некоммерческие и неполитические организации, общественное мнение, общественную экспертизу, СМИ, институт свободы слова, бизнес и др.

Для оказания поддержки структурам гражданского общества у государства имеется ресурсная база (политическая, финансовая, пропагандистская и т. д.). Однако власть в России использует эту базу выборочно, не в интересах всего гражданского общества, а поддерживая лишь те его структуры, в которых она сама непосредственно заинтересована. Поэтому весомость получаемых институтами гражданского общества ресурсов очень разная. Одно дело – партии и движения, непосредственно взаимодействующие с властью, и совсем другое – некоммерческие организации, особенно те из них, которые власть активно стремится стигматизировать как иностранных агентов.

Это приводит к тому, что за счет оказания избирательной ресурсной поддержки власть конструирует гражданское общество в выгодной для себя модели и конфигурации. Для достижения поставленной цели на многие институциональные структуры гражданского общества, как уже указывалось, оказывается серьезное политическое и правоприменительное давление. Это касается в первую очередь свободы слова, митингов, демонстраций, протестных выступлений, гражданской солидарности, изучения общественного мнения и др.

Власть пользуется низким уровнем политической активности населения, большая часть которого понимает политику не как свое участие в жизни общества через обсуждение его проблем и собственную деятельность в их решении, а как сферу действий самой власти, политических и государственных лидеров. По данным ис-

следований Левада-Центра, готовы лично активно участвовать в политической жизни в последние годы только 16–17 % опрошенных [Гудков, 2013: 145]. Некоторое оживление политической жизни, наблюдавшееся в 2011–2012 гг., сейчас явно сошло на нет. Как отмечает Л. Гудков, произошла эрозия патерналистских иллюзий. Действует механизм понижающей адаптации как массового примирения значительной части населения с системой несправедливого господства, приспособления к нему [Гудков, 2013: 142]. При этом оно уживается с негативным, сдержанно-презрительным или неуважительным отношением к власти, которое, как показывают опросы того же Левада-Центра, принципиально не меняются за последние 13 лет [Гудков, 2013: 156].

Таким образом, взаимосвязи власти, населения и гражданского общества в современной России приобретают противоречивый характер, что и фиксируют некоторые социологические службы. Собственно, противоречивость взаимодействия между его участниками изначально теоретически, она заложена в природу авторитарного режима и вертикаль государственной власти, тогда как взаимоотношения внутри гражданского общества строятся преимущественно по горизонтали, а сама гражданская сфера является многообразной и плюралистичной по своему устройству и структуре (в отличие от единообразия государственной власти).

Что же касается практического аспекта установления связей и взаимодействий между властью и гражданским обществом, то вместо создания большого количества диалоговых площадок между ними система государственной власти дистанцируется от этого сегмента общества. Конечно, можно утверждать (как это делают отдельные авторы), что стремление создать такую дистанцию вызвано отечественными традициями политического администрирования и недоверия к демократическим институтам. Впрочем, с таким же успехом можно утверждать, что у нас в стране сегодня нет авторитарного режима власти, а есть режим политической демократии.

Однако нам представляется более верной иная точка зрения: власть боится гражданского общества, и потому делает все зависящее от нее, чтобы не допустить его усиления, тем более влияния на принимаемые ею управленческие решения. И нужно признать, что власти это удастся. Сегодня влияние институтов гражданского общества на государственную политику незначительно, а участие граждан в процессах формирования гражданского общества и органов государственной власти остается «слабым местом» трансформационных процессов в современной России. Л. Гудков справедливо утверждает, что «в обществе нет в достаточной мере социальных сил, способных а) к политической самоорганизации,

б) к выработке убедительной и ясной программы действий, способной мобилизовать демократический контингент для правового изменения режима» [Гудков, 2013: 178].

И все же гражданский сектор власти нужен, причем по разным соображениям. Во-первых, его наличие выступает как способ легитимации самой власти и управления социумом. Во-вторых, поддерживая те или иные структуры гражданского общества, органы власти публично демонстрируют эффективность своей деятельности и имеют возможность на пропагандистском уровне показывать свою заинтересованность в защите прав граждан и обеспечении свободы реализации их личностного потенциала. В-третьих, демонстративная поддержка властью отдельных структур и действий гражданского общества выступает своеобразным камуфляжем функций и направлений деятельности неправового государства в современной России. В-четвертых, путем ограниченной поддержки отдельных гражданских структур авторитарная власть стремится склонить на свою сторону их оппозиционно настроенных членов и участников тех или иных акций протеста.

Все четыре перечисленных механизма взаимодействия власти с гражданским сегментом общества с той или иной степенью эффективности работают, хотя социологи, к сожалению, не обращают должного внимания на эти процессы (исключая исследования Левада-Центра). Между тем одна из задач социологической науки в современных условиях резкого ужесточения политики власти в отношении гражданских структур состоит в том, чтобы показывать ее дискриминационный характер – как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне.

Что касается самого гражданского общества, то, конечно, оно должно взаимодействовать с властью, тем более в современной России, где иного способа существования для него просто нет. Но формы этого взаимодействия могут быть разными, в том числе и в ряде случаев протестными, выражающими несогласие с действиями авторитарного режима. Отсюда следует, что гражданское общество должно укреплять свои позиции, прежде всего, за счет наращивания своего авторитета. Иначе его никто не услышит – ни общественность, ни власть. Гражданскому сегменту нужны: ориентация на социальные и национальные интересы, широкая общественная активность, признанные и незапятнанные лидеры, определенная независимость от власти (как политическая, так и финансовая). Но не нужна ярко выраженная и однозначная ангажированность его структур со стороны органов власти, что, к сожалению, нередко имеет место.

Поскольку власть зачастую рассматривает гражданское общество и его представителей как оппозицию, возникает важный

вопрос: ее представитель – это оппонент или враг? От ответа на этот вопрос зависит политика властей в отношении многих структур гражданского общества. Если оппозиционер – оппонент, «с ним надо разговаривать, обсуждать спорные проблемы, находить взаимоприемлемые решения вплоть до передачи властных полномочий. Если оппонента рассматривать как врага, то оппозицию надо устранять всеми имеющимися в распоряжении способами вплоть до полной ее ликвидации» [Тощенко, 2013: 6]. В последние два года действия Администрации Президента РФ и его самого в первую очередь, Совета Федерации и Государственной Думы не оставляют ни тени сомнения в явном предпочтении второго варианта подхода к оппозиции.

Так происходит оттого, что пока не имеет смысла говорить о какой-то реально имеющей место политической борьбе за власть. «Все усилия режима, – пишет Л. Гудков, – направлены на поддержание состояния бесконтрольности власти, а не собственно политической конфронтации или конкуренции оформленных общественных партий, движений, социальных сил. Судьба действующего авторитарного режима... зависит не от появления и активности оппонентов, а от ослабления внутренних сил социального сцепления, эрозии социального порядка, отказа власти в доверии или легитимности, проявляющегося как внезапное рассыпание системы, как это бывает с песочными фигурами и замками на пляже, когда они полностью высыхают» [Гудков, 2013: 163].

7. Социология в гражданском и негражданском обществе

Сформулированная проблема взаимодействия гражданского общества и власти диктует необходимость постановки вопроса о позиции социологии и о современной ситуации в ней в связи с возможным ее участием в процессе создания гражданского общества. Прежде чем рассматривать поставленную проблему, не могу не привести некоторые фрагменты из статьи известного отечественного социолога О. Н. Яницкого «Российская социология должна быть граждански ориентированной», опубликованной в его блоге.

Вся российская наука, начиная с XIX века, пишет он, была граждански ориентированной. Это значит – аналитически и критически настроенной и прогностически ориентированной в отношении процессов, происходивших в российском обществе.

Но, к сожалению, сегодня российская социология теряет свой научный авторитет и политический вес в нашем обществе. Главную причину ученый видит в том, что она стала обслуживать

власть, вместо того чтобы критически анализировать ее действия и стараться влиять на них. Сегодня социологи – «служилые люди», состоящие на службе интересов власти и крупного бизнеса. В условиях периодических кризисов нашей коррумпированной «рыночной экономики» и «вертикали» власти российская социология все более становится ее отражением: странным гибридом «либерально-вертикальных» воззрений и концепций. Между тем как раз кризис (имеется в виду кризис 2008–2009 гг.) еще раз обнажил критическую дистанцию между инкапсулированным экспертным социологическим сообществом и остальным населением, дистанцию, угрожающую утерей взаимопонимания между наукой и обществом.

Чтобы восстановить свой авторитет в обществе, считает Яницкий, наша социология должна обратить свои взоры на общественные движения и гражданские инициативы, которые сегодня «не видны» только потому, что их нет на экране телевизора, но информацией о них и об их сетях буквально кишит Интернет. Именно эти инициативы являются непосредственными выразителями интересов различных групп общества. Вопросы изучения и понимания процессов «внизу», проблема целей и форм общественного участия – принципиальные для социологии, потому что именно там, в малых ячейках и группах, сосредоточен инновационный потенциал нашего общества. В нынешних условиях модернизация только «сверху», только технологическая без социальной, невозможна.

В конце статьи автор пишет, что доверие к социологии нужно восстанавливать. Сегодня это непростая задача, потому что установка на быстрый успех и столь же быстрое обогащение, отказ от этики напряженного труда, общее понижение культурного и образовательного уровня населения, гигантский флюс сервис-класса, в отличие от быстрого развития на Западе слоя людей, занятых информационным трудом, – все это делает задачу возвращения доверия к нашей науке все более сложной [Яницкий, 2010].

Рассматривая новые тенденции в развитии российской социологии, отечественные исследователи, как правило, не касаются ее внутренних сложных и противоречивых проблем, связанных с различным отношением к власти и назревающему конфликту не только в социологическом сообществе (который давно уже имеет место), но и в социологической науке [Тощенко, 2013].

Между тем ситуация в современной социологии в значительной степени обусловлена характером и типом общества (его сегментом), в котором она существует. Мы его определяем не принятым в научном лексиконе и не распространенным среди специалистов термином – «негражданское общество». Обычно узловые понятия – термины предполагают позитивное определение, здесь же оно имеет негативную окраску. Насколько нам известно, поня-

тия, противоположного понятию «гражданское общество», нет. Отсутствие такой реалии предполагает наличие какой-то иной. Представляется, что ею является негражданское общество. В таком случае должен работать принцип *definitio per negatio* (определение через отрицание), т. е. речь необходимо вести сначала об определении гражданского общества, а затем и негражданского, в котором будет содержаться отрицание черт и задач первого.

Негражданское общество может выступать в двух основных разновидностях. Следуя принципу «*definitio per negatio*», мы могли бы сказать, что это общество, характеризующееся (первая разновидность) отсутствием (крайне слабым уровнем развития) форм связей, объединений, структур, ассоциаций людей, независимых от государства социальных общностей (в том числе некоммерческих организаций, различных партий, движений и т. д.), либо (вторая разновидность) наличием таковых, но при этом испытывающих прямое вмешательство и жесткую регламентацию, а также попытки управления и манипулирования со стороны органов государственной власти. Примером усиления тенденций негражданского общества второго типа как раз и выступает Россия XXI в.

Другими словами, мы говорим о том, что современная Россия представляет собой в определенном смысле (за вычетом властных структур, государственных организаций и т. д.) сосуществование и взаимодействие гражданского и негражданского общества как двух основных сегментов социума. Мы не можем составить и представить читателю сколько-нибудь точную их пропорцию, но полагаем, что удельный вес первого, конечно, намного меньше в сравнении с удельным весом второго.

Как указывалось выше, жесткому давлению власти подвергаются самые разные структуры гражданского общества. Дело дошло и до социологических организаций. Первой среди них оказался Левада-Центр. «В мае 2013 г. московская районная прокуратура обвинила Центр в том, что публикации результатов социологических исследований направлены на то, чтобы оказывать влияние на общественное мнение. Дескать, опросы общественного мнения – не научная работа, а политическая деятельность, которая, кроме того, финансируется на иностранные средства. Тем самым, согласно принятому российскому закону, как говорилось в прокурорском предупреждении, Левада-Центр выполняет функцию “иностранного агента”. Все это следует рассматривать как атаку на свободу науки в контексте репрессивной политики администрации Путина. Специализированный журнал “*Osteuropa*” начал 25 мая 2013 г. международную кампанию солидарности против стигматизации Левада-Центра» [Гества, 2013: 116].

Причем речь заходит уже о подавлении права на свободу творчества социологов. Для этого была придумана нехитрая юридическая манипуляция: сначала законодательно провозгласить, причем без всяких доказательств и обоснований, политический характер деятельности социологов, а затем – при необходимости – приписать ей какие угодно инсинуации (клеветнические измышления) против власти. Поэтому проведение любого эмпирического исследования (не говоря уже о теоретических разработках) может стать поводом для преследования социологов. Сейчас для этого не нужно даже решения суда, достаточно указания Минюста на принадлежность структуры к иностранным агентам.

Мы хотели бы обратить особое внимание на то, что кампании солидарности с Левада-Центром, к сожалению, начали за рубежом, а не в России, где находится достаточно много подобных социологических структур, что свидетельствует о полном отсутствии корпоративной, профессиональной солидарности в социологическом сообществе. Для власти такая ситуация – просто подарок судьбы. Она означает, что в случае необходимости можно будет без всяких дополнительных хлопот справиться с любым коллективным агентом социологической деятельности.

Более того, многие социологические структуры восприняли прокурорское предупреждение в адрес Левада-Центра как сигнал власти на свой счет и стали проявлять больше сдержанности и осторожности в публикации материалов исследований. Разумеется, это не касается тех организаций и центров, которые традиционно «дружат» с властью и выполняют ее социальные заказы все последние годы (например, ВЦИОМ с 2003 г. по настоящее время).

Своими действиями власть как бы говорит социологам: ребята, сидите тихо, не критикуйте правящую элиту компрометирующими ее данными социологических исследований, не публикуйте низких рейтингов власть имущих, не выявляйте общественного мнения, которое не поддерживает законодательные и исполнительные органы и т. д.; при таком подходе вам гарантированы заказы на исследования, в противном же случае отношение к социологии может стать иным.

Не секрет, что некоторые социологические организации, службы, фонды и т. д. (о чем уже чуть выше говорилось) пошли именно по этому пути, который вполне устраивает и их, и власть. Но он входит в противоречие с интересами и науки, и гражданского общества, которые ожидают, прежде всего, объективных результатов и независимой, не подверженной никаким давлениям извне, деятельности. Появление иной, сопряженной с интересами властных структур, позиции свидетельствует о том, что в стране существуют глубокие расхождения в понимании роли, предназначения, возможностей отечественной социологии.

Есть, с одной стороны, осмысление того, что она должна выступать как наука гражданского общества, следовательно, должна помогать его созданию и укреплению, что она нужна этому обществу для его знания, самопознания и самопонимания. С другой стороны, имеет место противоположная позиция, которая состоит в том, что предназначение социологии – работать на власть, ее укрепление и получение в этом случае взамен соответствующих преференций для проведения исследований [Осипов, 2012]. Не отдает ли от этого «мезальянса» периодом застоя? Можно сказать даже грубее: готовностью социологии «лечь» под власть?

Между тем, и сегодня это видно особенно хорошо, социология по-настоящему не нужна российской власти. В чем-то она становится даже опасной для нее, особенно когда публикует результаты исследований, ставящих под глубокое сомнение справедливость и целесообразность социального и политического курса руководства страны. Когда власть не проявляет интереса к науке, которая способна дать объективный анализ происходящего в обществе, боится этого анализа, становится очевидным и понятным ее нежелание взаимодействовать с такой наукой, стремление как можно дальше «отодвигать» ее от себя.

В этом плане представляет интерес позиция «властвующей элиты» в социологии относительно взаимодействия последней с властью. Приведем на этот счет точку зрения директора Института социологии РАН М. К. Горшкова. Его не устраивает сегодняшнее состояние отношений между властью и социологией. Он считает, что «власти в подавляющем большинстве случаев безразличны результаты исследований, свидетельствующих о социальных последствиях ее собственной деятельности. Невостребованность же социологического знания развращает как власть, так и социологию, осознающую декоративность своего присутствия в системе социального знания и политической жизни» [Горшков, 2011: 30].

Одна из причин невостребованности властью социологического знания может заключаться в его боязни, в том, что оно раскрывает (может раскрыть) неприглядные стороны ее деятельности. Как пишет тот же Горшков, «социологическое знание таит в себе не только общественную результативность, но и определенные опасности. Ведь сама социологическая экспертиза является сегодня мощным оружием, которое, оказавшись в тех или иных руках, может быть направлено в любую сторону и использовано для совершенно разных целей» [Горшков, 2011: 35].

Однако М. К. Горшков уверен, что отношения между властью и социологией могут быть иными. По его мнению, социология может и должна быть полезна власти, а власть – социологии. Что же делать, чтобы реализовать идею этой взаимной полезности?

Социолог отвечает на этот вопрос так: «Для того чтобы встроиться в структуру политико-управленческих решений, стать неотъемлемым механизмом научного сопровождения их практической реализации, социология должна уметь работать с властью: не пугать ее своими оценками и выводами, но последовательно и доказательно убеждать управленческие органы в полезности социологического участия в делах государственных» [Горшков, 2012: 27].

Мы усматриваем в приведенных двух высказываниях автора определенное противоречие: если власти безразличны в подавляющем большинстве случаев результаты проводимых исследований, свидетельствующих о негативных социальных последствиях ее деятельности, то почему нужно ставить вопрос о том, чтобы не пугать ее социологическими оценками и выводами?

По нашему мнению, именно последние слова и являются ключевыми: не пугать власть своими оценками и выводами. А если результаты исследований, как теоретических, так и эмпирических, окажутся нелицеприятными и не понравятся власти? Не публиковать такие результаты, не писать об этом? В чем же смысл науки в этом случае? И где тогда гражданская позиция социолога? И может ли в такой ситуации социология претендовать на то, чтобы быть частью гражданского общества? В подобной постановке вопрос о роли социологии в становлении гражданского общества будет звучать просто издевательски. Именно так и выясняется, что проблема взаимоотношения социологии и власти в нашем обществе оказывается для самой науки ключевой, а процессы теоретического осмысления развития общества и деятельности авторитарного режима уходят на задний план.

В странах с отсутствующим гражданским обществом, в которых имеют место авторитарные и тоталитарные режимы, социология не может развиваться аутентично, в соответствии с собственными представлениями о роли и предназначении этой науки, что показал опыт и царской России, и Советского Союза. В известной степени это касается и современной России. Там, где господствует вертикаль власти, устанавливается режим полицейского государства, где отсутствуют реальные институты гражданского общества и суживается пространство свободы, социология не пользуется достаточной поддержкой и полным институциональным признанием. Поэтому ее развитие в значительной степени обусловлено появлением действительного (а не на словах существующего) гражданского общества. В противном случае она будет лишь частью государственного истеблишмента, каковой, собственно, и является сегодня в России. По существу, ее независимость как науки – на грани дозволенного властью статуса.

Считаем важным с этой точки зрения привести два справедливых суждения М. К. Горшкова, в которых он дает характеристику общего состояния российской социологии и подчеркивает наличие в ней ряда сложных проблем. Вначале об общем состоянии: «Большинство социологов либо “заперто” в университетах, где им уготована роль интеллектуальных репетиторов подрастающего поколения и проводников “общего” образования на все случаи жизни, либо подвизается в качестве технических экспертов в маркетинге и рекламе. Seriously подточило авторитет российской социологии и широкомасштабное участие социологов в избирательных кампаниях самого различного уровня, в ходе которых они нередко принимали участие в так называемом черном PR и теневых избирательных технологиях» [Горшков, 2012: 27].

Относительно наиболее сложных проблем российской социологии (второе суждение) исследователь пишет, что они «не так просты, как может показаться на первый взгляд. Их корни кроются в низком уровне отечественной социологической культуры, подразумевающей определенное дистанцирование институтов гражданского общества от структур власти. Симптомами этого недуга можно считать следующие черты деятельности отечественных социологов, все отчетливее проявляющих себя в последнее время:

- социологический сервиллизм: в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами социологи, чаще всего, исполняют гувернерские, обслуживающие функции. Данная схема взаимодействия сводится к следующему правилу: если социолог приносит во властные структуры социологические оценки или суждения, не соответствующие оценкам этих структур, он вынужден выслушивать упреки в бессмысленности своих изысканий. Таким образом, его задача сводится не к выявлению и пониманию социальной реальности, а к предугадыванию ожидания власть предержащих;

- доминирование в социологической науке таких тем, которые связаны с оправданием сложившегося в России социального уклада. Довольно редко в поле зрения отечественной социологической науки попадают темы, касающиеся повседневной жизни и трудовой деятельности широких масс населения страны; вопросы, связанные с изучением природы социального неравенства, истории и последствий приватизации в России; исследования в области причин региональных различий, криминализации общества и роста коррупции, отчуждения человека, произвола правящей бюрократии и народившейся российской буржуазии» [Горшков, 2012: 27–28].

По справедливому утверждению Л. Д. Гудкова, многие ученые сохраняют инерцию государственного отношения к науке, стремясь, как и прежде, первоочередно обслуживать интересы власт-

ных структур, что сильно влияет на отбор проблем для исследований и их интерпретацию. Для того чтобы эти проблемы получили нужную дискурсивную форму и ранг «научности», их приходится переводить на язык «озабоченной государственной власти». Независимо от предметной сферы исследований, подавлены или бездействуют такие механизмы автономной самоорганизации науки, как имманентная (теоретическая и методологическая) критика, самоанализ ценностных оснований познавательной деятельности, профессиональная полемика, саморецензирование, конкуренция за признание качества научной работы, моральное вознаграждение научной среды за авторитетность и порядочность ученого и исследователя [Гудков, 2006: 35–36].

Из сказанного выше следует необходимость определить, что российскую социологию в ее отношении к власти устраивает, а что – нет (с учетом характера самой власти). Устраивает, прежде всего, признание самой социологии, ее права на институционализацию. Устраивает стремление властных структур к нормальному, цивилизованному, без давления, без ангажирования отдельных социологических структур и социологов, взаимодействию с социологией. Устраивает стремление власти прибегать к выявлению экспертного мнения социологов (и в целом к изучению общественного мнения) по основным проблемам жизни общества. Устраивают заказы власти и органов управления на исследование наиболее актуальных проблем. Устраивают действия власти, направленные на реализацию рекомендаций социологов и предложенных ими социальных проектов и технологий управления. Устраивает приглашение социологов со стороны власти к диалогу. Устраивает уважительное отношение к социологам. Устраивают позитивные, подкрепленные конкретными шагами, действия властей, направленные на развитие социологического образования.

Что не устраивает социологию в ее отношении к власти? Строго говоря, все то, что было сказано выше, только с обратным знаком. Это равнодушное, незаинтересованное (а иногда и недружественное) отношение власти к социологии, оказание на нее давления с целью получения необходимого результата в определенного рода исследованиях. Не устраивает отсутствие заказов и финансирования исследований, нежелание использовать социологов для экспертизы при принятии практически всех значимых решений, имеющих социально-экономическую и социально-политическую направленность. Не устраивает снижение интереса к социологическому образованию, проявляющееся в сокращении бюджетных мест на бакалавриат, в магистратуру и аспирантуру.

Теперь поставим вопрос с другой стороны и попробуем предположить, что устраивает и не устраивает власть в отношениях

с социологией, имея в виду все ее уровни – федеральный, региональный, муниципальный. В отличие от социологов, которые порой достаточно откровенно и зачастую нелицеприятно характеризуют свое отношение к власти и с властью, последняя далеко не всегда стремится открыто продемонстрировать и громко провозглашать свои взгляды на социологию и ее представителей. Она это делает скорее не словами, а делами, либо приглашая к дозированному сотрудничеству конкретных людей, либо – что чаще – стараясь не обращать внимания на результаты работы социологов. Но, поскольку не всегда есть желание и возможность «замолчать» эти результаты и они, так или иначе, довольно болезненно затрагивают власть, ей приходится реагировать на «выпады» социологов своими «контр-выпадами», сводящимися к стремлению каким-то образом дезавуировать выступления (публикации) социологов либо оказывать на них серьезное идеологическое и политическое давление.

Совершенно очевидно, что после президентских выборов 2012 г. началось жесткое наступление на либерально-демократическое движение, которое в дальнейшем стало только усиливаться, чему способствуют и экономический (в том числе финансовый) кризис, и события на Украине в 2013–2014 гг. Хорошо видно и понятно, что тенденция усиления давления будет нарастать.

С помощью оголтелой массовой пропаганды, прежде всего телевизионной, создается атмосфера самой настоящей идеологической нетерпимости в отношении тех, кто не согласен с действиями Кремля в связи с событиями в Крыму, на Украине, с иными его внешне- и внутривнутриполитическими решениями, когда в воздухе буквально «висят» угрозы расправы с инакомыслящими. Открыто проводится в жизнь принцип «кто не с нами, тот против нас». В конце марта 2014 г. уволили из вуза заведующего кафедрой социологии Сахалинского госуниверситета Александра Конькова из-за его точки зрения на присоединение Крыма к России. Как говорится на сайте Sahh.com, формально вуз отказался продлевать контракт с Коньковым, проработавшим там 25 лет. В одном из своих выступлений профессор сетовал на массированную государственную пропаганду в СМИ и предположил, что крымский референдум можно было провести не в столь короткие сроки [Заведующего кафедрой..., 2014].

В порядке вывода, с учетом высказанных выше соображений, следует отметить, что существует реальное противоречие между стремлением социологии к максимальной независимости, неангажированности и объективности собственного знания и теми социальными, экономическими и политическими условиями, в которых ее представителям приходится проводить исследования и доводить их результаты до широких слоев населения. Другими словами, превращаться в публичную социологию.

Если авторитарный режим в нашей стране сменится иным (не авторитарным, и тем более не тоталитарным), то у социологии есть шанс стать частью гражданского общества. Таков один из маловероятных в ближайшей перспективе сценариев ее развития. Сегодня она стремится быть независимой и автономной от власти наукой только на небольшой части социологического пространства. Его расширение – равнодействующая целого ряда сил и факторов.

Среди них большую роль играет субъективная позиция самих социологов, уровень и степень их отстраненности/приближенности к решению тех или иных социальных (политических) задач. «Нельзя быть преисполненным чувства собственного достоинства и жить в условиях хронического состояния зависимости от государственной власти» [Гудков, 2013: 135].

Немаловажной является солидарность профессионального сообщества социологов и его поддержка тех, кто стремится занять подлинно научную, независимую и автономную от власти позицию. При этом, конечно, существует опасность, что научные взгляды и соответствующая им практическая деятельность может быть приравнена властными структурами к политической (о чем выше уже говорилось). Но, как говорится, «волков бояться – в лес не ходить».

Вообще же социолог сам выбирает для себя поле применения сил. Он может работать в рамках изучения электорального поведения населения и выявления популярности тех или иных политических акторов, отношения к ним различных слоев населения, а может исследовать досуговые предпочтения тех или иных социальных групп. Востребованность исследований первого и второго рода окажется различной, и степень их приближенности к интересам властных структур будет тоже разной. Однако и свобода социологов, и уровень их зависимости от заказчиков будет также существенно отличаться, равно как и оплата их труда.

Последнее обстоятельство является немаловажным. Среди социологов обычно не принято говорить о доходах, также, впрочем, и как среди представителей других профессий. Заглядывать в чужой карман считается неприличным и предосудительным занятием. Но проблема заработка у социологов приобрела в последние 20 лет особое значение. Выяснилось, что на социологии и в социологии можно зарабатывать совсем неплохие деньги (чего до 1990-х гг., конечно, не было). Речь не идет о рядовых преподавателях и даже профессорах, про которых (это уже стало традицией) говорят, что они готовы работать не на одну ставку и не в одном вузе, лишь бы обеспечивать относительно сносные условия жизни собственным семьям. Оказывается, что можно участвовать в серьезных проектах, крупных исследованиях, избирательных кампаниях и т. д., что дает возможность получать приличные доходы.

В конце 1990-х гг., будучи в командировке в г. Красноярске, автор этой книги был очень удивлен, даже потрясен, когда узнал от своего коллеги – заведующего кафедрой одного из красноярских вузов, что два ее доцента ушли в структуру, занимающуюся проведением избирательных кампаний. Это позволило им за несколько месяцев работы в ней в качестве социологов (их функционал состоял только в организации и проведении социологических исследований, но, что называется, от «А» до «Я», начиная с составления программы и заканчивая представлением отчета) получить доход, позволивший каждому купить двухкомнатную квартиру. В вуз они больше не вернулись, хотя изначально имели твердое намерение после того, как заработают деньги на квартиру, продолжить преподавательскую деятельность.

Вывод, который следует из сказанного, состоит в том, что социологи почувствовали вкус и поняли (увидели) возможности хорошо зарабатывать на своем ремесле. Но одновременно многие хорошо поняли и другое: для этого нужно ладить с властью и бизнес-имущими, что означает чаще всего необходимость превратиться в ангажированных специалистов.

Анализ деятельности социологов, состояния социологической науки в нашей стране говорит о наличии двух существенно отдаленных друг от друга ее моделей. Первая означает исследование социума в целом, включая авторитарный режим, систему узаконенного насилия, двойной морали, извращенности институциональных процессов и реакцию на эти процессы общества сквозь призму изучения его мнения.

Здесь, как мы уже ранее говорили, у социологов может быть две позиции: критическая и конформистская. Критическая позиция связана с трактовкой объективных процессов и показом их такими, какие они есть. Сам факт критики содержится уже в этом показе. Иногда даже не нужно «клеить позором» авторитарный режим, поскольку анализ социологического материала может осуществляться по принципу «умный поймет, а дураку и не надо». Конформистская позиция предполагает поиск компромисса с режимом, означающего, прежде всего, подчеркивание роли «лидера нации» в деле консолидации общества, акцент на росте его рейтинга, затушевывание некоторых вопиющих сторон жизни и деятельности властвующей элиты на всех ее уровнях (прежде всего, федеральном и региональном), социальной жизни в стране в целом.

За этими двумя позициями можно увидеть более широкие социальные процессы развития российского социума – либо в сторону политической демократии, рыночной экономики, правового государства, гражданского общества, либо в направлении противоположного вектора движения, тщательно соблюдая при этом осторож-

ные суждения и всячески камуфлирую консерватизм ориентаций. А. Г. Здравомыслов пишет в связи с этим, что «для российских социологов сегодняшнего дня выбор между этими двумя крайними моделями во многом остается открытым. На неопределенность этого выбора влияет важный латентный фактор – политический выбор самой России остается неопределенным: возвращаться ли всей стране под прикрытием дымовой завесы «демократии» в архаическое состояние самодостаточности и изоляционизма или же продолжать начатый за последние годы трудный процесс по “вхождению российской экономики в современный многосложный мир”. Я говорю об этих основаниях как о “латентной” составляющей выбора, поскольку в заявлениях и действиях российских лидеров имеются сигналы движения как в том, так и в другом направлении» [Здравомыслов, 2010: 312].

В связи с приведенным суждением известного российского социолога хотелось бы отметить, что степень неопределенности политического выбора России в 2014 г. сузилась до минимальных возможностей, а политика изоляционизма и самодостаточности приобрела универсальный характер. И это еще раз ставит перед социологами вопрос: с кем вы и какие ценности собираетесь отстаивать в своих научных исследованиях и публичных выступлениях, чему собираетесь учить студентов – будущих социологов и какую позицию собираетесь занять в отношении власти и гражданского общества?

Что касается второй модели деятельности социологов, то его главной особенностью становится дистанцирование от общероссийских проблем, в том числе связанных с федеральным уровнем власти и политики, и сосредоточение внимания на локальных аспектах жизни общества в регионе и конкретном муниципальном образовании. Здесь в центре внимания тоже могут быть проблемы власти, точнее, управления. За такие исследования не платят много, но зато это относительно спокойное и не грозящее большими неприятностями поле деятельности. Впрочем, за него тоже нужно бороться: в социологии усиливается конкуренция, и получение заказа уже не является формальным и решенным, как раньше, делом.

Конечно, в развитии современной социологии есть целый ряд направлений и проблем, напрямую не связанных с ее отношениями с властью. Это те аспекты науки, которые касаются взаимодействия социологии с другими областями знания, как естественного, так и социально-гуманитарного. Если мы, к примеру, рассматриваем перспективы и тенденции развития социологии на пути ее сближения с естественно-научным знанием, то проблема типа общества (гражданского, негражданского), типа государства (правового, неправового) и типа политического режима (авторитарного,

демократического) по существу не стоит. Это же касается и характера самого социологического знания, его особенностей в новых условиях. Разумеется, мало связаны с проблемой взаимоотношений социологии и власти вопросы развития методологии и методики эмпирического исследования.

Перечень таких направлений и проблем может быть существенно расширен, и это обстоятельство лишний раз свидетельствует о возможностях развития социологии вне ее непосредственной связи с социальными и политическими проблемами жизни общества. Социолог вполне может напоминать черепаху, спрятавшуюся под панцирем, или улитку, втянувшуюся в свою защитную скорлупу.

Однако и здесь не следует забывать о государственном финансировании развития науки и образования в стране. Разница между положением социологии в негражданском и гражданском обществах состоит в том, что в первом случае государство будет финансировать развитие науки независимо от ее направленности и роли в жизни общества. Во втором же случае (гражданское общество) власть займет ту позицию по отношению к социологии, которая позволит держать ее на «коротком поводке», что она (власть) и пытается сделать сегодня в России.

Отсюда возникают определенные основания выделять два типа социологии в нашей стране — в зависимости от того ее сегмента, который занимают соответственно социология гражданского и социология негражданского общества. В чем состоит специфика каждой из них?

Как следует из сказанного выше, социология гражданского общества должна создавать, по нашему мнению, знание о реальных путях формирования гражданского общества, правового государства и демократического режима власти, которое будет обеспечивать и способствовать реализации интересов членов этого общества. Такая трансформация социологического знания невозможна сама по себе, без изменения характера социальных процессов, происходящих в стране. Только направленность этих процессов против господства авторитарного режима в условиях полицейского государства способна создать предпосылки для нового вектора социологии и ее соответствующего использования. С другой стороны, сама эта наука может явиться важным фактором социальных перемен. Это и есть одна из перспектив ее развития и ответ на вопрос, куда она должна идти.

Ситуация участия социологии в социальных переменях сопряжена с трактовкой функций этой науки как элемента гражданского общества. С учетом позиции Б. М. Фирсова [Фирсов, 2012: 103] назовем эти функции социологии. Она должна способствовать: общественному прозрению, складыванию активистской жизненной

позиции, воспитанию готовности бороться с барьерами на пути становления и развития гражданского общества, расширению границ мировоззрения людей и их жизненных интересов, помощи в формировании критического взгляда на природу социальных явлений, преодолению догматизма в понимании общественной жизни и ее развития.

Социология негражданского общества имеет иной вектор развития – в сторону сотрудничества с авторитарной властью, выполнения ее социального заказа, превращения науки в элемент государственного истеблишмента под видом ее «включения в систему научного управления обществом». Социология негражданского общества представлена исследованиями, дезавуирующими критическую функцию ее как науки. Между тем говорить о подлинно научной социологии вне этой функции практически невозможно.

Различия между социологиями гражданского и негражданского обществ проходят по линии разграничения того, что есть реальная социология и что выступает как ее имитация.

Реальная социология характеризуется наличием критической рефлексии и критической функции по отношению как к обществу, так и к самой себе. Она выступает в качестве коммуникации в обществе и об обществе. Реальная социология исследует объективно существующие в обществе противоречия и пути их разрешения в интересах самого общества, а не власти и политического режима. Она видит корень этих противоречий и проблем, связанных с ними, в деятельности верхушки политической власти и авторитарного режима. Реальная социология показывает всю его лживость. Так, Л. Д. Гудков пишет: «Особый эффект лжи нынешнего режима (высшего руководства, чиновничества, политиков) возникает из сознания полной неподсудности и невозможности привлечь этих людей к ответственности, всеобщего понимания, что социальные институты ответственности и контроля (прокуратура, СК, правоохранительные органы, суд, низовая администрация, СМИ, чиновничество) находятся в их полном распоряжении и на страже их интересов, что суд будет защищать их от любого вида критики и привлечения к ответственности. Лучше всего это видно на примере самого российского президента, отличающегося патологической лживостью, которую он, видимо, отождествляет с силой и политическим искусством» [Гудков, 2013: 171–172].

Прежде чем перейти к вопросу об имитации социологии, или о создании имитационной социологии, скажем несколько слов о новой, рождающейся в социологической науке концепции имитации. Ж. Т. Тощенко, ее автор, считает, что «имитация во все большей мере пронизывает буквально все сферы жизни общества: и поли-

тику, и экономику, и культуру, и социальную жизнь» [Тощенко, 2012: 23]. Он рассматривает суть имитации, характеризуя ее как подделку, правдоподобие, причины этого феномена, его формы и методы, такие как демагогия, провокация, фальсификация, профанация, манипулирование, иллюзия, перформанс. В частности, среди причин, порождающих имитацию, Тощенко указывает «желание политических и экономических сил сохранить власть, удержать ее во что бы то ни стало, обеспечить свое влияние на общественную жизнь. С этим связано стремление не допустить существования сильной оппозиции, способной при определенных условиях взять власть. Реализация такого сценария приводит к так называемой зачистке политического поля, к авторитаризму, когда целенаправленно создаются условия для удержания власти одной политической группировкой. Отсутствие морального авторитета сил, принимающих решения, создает дополнительные предпосылки для распространения имитационной деятельности по многим направлениям» [Тощенко, 2012: 24–25].

Рассматривая проблемы имитации, ученый подчеркивает ее наличие в политике и экономике, социальной жизни и культуре. Но он не затрагивает феномена имитации в науке, в частности, в социологии. Между тем, по нашему мнению, имитация в социологии существует.

Говоря об имитационной социологии, отнесем к ней научные, точнее, наукообразные «подделки», выступающие как попытки использовать весь «набор социологических инструментов», весь социологический «арсенал», начиная от методологии и кончая современными способами обработки данных, для обоснования ангажированных властью позиций. Имитационная социология своей деятельностью стремится несколько видоизменить объективные результаты проведенных исследований, придав им более «благообразный» вид. В этом смысле она напоминает работу некоторых участковых избирательных комиссий, которые при подсчете голосов на выборах «накидывают» десяток – второй процентных пунктов нужным кандидатам. Другими словами, имитационная социология оказывается весьма близкой к заказной. Имитационная социология возникает как средство и как следствие давления власти и крупного бизнеса в стране и регионах на руководителей различных социологических структур, обладающих, в свою очередь, полномочиями и возможностями оказывать давление на своих сотрудников.

Результат воздействия правящего режима на социологию проявляется в стремлении людей, обладающих формальным лидерством в этой науке (директора исследовательских институтов, ректоры некоторых вузов, деканы крупнейших факультетов и т. д.),

выстраивать свою «вертикаль» власти или хотя бы кооперироваться для того, чтобы навязывать всему социологическому сообществу их понимание места и роли социологии в современном обществе. Ситуация на социологическом факультете в МГУ, РГСУ (Российском государственном социальном университете), Институте социально-политических исследований (ИСПИ РАН) последних лет – лучшее тому доказательство. Это стремление привело к расколу в самом профессиональном сообществе (мы уже об этом писали в предыдущей главе), который приобрел различные формы (несколько организационных структур, в каждую из которых входят «расколовшиеся» социологи, проведение автономных, иногда даже параллельных конгрессов и конференций, публикации в различных по направленности и характеру изданиях и т. д.). Но раскол в социологическом сообществе – это не только различные структуры и их руководители, не поделившие между собой власть и пользующиеся своим влиянием на определенные группы «рядовых» социологов.

Это еще и «расколотое» социологическое сознание. Линий его раскола может быть несколько. Они могут характеризовать принадлежность социолога к различным направлениям деятельности, различным метапарадигмам, парадигмам и теориям, различным методологиям исследования и т. д. Нас волнует «раскол» социологического сознания с точки зрения его отношения к власти, политике, гражданскому/негражданскому обществу.

С учетом рассматриваемой проблемы представляет интерес точка зрения А. Г. Здравомыслова на проблему раскола в социологии. Подводя итог развитию отечественной социологии в 1990-х гг., он писал: «Период дихотомического раскола российской социологии можно считать преодоленным. Нынешнее состояние дел в социологии свидетельствует о появлении достаточно разнообразных теоретических подходов, основной смысл которых состоит в том, чтобы за видением целостной системы, общества как такового, кризисного социума, трансформационных процессов и так далее не потерять человека. Для этого важен не только социологический анализ действительности в том виде, как она есть, но и социологическое представление того, каким общество было и как оно меняло свой облик» [Здравомыслов, 2010: 297–298].

Однако преодолен ли раскол? Дихотомический, наверное, да. Но на смену одному расколу, конца XX в., приходит другой – начала XXI в. При этом существенно значимо социологическое представление о том, каким общество в состоянии стать и как оно может менять свой облик. В этом представлении важное место занимает образ гражданского общества и вопрос о роли социологии в его становлении. Вокруг отношения к этому обществу и автори-

тарному властному режиму, стремящемуся максимально ограничить его возможности в России, и создается новая ситуация социологического раскола. Консолидация академических авторитетов, которая волнует сегодня ряд социологов, реально превращается в создание «вертикали» социологической власти, способной противостоять значительной части социологического сообщества как организационно, так и содержательно.

Перефразируя известный вопрос – афоризм «С кем вы, мастера культуры?», – хотелось бы точно так же спросить: «С кем вы, мастера социологии?» В ответе на этот вопрос предполагается дихотомия «гражданское – негражданское общество». И тогда формулировка вопроса примет иной вид: на стороне какого общества вы, ученые социологи, – гражданского или негражданского? Для нас такой раскол социологического сознания и поведения представляется сегодня одним из его наиболее значимых видов. В нем мы усматриваем различное отношение к властвующему авторитарному режиму, его стремлению к подавлению демократических начал в обществе, прав и свобод человека.

За расколом в социологии и социологическом сознании, несомненно, стоит стремление отдельных лиц к узурпации власти в ней, причем на самых разных уровнях, и не только в центре, но и на местах. Гипертрофированное властолюбие в науке – вещь чрезвычайно опасная, оно и становится одним из источников раскола, хотя подлинные его причины лежат гораздо глубже, в мировоззренческих и методологических проблемах (о которых мы уже говорили выше). Навязывание какого-то одного мнения – вещь чрезвычайно пагубная в науке, особенно в такой, как социология. Мы это уже проходили.

Участие в создании гражданского общества – своеобразная освободительная миссия отечественной социологии. На ее реализацию, связанную с ликвидацией авторитарного режима власти, глубокой трансформацией всей системы общественных отношений, появлением активистской стратегии поведения у значительной части членов общества, превращением социологии в реально, а не номинально действующий элемент гражданского общества, преодолением раскола в самой социологической науке и многим-многим другим, мы возлагаем наши искренние надежды. Так хочется, чтобы не сбылись в очередной раз пророческие слова поэта: «Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе».

Литература

Батыгин Г. С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 1998.

Бурдье П. Формы капитала // Западная экономическая социология : хрестоматия современной классики. – М. : РОССПЭН, 2004.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. – М. : Логос, 2003.

Галкина Е. В. Институционализация гражданского общества в контексте современных политических трансформаций. – Ставрополь : ООО «Мир данных», 2010.

Гества К. Хомо Советикус и крах советской империи. Неприятные социальные диагнозы Юрия Левады // Вестник общественного мнения. – 2013. – № 3–4.

Гидденс Э. К социологическому сообществу // Социологические исследования. – 2007. – № 9.

Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. – М. : Онега, 1995.

Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). – М. : Новый хронограф, 2011.

Горшков М. К. Общество – социология – власть: к вопросу о взаимодействии // Социологические исследования. – 2012. – № 7.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. – М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (ч. 1). – М. : Прогресс-Традиция, 2003.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (ч. 2). – М. : Прогресс-Традиция, 2006.

Грушин Б. А. Ученый совет при Чингисхане // Открывая Грушина / ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2010.

Гудков Л. Д. Негативная идентичность. – М. : Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004.

Гудков Л. Д. О ценностных основаниях и внутренних ориентирах общественных наук // Пути России: проблемы социального познания. – М. : МВШСЭН, 2006.

Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Постсоветский человек и гражданское общество. – М. : Московская школа политический исследований, 2008.

Гудков Л. Наша нынешняя социология – это компьютер на телеге. Интервью «Полит.ру». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/Analitics/2008/11/12>.

Гудков Л. Д. Абортивная модернизация. – М. : РОССПЭН, 2011.

Гудков Л. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе // Вестник общественного мнения. – 2013. – № 3–4.

Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.

Докторов Б. З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Докторов Б. З. Все мы вышли из «грушинской шинели» : к 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. – М. : Радуга, 2014.

Доманов В. Г. Концепт гражданского общества: российские реалии. – Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 2009.

Дудина В. И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии // Социологические исследования. – 2013. – № 10.

Заведующего кафедрой социологии Сахалинского госуниверситета Александра Конькова уволили из вуза [Электронный ресурс]. – URL: <http://echo.msk.ru/news/1283484-echo.html>.

Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. – М. : Дело, 2004.

Заславская Т. И. Избранное : в 3 т. – Т. 3 : Моя жизнь: воспоминания и размышления. – М. : Экономика, 2007.

Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. – 2009. – № 1.

Зборовский Г. Е. Общая социология. – М. : Гардарики, 2004.

Зборовский Г. Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013.

Зборовский Г. Е. Система социального управления // Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А. В. Тихонов. – М. : «Канон+» : РООИ «Реабилитация», 2014.

Здравомыслов А. Г. Социология: теория, история, практика. – М. : Наука, 2008.

Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. – М. : Логос, 2010.

Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга / под ред. С. А. Кугеля. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та экономики и финансов, 1993. – Ч. 1 ; 1994. – Ч. 2.

Кодекс социолога // Социологические исследования. – 1994. – № 10.

Лазар М., Фирсов Б., Ядов В. Профессиональная мораль в социологии // Социологические исследования. – 1988. – № 5.

Левада Ю. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. – М. : Новое изд-во, 2006.

Левашов В. К. Гражданское общество в современной России. Социологические измерения. – М. : ИСПИ РАН, 2006.

Осипов Г. В. Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом // Социологические исследования. – 2012. – № 7.

Открывая Грушина / ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. – М. : МГУ, 2010.

Открывая Грушина / ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. – Т. 2. – М. : МГУ, 2011.

Рывкина Р. В. Реакционные традиции и революционные требования // Век XX и мир. – 1988. – № 3.

Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т. И. Заславская, Т. И. Калугина. – Новосибирск : Наука, 1999.

Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – М. : Изд-во ИС РАН, 1998.

Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А. В. Тихонов. – М. : «Канон+» : РООИ «Реабилитация», 2014.

Тённис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. – 1998. – № 3/4.

Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. – СПб. : Владимир Даль, 2002.

Тощенко Ж. Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. – 2012. – № 12.

Тощенко Ж. Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Социологические исследования. – 2013. – № 4.

Филиппов А. Теоретическая социология // Теория общества. – М. : «КАНОН-пресс-Ц» : «Кучково поле», 1999.

Филиппов А. Ф. Советская социология как полицейская наука [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 123 (5). – С. 48–63. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3973>.

Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы : очерки. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. – М. : ОлмаМедиаГрупп, 2009.

Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Ядов В. Предисловие // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – М. : Изд-во ИС РАН, 1998.

Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб. : Интерсоцис, 2006.

Ядов В. А. Предисловие // Б. З. Докторов. Все мы вышли из «грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. – М. : Радуга, 2014.

Яницкий О. Н. Российская социология должна быть граждански ориентированной [Электронный ресурс]. – URL: http://www.isras.ru/blog_prof_5.html.

Burawoy M. For Public Sociology // American Sociological Review. – 2005. – Vol. 70. – № 1.

Parker D. Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s // The Sociological Review. – 1997. – Vol. 45. – № 1.

Wallerstein I. The Modern World-System I. – N. Y. : Academic Press, 1974.

Wallerstein I. The Modern World-System II. – N. Y. : Academic Press, 1980.

Wallerstein I. The Modern World-System III. – San-Diego : Academic Press, 1989.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
НА ПУТИ К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ**

Монография

Подписано в печать 27.06.2014. Формат 60х90/16.
Бумага для множит. аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. 28,13. Усл. печ. л. 20,58. Тираж 500 экз. Заказ № 447

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19
Лицензия № 0074 от 29.05.2012

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «ИРА УТК»
г. Екатеринбург, ул. Шаумяна, 83.

